

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

13

БОБ ШОУ

Человек
из двух времен

БОБ ШОУ

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ
ФАНТАСТИКИ

выпуск **13**

БОБ ШОУ

Человек из двух времен Дворец вечности Миллион завтра

Перевод с английского

МОСКВА
«ТОПИКАЛ»
1993

Оформление серии
Владимира Катина
Иллюстрации
Александра Яцкевича

Шоу Б.

- Ш81 Человек из двух времен: Романы/Пер. с англ.—
М.: Топикал, 1993.— 416 с., ил.— (Клуб «Золотое перо»:
Любителям фантаст.; Вып. 13).
ISBN 5—85256—003—0

Имя американского писателя-фантаста Боба Шоу не очень хорошо известно широкому читателю. Предложенные в этом выпуске серии «Клуб «Золотое перо» романы «Человек из двух времен», «Дворец вечности» и «Миллион завтра» представляют для любителей этого жанра несомненный интерес. Автор, строя нередко сюжеты с элементами детектива, затрагивает проблемы, которые понятны и близки современному человеку: не столько научные, сколько моральные и этические, раскрытые через сложный духовный мир его героев.

© Художественное оформление
серии, иллюстрации, составление.
«Топикал», 1993

ISBN 5—85256—003—0

Человек из двух времен

•

•

△

I

Для смертельно скучавшего Бретона телефонный звонок показался чуть ли не даром небес. Он встал, пересек столовую и направился в холл.

— Кто бы это мог быть, дорогой?— спросила Кэт, обозленная тем, что им кто-то помешал.

Бретон перебрал в уме саркастические ответы, которые так и просились на язык, и, принимая во внимание присутствие гостей, выбрал наименее опасный.

— Прости, но я не могу узнать по звонку,— ответил он спокойно, отметив, как посинели молочно-розовые губы Кэт. Она, разумеется, использует это против него, скорее всего, около трех утра, когда он будет силиться заснуть.

— Честный Джон, всегда острый, как бритва,— поспешно заявил Гордон Пэлфри тоном «я не вмешиваюсь», а Мириам Пэлфри ответила на это своей сладкой ацтекской улыбкой, мелькнувшей в ее напоминающих головки спичек глазах. Пэлфри были последним приобретением его супруги, и их присутствие обычно вызывало у Бретона ощущение болезненного беспокойства в желудке. Вяло улыбаясь, он закрыл за собой дверь столовой и поднял трубку.

— Слушаю, Джон Бретон у телефона.

— Что, твое имя теперь Джон? Раньше ты был Джеком.— В мужском голосе, отозвавшемся в телефонной трубке, ощущалась нотка напряжения, как если бы говоривший старался скрыть какое-то сильное чувство — страх, а может быть, триумф.

— Кто говорит?— Бретон безуспешно старался установить личность человека, разговаривающего с ним, особенно отчетливо сознавая, что телефонная линия становится воротами, через которые практически каждый, независимо от того, где он находится, может вторгнуться в его дом. От-

крывая таким путем доступ чужим мыслям, он ставил себя в невыгодное положение, разве что разговаривающий представлялся бы; все это в сумме казалось не очень-то честным.— Так кто говорит?

— Как же это? Значит, ты и вправду не знаешь? А ведь это интересно!

Эти слова почему-то заставили Бретона ощутить странную, непреодолимую панику.

— Я попрошу вас либо сказать, что вам нужно,— отрезал он коротко,— либо повесить трубку.

— Но у тебя нет повода злиться, Джон. Я охотно сделаю и первое и второе. Я позвонил просто для того, чтобы убедиться, дома ли ты и Кэт, так как намереваюсь зайти. А теперь я кладу трубку.

— Минутку,— буркнул Бретон, сознавая, что незнакомец все сильнее действует ему на нервы.— Вы так и не сказали мне, о чем идет речь.

— О моей жене, разумеется,— вежливо ответил голос.— Ты живешь с моей женой уже почти девять лет, вот я и пришел, чтобы забрать ее.

В трубке послышался щелчок, а за ним издевательские гудки. Бретон несколько раз стукнул по рычагу и только спустя минуту осознал, что действует соответственно привитому старыми фильмами избитому стереотипу и что, если уж звонивший прервал связь, никакие операции с рычагом не восстановят ее. Выругавшись шепотом, он положил трубку, а потом несколько секунд стоял в нерешительности.

Кто-то глупо шутит, но кто?

Собственно, он знал только одного такого завязтого шутника: это был Карл Тоуджер, геолог из инженерного бюро Бретона. Но когда он видел Тоуджера в последний раз — а это имело место после полудня в бюро, геолог уныло корпел над проблемой, возникшей в процессе замеров, которые проводило их бюро, по определению территории для закладки цементного завода в окрестностях Силверстрима. Пожалуй, Бретон никогда не видел его более озабоченным и менее склонным к шуткам.

Сам разговор, конечно, не имел значения, принимая во внимание особенности мышления телефонных шутников, но был в нем какой-то беспокоящий подтекст. Например, странная реакция, когда этот тип узнал, что Бретона уже не зовут Джеком. Он начал пользоваться официальным ва-

риантом своего имени из престижных соображений в тот период, когда раскручивал дело, и было это уже много лет назад, а вообще...— при одной мысли об этом его охватила ярость,— в конце концов это его дело. Но где-то в потаенных закоулках души он не был доволен этим изменением; кроме того, у него сложилось впечатление, что незнакомый собеседник поразил его и сумел коснуться чувствительной струны.

Бретон задержался у дверей столовой, прекрасно сознавая, что реагирует именно так, как тот мог бы пожелать: вместо того, чтобы махнуть на это дело рукой, он снова и снова проигрывал в мыслях происшедшее. Он посмотрел по сторонам и вдруг совершенно неожиданно пожалел, что они не переехали в прошлом году в более просторный и современный дом, как хотела Кэт. Он вырос из своего старого дома и должен был уже давно без сожаления порвать с ним. «Живешь с моей женой уже почти девять лет...» Бретон наморщил лоб, вспомнив эти слова. Этот тип не утверждал, что он был до него мужем Кэт, поскольку Бретон и Кэт были женаты одиннадцать лет, но это число девять должно было иметь какое-то особое значение, как если бы вмещало многослойное беспокойство, а какая-то часть его подсознания, снова и снова преломляя смысл этих слов, со страхом ждала дальнейшего развития событий.

— К черту!— громко выругался Бретон.— Я такой же идиот, как и он.

Он открыл дверь и вошел в столовую. За время его отсутствия Кэт пригасила свет и придвинула маленький передвижной столик к Мириам Пэлфри. На столике лежал блокнот и авторучка, а толстые, короткие пальцы Мириам совершали над ними неопределенные плавные движения. Бретон тихо застонал: значит, несмотря ни на что, сеанс состоится. Пэлфри как раз вернулись из трехмесячного путешествия по Европе, и болтовня на эту тему продолжалась весь вечер, так что Бретон уже надеялся, что они обойдутся без сеанса. И эта надежда позволяла ему вежливо выслушивать их излияния о путевых впечатлениях.

— Кто звонил, дорогой?

— Не знаю.— У него не было охоты говорить об этом телефонном происшествии.

— Набрали не тот номер?

— Да.

Взгляд Кэт пробежал по его лицу.

— Тогда почему ты провел там так много времени? А кроме того, я слышала, как ты кричал.

— Ну, ладно,— ответил Бретон нетерпеливо.— Номер верный, только особа скверная.

Гордон Пэлфри приснул, и огонек интереса в глазах Кэт угас, сменившись холодным блеском разочарования, как будто Бретон выключил два миниатюрных телевизора. Еще один номер на еженощной «пост мортем», отбываемой регулярно тогда, когда все нормальные люди погружены в глубокий сон и даже занавески на окнах в их комнатах мерно покачиваются от дуновения ветра. Почему, подумал он с ощущением вины, я доставляю неприятности Кэт в присутствии ее знакомых? А она постоянно позволяет себе пренебрежительно высказываться о моей профессии и устраивает публичные сцены с этим дурацким телефоном? Бретон тяжело сел, машинально потянулся за стаканчиком с виски и, посмотрев по сторонам, одарил Пэлфри одной из своих доброжелательных улыбок.

Гордон Пэлфри мял в пальцах квадратный кусок черного бархата в серебряных звездах, которым его жена всегда прикрывала лицо во время сеансов, но было видно, что он предпочел бы продолжить разговор о впечатлениях, оставленных поездкой по Европе. Он завяз в длинном рассказе, сопровождаемом театральными жестами, на что Бретон отвечал многократно повторенной до него фразой: «У французов капитальное чувство вкуса». Испытывая убийственную скуку, Бретон крутился в кресле, размышляя, как бы ему продержаться этот вечер, который он вообще-то должен был бы провести в бюро, помогая Карлу Тоуджеру разобраться в проблеме с территорией этого цементного предприятия. Гладко и бессодержательно, со сноровкой прирожденного зануды Пэлфри изменил тему и перешел к повествованию о старом слепом селянине, которого он встретил в Шотландии, и его домотканых клетчатых пледах, когда внезапно Мириам начала проявлять признаки беспокойства, предшествующие каждому переходу в транс.

— О чем ты говоришь, Гордон?— Мириам откинулась на спинку кресла, а ее правая рука, повисшая над блокнотом, начала дрожать, как лист на ветру.

— Я рассказываю Кэт и Джону о старом Хамише.

— О, мы были в таком восторге от Хамиша.

Голос Мириам, тихий и монотонный, показался Бретону бесконечно банальным подражанием чему-то, что он помнил еще из фильмов Бели Люгосьего. Видя на лице Кэт

выражение экстатического восторга, он решился на фронтальную атаку в защиту здравого смысла.

— Итак, вы восторгались стариком Хамишем,— сказал он неестественно громко и воодушевленно.— Что за чудесная картинка: я так и вижу старого Хамиша, сидящего в плеле собственного изготовления, словно пустая, высохшая скорлупка; уж он-то, я думаю, познал цель жизни!

Но Кэт сделала ему знак, чтобы он замолчал, а Гордон Пэлфри развернул черный бархат и прикрыл им обращенное вверх лицо жены. Сразу же после этого пухлая рука сжала авторучку и начала водить ею по бумаге, покрывая страницу ровными строками. Гордон опустил на колени возле столика, придерживая его, чтобы не качался, тогда как Кэт убирала очередные исписанные листы с молитвенным выражением, которое казалось Бретону наиболее успокаивающим, чем что-либо другое во всем этом ритуале. Если даже его жена интересуется так называемым автоматическим письмом, то почему бы, черт побери, ей не проявлять при этом крупицу здравого смысла? Он и сам охотно помог бы ей в исследовании этого явления, если бы только она не втягивала его в группу поклонников Посланий с того света.

— Не долить ли вам еще капельку?— Бретон встал и подошел к зеркальному бару. Капельку, подумал он. Раны Христовы, что они со мной вытворяют? Он налил себе изрядную порцию виски, слегка разбавил спиртное содовой и, опершись о бар, стал наблюдать за сценой, разыгрывающейся в другом конце комнаты.

Тело Мириам как бы обвисло в кресле, но ее рука писала так быстро, как только это было возможно, если исключить стенографирование: со скоростью тридцати и даже более слов в минуту. То, что выходило из-под ее пера, было обычной старомодной прозой, испещренной такими словами, как «Прекрасно» и «Любовь», всегда написанными большими буквами. Пэлфри утверждали, что тексты эти продиктованы духами умерших писателей, которых они пытались идентифицировать по их стилю. Бретон имел на этот счет свой взгляд, а не критичное отношение к тому, что казалось Джону приятной забавой, живьем перенесенной из салонов викторианской эпохи, пугало его больше, чем он признавался самому себе.

Медленно потягивая виски, он смотрел, как Кэт собирает исписанные листы, нумерует их в уголках и аккуратно складывает на столике. За одиннадцать лет супружества в

ней, собственно, не произошло ни одного физического изменения: как и раньше, она, высокая и худощавая, носила яркие шелковые платья, напоминающие естественное оперение великолепной экзотической птицы; только глаза, пожалуй, стали старше. Типичный для предместий невроз, подумал он, вот что это такое. Влияние семьи, которое так меняет женщину. Достаточно отдать себе в этом отчет, чтобы забыть об этом. Мешанина сиротства с матримониальной конторой. Решительно, я слишком много пью...

Тихий, возбужденный возглас Кэт снова обратил его внимание на группу возле столика. Рука Мириам Пэлфри начала вырисовывать нечто, что с такого расстояния походило на сложный кругообразный узор, что-то вроде рисунка распустившейся гвоздики. Он подошел ближе и убедился, что рисуемое ею напоминает по форме медленно разворачивающуюся туго скрученную спираль и что Мириам при этом тихо стонет и дрожит — все сильнее по мере того, как узор растет. Край черной ткани, наброшенной на ее обращенное вверх лицо, то прилегал к нему, то вздымался, словно орган дыхания какого-то морского создания.

— Что это?— спросил Бретон, немного помедлив; он не хотел проявлять слишком большую заинтересованность, но одновременно сознавал, что это нечто новое сравнительно с другими сеансами. Мириам неуверенно выпрямилась, когда он заговорил, а Гордон обнял ее за плечи.

— Не знаю,— ответила Кэт, вертя лист в длинных пальцах.— То есть... это стихи.

— Может быть, мы послушаем их?— предложил Бретон с умеренной шутливостью, слегка обеспокоенный тем, что его втягивают в это, но в то же время замороженный прямо-таки необычной способностью руки Мириам.

Кэт откашлялась и начала читать:

Я ждал тебя, ждал тысячи ночей,
Оплакивал тебя с тоскою горькой,
Следя за мерным ходом стрелки часовой.
Но вкуса слез моих тебе не ошутить.

Эта строфа наполнила Бретона каким-то странным беспокойством, причины которого он не сумел бы определить. Он возвратился к бару и, пока другие анализировали стихотворение, мрачно стоял, всматриваясь в повторяющуюся в зеркале батарею бутылок и рюмок. Потягивая пощипывающий язык холодный напиток, он вглядывался в свои глаза, отраженные в хрустальном микрокосмосе, а

потом — совершенно неожиданно понял, что могли означать слова «почти девять лет». Если он не ошибается, то собака зарыта именно здесь, отсюда и этот телефонный звонок — психологическая глубинная бомба, идеально нацеленная, с запальным устройством, настроенным на большую глубину.

Потому что именно девять лет назад, с точностью до месяца, полиция нашла Кэт, которая брела в темноте по Пятидесятой улице с частичками человеческой мозговой ткани, забрызгавшей ее волосы...

Бретон вздрогнул при звуке телефона, зазвонившего в холле. Он резко поставил стакан и пошел к аппарату.

— Слушаю. Это Бретон,— проговорил он.— Кто говорит?

— Как дела, Джон? Что-нибудь случилось?— На этот раз он сразу узнал голос Карла Тоуджера.

— Карл!— Бретон опустился в кресло и протянул руку за сигаретой.— Вы звонили мне раньше? С полчаса назад?

— Нет... я был слишком занят.

— Это точно?

— Но о чем, собственно, идет речь, Джон? Я ведь сказал, что был занят, эти проклятые хлопоты с Силверстримом.

— Не сходятся замеры?

— Именно. Я сделал сегодня утром на указанной территории серию из восьми случайных отсчетов, а после ленча проверил ее другим гравиметром. Из того, что я знаю, следует, что те замеры, которые мы выполнили в прошедшем месяце, ни к черту не годятся. Эти новые значения приблизительно на двадцать миллигалов ниже, чем должны быть.

— На двадцать? Но это же означает, что грунт имеет плотность ниже, чем мы предполагали. А это могло бы означать, что...

— Просто соль,— прервал его Карл.— Могли бы мы убедить клиента соорудить соляную шахту вместо цементного завода?

Бретон сунул сигарету в рот и, раскуривая ее, размышлял о том, почему мир выбрал именно этот вечер, чтобы встать на голову.

— Послушайте, Карл, эти неувязки могут быть интерпретированы двояко. Либо, как вы говорите, известняк, залегающий там, в течение ночи превратился в соль, а это — не знаю, согласитесь ли вы со мной,— мы можем исклю-

чить сразу, либо оба наши гравиметра не скомпанованы. Так?

— Ну, пожалуй, так, — ответил Тоуджер устало.

— И нам не остается ничего другого, как только одолжить завтра два новых инструмента и повторить измерения.

— Я предполагал, что вы это скажете. А вы представляете себе, Джон, сколько квадратных миль я обежал сегодня? Я чувствую себя так, как будто обошел пешком весь штат Монтана.

— Я пойду с вами, — сказал Бретон. — Сообщу вам немного подвижности. Держитесь, Карл! До завтра.

— До завтра. Но, Джон, вы забыли о третьей возможности.

— То есть?

— Что со вчерашнего дня изменилась сила притяжения.

— Вы бы немного отдохнули, Карл. Даже ваши шутки сегодня звучат слишком уж вымученно.

Бретон положил трубку с улыбкой — молодой геолог никогда не нервничал и не впадал в депрессию. Если бы телефонный шутник уподобился Тоуджеру, коса нашла бы на камень, но в этом случае единственным подозреваемым, пришедшим Бретону на ум, был именно Тоуджер. Его шутки вообще-то не превышали армейского уровня, но как-то два года назад Карл, например, выложил пятнадцать долларов за канистру бензина, содержимое которой он потихоньку переливал в бак автомобиля сторожа бюро. Значительно позже он очень дельно объяснил, что его интересовала реакция сторожа, когда тот обнаружит, что его автомобиль вместо того, чтобы расходовать бензин, производит его. Было ли это выходкой вроде «Живешь уже почти девять лет с моей женой»? Бретон не знал, что об этом думать; он прошел через застеленный ковром горчичного цвета холл, машинально касаясь на каждом шагу стены кончиками пальцев, чтобы не наэлектризоваться в сухом воздухе.

Кэт не подняла глаз, когда он вошел в комнату, и Бретон ощутил легкий укол совести, вспомнив свое ироничное поведение.

— Это был Карл, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Он еще работает.

Она равнодушно кивнула, и его чувство вины немедленно сменилось обидой — даже в присутствии друзей она не старалась хотя бы внешне произвести впечатление, что

интересуется его работой. «В этом вся Кэт как таковая,— подумал он с бешенством.— Никогда не уступит. Живет себе с этой работы, прямо скажем, неплохо, но одновременно считает, что имеет право пренебрежительно относиться и к ней, и ко всем связанным с ней людям».

Бретон хмуро посмотрел на жену и на Пэлфри, которые как раз читали то, что напрудцировала Мириам, и вдруг осознал, что начинает слегка покачиваться. Он поднял стакан, допил виски одним глотком и налил себе еще. «А я выношу все это...» В нем снова ожила старая злость, навешающая его через определенные промежутки времени. Ну сколько же можно выдержать? Моя жена непрерывно упрекает меня за то, что я подолгу просиживаю в бюро, но как только я устрою себе свободный вечер, он проходит именно так. Какие-то горе-спириты, а с ее стороны очередная порция этого проклятого равнодушия. И подумать только, что я плакал — да, буквально плакал,— узнав, что она осталась цела и невредима в ту ночь, когда ее обнаружили с забрызганными мозгом Спидела волосами. Он не отдавал себе тогда отчета в том, что ведь Спидел хотел оказать ему услугу. Теперь он это знал. Если бы он только мог...

Но было уже слишком поздно.

Притушенные оранжевые лампы и выложенное белым мрамором устье камина, не уменьшаясь в размерах, начали удаляться на планетные, звездные, галактические расстояния. Он хотел что-то сказать, но язык его лишь перемещался по поверхности действительности, отбирая у существительных их значение и делая невозможным использование глаголов. Перспективы комнаты начали подчиняться странной геометрии, мучительно перебрасывая его с одного полюса на другой. К нему обернулось какое-то лицо из группы сидящих — бледное, лишенное характерных черт и форм — мужчина, женщина, друг или, может, враг? Тяжело и безвольно переступил он границу...

Бретон так сильно хлопнул капотом «бьюика», что огромный автомобиль вздрогнул, как испугнутый зверь. Внутри в темноте ждала Кэт, неподвижная, как мадонна, а поскольку она не выказывала злости, в Бретона словно фурии вселились.

— Сел аккумулятор. Это решает дело: мы не можем ехать.

— Не глупи, Джек.— Кэт вышла из автомобиля.— Ведь

Мейджеры на нас рассчитывают, мы можем позвонить и вызвать такси.— Ее платье для коктейля выглядело совершенно несоответственно на холодном ветру октября, и Кэт куталась в шаль с каким-то отчаянным достоинством.

— Не будь такой настырной, Кэт. Мы уже и так опоздали на час, а я не имею намерения идти на вечеринку с такими руками. Мы возвращаемся домой.

— Ты ведешь себя как ребенок.

— Очень тебе благодарен.— Бретон запер автомобиль и небрежно вытер измазанные маслом руки о голубой кузов.

— Я иду к Мейджерам,— заявила Кэт.— А ты можешь возвращаться домой и дуться, если тебе так хочется.

— Не будь душой, ведь ты не пройдешь такой кусок пути одна.

— Это почему же? Я могу идти одна и одна вернуться, я годами делала это, прежде чем познакомилась с тобой.

— Знаю, дорогая, что ты вела себя достаточно свободно, но я просто был слишком тактичен, чтобы вспоминать об этом.

— Очень тебе благодарна. По крайней мере ты избавишь себя от такой неприятности, как появление в моем обществе сегодня вечером.

Слыша в ее голосе ноту беспомощности, Бретон ощутил злую радость.

— Интересно, как ты намереваешься добраться туда? У тебя есть деньги?

Поколебавшись, она протянула руку.

— Дай мне на такси, Джек.

— Исключено. Я ведь ребенок, ты же не забыла?— С минуту он наслаждался ее беспомощностью, отыгрываясь за все выходки с ее стороны. «Скверная ситуация,— подумал он,— даже для меня. Скажем, я приду на вечеринку с лицом и руками, измазанными смазкой,— это мелочь, каждый нормальный человек подумает, что я выкинул номер в стиле Эла Джолсона; значительно хуже то, что достаточно, чтобы она попросила меня еще раз, и я сломаюсь и пойду с ней к Мейджерам».

Однако вместо того, чтобы попросить его, Кэт только бросила короткое резкое слово, болезненно ранившее его, и зашагала по улице мимо ярко освещенных витрин магазинов. Закутанная в серебристую шаль, в воздушном платье, с длинными ногами, которые благодаря туфелькам на шпильках казались еще более стройными, она выглядела как классическая подружка гангстера из криминального

фильма. Некоторое время он ощущал ее физическое присутствие значительно сильнее, чем обычно, как если бы к глазам его приставили давно не используемый оптический прибор. В ярких полосах света, бьющих из витрин, ее силуэт запечатлелся в его сознании резко, как драгоценный камень. И Бретон пришел к совершенно новому открытию — он заметил под ее коленями две тоненькие голубые жилки. Его охватил прилив нежности. Ведь он не может отпустить ее в таком виде одну, да еще ночью, — настойчиво предостерегал его какой-то внутренний голос. Но не будет же он перед ней пресмыкаться и унижаться. Он заколебался, а потом повернул в противоположную сторону, охваченный порывом отвращения к самому себе, тихо бормоча проклятия.

Примерно через два часа перед его домом остановилась полицейская машина.

Бретон, который стоял у окна, с тяжелым сердцем подбежал к двери. За двумя агентами с суровыми лицами маячили двое полицейских в форме.

Один из агентов в штатском показал ему служебный значок.

— Мистер Джон Бретон?

Бретон кивнул; он не мог произнести ни звука. «Прошу тебя, Кэт, — подумал он, — ты только вернись, и мы сейчас же пойдем на эту вечеринку». Но одновременно он отдавал себе отчет в том, что в нем происходит совершенно невероятный процесс, что где-то в потаенных закоулках его души зреет ощущение облегчения. Если Кэт нет в живых, то ее нет в живых. Если она мертва, это конец. Значит, он свободен...

— Лейтенант Конвери. Из отдела убийств. Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Прошу вас, — ответил Бретон глухо. — Может быть, вы войдете? — Он провел их в столовую и с трудом преодолел желание поправить подушки на диване движением смущенного хозяина.

— Вы не выглядите удивленным нашим визитом, — медленно произнес Конвери. У него было полное, загорелое лицо и маленький нос, едва заметный между широко расставленными голубыми глазами.

— Чем могу вам служить, лейтенант?

— У вас есть оружие?

— А... да. — Бретон стоял как громом пораженный.

— А вы можете нам его показать?

— Пожалуйста,— сказал Бретон громко.— Но в чем, собственно, дело?

Глаза Конвери были быстрыми, внимательными.

— Один из полицейских пойдет с вами.

Бретон пожал плечами и отправился в подвал, где находилась его мастерская. Когда они сошли по деревянной лестнице на бетонный пол, он ощутил напряжение полицейского. Остановившись, он указал на высокий шкаф, в котором держал разную рухлядь: всяческие инструменты, удочки, снаряжение лучника и ружье. Полицейский быстро протиснулся вперед, открыл шкаф и вытащил штуцер. Подергал его, потом отцепил ремень ружья от вертушки спиннинга, за которую тот зацепился.

Когда они вернулись в столовую, Конвери взял штуцер и провел пальцем по толстому слою пыли, покрывавшему приклад.

— Вы пользуетесь им не слишком часто?

— Нет. Последний раз года два назад. Еще до брака.

— Хм-м-м... Это скорострельное оружие, правда?

— Да.— Бретон ощущал нарастающее в нем ошеломление почти как физическое давление.— Что произошло?

— Неприятное оружие,— сказал Конвери как бы невзначай.— Разрывает животное. Я задумывался над тем, зачем люди его используют.

— Это просто хорошее ружье, и все,— ответил Бретон.— А я люблю хорошие вещи. Но я совсем забыл, ружье неисправно.

— А что случилось?

— Когда-то я уронил замок, и боек покривился.

— Хм-м...— Конвери вынул замок, исследовал его, понюхал зарядную камеру, при свете торшера заглянул в ствол и вернул штуцер полицейскому.— Это единственное ваше оружие?

— Да. Лейтенант, вам не кажется, что все это длится слишком уж долго? Зачем вы пришли сюда?— Бретон колебался.— Или что-то случилось с моей женой?

— Я уже думал, что вы об этом не спросите.— Голубые глаза Конвери исследовали лицо Бретона.— С вашей женой ничего не произошло. Она была настолько легкомысленна, что пошла одна ночью через парк и подверглась нападению, но с ней ничего не произошло.

— Не понимаю... Каким образом... каким образом с ней ничего не произошло, коль скоро на нее напали?

— Ей посчастливилось. Какой-то мужчина, удивительно

похожий на вас, вышел из-за дерева и разнес голову бандита выстрелом из штуцера в лоб.

— Что? Не хотите же вы сказать... Где теперь этот мужчина?

Конвери усмехнулся.

— Вот этого мы до сих пор не знаем. Он исчез...

Ощущение болезненной безмерности, перемещение плоскостей и параллаксов, невообразимые перемещения, в которых кривизна пространства-времени осциллирует между негативом и позитивом, а в середине зияет бесконечность — магическая, обманчивая, могущественная...

— Вы только взгляните, как этот парень пьет.— Это были последние слова Гордона Пэлфри.— Он сегодня действительно вышел на орбиту.

Все смотрели на Бретона, который, отчаянно силясь перестроиться, со слабой улыбкой опустился в глубокое кресло. Заметив внимательный взгляд Кэт, он подумал, что случайный наблюдатель мог заметить, что он отсутствовал некоторое время. Фускиарди, известный психоаналитик, после бесплодных исследований заверил его, что эти перемены заметить невозможно. Но Бретону было трудно в это поверить, поскольку путешествия забирали часто по несколько часов субъективного времени. Фускиарди объяснял это тем, что Бретон отличается редкой, если не уникальной способностью к молниеносному возвращению, занимающему доли секунды объективного времени. Он даже советовал ему обратиться с этим делом к университетскому объединению психологов, но тогда вся эта проблема уже перестала Бретона интересовать.

Бретон погрузился еще глубже в большое старое кресло, восторгаясь его удобством. Этот эпизод с Кэт в последнее время возвращался все чаще, что очень угнетало Бретона, несмотря на предостережение Фускиарди относительно того, что ключевые моменты жизни — исключая те, которые связаны со стрессами эмоционального типа, — возвращаются чаще всего. Сегодняшнее путешествие во времени было особенно долгим, а интенсивность переживания тем больше, что все началось почти без предупреждений. У него не было никаких расстройств зрения, которые, как сказал ему Фускиарди, предшествуют обычно приступам мигрени у других людей.

Пребывая под неприятным впечатлением встречи с про-

шлым, Бретон лихорадочно искал опоры в настоящем, но Кэт и Пэлфри все еще были поглощены исследованием необычного результата автоматического письма. Некоторое время он прислушивался к их разговору — они все еще пытались идентифицировать автора, подчиняясь обычному ритуалу подобных поисков, — после чего позволил парам алкоголя понести себя. Так много произошло в течение одного этого вечера, начавшегося в атмосфере чистой скуки. Он должен был остаться в бюро с Карлом, подумал Бретон. Замеры для цементной компании Бленделла следовало закончить до конца недели, а они шли страшно медленно еще до того, как выплыло это странное расхождение в двадцать миллигалов между результатами гравиметрических измерений. Может, просто не были внесены соответствующие поправки. Карл — очень хороший специалист, но ведь существует столько факторов, которые надлежит учитывать при гравиметрических измерениях: положение Солнца и Луны; приливы, деформацию земной коры и т.д. Каждый может ошибиться, даже Карл. Так же как каждый может анонимно позвонить или, наоборот, получить анонимный вызов. Было бы идиотством подводить под это какой-то старательно заготовленный контекст, просто это случилось в момент ослабления психического равновесия, не больше. Этот телефонный звонок был той психологической коркой банана, на которой он поскользнулся. Отличное определение... и виски тоже отличное. Даже Пэлфри в порядке, если смотреть на них с соответствующей точки зрения, особенно Мириам. Прекрасная фигура. Очень жаль, что она допустила, чтобы всю ее жизнь отягощал тот факт, что она родилась с лицом индейской женщины или древней египетской жрицы родом из голливудских фильмов М. Г. М. Если бы она выглядела как Элизабет Тейлор, то могла бы приходить каждый вечер...

Ощущая, что его обволакивает сладкое, как сироп, облако доброжелательности, Бретон снова настроился на прием идущего в другом конце комнаты разговора. Кэт как раз говорила что-то на тему об Оскаре Уайльде.

— Только не Оскар Уайльд, — запротестовал Бретон мягко. — Хватит уж об Оскаре Уайльде.

Кэт игнорировала его слова, а Мириам ответила на них своей странной улыбкой, но Гордон Пэлфри был более разговорчивым.

— Но ведь мы не говорим, что именно Оскар Уайльд

передал эти слова, Джон. Это сделал кто-то, чей стиль местами идентичен стилю ранней прозы Уайльда.

— Вот именно, его ранней прозы,— прервал его Бретон,— в том-то и дело. Сейчас посмотрим: Уайльд умер около тысяча девятисотого года, так? А теперь у нас тысяча девятьсот восемьдесят первый¹, то есть получается, что за восемьдесят лет, проведенных по другую сторону, или за занавесом, или как там вы, спириты, обычно говорите, он не только не развился как писатель, но даже вернулся назад, к юношескому периоду.

— Да, но...

— И это не может быть связано с утратой навыков, так как в соответствии с тем, что я вычитал в книгах, которые вы одолжили Кэт, после смерти он является одним из выдающихся «автоматических писателей», или как там это называется. Уайльд, должно быть, единственный в истории писатель, книги которого приобрели высшую оценку после смерти автора.— Бретон засмеялся, довольный тем, что пребывает в той чудесной мимолетной сладости опьянения, в которой всегда думал и говорил в два раза быстрее, чем в трезвом состоянии.

— Ты основываешься на том, что связь между нашим и каким-нибудь другим измерением происходит в отношении один к одному,— сказал Пэлфри.— А может, это и не так.

— Может, и не так. Из данных, которыми я располагаю относительно другого измерения, можно сделать вывод, что оно населено писателями, которые не пользуются ни бумагой, ни пером и которые проводят время в пересылке этого своего вздора в наше измерение телепатическим путем. А Оскар Уайльд стал среди них стахановцем²; может, это кара за то, что он написал «Де профундис»...

Пэлфри усмехнулся с состраданием.

— Но ведь мы не говорим, что они...

— Не спорь с ним,— сказала Кэт.— Он вбил себе это в голову. Он профессиональный атеист, а кроме того, начинает слишком много говорить.— Она послала ему полный презрения взгляд, но переусердствовала и какую-то минуту выглядела как маленькая девочка. Странно, что именно такое чувство действовало на нее омолаживающе.

¹ Роман написан в 1969 г.— *Примеч. пер.*

² В оригинале Б. Шоу использует именно этот термин.— *Примеч. пер.*

— Она права, — сказал он. — Скелет моей веры сломался, когда я был еще ребенком. Первым потрясением было открытие, что Ф. В. Вулворрт не является местным бизнесменом.

Кэт закурила сигарету.

— Ты выпил много виски. Ты всегда после этого выдаешь этот перл остроумия.

«А ты всегда выдаешь свой, о выпивке, — подумал Бретон. — Ты, лишенная чувства юмора сука, делаешь из меня робота на алкогольном приводе». Однако он остался разговорчивым и шутливым, отдавая себе отчет в том, что это лишь реакция на переживание, каким было путешествие. Ему удалось сохранять хорошее настроение во время кофе и бутербродов, после чего они вместе проводили гостей до двери, а Кэт прошла с ними до автомобиля.

Это была свежая ночь позднего октября, и зимние созвездия уже начали подниматься над восточным краем горизонта, напоминая, что вскоре холод принесет сюда снег из Канады. Ощущая тепло и раскованность, Бретон стоял в дверях и, куря последнюю в этот день сигарету, смотрел на Кэт, которая разговаривала с уже усевшимися в автомобиль Пэлфри. Когда он стоял так, с сигаретой, небо прорезали два метеорита. «Конец пути, — подумал он, — встречай, Земля». Наконец автомобиль тронулся; скрежеща и подскакивая на усыпанной гравием площадке, он пробил светом фар мрачную аллею вязов. Кэт помахала Пэлфри на прощание, после чего вернулась в дом, слегка дрожа от холода. Бретон попытался обнять ее за плечи, когда она переступала порог, но она решительно прошествовала мимо, а он припомнил ее язвительность. Очевидно, его ожидает «пост мортем» в бледном свете, когда занавески на окнах дышат мягко, как во сне.

Он встряхнулся, чтобы доказать самому себе, как мало это его трогает, а затем швырнул окурок сигареты на газон, где его погасила роса. Еще раз втянул в легкие пахнущий листьями воздух и вошел в дом.

— Не запирай, Джон. — Голос донесся из темного туннеля кустов, тянувшегося вдоль подъезда. — Я пришел за моей женой. Ты уже забыл?

— Кто это? — Бретон бросил свой вопрос в тот момент, когда высокая мужская фигура приблизилась к свету, но он уже успел узнать голос. Анонимный телефонный собеседник. Он ощутил волну приправленной замешательством злости.

— Ты еще не знаешь, Джон?

Незнакомец приблизился и начал подниматься по лестнице. Лампочка над дверью осветила его. Бретон, остолбеневший от жуткого, необъяснимого страха, убедился, что смотрит в собственное лицо.

II

Джек Бретон, приближаясь по лестнице к человеку по имени Джон Бретон, ощущал легкую дрожь в ногах.

Может быть, решил он, это потому, что он больше часа сидел на корточках в темной, все скрывающей чаще кустов; но значительно более правдоподобным объяснением было то, что он боялся встречи с Кэт. Он пришел к выводу, что ни детальное обдумывание дела, ни попытка подготовить себя психологически не амортизируют силу столкновения. Звук ее голоса, когда она прощалась с гостями, отозвался в его нервной системе могучей симфонией, пробуждающей отклик как во всем его существе, так и в каждом отдельном атоме. Люблю тебя,— шептала каждая частица его тела, передавая это послание миллионам энергетических каналов. Люблю тебя, Кэт.

— Кто вы?— бесцеремонно спросил его Джон Бретон.— И чего вы хотите?

Он стоял на пути Джека Бретона, а лицо его в свете висевшей над головой лампочки напоминало потемневшую грозную маску.

Джек Бретон нащупал в кармане плаща автоматический пистолет, но, уловив нотку неуверенности в голосе стоящего перед ним мужчины, не спустил предохранитель. Не было оснований отступать от разработанного ранее плана.

— Я уже сказал тебе, чего я хочу,— ответил он вежливо.— И не сомневаюсь, что к этому времени ты успел сообразить, кто я такой. Или ты никогда не смотрел в зеркало?

— Но ведь вы выглядите как...— Джон Бретон не договорил фразу, боясь идти туда, куда привели бы его эти слова.

— Войдем в дом,— сказал Джек с нетерпением.— Я замерз.

Он двинулся вперед и с удовлетворением убедился, что

Джон неуверенно отступает. «Бойтся меня,— подумал он, слегка удивленный.— Это существо, созданное по моему подобию, это существо, сменившее мое имя на имя «Джон», боится своего создателя». Входя в столь хорошо знакомый, залитый оранжевым светом холл, Джек заметил дорогой ковер на полу и почти осязаемо ощутил атмосферу богатства в старом доме. Огромная работа, которую он выполнил в этот день, просматривая адресные книги и комплекты местных газет, выявила факт, что Джон Бретон преуспевает значительно лучше, чем девять лет назад, но то, что он увидел, превзошло все его ожидания. Ты хорошо показал себя, верный слуга...

— Ну, хватит,— сказал Джон Бретон, когда они вошли в просторную столовую.— Пожалуй, я могу претендовать на какие-то объяснения.

— Вижу, что с делами ты справляешься, Джон.

Говоря это, Джек разглядывал комнату. Мебель была совершенно новой, он вспомнил только старые часы и несколько мелких украшений. Особенно ему пришлось по вкусу кресла с высокими спинками; выбиравший их явно заботился об удобстве. У него возникло ощущение, что кресла эти доброжелательно приветствуют его. Нужно отметить это в памяти, подумал он. Независимо от того, что путешествующий во времени испытывает нулевое перемещение в пространстве, он подвергается значительному психическому воздействию, которое может проявиться в склонности к персонификации неодушевленных предметов, как, например, в этом случае ему показалось, что кресла с симпатией приветствуют его. Будь внимателен, Джек!

Теперь, когда он начал приспособливаться к чудесной действительности существования Кэт, в нем снова проснулось любопытство, и он обратил внимание на Джона Бретона. Его второе воплощение было сложено, казалось, несколько массивней. Джон Бретон носил сшитые на заказ брюки, красную спортивную рубашку и кашемировый свитер. Эти девять лет, девять лет, в течение которых они плыли совершенно разными путями, создали известные отличия, подумал Джек. Я не такой пижон, и я не так хорошо откормлен,— но пришел мой час. Мой час!

— Я жду,— сказал Джон Бретон.

Джек пожал плечами.

— Я хотел бы, чтобы Кэт присутствовала, когда я буду говорить то, что намерен сказать, но мне кажется, что она пошла наверх.

— Моя жена пошла наверх.

Джон слегка выделил голосом два первых слова.

— Ладно, Джон. Может, это смешно, но это единственная недоработка в моем плане, как я тебе скажу. Пойми, Джон, что я... я являюсь тобой.

— То есть,— ответил Джон с напускной наивностью,— ты хочешь сказать, что я собой не являюсь?

— Нет.— «До него начинает доходить,— подумал Джек Бретон,— однако следует дотянуться до самых начал». Он напряг память.— Джон! Когда тебе было тринадцать лет, у нас почти все лето гостила двоюродная сестра Луиза. Ей было восемнадцать лет, и она была отлично сложена. А кроме того, регулярно, как часы, каждую пятницу вечером принимала ванну. Как-то после полудня, примерно спустя три недели после ее приезда, ты вытащил из гаража ручную дрель, вставил в нее сверло 3,3 и провертел дыру в потолке ванной. Причем ты проделал ее в самой широкой части большого украшения в форме буквы У.

Отец настелил пол в средней части чердака и устроил там что-то вроде кладовки, он даже поставил боковую стену. Но ты отодвинул одну из угловых плиток, так, чтобы добраться до ванной. В то лето, Джон, ты очень интересовался фотографией, а на чердаке была просто идеальная темнота. И каждую пятницу, когда Луиза принимала ванну, ты скрывался в насыщенной рыжей пылью темноте. Устраивался как раз над ванной и...

— Хватит!— Джон Бретон сделал шаг вперед.

— Не нервничай, Джон. Это просто мои верительные грамоты. Никто на свете, кроме меня, не знает этих фактов. А единственной причиной, по которой я их знаю, является та, которую я тебе уже назвал: я являюсь тобой. Это я делал все эти вещи и хотел бы, чтобы ты меня выслушал.

— И именно теперь я должен выслушивать тебя, не так ли?— сказал Джон глухо.— Весь этот вечер — это какой-то сплошной кошмар.

— Ты начинаешь говорить разумно.— Джек Бретон несколько расслабился.— Позволишь мне сесть?

— Прошу. А ты позволишь мне налить себе что-нибудь выпить?

— Будь моим гостем.

Джек произнес эти слова спокойно и естественно, взвешивая мысленно их значение. Джон был его гостем девять лет, но все это должно было скоро кончиться. Когда они

оба уселись, он немного подался вперед в кресле, стараясь говорить холодно, спокойно и логично. Многое зависело от того, как он справится с правдоподобным представлением того, что неправдоподобно.

— Что ты думаешь о путешествии во времени, Джон?

Джон Бретон отпил глоток из своего стакана.

— Считаю, что это невозможно. Никто не был в состоянии перенестись из прошлого в настоящее, потому что если современная техника не в состоянии создать машину времени, то тем более никто в прошлом не мог этого добиться. Точно так же не было случая, чтобы кто-нибудь из будущего шагнул в настоящее время, поскольку прошлое неизменно. Таково мое мнение о путешествии во времени.

— А что ты скажешь о другом направлении?

— О каком другом направлении?

— Поперек. Перпендикулярно наблюдаемому.

— А, этим способом.— Джон Бретон снова отхлебнул из своего стакана; создавалось впечатление, что он немного отошел.— В тот период, когда я читал научную фантастику, это не считали настоящим путешествием во времени. Это называли параллельными мирами.

— Пусть будет так,— ответил Джек примирительно.— Так что же ты думаешь о путешествии в параллельные миры?

— Не хочешь ли ты сказать, что прибыл из иного настоящего? Из другого потока времени?

— Да, Джон.

— Но как? Если бы это было правдой, ты был бы доставлен сюда на чем-то...— Джон Бретон поднес стакан к губам, но пить не стал.— Девять лет, говоришь ты? Имее ли это что-то общее с...

— Я слышу чей-то голос, Джон.— В дверях стояла Кэт.— К нам кто-то... Ох!

Джек Бретон встал, когда она вошла в комнату. Его присутствие заполнило его глаза совсем так, как в тот вечер, когда он в последний раз видел Кэт живой; ее образ вторгся в его сознание, трехмерный, резкий, совершенный. На миг их глаза встретились, после чего Кэт отвела взгляд, а в его голове вспыхнул фейерверк счастья. Он поразил ее. Поразил без слов.

— Джон?— Ее голос был неуверенным, дрожащим.— Джон?

— Лучше сядь, Кэт,— сказал Джон Бретон высоким,

холодным, звучащим на одном тоне голосом.— Наш друг хочет нам что-то сказать.

— А может, Кэт тоже выпила бы чего-нибудь?— предложил Джек Бретон.— Все это, вероятно, займет некоторое время.

Кэт не спускала с него глаз, и это было для него наслаждением; Джек должен был сделать над собой усилие, чтобы овладеть своим голосом. Она знает, она знает. За то время, когда его второе воплощение наливало ей бесцветный напиток, Джек убедился, что ему не угрожает непреднамеренное путешествие. Он исследовал свое поле зрения и удостоверился, что оно чисто — никаких светящихся точек, медленно опускающихся черных звезд, никаких зигзагов.

Медленно, обстоятельно начал он напоминать им факты, возвращая к жизни усилием своей напряженной памяти прошедшие девять лет.

III

Кэт удалялась по улице, шагая мимо ярко освещенных витрин магазинов. Закутанная в серебристую шаль, в воздушном платье, с длинными ногами, которые благодаря туфелькам на шпильках казались еще более стройными, она выглядела как классическая подружка гангстера из криминального фильма. В ярких полосах света, бьющих из витрин, ее силуэт запечатлелся в его сознании резко, как драгоценный камень, и Бретон — как если бы совершил новое открытие — заметил под ее коленями две тоненькие голубые жилки. Его охватил прилив нежности.

Ведь он не может отпустить ее в таком виде одну, да еще ночью,— настойчиво предостерегал его какой-то внутренний голос. Но не будет же он перед ней пресмыкаться и унижаться. Он заколебался, а потом повернул в противоположную сторону, охваченный порывом отвращения в самому себе, тихо бормоча проклятья.

Примерно через два часа перед его домом остановилась полицейская машина. Бретон, который стоял у окна, с тяжелым сердцем подбежал к двери. За двумя агентами с суровыми лицами маячили двое полицейских в форме.

Один из агентов в штатском показал ему служебный значок.

— Мистер Джон Бретон?

Бретон кивнул; он не мог произнести ни звука. «Прошу тебя, Кэт,— подумал он,— ты только вернись, и мы сейчас же пойдем на эту вечеринку».

— Лейтенант Конвери. Из отдела убийств. Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Можно войти?

— Прошу вас,— ответил Бретон глухо.

Он провел их в столовую и с трудом преодолел желание поправить подушки на диване движением смущенного хозяина.

— Не знаю, как и сказать вам это, мистер Бретон,— медленно начал Конвери. У него было полное, загорелое лицо и маленький нос, едва заметный между широко расставленными голубыми глазами.

— В чем дело, лейтенант?

— Ваша жена, мистер. Она шла одна ночью через парк и подверглась нападению.

— Нападению?— Бретон почувствовал, как подгибаются ноги.— Но где она теперь? С ней ничего не случилось? Конвери покачал головой.

— Мне очень жаль, мистер Бретон, но ваша жена мертва.

Бретон упал в кресло, а Вселенная вокруг него начала сжиматься и расширяться, как камера огромного, внезапно обнажившегося сердца. «Это моя вина,— подумал он.— Это я убил свою жену...» Он видел, как второй агент отвел Конвери в сторону и что-то прошептал ему на ухо. Минутой позже лейтенант сказал:

— Мой коллега обратил мое внимание, мистер Бретон, на то, что я проявил излишнюю поспешность. Официально я должен был уведомить вас, что обнаружено тело женщины, которая, судя по документам, может быть вашей женой, но в делах очевидных я не люблю болтовни. Однако, чтобы соблюсти формальности, я задам один вопрос: есть ли у вас основания полагать, что тело женщины лет двадцати пяти, высокой, с черными волосами, в серебристо-голубом платье для коктейлей, которое мы обнаружили поблизости от входа в городской парк со стороны Пятидесятой улицы, не является телом вашей жены?

— У меня нет оснований так полагать. Сегодня вечером она ушла из дома, одетая именно так.— Бретон закрыл глаза.— Это моя вина; это я убил мою жену. Я отпустил ее одну.

— Несмотря на это, необходима формальная иденти-

кация. Если вы пожелаете, один из сотрудников отвезет вас в морг.

— Не нужно,— ответил Бретон.— Это я могу сделать сам.

Выдвижной ящик холодильника легко скользнул на хорошо смазанных подшипниках, и Бретону при виде этого пришла в голову совершенно неподходящая мысль: хорошее приспособление. Он взглянул на холодное, скованное смертию лицо Кэт и на кристаллики льда, поблескивающие на ее бровях и ресницах. Совершенно помимо воли, он протянул правую руку, чтобы коснуться ее, но заметил черные ободки смазки под своими ногтями и отдернул руку, не завершив движения. Ты должна быть без изъяна, Кэт.

Лейтенант Конвери маячил где-то на краю поля его зрения, так близко и одновременно отдаленный от него на бесконечное число лет, отделенный безмерностью пульсирующего, флюоресцирующего света.

— Это ваша жена?

— А кто бы это еще мог быть?— ответил Бретон надтреснутым голосом.— Кто другой?

Спустя некоторое время он узнал, что Кэт была оглушена, изнасилована и заколота. Сотрудник, сведущий в судебной медицине, добавил, что он не в состоянии установить последовательность, в которой были совершены эти три акта. В течение нескольких дней улаживания бессмысленных формальностей Бретон достаточно успешно подавлял в себе ощущение вины, отдавая себе, однако, отчет в том, что он сейчас бомба, запал которой подожен, что его теперешняя жизнь — это наносекунды, предшествующие взрыву.

Когда наконец дошло до этого взрыва — это случилось на следующий день после погребения Кэт,— он напоминал взрыв, наблюдаемый на киноленте, движущейся замедленно. Бретон находился тогда в северной части города и брел без цели по улице мимо обветшалых домов. Было холодно; хотя дождя не было, тротуары почему-то были мокрыми. Вблизи от одного из перекрестков он нашел чистое, свежее перышко и наклонился, чтобы поднять его. Оно было полосатым, с чередующимися серо-перламутровыми и белыми полосками. Потерянное, видимо, птицей в поспешном полете, оно напомнило ему, что Кэт тоже носила одежду так,

как если бы это было ее природное оперение. Он посмотрел по сторонам в поисках какого-нибудь подоконника, чтобы положить на него перышко, словно найденную перчатку, и увидел мужчину в изношенных рабочих штанах, который стоял у ворот и, усмехаясь, смотрел на него. Он отпустил перо, позволив ему упасть на грязный бетон, и накрыл его ногой.

Следующее его осознанное действие произошло пятью неделями позже: лежащий в больнице Бретон открыл глаза.

Отрезок времени, предшествующий этому событию, нельзя было бы назвать выпавшим, даже с его точки зрения, однако он был так смят и деформирован, что казался картиной, рассматриваемой через заиндевевшее стекло, потому что все это время Бретон пил, обезболивая душу чистым спиртом и суживая этим путем границы сознания. Но где-то в тумане этого меняющегося, как в калейдоскопе, мира зародилась мысль, которая его возбужденному мозгу показала гениально простой.

Полиция сказала ему, что психопата, совершившего убийство, будет трудно обнаружить. В таких случаях надежда на удачу особенно ничтожна. Ему дали понять, что если пускать женщин одних ночью в парк, то на что, собственно, надеяться?

Бретон убедился, что ему становится не по себе в их обществе. Он открыл удивительную вещь, касающуюся образа мышления полицейских: общаясь так много с уголовниками, они приняли в свое сознание существование совершенно особого морального кодекса. Не соглашаясь с ним, они начали, однако, до определенной степени понимать его, в результате их собственный моральный кодекс подвергся легкому изменению. Зная величину этого изменения, можно, конечно, в дальнейшем соответственно настроить свой инструмент, но Бретон чувствовал себя среди них игроком, который не знает правил игры. Поэтому они и смотрели на него оскорбленно, когда он спрашивал их о результатах расследования, а потому в какой-то момент этих последних недель он решил ввести свои собственные правила.

Не было свидетеля убийства Кэт, а поскольку не существовало ни одного мотива к совершению этого преступления, его ничто в физическом смысле не связывало с этим преступлением. Но, размышлял он, есть другие связи. Он, Бретон, не может знать убийцу, но убийца должен знать его. И местная пресса, и телевидение широко освещали это

дело, причем публиковали и фотографии Бретона. Не может быть, чтобы убийца не заинтересовался человеком, которому он так жутко поломал жизнь. Бретон пришел к убеждению, что если бы он увидел убийцу на улице, в парке или в баре, то, несомненно, узнал бы его по глазам.

Город этот не так уж велик, и вполне возможно, что за время своей жизни он видел, пусть мимолетно, каждого жителя хотя бы раз. Разумеется, он должен ходить по улицам, двигаться, показываться везде, где бывают люди, сравнивать их лица с тем, что запечатлелось в его сознании, как на пленке, до того дня, когда он заглянет в глаза какого-то человека и будет знать... А когда это случится...

Бледный огонек надежды маячил в течение пяти недель, пока, наконец, не потух, погашенный алкогольным отравлением и недоеданием.

Бретон открыл глаза и по особому оттенку света на потолке понял, что уже выпал снег. Он ощущал голодное посасывание в желудке, и ему вдруг захотелось густого домашнего супа. Он сел на постели, огляделся и убедился, что находится один в комнате, выглядевшей совершенно безлично, если бы не несколько темно-красных роз. Он узнал любимые цветы своей секретарши Хетти Кэлдер. В нем ожило воспоминание о ее некрасивом, лошадином лице, склонившемся над ним с выражением беспокойства и сочувствия. Он чуть заметно улыбнулся. Раньше каждый раз, когда ему случалось хватить лишнего, она расстраивалась и чуть ли не худела; интересно, как она выносила его поведение в течение последних пяти недель?

Голод давал о себе знать все настойчивей, и Бретон потянулся к звонку.

Пятью днями позже та самая Хетти отвезла Джека домой на собственном автомобиле.

— Послушайте, Джек,— сказала она, доведенная до крайности,— вы в самом деле должны пожить у нас какое-то время. Нам с Гарри будет очень приятно, а коль скоро у вас нет близких родственников...

— Я справлюсь, Хетти,— ответил он.— Еще раз благодарю вас за приглашение, но для меня сейчас самое время вернуться домой и, наконец, как-то собраться.

— А вы действительно справитесь?— Хетти великолепно вела машину по улицам. Со старым большим автомобилем она управлялась не хуже мужчины. И все время зятя-

гивалась сигаретой, с которой на пол падали пушистые комочки пепла. Ее бледное лицо потемнело от огорчения.

— Я в самом деле отлично справлюсь с собой,— завс-рил он ее с признательностью.— Во всяком случае, я уже могу думать о Кэт. Конечно, это ужасно больно, но я уже как-то согласился с этим. А до того не мог. Мне трудно это объяснить, но я не мог отказаться от мысли, что должно существовать какое-то официальное учреждение, вроде Департамента Смертей, куда я мог бы пойти и объяснить, что произошла ошибка. Что Кэт не могла оказаться убитой. Я болтаю вздор, Хетти.

Хетти взглянула на него краем глаза.

— Вы говорите теперь просто как человек, Джек. В этом нет ничего странного.

— А как я говорю обычно?

— В течение последних пяти недель дела шли вполне хорошо,— перевела разговор Хетти.— Нужно будет принять много людей.

Она начала отчитываться перед ним о новых контрактах и о выполнении уже заключенных.

Постепенно Джек осознал, что все это не интересует его так, как должно было бы интересовать. Прирожденный мастер на все руки, он без усилий овладел своей специальностью, поскольку она казалась великолепной с экономической точки зрения, после чего начал работать в геологической фирме, которую затем и возглавил, когда владелец ее ушел на пенсию. Все было так просто, так неотвратимо, но в то же время почему-то не давало настоящего удовлетворения. Он всегда так любил мастерить, работать руками, которые, казалось, обладали собственным умом, а теперь оказалось, что у него нет на это времени.

Бретон ежился в своем плаще, глядя с тоской на черные, мокрые улицы, напоминающие каналы, вырытые в сугробах грязного снега. Когда автомобиль ускорил ход, белые воздушные хлопья начали срываться с капота; они беззвучно ударялись о стекло, а затем уносились назад, где таяли и исчезали. Он старался сосредоточиться на том, что говорила Хетти, но вдруг со страхом заметил, что в воздухе перед ним появилась цветная мигающая точка. Не теперь, только не теперь, подумал он, протирая глаза, но мерцающая маленькая искорка уже начала увеличиваться. Не прошло и минуты, а она уже сверкала и вращалась, как новенькая монета, оставаясь все время в середине поля

зрения правого глаза, независимо от того, куда он поворачивал голову.

— Я была у вас сегодня утром и включила обогрев,— сказала Хетти.— По крайней мере будете в тепле.

— Благодарю,— пробормотал он.— Я доставляю вам слишком много хлопот.

Мерцание, вначале довольно медленное, ускорялось, блокируя все большую часть поля зрения и создавая знакомые узоры: подвижные радужные геометрические фигуры, которые дергались и перемещались, открывая окна в незнакомые измерения. «Не теперь!— молил он в душе.— Я не хочу сейчас отправляться в путешествие!» Эти расстройства зрения были знакомы ему с детства. Они случались с ним с промежутками от трех месяцев до нескольких дней — в зависимости от стрессов,— обычно предвосхищаемые ощущением удовлетворения. Когда эйфория проходила, появлялись мигающие зигзаги в поле зрения правого глаза, влекущие за собой необъяснимые, пугающие путешествия в прошлое. Сознание, что такое путешествие длится ничтожную долю секунды действительного времени и что это должно быть каким-то фокусом памяти, не приносило облегчения, поскольку заново переживаемые сцены, как правило, не были приятными. Они касались фрагментов жизни, о которых он охотно забыл бы, моментов критических. Нетрудно было догадаться, какой кошмар будет следующим. Когда автомобиль остановился перед его домом, Бретон был уже совершенно слеп на правый глаз; распростертый перед ним прекрасный цветной занавес, дрожащий, текучий, сотканный из светящихся геометрических фигур, не давал возможности что-либо увидеть. Он уговорил Хетти, чтобы она не выходила из машины, помахал ей рукой, когда она отъезжала, и начал отпирать парадную дверь. Оказавшись в доме, он быстро прошел в столовую и сел в глубокое кресло. Мерцание достигло высшей точки; это означало, что вот-вот наступит момент неистовства, когда Земля исчезнет и начнется путешествие богзнает-куда. Бретон ждал. Поле зрения правого глаза начало очищаться, а он сидел в напряжении и смотрел, как комната уплывает, деформируется, приобретая странные перспективы. Тягостно, безвольно переступаемый порог...

Кэт удалялась по улице, шагая мимо ярко освещенных витрин магазинов. Закутанная в серебристую шаль, в воздушном платье, с длинными ногами, которые благодаря ту-

фелькам на шпильках казались еще более стройными, она выглядела как классическая подружка гангстера из криминального фильма. В ярких полосах света, бивших из витрин, ее силуэт вырисовывался в его сознании четко, как драгоценный камень, и тогда Бретон, ощущая, что что-то здесь не в порядке, заметил позади нее на середине улицы, буквально на проезжей части ее, там, где никогда ничего не росло, три дерева. Это были вязы, почти совершенно сбросившие листву, и что-то в расположении их ветвей наполнило его неприязнью и отвращением. В то же время их стволы, как он убедился, были нематериальны — фары автомобилей просвечивали их насквозь.

Эта группа деревьев будила в нем страх, но одновременно и странно притягивала его.

И все это время Кэт удалялась, а внутренний голос говорил ему, что он не должен отпускать ее в таком виде ночью в город. Он боролся с этой мыслью, пока не повернул и не пошел в противоположном направлении, охваченный отвращением к самому себе, тихо бормоча проклятия...

Ощущение болезненной безмерности, перемещение плоскостей и параллаксов, невообразимые перемещения, в которых кривизна пространства-времени осциллирует между негативом и позитивом, а в середине зияет бесконечность — магическая, обманчивая, могущественная...

Вцепившись в поручни кресла, Бретон судорожно сжимал их, пока отзвук его дыхания не утонул в тишине комнаты. Тогда он поднялся, подошел к камину, завел старые часы в дубовом корпусе и ощутил в своей руке тяжелый холодный ключ, холодный и материальный. За окнами снова начал падать снег — маленькими пушистыми хлопьями, а автомобили, как призраки, мелькали в просветах за деревьями. Тяжелые, коричневые тени заполнили дом.

Потом он пошел на кухню, и, пока варил себе кофе его разум медленно пробуждался от того состояния оцепенения, которое всегда вызывало в нем путешествие во времени. Наступающий обычно после путешествия отлив энергии, хотя был хорошо знаком ему, на этот раз, однако, приобрел значительно более острую форму. Ожидая, когда закипит вода, Бретон с опозданием осознал, что во многих отношениях это путешествие было другим — речь шла прежде всего об элементе фантазии. Эти вязы, растущие

посреди Четырнадцатой улицы, удивили его, но не только: в их воздействии на него было нечто большее, нежели сознание, что они здесь совершенно не на месте; они казались прозрачными, как картинки, отброшенные на какой-то реальный фон — и, однако, обтрепанный свод их крон был действительным. Он уже видел его где-то, и свод этот что-то обозначал — но что?

Поставив кофе отстаиваться, он открыл холодильник и убедился, что там нет ни молока, ни сливок. Его желудок подступил к самому горлу при одной мысли о черном кофе, но поиски в пустой кухне выявили, что единственной, кроме кофе, жидкостью является уксус в банке из-под пикулей, где, словно в микстуре, плавали какие-то хлопья. Бретон налил себе черного напитка, над поверхностью которого вились плоские серые спирали пара, и вернулся в столовую. Отхлебнув кофе, он старался сосредоточиться на своих личных делах, но комнату заполнил полумрак, и Бретон почувствовал себя измученным. Оказалось, что недельное лечение и отдых — это слишком мало, чтобы компенсировать потери, понесенные им за период долгого пьянства.

Он проснулся спустя несколько часов в почти полной темноте. Сквозь окно пробивался анемичный лиловый свет уличного фонаря, а по стене в глубине комнаты перемещались неопределенные тени. Сдерживая дрожь и прилив слезливости, Бретон выпрямился в кресле. Он решил выйти в город, чтобы съесть что-нибудь. Когда он встал, то заметил колеблющуюся тень ветви на мертвой серой поверхности телевизионного экрана и вдруг вспомнил, где он видел эти три вяза.

Одна из местных телевизионных станций во время передачи новостей показывала фотографию места, где было обнаружено тело Кэт,— как раз возле этих трех вязов.

Единственная проблема состояла в том, что вяза, которые он видел в своем путешествии, не были неподвижными; их как бы нарисованные линии ветвей меняли положение соответственно капризам ночного ветра. Они были — Бретон вздрогнул, используя это определение,— реальными. А это в свою очередь означало изменение его отношения к путешествиям; он должен был признать, что какая-то часть его сознания сочла возможным верить, что фактически сегодня он видел Кэт. Возможно ли, рассуждал он холодно, что его одинокое, отягченное чувством вины подсознание, пренебрегая всеми законами природы, совершило

путешествие в прошлое? Неужели вековое стремление человечества к овладению невозможным, к возвращению в минувшее с целью исправления совершенных ошибок делало психическую силу двигателем всех его совершаемых до сего времени путешествий? Это объяснило бы тот факт, что во время таких путешествий он переживал заново критические моменты своей жизни, которые, как правило, имели какие-нибудь трагические последствия. Возможно ли, что он, Бретон, является незрелым путешественником во времени, обреченным на неподвижность своей материальной оболочки, но способным, однако, выслать в прошлое какой-то нематериальный элемент своей личности? А если, не дай бог, это так, то он до самой смерти будет возвращаться к той кошмарной сцене с Кэт. И эти три вяза, которые снова начинают маячить...

«Нет, нужно двигать отсюда,— подумал он.— Я должен пойти поужинать в какой-нибудь шумный ресторан с музыкальным автоматом, с клетчатыми скатертями, с большими, грубо изготовленными пластиковыми помидорами на столиках и нормальными людьми, болтающими о вещах, о которых нормальные люди обычно болтают».

Он зажег лампы во всем доме, немного освежился, переоделся и как раз выходил, когда слегка обшарпанный автомобиль въехал в ворота и приблизился к дому по заснеженной подъездной дорожке. Отворилась дверца рядом с водителем, и вышла Хетти Кэлдер. С явным неудовольствием она посмотрела на снег и мстительно стряхнула на него пепел с сигареты.

— Выходите? Я приехала с Гарри, чтобы узнать, не нужно ли вам чего.

— Отлично.— Бретон был удивлен тем, какое большое удовольствие доставил ему вид этой крепкой, одстой в твид фигуры.— Я хотел пригласить вас на ужин. Мне было бы очень приятно поужинать в вашей компании.

Он уселся сзади и коротко поздоровался с Гарри Кэлдером, лысеющим книжесом лет пятидесяти. Широкое заднее сиденье, заваленное сумками с покупками и журналами, вернуло Бретону ощущение безопасности — видимо, сказывалось то, что он оказался в нормальном окружении. Когда они ехали через город, он разглядывал предпраздничные витрины магазинов, обращая внимание на мельчайшие детали, чтобы не осталось места для мыслей о Кэт.

— Как вы теперь чувствуете себя, Джек?— Хетти огля-

нулась на свалку, где царил Джек Бретон.— Вы не выглядели лучшим образом, когда остались одни.

— Да, я действительно чувствовал себя тогда не лучшим образом, но теперь все в порядке.

— А что с вами было?— настаивала Хетти.

Бретон поколебался, а потом решил для пробы сказать правду.

— Если быть честным, то у меня были неприятности со зрением. Перед правым глазом летали какие-то цветные огоньки.

Совершенно неожиданно Гарри Кэлдер обернулся и сочувственно причмокнул.

— Радужные зигзаги, да? Ну, я-то знаю, что за этим следует.

— Что следует? Что вы хотите этим сказать, Гарри?

— То, что это есть и у меня. А потом начинаются боли,— объяснил Гарри Кэлдер.— Это обычный симптом, предшествующий мигрени.

— Мигрень!— Бретон почувствовал, как что-то конвульсивно шевельнулось в его подсознании.— Но у меня никогда не болит голова.

— Нет? Ну, это ваше счастье. Потому что со мной после этого парада красок происходит что-то ужасное. Вы не поверили бы.

— Я не знал, что существует такая связь между этими штуками и мигренью,— сказал Бретон.— Видимо, я действительно счастливчик.

Вера Бретона в возможность совершать путешествия во времени рождалась в муках многие месяцы.

Правда, он вернулся к работе, но был не в состоянии решать даже простейшие проблемы административного характера, не говоря уже о принятии решений по существу. С помощью трех инженеров Хетти поддерживала бюро в состоянии близком к нормальному. Вначале Бретон просиживал часами за письменным столом, вглядываясь в лишённые всякого смысла рисунки и чувствуя, что он не способен думать ни о чем другом, кроме Кэт и роли, которую он сыграл в ее смерти. Временами он пытался даже писать стихи, чтобы как-то выразить свое отношение к Кэт и придать ему менее острый характер. Обильные зимние снега окутали Монтану саваном тишины, и Бретон подолгу смотрел, как снег укрывает ряды припаркованных перед домом автомобилей. Тишина, казалось, окутывала и его тело до

такой степени, что он чуть ли не слышал круговорот жизненных соков в своем организме, проникновение воздуха в легкие, неустанную подпитку артерий капельками холестерина...

И почти каждые шесть-семь дней он совершал путешествие во времени, всегда заканчивающееся той сценой с Кэт. Эти вязы то были так призрачны, как если бы вообще не существовали, то вновь вздымались, черные и осязаемые, усугубляя ощущение, что, если бы не сильный слепящий свет, бьющий из витрин магазинов и автомобильных фар, он мог бы увидеть возле их стволов две движущиеся фигуры.

По мере того, как он становился все более независимым от окружающего мира, Бретон все более ясно ощущал признаки, предшествующие путешествию во времени. Прежде всего он чувствовал сильное нервное возбуждение, которое заканчивалось состоянием эйфории, — оно наступало всегда внезапно и, по крайней мере внешне, освобождало его от ощущения отчаяния; сразу же после этого появлялись первые признаки расстройства зрения: сначала незначительное мигание, распространяющееся постепенно на все поле зрения правого глаза. Когда это явление начинало отступать, следовало смещение действительности, и Бретон уносился в прошлое.

Открытие того, что подобные расстройства зрения случаются и с другими, удивило Бретона, который в детстве пытался описать это явление товарищам и не нашел у них понимания. Даже родители проявили к его рассказам лишь снисходительный, приправленный иронией интерес, и ему так и не удалось убедить их, что это вовсе не пятна, возникающие после того, как помотришь на яркий свет. Он научился вообще не говорить о своих путешествиях во времени и обо всем, что было связано с ними; он пришел к убеждению, что это явление уникальное, свойственное только ему, Джеку Бретону. Но случайный разговор с Гарри Кэлдером изменил его взгляд, а интерес, который в нем этот разговор пробудил, явился единственным светлым моментом в горькой, унылой действительности.

Бретон начал проводить послеполуденное время в публичной библиотеке, сознавая, что в нем созревает идея, сравнительно с которой предшествующее фантазирование по поводу убийцы Кэт было всего лишь рабочим наброском; однако, несмотря на это, он не мог игнорировать настойчивость, с которой эта мысль врывается в его созна-

ние. Он перечитал уйму литературы, касающейся мигрени, потом перешел к общим медицинским трудам, к биографиям известных людей, страдающих мигренью, и, наконец, проштудировал все, что подсовывала ему интуиция как важное для достижения цели, к которой он стремился. Никогда ранее не связывая своего случая с мигренью, он полагал, что это относительно свежие последствия стрессов высокоразвитой цивилизации. Однако из книг он узнал, что мигрень была известна уже в древности. В частности грекам, которые называли ее гемикранией, болью половины головы. В большинстве случаев после расстройства зрения следовали сильные боли, охватывающие только половину черепной коробки, а затем тошнота. Были люди, которым удавалось избежать одного из этих двух симптомов, существовала даже немногочисленная группа таких, которые избежали обоих. Этот последний случай называли «гемикrania сине долоре»¹. Сильнее всего Бретона интриговала приводящая в изумление точность, с какой его собственные зрительные расстройства были описаны другими людьми в иные времена. Медицинские термины, которыми они определялись, были разными — тейхопсия, танцующие точки в поле зрения, но Бретону наиболее удачным казалось определение «зигзаги». В первый раз эту формулировку использовал восемнадцатилетний врач Джон Фотерджилл, который писал: «...особый вид мигания в глазах, предметы быстро меняют свое положение, возникают блестящие ломаные линии, напоминающие зигзаги».

Фотерджилл относил это на счет поедания за завтраком слишком больших количеств гренков с маслом. Это объяснение показалось Бретону столь же мало стоящим, как и новейшая теория, гласящая достаточно неопределенно о временном поражении центров зрения. В один пасмурный день, когда Бретон сосредоточенно работал в старом здании библиотеки среди других читателей, он, листая страницы какого-то незнакомого журнала, посвященного проблемам здоровья, вдруг с удивлением обнаружил очень точные рисунки — не зигзагов, конечно, с этим не справился бы ни один художник, а только черной звезды, которая временами появлялась на их месте.

Один из рисунков был выполнен французским филосо-

¹ Мигрень без страданий (лат.). — Примеч. пер.

фом Блезом Паскалем, второй же был произведением настоятельницы монастыря Хильдегарды из Бингена, двенадцатый век.

«Я видела большую звезду,— писала настоятельница,— великолепную и прекрасную, которая среди неисчислимого множества ярких искр двигалась на юг... Внезапно все исчезло, сменившись угольной чернотой, я была брошена в бездну, где уже ничего не могла увидеть».

Бретон начал быстро читать дальше, но, как и во всех подобного рода записках, там не было никаких упоминаний о последовавшем визите в прошлое. По крайней мере это еще раз указывало, что его способность действительно была уникальной.

Годом позже Бретон педантично записал в записной книжке:

«Теперь я все более склоняюсь к мнению, что все страдающие мигренью — это несозревшие путешественники во времени. Движущей силой в данном случае является желание вернуться в прошлое — частично для того, чтобы еще раз пережить счастье, но прежде всего чтобы исправить ошибку, которая, как видно в перспективе времени, имела губительное влияние на ход событий.

Перед смертью Кэт я констатировал случай довольно нетипичный: мне немногого не хватало, чтобы я мог совершить путешествие во времени без какой-либо важной мотивации, просто в результате случайного состояния, в котором находилась тогда моя нервная система. (Неполадки со зрением могут быть вызваны временным нарушением сетчатки, которая как-никак является продолжением мозга, частью органа чувств, теснейшим образом связанного с центральной нервной системой.)

Со времени смерти Кэт мой потенциал сил, отбрасывающих меня назад, достиг ненормально высокого уровня, следствием чего были частые путешествия. Если оставить в стороне проблему построения философской конструкции, охватывающей физическое объяснение явления, остается еще вопрос использования теории на практике. Эрготамин, метилсергид, диуретики — все эти средства имеют целью смягчение страданий, вызываемых мигренью, но ведь не о мигрени идет речь...»

И пятью годами позже:

«Сегодня пришел ежемесячный чек от Хетти, причем

на большую сумму, чем обычно, что поможет мне урегулировать мои расчеты с Научным обществом Клермонта,— большое для меня облегчение. Я не хотел бы на этом этапе утратить их доверие, хотя я еще имею в резерве дом, стоимость которого за эти годы значительно возросла. (Что за великолепная идея доверить формальное руководство предприятием Хетти и тому новому парню, Тоуджеру. Единственным моим огорчением являются все сильнее овладевающие мной подозрения, что Хетти временами платит мне из собственного кармана.)

Сегодня великий день. Моя работа окончательно перешла из стадии предварительных изысканий в стадию конструктивного эксперимента. Я мог бы достичь этой стадии значительно раньше, если бы не определенные ложные предпосылки. Все они были внушены мне доктором Гарнетом из клиники, где занимаются мигренью, но, к счастью, я вовремя порвал с ним отношения. Продромальные явления, нарушение кровоснабжения мозга, реакция на разные лекарства — все это вздор. (По крайней мере, если речь идет о моей работе. А в остальном я несправедлив в отношении Гарнета.)

Подумать только, великий перелом в моей работе произошел благодаря использованию скверно сконструированной отвертки!

Не знаю, что меня подтолкнуло на то, чтобы вытянуть жидкость из большого волдыря, который я натер упомянутой отверткой на правой ладони, разве только то, что в последнее время я много думал о том, чтобы использовать боль, сопровождающую мигрень, как движущий механизм, служащий усилению хрономобильных импульсов. Проведенные в клинике исследования показали, что у людей, мигрень которых, к сожалению, нельзя отнести к типу «гемикrania sine dolore», во время приступов в артериальных сосудах головы выделяются вещества, называемые кининами.

Жидкость, заключенная в пузырях, сама по себе боль не вызывает, однако мне удалось доказать, что при соприкосновении со стеклом в ней продуцируются кинины; вновь введенная в пузырь жидкость вызывает боль, вне всякого сомнения. Так вот, когда во время первых нарушений зрения, предшествовавших трем моим последним путешествиям во времени, я впрыскивал себе кинин, то начинался приступ настоящей мигрени — и в первый раз я услышал, как те три вяза шелестят на ветру!

Этот этап моей работы закончен, и теперь я стою перед проблемой перемещения во времени определенной солидной массы, то есть моего собственного тела. Для достижения этой цели нужно будет, разумеется, значительно усилить нервные импульсы, и у меня есть неясное предчувствие, что я должен поискать какие-то бреши в законе Кирхгофа.

Несмотря на это, я не теряю надежды. Однако я должен быть спокойным, чтобы не провоцировать путешествия во времени. Как известно, возбуждение является одним из факторов, вызывающих приступ мигрени. Я записал когда-то слова известного французского патриота, доктора Эдварда Ливейнжа, который в 1873 году сказал: «Все мы знаем, что не каждый может позволить себе безнаказанно участвовать в определенных торжествах, где слава Франции священнодействует с превеликим шумом...»

И снова после следующих трех лет:

«Подорвать закон Кирхгофа оказалось легче, чем я предполагал, предпосылка существования четвертого измерения разрешает так много проблем, но я и представить себе не мог, каких финансовых затрат это потребует. Продажа дома вместе с обстановкой покрыла лишь незначительную часть моих нужд. К счастью, мне удалось убедить Хетти и Карла Тоуджера разорвать заключенное с ними на восемь лет соглашение и попросту продать им фирму. Они очень за меня огорчились, особенно Хетти, но я, пожалуй, сумел убедить их, что пребываю в здравом уме и в хорошем физическом состоянии. Кстати сказать, Хетти заметно постарела и слишком много курит.

Кэт, дорогая моя Кэт, в последний раз я обращаюсь к тебе посредством этого дневника. Близится момент, когда мы сможем с тобой вместе листать его страницы. До свидания, любимая, до свидания...»

Бретон подождал, пока стугаются сумерки, и только тогда отправился в парк.

Он припарковал свой старый «бьюик» в нескольких сотнях метров от его входа со стороны Пятидесятой улицы, после чего в течение нескольких минут проверял, в порядке ли оборудование. Итак, прежде всего шляпа. Она лежала на заднем сиденье, ничем не отличаясь от любой слегка поношенной шляпы, разве что тем, что из-под ее полей кое-где поблескивал оранжевый свет. Бретон потянулся за

шляпой, аккуратно надел ее на голову, а затем соединил провода, свисающие из-под внутренней ленты, с проводами, выступающими из-под воротника рубашки. Справившись с этим, он поднял воротник непромокаемого плаща и для пробы пошевелил руками и ногами. Сеть проводов, оплетающая все его тело, болезненно стягивала кожу, но он все же сохранил полную свободу движений.

Теперь в порядке очереди он занялся штуцером. Когда он забирал из дома свои личные вещи, то нашел его в шкафу в подвале, покрытым толстым слоем пыли, и увез в свое новое жилище, снятое в восточной части города. Проверая, в порядке ли ружье, он установил, что в результате какого-то давно забытого случая боек ружья искривлен, после чего тщательно починил боек. Красивая форма штуцера была теперь обезображена выпуклостью ноктовизора, которым Бретон оснастил ружье, чтобы оружием можно было пользоваться в темноте. Он зарядил магазин холодными латунными патронами, которые вынул из кармана, после чего вставил магазин в штуцер. Не исключено, что будет лишь не более двух секунд на то, чтобы прицелиться и выстрелить, так что он не мог позволить себе даже малейшую трату драгоценного времени.

В течение нескольких минут он сидел неподвижно, ожидая, чтобы улица обезлюдела. Последнее путешествие произошло примерно неделю назад, и он понял, что выбрал подходящее время. Бретон почувствовал, как от возбуждения сжимаются его кровеносные сосуды — существенный фактор, вызывающий приступ мигрени, — а электрические импульсы в его мозгу, более быстрые, чем обычно, обусловили состояние полного напряжения, необходимое для перехода в прошлое. Почти психопатическая смена ощущений, так хорошо знакомая страдающим мигренью как симптом приближающегося приступа, воздействовала на его сознание, окружая обычные предметы подвижным ореолом грозной неизбежности, надвигающейся опасности. Как только улица опустела, Бретон вылез из автомобиля, вытащил штуцер, сунул его под непромокаемый плащ, удерживая через карман. Порывы ночного ветра налетали на него со всех сторон, ощупывая его, как пальцы слепого, когда он неуверенно шел со спрятанным грузом.

Когда он подошел ко входу в парк со стороны Пятидесятой улицы, у него появились первые признаки расстройства зрения. Робкое мелькание расширялось быстрее и быстрее по полю зрения правого глаза, рассыпаясь феерией

радужных искр. Бретону это напомнило рой водяных жуков, в блестящих коричневых покровах которых отражается, расщепляясь, солнечный свет. Он был доволен, что это не опускающаяся черная звезда; зигзаги формировались дольше, обеспечивая ему какой-то резерв времени.

Войдя в парк, он направился к центру дорожками, на которых металлически шелестели сухие листья. Редкие посетители, главным образом парочки, сидели на скамейках вблизи освещенных дорожек, но Бретон свернул в сторону, к широкому газону посреди парка, где в течение нескольких секунд его поглотила мягкая темнота. Он вынул из-под плаща оружие и неуверенно поднес его к лицу, чтобы откорректировать ноктовизор, но его правый глаз был совершенно ослеплен кавалькадой перемещающихся перед ним цветных зигзагов. Он понял, что ему остается только довериться предшествующей настройке. Подвижный красочный занавес достиг максимальных размеров, когда Бретон нашел три вяза.

Он приблизился на расстояние тридцати ярдов к образованному деревьями треугольнику, перебросил через левое плечо широкий кожаный ремень штуцера и опустился на одно колено, приняв классическую позу стрелка. Подмокшая почва отпечатала на его ноге холодный влажный овал. Должно быть, я помешался, подумал он, осознав, что снова и снова повторяет шепотом имя Кэт. Он коснулся края шляпы, результатом чего был низкий бренчащий звук, источником которого были мощные батареи, размещенные в разных точках его тела. В этот момент присоединенный к цепи иньектор выстрелил дозой кинина в выбритое место над правым виском. Бретон ощутил леденящий укол, а затем чудовищную боль, медленно расплзающуюся по мере того, как химическое соединение распространялось по сосудам мозга. Он заметил совершенно абстрагировано, что поблизости нет людей, что все меры, которые он принял, чтобы не привлечь к себе внимание, оказались совершенно излишними. В следующее мгновение радужный сияющий занавес начал неистово сжиматься. Да, пришло время!

— Кэт! — выкрикнул он. — Кэт!

Она приближалась, неуверенно двигаясь в темноте, а ее бледно-голубое платье и серебристая шаль светились, как будто они были покрыты фосфоресцирующим составом. Из-под растрепанного свода вязов появилась черная

фигура, нечто похожее на отвратительную хищную птицу. Вытянув вперед руки, мужчина бросился на Кэт, у которой вырвался вопль ужаса. Бретон прицелился в черный силуэт, но его палец задержался на спуске. Эти два тела сплелись так тесно, что пуля могла поразить обоих — и что тогда? Он чуть приподнял левое плечо и, когда на какой-то миг мушка штуцера совместилась с головой мужчины, инстинктивно выстрелил. Штуцер ударил его в плечо, а темная голова перестала быть головой...

Долгое время Бретон лежал, вжимая лицо в микрокосмос травы и корней деревьев. Под левой рукой он ощущал тепло разогревшегося от этого единственного выстрела штуцера, чувствовал, как ствол остывает, и все это время был не в состоянии шевельнуться. Его охватила опустошенность, настолько лишившая его способности действовать, что даже додумывание до конца мысли требовало величайшего усилия. «Интересно, как долго я буду здесь лежать?» — размышлял он. Страх, что кто-нибудь найдет его, не давал ему покоя, постепенно переходя в панику, но Бретон чувствовал себя так, как будто был заключен в мертвое тело.

Его разум также вел себя совершенно иначе. Напряжение отступило, накопленная энергия разрядилась в противоестественном психическом оргазме путешествия. Великое путешествие! Наконец-то он совершил его, подумал Бретон с удовлетворением: восемь лет неустанной работы принесли плоды — минуту успеха. Он задержал неумолимый ход времени и...

Кэт!

Внезапное сознание того, что произошло, подействовало на него, как шок: помимо воли Бретон шевельнулся и разогнул руку. Процесс вставания был долгим: вначале силой плеч он оторвал тело от земли, затем подтянул ноги, сперва одну, потом другую, и только тогда перенес на них тяжесть тела. Снял с плеч оружие, спрятал его под плащ и сделал первый шаг. Поблизости от вязов никого не было, но это его не особенно удивило. Мужчину, которого он убил, обнаружили и забрали восемь лет назад, а Кэт наверняка дома. «Место женщины в доме», — пришла в голову идиотская мысль. Он пустился бежать, двигаясь гротескно, так как ноги отказывались ему служить. Этот бессознательный порыв длился до того момента, когда он, прибли-

звившись к выходу, увидел два молочно-белых шара, укрепленных на ближайших столбах, и вновь обрел способность мыслить.

Внезапно какой-то голос шепнул ему: «Если Кэт дома, то что ты делаешь здесь, в парке, с ружьем?»

«Если Кэт жива, то как ты можешь помнить ее похороны?»

Несколько позже Бретон, пользуясь состоянием полной вменяемости, проехал мимо своего дома. Новые хозяева еще не вселились туда, и табличка с надписью «Продается» еще висела, отражая случайные лучи уличного фонаря. Бретон внезапно ощутил желание войти в дом и убедиться, но вместо этого он сильно нажал на акселератор. Старый «бьюик» вздрогнул и помчался по тихой улице. Во всех других домах горел свет.

Бретон подъехал к бару, расположенному в северной части города почти на краю прерии, где метелки сорняков терлись о дверь, как изголодавшиеся собачонки. Усевшись за длинной стойкой, он заказал виски в первый раз со времени того кошмарного запоя восемь лет назад и глянул в янтарную глубину напитка. Как он мог не догадаться о том, что неизбежно? Почему его разум, ушедший так далеко своей одинокой дорогой, отступил перед последним, столь очевидным выводом?

Он вернулся к тому моменту, когда застрелил этого человека, но ведь это не могло изменить реальность, в которой Кэт постигла смерть. Бретон обмакнул палец в виски и начертил на гладкой пластиковой поверхности стойки прямую линию. Некоторое время он всматривался в нее, после чего нарисовал ответвление. Если первая линия представляла его поток времени, тот, в котором ничто не изменилось, то эти несколько секунд, вырванные у прошлого, заставили время пойти по другому пути. Когда минул короткий момент убийства, он вернулся в настоящее, в свой собственный поток времени. Вместо того, чтобы в нем вернуть жизнь Кэт, он предотвратил ее смерть в том, другом.

Бретон отхлебнул виски, стараясь освоиться с мыслью, что Кэт живет где-то. Взглянул на часы. Почти полночь. Может быть, Кэт уже в постели или же пьет последнюю чашку кофе со своим мужем — другим Джеком Бретоном. Поскольку путешествие Бретома в прошлое дало начало новому потоку времени и сотворило другую Вселенную, в которой существовал дубликат Джека Бретома, эта Вселен-

ная должны была иметь свои города, материки и океаны, планеты, звезды и разбегающиеся Галактики, но ничто из этого не имело никакого значения в сравнении с тем фактом, что он одарил Кэт другой жизнью, которую она должна делить с другим мужчиной. Конечно, было бы заблуждением утверждать, что этот мужчина — он сам, поскольку человека создает сумма его опыта, а ведь тот, другой Бретон не смотрел на лицо мертвой Кэт, не познал угрызений совести и не посвятил восемь лет жизни непрерывным усилиям, направленным на возвращение Кэт Бретон.

Ответившаяся линия, которую он нарисовал, бежала дальше, исчезая где-то за стойкой. Бретон мрачно всматривался в нее. Он чувствовал, что исчерпал что-то в нем заключавшееся, что он уже никогда не будет в состоянии мобилизовать ту великую силу, которая бросила его вспять, преодолев барьер времени. Но если так...

Он снова намочил палец и поставил точку на линии, представляющей главный поток времени, обозначив тем самым настоящее, а затем нанес соответствующую точку на параллельный участок ответвления. После минутного размышления он соединил обе точки толстой черточкой.

Внезапно он понял, почему глубоко укрытая, но бдящая часть его сознания, управляющая всем этим, позволила ему двигаться выбранным путем в течение восьми лет. Он бросил вызов времени, чтобы вызвать к жизни другую Кэт, что было значительно более трудным заданием, нежели то, которое еще стояло перед ним. Поскольку теперь можно было бы дотянуться до нее.

IV

Было уже далеко за полночь, когда Джек Бретон умолк; он видел, что они почти убеждены.

С определенного момента Джон Бретон и Кэт начали ему верить, и поэтому, чтобы не утратить их доверия, ему надлежало быть очень осторожным. До сих пор все, что он им сказал, было правдой, но теперь он начнет лгать, и ему следует быть очень внимательным, чтобы не попасть в собственные сети. Он сидел в глубоком кресле и всматривался в Кэт. За последние девять лет она почти не изменилась, за исключением, может быть, глаз и того, что теперь она сознавала свою красоту.

— Это, должно быть, какой-то трюк, — сказала она с

напряжением, не желая без боя отказываться от доводов здравого разума.— У каждого есть двойник.

— Откуда ты знаешь?— Оба мужчины спросили одновременно, идеально синхронно, и взглянули друг на друга. Кэт побледнела, как будто случившееся явилось для нее каким-то доказательством.

— Я об этом читала...

— Кэт штудировает странные журналы,— прервал ее Джон.— Если какая-то вещь приключится, независимо, с суперменом или Диком Трейси, это значит, что она достоверна. Логично.

— Не отзывайся так о ней,— сказал Джек спокойно, с трудом сдерживая внезапный порыв злости к своему второму воплощению.— Не так легко поверить в такое без доказательств. Ты должен знать об этом, Джон.

— Без доказательств?— Кэт сразу же ожила.— А о каких доказательствах может идти речь?

— Например, отпечатки пальцев,— ответил Джек.— Но для этого нужно иметь соответствующее оборудование. Воспоминания — это значительно легче. Я рассказал Джону кое-что. Такое, о чем, кроме него, не знает никто на свете.

— Ага. Это значит, что я должна подвергнуть тебя такому же испытанию?

— Да.— В его голосе прозвучала нотка сомнения.

— Ладно. Так вот, мы с Джоном ездили в свадебное путешествие в Лейк-Луи. В тот день, когда мы оттуда уезжали, мы пошли в индейскую лавку и купили несколько ковриков.

— Разумеется. Мы покупали там коврики.— Джек мягко выделил слово «мы».— Там, возле окна, как раз висит один из них.

— Но это не все. Старая хозяйка лавки что-то дала мне в подарок, потому что мы были в свадебном путешествии. Что это было?— Лицо Кэт было напряженно.

— Нет...— Джек заколебался. Что-то должно было подгадить. Она победила его, причем без малейших усилий.— Я не помню, но это ничего не доказывает.

— Не доказывает?— Кэт смотрела на него с триумфом.— Действительно, не доказывает?

— Нет, не доказывает,— вмешался Джон Бретон.— Я тоже не помню этой детали, дорогая. Не могу припомнить, чтобы эта старая ведьма что-нибудь давала нам.— В его голосе прозвучало сожаление.

— Джон! — обратилась к нему Кэт. — А та пара маленьких детских мокасинов?

— Ничего подобного не могу вспомнить, дорогая, я никогда их здесь не видел.

— Потому что у нас нет ребенка!

— Это следствие планирования семьи. — Джон глупо улыбнулся, глядя на виски в стакане. — Что его у нас нет.

— Всегда ты со своими безнадежными остротами! — сказала Кэт с горечью.

Джек слушал все это со странным чувством замешательства. Он сотворил этих людей, сотворил столь же несомненно, как если бы он, бродя по Земле среди библейских молний, вдохнул жизнь в два комочка глины, а они жили независимо от него. «Девять лет, — подумал он, — они жили, не ведая того, что были обмануты». Он коснулся пальцем гладкой металлической поверхности пистолета в кармане.

Джон Бретон провел пальцем по краю бокала и извлек из него серебристый вибрирующий звук.

— Проблема состоит в том, что мы не знаем, говорит ли этот человек правду. Я вижу самого себя, сидящего напротив, и ты видишь меня, сидящего напротив. Взгляни на эту запонку для галстука — голову отдаю на отсечение, что эта та самая, которую ты собственноручно изготовила на тех курсах ювелирного дела, на которые мы ходили перед браком. Правда... Джек?

Джек Бретон кивнул. Он вытащил потертую запонку и протянул ее Кэт. Она поколебалась, а потом взяла ее так, чтобы их руки не встретились. Поднося запонку к свету, она прищурила глаза, а у него от волнения перехватило дыхание. Потом она резко встала и вышла из комнаты, оставив их одних — двоих мужчин, которые смотрели друг на друга, сидя у камина, полного белеющих поленьев.

— Но это еще не все, правда? — сказал Джон Бретон, стараясь, чтобы его голос звучал равнодушно.

— Да. Я потратил еще один год на модифицирование хрономобиля, чтобы совершить путешествие во времени. Для этой цели необходимо ничтожное количество энергии. Например, чтобы попасть сюда, я совершил путешествие, которое заняло, скажем, одну миллионную долю секунды. Ты скажешь, что это невозможно...

— Не о том речь, — прервал его Джон. — Речь идет о том, каковы твои планы. Что будет теперь?

— А что, по-твоему, должно быть? Как я уже сказал,

ты живешь с моей женой, которую я хочу вернуть.— Джек Бретон внимательно наблюдал за реакцией своего второго воплощения и убедился, что она до изумления слаба.

— Но ведь Кэт моя жена. Ты сам говорил, что отпустил свою жену одну, без защиты, и из-за тебя она была убита.

— В той же мере и из-за тебя, Джон. Но это я посвятил девять лет жизни, чтобы получить возможность вернуться и исправить свою ошибку. Не забывай об этом, приятель.

Губы Джона Бретона упрямо сжались.

— В самой основе твоих рассуждений есть нечто несоответствующее, но я, несмотря ни на что, хочу знать, что ты намерен делать дальше. У тебя в кармане оружие?

— Разумеется, нет,— ответил Джек быстро.— Как мог я хотя бы подумать об умерщвлении самого себя, ведь это было бы равносильно самоубийству.— Он замолчал, вслушиваясь, как Кэт наверху отпирает и запирает ящики.— Нет, мы имеем дело с вечной проблемой треугольника, и единственный разумный выход из этой ситуации — это предоставить заинтересованной даме выбор одного из нас.

— Вот так выбор!

— Разумеется, это выбор, Джон. За девять лет мы оба изменились. Сейчас мы — двое разных мужчин, каждый из которых считает, что имеет права на Кэт. Я хотел бы остаться здесь, скажем, на неделю, чтобы она успела освоиться с этой мыслью, а потом...

— Ты с ума спятил! Ты не можешь так просто втиснуться между нами!

Внезапный взрыв злости Джона Бретона удивил Джека.

— А почему бы и нет? Я считаю это совершенно нормальным.

— Нормальным?! Являешься неведомо откуда...

— Я уже один раз явился неведомо откуда, и тогда Кэт была этим вполне удовлетворена,— прервал его Джек.— Может быть, я еще могу кое-чем помочь ей. Мне что-то не кажется, что ваша совместная жизнь очень счастливая.

— Это наше дело.

— Согласен. Твое, Кэт и мое. Наше дело, Джон.

Джон Бретон сорвался с кресла, но, прежде чем он успел что-либо сказать, вошла Кэт. Он повернулся к ней спиной и, остановившись у камина, пнул носком туфли догорающее полено, которое взорвалось в темной глубине камина фейерверком топазовых искр.

— Нашла,— сказала спокойно Кэт. В протянутых руках

она держала две идентичные золотые запонки для галстука.— Они одинаковые, Джон. А свою работу я всегда узнаю.

— Как тебе это понравится?— сказал с горечью Джон Бретон, обращаясь к цветным искрам камина.— Ее убедила запонка для галстука. Первый попавшийся тип мог подделаться под меня, и это для нее ничего не значит, но зато она уверена, что никто не подделает такую штуку, как ее проклятая запонка.

— Здесь не место для ребячества.

Кэт смотрела на спину Джона, в результате чего один из ее преувеличенно презрительных взглядов пропал зря.

— Все мы утомлены,— сказал Джек.— Я бы охотно лег.

Кэт неуверенно подошла к нему, чтобы возвратить запонку. Их пальцы на миг соприкоснулись, пробудив в нем горячее желание обнять ее до боли близкое тело, обтянутое шелком. Их глаза встретились, создав ось, вокруг которой остальной мир, казалось, вращался, как клубы туч, разорванные смерчем. После того, как она отвернулась, у него осталось впечатление, что он заметил в ее лице те сочувствие и прощение, которых он так отчаянно желал в течение девяти минувших лет.

Позже он стоял у окна комнаты для гостей, вслушиваясь в голоса старого дома, который готовился ко сну на ту небольшую часть ночи, которая им еще осталась. Неделя, подумал он. Столько я могу подождать. По прошествии недели он будет в состоянии занять место Джона Бретона, и никто, кроме Кэт, не заметит разницу.

Когда он уже собирался отойти от окна, ночное небо вдруг распалось на миллионы звездных обломков в ливне вспыхивающих метеоритов. Он лег и постарался уснуть, но с чувством странного беспокойства убедился, что ожидает дальнейших взрывов звезд.

В конце концов он встал, задернул шторы и лишь после этого погрузился в теплый, черный океан сна.

V

Джон Бретон медленно открыл глаза и, напрягая зрение в слабом янтарном свете, ожидал возвращающееся волнами ощущение собственного «я». Прямоугольник слабого света... что это может быть? Окно спальни во мраке? Или

облик какого-то духа, освободившегося от тела? Или кино-экран? Дверь в какое-нибудь другое измерение? Временами ему казалось, что каждый сон вызывает некий распад его личности и что ее новое формирование на следующее утро полностью зависит от того, находится ли он среди соответствующих реалий. Если бы он, например, пробудился в другом окружении, среди других предметов, он мог бы начать совершенно иную жизнь с легким, однако, подозрением, что здесь что-то не в порядке.

Он почувствовал движение рядом с собой в кровати и обернулся в ту сторону. Спящее лицо Кэт...

Он пробудился окончательно, вспоминая вечер и появление Джека Бретона. Это было более худое, хуже одетое, более упрямое воплощение его самого. Безнадежный тип, какое-то чокнутое существо, которое не видит ничего плохого в том, чтобы влезть к человеку и его жене в дом, предложить им совершенно нелепый план.

Так, значит, Кэт должна выбрать одного из них!

Бретон силился осознать, почему он не приложил свой кулак к этим столь знакомым губам. Он, конечно, был пьян, но дело не только в этом. Может, потому, что Кэт, притворяясь, что не принимает этого дела всерьез, все же согласилась с ситуацией?

А может быть, потому, что этот фантастический вымысел каким-то образом обнажил слабые стороны их супружества? Они вместе одиннадцать лет, и все это время они не только вместе пережили хорошее и плохое, но и, что куда хуже, постоянно отдалялись друг от друга. Собственно, теперь они вечно на ножах. Чем больше денег он зарабатывал, тем быстрее росли потребности Кэт; он работал все больше и больше, а она становилась все более равнодушной. Эскалация холода и отчуждения.

Появление Джека Бретона могло означать легкое, не отягченное чувством вины бегство. Джек с Кэт могли бы куда-нибудь уехать, или, холодно подумал Джон, он мог бы оставить их одних, прекрасно тем самым выпутавшись из этой ситуации. Он возьмет немного денег и поедет куда-нибудь — в Европу, в Южную Америку, даже на Луну. Бэз Сильвера сообщает в своих последних письмах из Флориды, что возьмет любого хорошего инженера-практика, который согласится.

Бретон лежал в своем теплом, мягком туннеле, в полусознании, размышляя над этой идеей, когда, наконец, с опозданием трезво уяснил себе, что этот дубликат его лич-

ности не был сном. Он должен будет сопротивляться ему весь день и многие следующие дни. Слегка нервничая, он встал, набросил халат и пошел завтракать.

Кэт Бретон не открывала глаз, пока Джон не вышел из комнаты, не вставая, она начала делать ногами такие движения, как будто шла, пока простыня не сбилась в комок в ногах постели; потом полежала некоторое время неподвижно. Лежа так, параллельно серо-белой плоскости потолка, она размышляла о том, принимает ли Джон душ, или он пошел вниз. Он мог в любую минуту вернуться в комнату и увидеть, как она лежит нагая, но это не произвело бы на него никакого впечатления. (С антропологической точки зрения, ее нельзя назвать правильно сложенной,— сказал он ей раздумчиво не далее как месяц назад.— Сложение женщины характеризуется конусообразными формами, а у тебя они несколько расползлись.)

«Джек Бретон никогда бы не сказал ничего такого»,— подумала Кэт, вспоминая худую, довольно обшарпанную фигуру с глазами Суинберна в последние дни его жизни. Этот человек излучал чувства, как экран немого кино; несмотря на то, что Кэт не ощущала психической связи с ним, она отдавала себе отчет в том, что начинает реагировать на него, реагировать остро, неудержимо. Джек Бретон был почти классическим типом романтического героя, способного посвятить жизнь недостижаемому идеалу. Это лицо, отмеченное печатью боли, скрывало нечто, что велело ему бросить вызов самому Времени — для нее, для Кэт. «Я в определенном смысле уникальна»,— подумала она с удовлетворением.

Атмосфера восхищения, сгущающаяся вокруг нее, нарастала, как циклон чувств, усиливая волнение в груди. Кэт встала и задумчиво посмотрела на себя в высоком зеркале.

Джек Бретон стоял у окна комнаты для гостей, глядя на мир, одетый в утреннюю серость. Мир Времени В. Ему пришло в голову, что кроме главной разницы, заключающейся в существовании Кэт, эти два потока времени могли иметь между собой и другие отличия. В этом мире убийца-психопат погиб при странных обстоятельствах, которые могли многое изменить,— особенно если иметь в виду его «несостоявшиеся» жертвы. Кроме того, во Времени В инженерная фирма Бретона процветала, открывая перед Джоном разнообразные возможности. Джек Бретон понимал,

что должен выявить эти отличия и поскорее приспособиться к ним, чтобы в соответствующий момент занять место Джона Бретона по возможности без шума.

Размышляя о том, как следует ликвидировать тело, он поморщился при виде темных, равнодушных силуэтов букв в глубине сада. Кроме технических проблем, оставалась проблема куда более деликатная: реакция Кэт. Если бы она хоть на мгновение заподозрила, что он убил Джона, то это было бы концом всего. Она должна верить, что Джон согласился исчезнуть из ее жизни или, если это не удастся, что он погиб в результате несчастного случая.

Внезапно взгляд Джека остановился на маленьком се-ребристом куполе, который виднелся за линией букв. Ага, это значит, что Джон все-таки построил в саду приличную обсерваторию; Джек всегда намеревался это сделать, но не имел на это времени. А другое его воплощение осуществило это. Его другое воплощение продолжало жить с Кэт и делать многие другие вещи.

Усталый и одинокий, Джек Бретон еще некоторое время постоял у окна, после чего осознал, что в доме началось движение. В воздухе разнесся приятный запах кофе и жареной ветчины. Он вышел из спальни и спустился по длинной лестнице в кухню. Несмотря на раннее время, Кэт была уже полностью одета и «обработана». На ней был свитер с начесом из шерсти цвета кофе с молоком и белая юбка. Когда он вошел, она расставляла на столе тарелки. При виде ее сердце Джека замерло, а потом лихорадочно заби-лось.

— Привет, Кэт,— сказал он.— Могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

— О... привет. Нет, благодарю.— Джек увидел, как на ее скулах вспыхнули розовые пятна.

— Ты не должна тратить время на домашние дела,— заявил он с шутливой галантностью.

— В этом отношении ты можешь быть совершенно спо-коен,— заговорил стоявший поблизости от окна Джон Бретон, и только тут Джек осознал, что в комнате присутствует фигура в халате.— У нас есть прислуга, которая выполняет в отношении Кэт роль волнореза в этих делах. Кстати, в котором часу приходит миссис Фиц?

— Она не придет вообще,— ответила Кэт коротко.— Я позвонила ей и сказала, что в течение нескольких дней она не будет нам нужна.

Казалось, Джон не слышал ее слов. Опершись о подо-

конник и приблизив ухо к радиоприемнику, он явно чего-то ждал. Джек, игнорируя его, обратился к Кэт.

— Вот именно!— улыбнулся он.— Ты не сделала бы этого, если бы меня здесь не было. Я имею право помочь.

— Когда все уже готово. Давайте садитесь.

Их глаза встретились, и Джек чуть было не потянулся и не взял то, что должно было принадлежать ему. Однако он послушно сел, хотя все его чувства восставали против этого. Опустошенность предшествующего вечера отступила, и его еще раз захлестнуло чудо существования Кэт. Она была живая, теплая, реальная, окруженная ореолом эмоциональной значимости, более великолепная, чем все звезды безмерности Вселенной Времени В...

Джон Бретон вдруг подкрутил радиоприемник, и голос диктора, читающего последние известия, зазвучал неожиданно громко, вызвав тучку на лице Кэт.

— Радио должно говорить так громко?

— Сейчас будет тихо.

— Не понимаю, зачем...

— Тихо!— Джон включил радио на полную громкость, и голос диктора загремел, искажаемый помехами:

«...теперь пришла очередь восточного полушария. Сотрудник обсерватории Моунт Пэлмар заявил, что это великолепнейший метеоритный дождь в истории и что он не проявляет никакой тенденции к ослаблению. Телерепортаж из Токио, где в настоящее время это явление достигло кульминации, будет передан всеми крупными станциями, как только будут устранены неполадки, связанные со спутниками-ретрансляторами, появившимися несколько часов назад.

Мистер К. Дз. Окстоби из «Астла», одной из крупнейших компаний, обслуживающих спутники связи, опроверг переданное ранее сообщение, в котором говорилось, что спутники сошли с синхронизированных орбит. Другим, более вероятным объяснением помех в передачах прошлого вечера, явившихся поводом к многочисленным жалобам телезрителей, является повреждение спутников метеоритами.

А теперь о делах местных. Предложение ввести на ряде улиц одностороннее движение натолкнулось на яростные протесты...»

Джон Бретон приглушил звук.

— А жизнь течет дальше,— сказал он чуточку вызыва-

юще, как бы оправдываясь, что он не может сказать ничего важного касательно треугольника Джон — Кэт — Джек. Джек с минуту размышлял, для кого предназначались эти оправдания.

— Разумеется, течет. Мир идет вперед. Съешь что-нибудь и не думай об этом слишком много.

Джек усмехнулся с некоторым превосходством, видя, какой вес придает его другое воплощение мелочам.

— Не нравятся мне эти метеориты,— сказал Джон, усаживаясь.— Вчерашний день — это был какой-то сплошной кошмар. Гравиметрические замеры не удались, приташились Пэлфри, я выпил космическое количество виски, не имея к тому ни малейшей охоты, совершил длинейшее в жизни путешествие, и даже небо вздумало пошутить, а в придачу...

— Как будто всего этого было мало, появился я,— закончил Джек.— Понимаю, что для тебя это трудная ситуация, но я имею все права на то, чтобы быть здесь, как мы установили вчера вечером.

— Ты установил,— буркнул Джон грубо.— Я даже представить себе не могу, как мне обсудить это дело с Кэт, коль скоро ты все время торчишь с нами.

— А что тут нужно обсуждать?— ответил Джек Бретон, не переставая жевать и демонстрируя отличное настроение.

Вилка Джона звякнула о тарелку. Некоторое время он сидел, опустив голову и разглядывая содержимое своей тарелки, после чего поднял глаза на Кэт с выражением неудовольствия.

— Значит, так? Ты уже оценила все наши достоинства и недостатки?

— Не смотри на меня так.— Голос Кэт звучал напряженно и раздраженно.— Ты хозяин дома. Если присутствие Джека тебе не нравится, то почему ты ничего не делаешь?

— Почему не сделаю? Потому что ты — единственная особа, которая могла бы что-то сделать. Достаточно тебе сказать, чтобы он ушел, потому что ты хочешь быть со мной. Что может быть проще?

— Я вижу, что ты делаешь все, чтобы усложнить дело,— сказала Кэт медленно.— Это умышленно?

— Отлично, Кэт,— ответил Джон, обрстая какую-то уверенность в себе.— Ты здорово умеешь сваливать с больной головы на здоровую. Ты меня удивляешь.

Губы Кэт беззвучно шевельнулись, когда она поднесла

к губам кофе в чашке бутылочного цвета, бросив на Джона поверх ее края один из своих преувеличенно презрительных, ребяческих взглядов. «Как это странно,— подумал Джек,— что такое неприятное чувство, как презрение, может действовать на нее столь омолаживающе».

Джон Бретон отодвинул тарелку и встал.

— Сожалею, что должен прервать разговор, но кто-то ведь должен и работать.

— Но ты вроде бы не собирался в бюро!— В голосе Кэт было слышно возбуждение.

— Я должен идти, а, кроме того, вам, наверное, о многом нужно переговорить.

Джек скрыл свое изумление, вызванное открытием по меньшей мере внешнего равнодушия Джона относительно близкой перспективы утраты Кэт.

— Ты действительно должен идти? Разве Хетти не может заменить тебя на несколько дней?

Джон наморщил лоб.

— Хетти? Какая Хетти?

— Хетти Кэлдер, разумеется.— Видя выражение растерянности на лице Джона, Джек ощутил беспокойство в области сердца. Ведь этот мир должен был быть параллельным, идентичным в каждой детали, так как же Джон Бретон может иметь какие-либо сомнения относительно того, кто такая Хетти Кэлдер?

— А, Хетти! Но с той поры прошло уже столько времени, что я почти забыл. Ведь Хетти нет в живых уже семь или восемь лет.

— Как это?

— Рак легких. Думаю, что это был именно рак.

— Но ведь я виделся с ней всего неделю назад. Она чувствовала себя великолепно и продолжала выкуривать по две пачки сигарет ежедневно.

— Может, в твоем мире она сменила сорт сигарет.

Джон равнодушно пожал плечами, и в этот момент Джек почувствовал, что ненавидит его.

— Разве это не странно?— спросила Кэт голосом удивленного ребенка.— То, что эта забавная бедная женщина где-то живет, занята своими делами и понятия не имеет, что мы были на ее похоронах... но она же вправду умерла...

Джек Бретон ощущал неистовую потребность поправить Кэт, но не нашел ни одного логичного довода. Потому что если Кэт действительно жила, то Хетти действительно дол-

жна была умереть — это вытекало из всей системы. Он пил горячий кофе, удивленный сильнейшим ощущением жалости, вызванным воспоминаниями о некрасивом, умном лице Хетти, которая, казалось, могла дышать только через воткнутую в рот сигарету.

— Иду одеваться.

В дверях Джон Бретон заколебался, как будто хотел еще что-то сказать, но, отказавшись от этой мысли, вышел из кухни, в первый раз оставив Джека наедине с Кэт. Через шторы падали косые расщепленные лучи бледного солнца. Кухню наполнила пульсирующая тишина, а Кэт, которая отчаянно притворялась, что ест, производила впечатление растерянной — она казалась совершенно не на месте на фоне уютного домашнего интерьера. Она потянулась за сигаретой и закурила. Бретон так сильно ощущал ее присутствие, что почти слышал, как тлеют табак и рисовая бумага ее сигареты, когда она затягивается.

— Мне кажется, что я пришел в самую пору, — сказал он наконец.

— Это почему? — Кэт избегала его взгляда.

— Потому что вы с Джоном близки к разрыву, правда?

— Это явное преувеличение.

— Кэт, — настаивал Джек, — ведь я видел вас вместе. Между нами никогда так не было.

Кэт смотрела на него в упор, и Бретон заметил неуверенность в ее глазах.

— Нет? Я должна признаться, что не очень хорошо понимаю всю эту историю с мирами А и В, но ведь до того вечера в парке ты и Джон были одним лицом, да?

— Да.

— Но ведь иногда между нами тоже случались ссоры и стычки. Я имею в виду, что это ты — в такой же мере в конце концов, как и Джон, — отказал мне в деньгах на такси и...

— Кэт, погоди! — Бретон силился осмыслить то, что сказала Кэт. Она, разумеется, была права, но в течение этих последних девяти лет он избегал определенных воспоминаний и не имел желания к ним теперь возвращаться. Мечта не выдержала испытания на разрыв.

— Извини меня, Джек, это было не честно. — Кэт стала улыбнуться. — Но ни один из нас не может стряхнуть с себя воспоминания об этом. Ну и тот лейтенант Конверс...

— Конверс? А это еще кто? — Бретон стал внимателен.

— Мужчину, который напал на меня, звали Спидел. Лейтенант вел расследование в связи с его смертью.— Кэт хмуро посмотрела на Джека.— А ты знаешь, что в ту ночь тебя там видели?

— Я не думал об этом.

— Тебя видели. Группа подростков, которые скопом занимались любовью в траве; они рассказали полиции, что внезапно над ними вырос мужчина с ружьем и так же быстро исчез. Словесный портрет, составленный по их рассказу, полностью подходил к Джону. Искренне говоря, я до самого вчерашнего вечера имела какое-то иррациональное убеждение, что это был Джон, хотя его и освободили от всяких подозрений. Наши соседи видели его — он в то время стоял у окна, а кроме того, его штуцер как раз был испорчен.

Бретон задумчиво кивнул головой, осознав внезапно, как мало надо было сделать, чтобы, спасая Кэт, заодно избавиться и от Бретона из Времени В. Ага, стало быть, полиция старалась свалить вину на Джона! Как жаль, что в соответствии с законами хрономобильной физики и оружие, и пуля вместе с человеком, убившим Спидела, должны были вернуться во Время А. Следы нарезов на пуле идеально соответствовали бы нарезке ствола испорченного, но использованного штуцера Джона Бретона. Эксперту по баллистике это дало бы повод для долгих размышлений.

— Я все еще не понимаю, что ты имеешь в виду, говоря о Конвери,— сказал он вслух.— Ведь ты сказала, что с Джона были сняты все подозрения.

— Конечно, но лейтенант Конвери не перестал здесь кружиться. Он заглядывает к нам каждый раз, когда появляется в этом районе. Забегает выпить кофе и завязывает с Джоном разговоры о геологии и окаменелостях.

— Не вижу в этом ничего особенного.

— И правильно. Джон даже любит его, но мне он напоминает то, что я предпочла бы забыть.

Бретон потянулся через стол и взял Кэт за руку.

— А что я тебе напоминаю?

Кэт вздрогнула, но не освободила свою руку.

— Может быть, что-то, о чем я хотела бы помнить...

— Ты моя жена, Кэт, и я должен тебя вернуть.

Он почувствовал, как ее пальцы переплелись с его пальцами. Кэт стискивала его руку, как будто хотела помериться с ним силой. Ее лицо напоминало лицо женщины во время родов. Так они сидели какое-то время в молча-

нии, пока не услышали за дверью шаги Джона Бретона. Джон, одетый в костюм пепельного цвета, вошел и сразу же направился к радиоприемнику.

— Я хотел бы еще раз перед уходом послушать последние известия.

— А я займусь уборкой,— сказала Кэт и начала убирать со стола.

Джек Бретон встал, чувствуя, что присутствие его второго воплощения чем дальше, тем больше действует ему на нервы. Он медленно прошел по всему дому и задержался только в тихой обособленности столовой. Кэт наконец отреагировала на его близость, и только это было важно. Именно поэтому он должен уладить эти дела надлежащим образом.

Самое разумное и практичное, чтобы сохранить в тайне свое существование во Времени В,— убить Джона, избавиться от тела и спокойно продолжать его жизнь. Но тогда у него всегда было бы чувство, что он обманул Кэт, тогда как сейчас он был полностью оправдан: он знал наверняка, что Кэт желает его как мужчину, которым Бретон стал во Времени В. Это имело принципиальное значение, так что теперь ему оставалось только тщательно разработать следующий маневр — ликвидировать Джона Бретона.

Джек Бретон сосредоточенно шагал по столовой, машинально брал в руки книги и разные безделушки, разглядывал их и затем аккуратно возвращал на место.

Его внимание привлекла пачка исписанных листов белой бумаги — особенно верхний лист, отличавшийся сложным круговым узором. Он взял этот лист и увидел, что то, что он принял за узор, было строкой, написанной от руки в форме правильной спирали. Поворачивая лист, он прочел строфу стихотворения:

Я ждал тебя, ждал тысячи ночей,
Оплакивал тебя с тоскою горькой,
Следя за мерным ходом стрелки часовой.
Но вкуса слез моих тебе не ощутить.

Он положил лист на место и уже поворачивался, чтобы отойти от стола, когда вспомнил эту строфу. Прошло несколько секунд, прежде чем небеса памяти разверзлись. Лоб Бретона покрылся холодным потом: он написал это

стихотворение в тот период, когда был близок к безумию после смерти Кэт, но никогда никому его не показывал.

А кроме того, это было в другом мире, в другом потоке времени.

VI

Джон Бретон совершил несколько напрасных попыток отправиться в бюро, но каждый раз возвращался за какой-нибудь мелочью: то за документами, то за сигаретами или блокнотом. Джек не смог выдержать все нарастающего напряжения; буркнув под нос что-то вроде извинения, он встал из-за стола и в поисках уединения поднялся в свою спальню. Присев на край кровати, он ждал, когда шины «линкольна» заскрежежут на покрытой гравием дорожке.

Услышав наконец этот звук, он спустился до середины лестницы, но задержался, погруженный в темно-коричневую тишину большого дома, словно шука, обдуманно выбирающая соответствующий уровень в мрачных водах. Девять лет, подумал он. Умереть... Коснуться ее и умереть.

Он спустился вниз, крадучись помимо воли, и проскользнул в кухню. Кэт стояла возле окна и мыла яблоки. Она даже не обернулась, продолжая полоскать фрукты в холодной воде. Эта обычная домашняя работа показалась ему неуместной.

— Кэт,— сказал он,— зачем ты это делаешь?

— Эти фрукты опрысканы инсектицидами.— Она все еще не хотела повернуть голову.— Я всегда мою яблоки.

— Понимаю. И ты должна делать это именно сегодня утром. Это ужасно срочно, верно?

— Я хочу положить их в холодильник...

— Но ведь это не срочно, правда?

— Нет.— Ее голос звучал жестко, как будто он заставил ее признаться в чем-то постыдном.

Бретон ощутил угрызения совести — ни к чему так мучить ее.

— Ты замечала, что смоченные водой фрукты приобретают блеск и живые краски?

— Нет.

— Да. И никто не знает почему. Кэт!

Она обернулась к нему, и тогда Джек схватил ее за руки. Они были мокрые, холодные и пробудили в нем кош-

марные, далекие воспоминания. Он поцеловал эти ледяные пальцы, охваченный жадой искупления.

— Не делай этого.— Она старалась вырвать свои руки, но он не отпускал их.

— Кэт,— сказал он настойчиво.— Я потерял тебя девять лет назад, но и ты ведь кое-что потеряла. Джон не любит тебя, а я тебя люблю. Все очень просто.

— Ты не должен судить Джона слишком поспешно.

— Я могу себе это позволить. Но взгляни на факты: он пошел сегодня на работу, как если бы ничего не произошло. И оставил нас одних. Как ты думаешь, я оставил бы тебя наедине с соперником, который сам объявил о своих намерениях? Я бы...— Он оборвал фразу, не закончив ее. Он намеревался сказать, что убил бы соперника.

По мере того, как Бретон приближал ее к себе, она говорила все быстрее, все отчаяннее. Он осторожно провел пальцами по ее шее, погрузил руку в ее волосы и прижал к себе. Несколько секунд она пыталась отстраниться от него, а потом — совершенно неожиданно — подставила открытые губы. Бретон не закрыл глаза во время этого первого поцелуя; он желал, чтобы этот поцелуй печатью оттиснулся в его сознании, чтобы он вознесся над временем.

Позже, когда они лежали в пергаментном свете спальни при спущенных жалюзи, он изумленно смотрел в потолок. А ведь это, подумал он, значит быть в здравом рассудке. Он насыщал свое сознание ощущением разрядки и удовлетворения, омывающим каждую клетку его тела. В таком настроении все, что связывает с фактом бытия, прекрасно. В эти минуты он мог испытать необыкновенную радость от тысячи обычных, забытых когда-то вещей, таких, как хождение по горам, рубка дров, вкус пива во рту или создание стихов.

Он положил руку на прохладное бедро Кэт.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.— Ее голос был сонным.

Бретон кивнул и осмотрел комнату совершенно по-новому. В притененном солнечном свете было что-то средиземноморское — он был мягким, но совершенно чистым. И не выявлял никаких изъянов во Вселенной В. Ему вспомнилась удивительно подходящая к обстоятельствам строфа с этого стихотворения.

Когда работал кистью Каналетто¹,
Казалось, вовсе он не пишет стену,
Но страсти силой заставляет камни,
В раствор одевшись, на свое лечь место.

Он приподнялся, опершись на локоть, и взглянул на Кэт.

— Я должен называться Каналетто, — сказал он.

Она посмотрела на него с несмелой улыбкой, а потом отвернула лицо. И Джек знал, что сейчас она думает о Джоне. Он опустил на подушку и рассеянно провел пальцем под ремешком часов, коснувшись скрытой под кожей выпуклости хрономобиля. Единственным изъяном во Вселенной В было существование Джона Бретона.

Но это положение вещей было, разумеется, преходящим.

VII

Джек Лармур скучающе смотрел через полукруглое стекло вездехода на плоскую, монотонную поверхность Луны. Двигатель вездехода работал на самых больших оборотах, но западный берег Моря Спокойствия, к которому он направлялся, казался таким же далеким, как и в начале пути. Время от времени Джек широко зевал и насвистывал унылый мотивчик. Он скучал.

В Пайн-Ридже, в Висконсине, перспектива работы в радарной службе Луны казалась неслыханно захватывающей и интересной. Теперь, после трех месяцев патрулирования трансляционных станций, он достиг состояния, когда начал вычеркивать дни в специально для этой цели изготовленном календаре. Он знал, что Луна безжизненна, но не представлял, однако, как плохо будет переносить полное отсутствие жизни.

«Если бы только, — подумал он уже в тысячный раз за время этого путешествия, — если бы только хоть что-нибудь шевельнулось».

Он откинулся назад, зевая особенно широко и поводя плечами, насколько ему позволяли скромные размеры кабины вездехода, когда внезапно что-то мелькнуло и сразу же исчезло на поверхности кратера, находившегося перед

1 Итальянский художник. — *Примеч. пер.*

ним на расстоянии какой-то сотни ярдов. Инстинктивно он нажал на тормоз, и вездеход остановился с противным писком. Лармур выпрямился в кресле, рассматривая раскинувшееся перед ним пространство и размышляя, не шутит ли с ним воображение. Минуло несколько невыносимо долгих секунд, во время которых лунный пейзаж оставался в блаженном спокойствии. Лармур уже хотел двинуться дальше, когда снова что-то мелькнуло, на этот раз левее, но немного ближе.

Он нервно проглотил слюну. На этот раз его взгляд наконец уловил это движение: какой-то пушистый, черь предмет величиной примерно в футбольный мяч, на миг подскочил над поверхностью Луны, чтобы немедленно снова спрятаться. Это явление повторилось по меньшей мере трижды, и каждый раз в другом месте.

— К черту!— сказал Лармур громко.— Если окажется, что я открыл лунных сусликов, то мое имя войдет в историю.

Рукой, которая чуточку дрожала, он потянулся к тумблеру радиопередатчика, но в ту же минуту осознал, что от Третьей базы его отделяет значительная выпуклость лунной поверхности, так что он не сможет установить контакт.

Перед лобовым стеклом вездехода вновь нахально высунулся пушистый шар и исчез. Лармур колебался не долее секунды, после чего быстро отсоединил отводную трубу, загерметизировал скафандр и приступил к необходимым для выхода из лунного вездехода приготовлениям. Спустя несколько минут он, с трудом подавляя ощущение нереальности, вылез из вездехода и стал неуверенно приближаться к месту, где в последний раз заметил движение. Продвигаясь вперед, он все время высматривал, нет ли вокруг чего-нибудь вроде нор сусликов, но многовековой слой лунной пыли был идеально гладким, если исключить беспорядочные следы его собственных ног.

Вдруг несколько пушистых шариков выпрыгнуло вблизи в радиусе пятидесяти шагов. Затаив дыхание и сосредоточив внимание, он постарался зафиксировать взглядом точку появления ближайшего. Шагая неуверенно в условиях низкой гравитации, он приблизился к этому месту и наступил свои рыжие брови, убедившись в отсутствии какой-либо ямки, которая могла бы быть связана с таинственным явлением.

Он опустил на колени, чтобы изменить направление

световых лучей, отражающихся от поверхности Луны, и тогда заметил напоминающее тарелку углубление с маленькой дырочкой посредине. Заинтригованный еще больше, он осторожно разгреб пыль, обнажив находящуюся на глубине трех дюймов скальную породу. Показалось правильное округлое отверстие диаметром около дюйма, как бы прорубленное сверлом. Лармур сунул в нее палец, но немедленно выдернул его, поскольку жар проник даже через перчатку. Скала в отверстии была раскалена буквально докрасна.

Лармур сидел на корточках и с беспокойством всматривался в черное отверстие. Он безрезультатно ломал голову над решением этой проблемы, когда на расстоянии всего нескольких футов молниеносно выскочил очередной серый шарик. На этот раз он почувствовал, как вздрогнул под его ногами лунный грунт. Это внезапно подсказало ему ответ — и это был такой простой ответ!

На Луне, где нет воздуха, в котором могли бы висеть распыленные частицы, пыль приобретает форму небольшого компактного твердого тела, которое падает на грунт быстрее, чем успевает заметить человеческий глаз. А единственной силой, которая могла бы оторвать от поверхности такие штуки, было падение метеорита!

А он, Лармур, покинул безопасное убежище вездехода, чтобы прогуливаться без всякой защиты в метеоритном ливне невиданной до сих пор интенсивности, среди снарядов, выпущенных миллиарды лет назад. Готовый рвать на себе волосы от собственной глупости и отсутствия опыта, он вскочил и неуклюжими прыжками помчался к ожидавшему его вездеходу.

Старый четырехмоторный самолет тяжело тащился в ночном небе над северной Гренландией. Внутри его цилиндрического ворчащего брюха Денис Содерман заботливо склонился над своей аппаратурой, время от времени подкручивая ручки настройки. Он работал четко и сноровисто, но с пренебрежительным видом человека, который, хотя и убежден, что выполняемая им работа полезна, знает, что он создан для более высоких целей.

Рядом с Содерманом доктор Косгроу пропускал через пальцы серую бумажную ленту, как портной, отмеряющий материю. В нездоровом свете висящей над ним лампочки его еще не старое лицо производило впечатление осунувшегося и усталого.

— Вообще мы не должны ждать, пока наш компьютер переработает этот комплекс данных, Денис, — сказал Косгроу. — Поток частиц, выброшенных Солнцем, значительно выше нормы. Мы никогда не сталкивались с такими результатами, даже во время появления пятен на Солнце. Пояса Ван-Аллена пропитаны этим свинством, как губка, а кроме того, сообщение о колебаниях солнечных характеристик из Массачусетского Технологического института, похоже, указывает на то, что...

Денис Содерман перестал слушать. Он довел до совершенства искусство отключения и невосприятия монотонного голоса старшего коллеги, но на сей раз это было нечто большее, чем действие механизма самозащиты от последствий неукротимого педантизма. Что-то странное происходило с самолетом. Сидевший далеко от его центра тяжести, Содерман ощутил мимолетное, слабое, как бы спиральное движение. Длилось это не дольше полусекунды, но Содерман был неплохим пилотом-любителем, и факт, что стотонный самолет начинает помахивать хвостом, как лосось, обеспокоил его не на шутку. Он напряг все свои чувства. В течение нескольких секунд он не чувствовал ничего, кроме типичных для нормального полета ощущений, а потом история повторилась: молниеносный рывок и разворот. Содерман почувствовал, как от страха у него свело желудок.

— Там, впереди, какие-то нелады, — сказал он. — Не нравится мне, как вздрагивает эта старая рухлядь.

Косгроу взглянул на него поверх перфорированной ленты.

— Я ничего не заметил. — В его голосе прозвучало порицание в адрес Содермана по поводу недостаточной сосредоточенности последнего на выполняемой работе.

— Доктор, я нахожусь дальше в хвосте и поэтому чувствую...

Он не договорил, потому что самолет внезапно завалился набок, затрясся, выровнялся, а затем зловеще умолкли, как будто их одновременно выключили, все четыре двигателя. Содерман, которого сорвало с кресла и швырнуло на приборы, поднялся и побежал вперед мимо доктора Косгроу, удачно избежав столкновения с ним. Проход между сиденьями стал заметно наклонным; это свидетельствовало о том, что нос самолета направлен вниз. Второй офицер с посеревшим лицом столкнулся с ним у двери в кабину пилота.

— Быстро в хвост и упритесь во что-нибудь покрепче!

Мы летим вниз!— Офицер даже не пытался скрыть паники, заметно звучавшей в его голосе.

— Летим вниз?! Куда вниз? В радиусе трехсот миль нет ни одного аэродрома!

— Это ты мне будешь говорить, что здесь нет аэродромов?

Даже в такой отчаянной ситуации летчик ревностно охранял свое превосходство над обычными смертными и не захотел унизиться до разговора на темы, связанные с его воздушным доменом, с каким-то профаном.

— Мы делаем все, что в наших силах, чтобы заставить работать двигатели, но капитан Айзекс не очень-то на это надеется. Похоже на то, что мы будем вынуждены сесть на снег. А теперь будьте так любезны и идите в хвост.

— Но ведь сейчас совсем темно! Никто не приземлится...

— А это уж наше дело.— Офицер подтолкнул Содермана в направлении наклоненного прохода, а сам вернулся в кабину пилота. Содерман, идущий за спотыкающимся Косгроу, почувствовал, что во рту у него пересохло.

Наконец они оказались в конусообразной части хвоста и сели на пол, упираясь спинами в стенку. На таком большом расстоянии от центра тяжести самолета каждое движение рулей ощущалось как тяжелое колыханис, что убеждало Содермана в приближении катастрофы. Молчавшие моторы не заглушали других звуков, поэтому трение корпуса о воздух казалось громким, неровным, зловещим — радостный хохот небес, довольных тем, что неприятель обречен на смерть.

Содерман старался примириться с мыслью, что в течение нескольких ближайших минут умрет, он отдавал себе отчет в том, что ни одна комбинация везения, мастерства пилота и прочности конструкции машины не спасут их при ударе о землю. При свете Солнца или хотя бы Луны они еще имели бы какой-то шанс, но в этой непроницаемой тьме результат вынужденной посадки мог быть только один.

Он стиснул зубы, клянясь себе, что по крайней мере погибнет с достоинством, какое проявлял доктор Косгроу, но когда произошло столкновение, он не мог удержать крик. Его голос, однако, был заглушен ужасным металлическим грохотом, длившимся, казалось, бесконечно. Ударившись о снег, самолет подскочил и тяжело запрыгал по земле. Эта безумная скачка увенчалась еще более неверо-

ятным грохотом, усиленным дребезжанием предметов, летящих по всей длине корпуса. Казалось, этот кошмар длился вечность; к тому же все лампы внутри самолета погасли. Когда все кончилось — сразу и неожиданно, — Содерман, к своему безграничному удивлению, убедился, что продолжает дышать, что каким-то чудом он остался жив.

Спустя несколько минут он стоял в аварийном выходе, глядя в ночное небо и потное лицо своего спасителя.

Рифленные вуали красного и зеленого цвета мигали и танцевали от горизонта до горизонта, отбрасывая на снежный пейзаж нереальные, театральные отблески. Это было северное сияние невиданной, просто сверхъестественной интенсивности.

— Это великолепная иллюстрация к тому, что я говорил о поясах Ван-Аллена, — заговорил безмятежно доктор Косгроу за спиной Содермана. — Солнечные потоки заливают верхнюю часть атмосферы заряженными частицами, которые убегает к магнитным полюсам. Скопление этих частиц, которому мы, несомненно, обязаны жизнью, является только одним из факторов...

Но Содерман перестал его слушать; его поглотило удовольствие, вызванное самим фактом жизни.

Доктор Фергус Рафаэл неподвижно сидел за рулем своего автомобиля, глядя на заляпанный маслом бетон университетского паркинга.

Он просто направит автомобиль с обрыва в море, и больше о нем никогда не услышат в академических кругах. Было время, когда он отдавался своей работе с великим энтузиазмом, не омрачаемым сознанием, что он, в сущности, никогда не познает удовлетворенности, которая была уделом работающих в других областях. Но годы сделали свое, и теперь доктор Рафаэл чувствовал себя измученным и усталым.

Он перестал притворяться, как привык это делать, что в любую минуту может уйти от своей навязчивой идеи, и вылез из машины. Небо было затянуто тучами, а коричневые листья каштанов шумно бежали от холодного, пронизывающего ветра. Подняв воротник, он зашагал в направлении безвкусного здания университета. Впереди еще один из многих очень обычных дней.

Спустя полчаса Рафаэл начал свой первый за это утро

эксперимент. Добровольцем был Джо Уэшберн, молодой студент-негр, который оказался обещающим объектом.

Рафаэл поднес к губам микрофон.

— Готов, Джо?

Уэшберн кивнул и помахал ему в окошке звуконепропускаемой кабины. Рафаэл щелкнул выключателем, а потом связался со своей ассистенткой, Джин Эрд, которая сидела в такой же кабине в противоположной стороне лаборатории, и проверил, все ли в порядке. Она помахала ему с деланным оживлением; Рафаэл счел его за доказательство того, что она чем-то угнетена. Он включил звукозапись, а сам устроился поудобнее в кресле и, закулив сигару, стал внимательно следить за экраном монитора.

«Интересно, как долго этот фарс будет длиться?— подумал он не в первый раз.— Какие еще доказательства потребуются, чтобы признать телепатический контакт невозможным?»

Джин Эрд отстучала свой первый символ, и на ее мониторе появился треугольник. За толстым стеклом кабины ее лицо казалось совершенно равнодушным, и Рафаэл задумался над тем, действительно ли Джин сосредоточенно посылает сигналы или просто сидит, нажимает кнопки и думает о вечернем свидании. Чуть позже засветился монитор Уэшберна: треугольник. Рафаэл, закулив сигару, ждал, когда можно будет сделать перерыв и выпить кофе. На мониторе Джин появился квадрат, и сразу же после этого такой же квадрат выдал Уэшберн. Девушка снова повторила треугольник, Уэшберн ответил ей той же фигурой. Потом были круг и звезда у Джин, круг и звезда у Уэшберна. Рафаэл почувствовал, как у него помимо воли учащается пульс. К нему вернулось давнее нервное возбуждение, которое могло быть причиной того, что он стал бы азартным игроком, если бы не нашел себя в научной работе. Он внимательно следил за тем, как Джин нажимает клавиши пяти абстрактных символов, используемых при проведении телепатических экспериментов. Восемью минутами позже она закончила тест, состоящий из пятидесяти сигналов.

И все пятьдесят сигналов были повторены Джо Уэшберном.

Рафаэл дрожащей рукой погасил окурок сигары. Поднимая микрофон, он чувствовал, как покрывается холодным потом, но постарался, чтобы голос его звучал по возможности равнодушно, дабы ни в коей степени не повлиять на ход эксперимента.

— Джин и Джо, это была разминка, а теперь перейдем к следующему тесту.— Они кивнули головами. Рафаэл отключил Джо и обратился уже только к Джин.— Я хотел бы, чтобы на этот раз ты использовала в равной мере как абстрактные, так и конкретные знаки.

Он склонился над пультом, следя за монитором взглядом человека, играющего в русскую рулетку. Пять дополнительных конкретных символов — дерево, автомобиль, собака, стул и человек — дополняли совокупность до десяти, делая тем самым и так уже капризное счастье еще менее достижимым.

В следующей серии из пятидесяти тестов Уэшберн сделал одну ошибку, а в трех очередных — ни одной. Рафаэл решил дать выход своим эмоциям и отпустить все сдерживающие его до сих пор тормоза.

— Послушайте,— сказал он полным напряжения голосом,— я не знаю, как вы это делаете, но с начала сегодняшнего эксперимента согласованность между вами стопроцентная, а ведь не мне говорить вам, что это значит. Пойдем дальше, посмотрим, куда это нас приведет.

В следующем комплексе тестов Уэшберн совершил четыре ошибки, потом две и ни одной из пяти очередных, которые подбросил ему Рафаэл, прежде чем выключить аппаратуру. И Джин и Уэшберн должны были лично сопоставить свои результаты, прежде чем поверили, что это не какой-нибудь новый трюк, введенный Рафаэлом как дополнительный элемент эксперимента. Когда, наконец, истина дошла до них, они долго смотрели друг на друга — испытующе, недоверчиво.

— Я считаю, что мы должны выпить кофе, Джин,— сказал Рафаэл.— Все это следует обмозговать.

Пока Джин варила кофе, Уэшберн ходил по лаборатории, улыбаясь, трясая головой, сжимая и разжимая кулаки. Рафаэл закурил следующую сигару и почти тут же погасил ее. Он осознал, что ему просто необходимо рассказать кому-нибудь о том, что произошло. И в тот самый момент, когда он протянул руку к трубке, телефон зазвонил.

— Междугородный разговор, доктор,— сказала телефонистка с университетской подстанции.— Звонит профессор Моррисон из Кливленда.

— Благодарю,— ответил Рафаэл глухо, потрясенный совпадением. Ведь он как раз собирался звонить Моррисону, своему лучшему другу среди немногочисленной группы ученых, занимающихся немодной сейчас проблемой парапсихо-

логии и экстрасенсорного восприятия. Рафаэл наперед знал, почему Моррисон позвонил, и его предчувствие нашло подтверждение в полном возбуждения тоне приятеля.

— Фергус? Благодарение богу, наконец-то я тебя поймал! Я должен тебе все это выложить, иначе я просто взорвусь. Ты представить себе не можешь, что тут происходит.

— Почему же, я представляю,— ответил Рафаэл.

— Ну и что же, интересно?

— В телепатическом эксперименте получен стопроцентный успех.

Изумление Моррисона было почти слышимым.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Может быть,— ответил Рафаэл уныло,— и я обладаю телепатическими способностями.

VIII

Почти целый день Джек Бретон не мог освободиться от впечатления, которое произвело на него обнаруженное им стихотворение.

Он расспрашивал Кэт с такой обстоятельностью, на какую только осмелился, о том, каким образом эта строфа была написана, и проявил живейший интерес к вопросу об автоматическом письме. Кэт это было приятно, она чувствовала себя польщенной его интересом и рассказала ему все относительно способностей Мириам Пэлфри.

Чувствуя, что ему становится все более не по себе, Джек Бретон исследовал результаты сотни опытов с автоматическим письмом и пришел к выводу, что та строфа была единственным подобного рода произведением, вышедшим из-под пера Мириам. Более того, это произошло уже после внедрения Бретона во Время В, и это ни в коей мере нельзя было считать случайностью. Единственным объяснением этого явления, пришедшим ему в голову, без учета того, как он располагал факты, была телепатия. А он не имел ни малейшего желания, чтобы кто-нибудь читал его мысли.

На следующее утро эта идея, казавшаяся совершенно безумной, подтвердилась совершенно неожиданным образом. И так уже натянутые отношения между Джоном Бретоном и Кэт заметно ухудшились после появления Джека. Джон стал еще более сухим и язвительным, если вообще

говорил с ней. И все время, как если бы хотел подчеркнуть собственные права на независимое существование в своей Вселенной, непрестанно ходил по дому с приемником под мышкой, запуская его во время передачи последних новостей на полную мощность.

А новости, которые Джек случайно услышал и усвоил частью своего сознания, говорили о необычайных событиях, но Джек был слишком занят своими личными делами и размышлениями над собственным будущим, чтобы обращать внимание на сообщения о делах научных. Если бы он не сделал открытие, что Мириам Пэлфри буквально выкрала что-то прямо из его разума, известие, что телепатические эксперименты сразу в нескольких университетах начали давать сенсационные результаты, вообще не дошло бы него. В свете этого сообщения, однако, Мириам перестала представлять собой необъяснимую угрозу, став просто одним из второстепенных явлений.

С удивлением он убедился, что его отношения с Джоном не испортились. Большой дом был наполнен почти осязаемым эмоциональным напряжением, так как Джон и Кэт все время лавировали, стараясь выбраться из тупика, в котором они находились. Но время от времени случались спокойные минуты, и тогда они с Джоном начинали разговаривать как близнецы, которые давно не видели друг друга. Не без удивления Джек открывал, что Джон значительно лучше и более детально помнит факты их общего детства. Сколько раз он спорил с ним, подвергая сомнению подлинность отдельных деталей, но каждый раз в конце концов соответствующая перегородка в его памяти рушилась, картина приобретала краски, и Джек убеждался, что Джон прав.

Он объяснил себе все это в порядке рабочей гипотезы частым возвращением к воспоминаниям, которые хранила их память: ведь в течение последних девяти лет Джон Бретон жил прошлым. Отсутствие удовлетворения жизнью во Времени В склоняло его ко все более частым проникновениям в хранилище старого опыта.

За короткое время с момента своего прибытия Джек заметил, что Джон безудержно интересуется старыми журналами и сравнивает всех с актерами и актрисами былых времен. Вся его мастерская в подвале была увешана фотографиями автомобилей тридцатых годов с их большими защитными стеклами спереди. («Хотел бы я поездить на такой старой близорукой колыхаге, — сказал как-то Джон. —

В этих больших, крытых тканью сиденьях ты не чувствуешь запах пыли?») А если Джеку удавалось оторвать его от прошлого, он избегал дел сегодняшнего дня, стараясь перевести разговор на темы, касающиеся кинофильмов.

Джек Бретон впитывал все сведения, связанные с Джоном: они могли пригодиться ему, когда он перехватит фирму. А кроме того, это привело к установлению определенного факта, имеющего принципиальное значение для его планов.

— Гравиметрические замеры стали, разумеется, невозможными, — говорил Джон после ленча. — Международное бюро мер и весов вполне определенно объявило сегодня, что сила тяжести уменьшается. Вообще-то она всегда была переменной, но бьюсь об заклад, что на этот раз мы имеем дело со значительно более серьезным отклонением, чем обычно, что мы летим вниз, а между тем в сообщениях, передаваемых по радио, дело трактуется легкомысленно. Ведь нет ничего более важного, чем сила тяжести. Разве что давление.

— Сомневаюсь, — сказал Джек равнодушно, думая о Кэт, которая там, наверху, может быть, как раз занимается в спальне своим туалетом.

— По крайней мере, гравиметры в порядке. А то уж мы с Карлом были готовы рвать на себе волосы. Он был в твоей действительности? Карл Тоуджер?

— Да. Он и Хетти вместе приняли мою фирму. — «Может, теперь Кэт расхаживает нагая в интимном полумраке комнаты с опущенными жалюзи?»

— Гравиметры, к счастью, не так уж важны. Было время, когда все мое оборудование составляли гравиметр, теодолит и еще кое-какое старье, списанное военными. Это было прежде, чем я начал заключать контракты на бурение и использовать при выполнении важнейших работ буровую установку.

Интерес Джека внезапно пробудился.

— А как обстоит дело с этими новыми бурильными установками? С этими новыми аппаратами, основанными на процессе пульверизации материи? Ты их используешь?

— У меня их три, — ответил Джон с увлечением. — Я их использую для бурения всех скважин большого диаметра. Карл их не любит, потому что они не дают колонок грунта, но работают они быстро и чисто. Можно высверлить дыру диаметром в два фута в каком угодно грунте и получить буквально микрощель.

— Никогда не видел такое устройство в действии,— сказал Джек с притворным сожалением.— У тебя проводятся такие работы где-нибудь поблизости от города?

— Самое близкое — около двадцати миль к северу отсюда, по дороге к Силверстриму.— Голос Джона зазвучал неуверенно.— Но я не представляю, как бы ты мог там показаться. Что сказали бы люди, если бы увидели нас вдвоем?

— Но ситуация вскоре прояснится.

— Прояснится?— Джон Бретон сразу же стал подозрительным.

«Догадывается ли он хоть в какой-то мере о том, какая судьба его ожидает?»— подумал Джек.

— Разумеется,— ответил он быстро.— Мы должны в ближайшее время прийти к какому-то соглашению с Кэт. Я понять не могу, почему ты с этим так тянешь. Почему не хочешь признать, что вы смертельно устали друг от друга? И почему вы не покончите со всем этим?

— Кэт тебе что-нибудь говорила?

— Нет,— ответил Джек осторожно, не желая заострять вопрос, пока Джон не будет подготовлен к этому окончательно.

— Как только Кэт решится сказать, что она обо всем этом думает, я готов ее выслушать.— Выражение щенячьей свирепости промелькнуло на широком лице Джона, и Джек убедился, что он не ошибся в своих чувствах. Ни один мужчина не отказался бы добровольно от такого сокровища, как Кэт. Единственное решение проблемы этого треугольника он усматривал только в пистолете, спрятанном в комнате наверху, и в пульверизирующей буровой установке, находившейся где-то по автостраде на Силверстрим.

— Это для тебя так важно, чтобы именно Кэт сделала первый шаг?

— Если ты перестанешь раскладывать меня на сомножители, то и я не буду тебя анализировать,— сказал Джон многозначительно.

Джек мягко улыбнулся ему. Это упоминание о разложении на сомножители вызвало в его мозгу мысль о теле Джона, превращенном в микропыль, совершенно анонимное, недоступное какому-либо опознанию.

Наконец Джон уехал в бюро, а Джек стал нетерпеливо ждать Кэт, но та появилась в твидовом костюме с вязаным пояском и высоким меховым воротником.

— Уходишь?— Он старался скрыть разочарование.

— За покупками,— ответила она официальным тоном, который почему-то задел его.

— Не уходи.

— Но ведь мы должны что-то есть.— Он ощутил в ее голосе враждебность и вдруг осознал, что со времени их близости Кэт его избегает. Мысль, что из-за него у Кэт могло возникнуть чувство вины, привела его в состояние бессмысленной паники.

— Джон говорил что-то насчет того, что собирается убраться.— Как влюбленный сопляк, он не мог удержаться от лжи, а ведь он отдавал себе отчет в том, что должен как можно осторожнее подготовить ее к исчезновению Джона. Кэт приостановилась у двери. Пушок на ее щеках блеснул в солнечном свете инеем, и Джек глазами памяти увидел Кэт, лежащую в морге, в том отлично придуманном ящике. Он испугался.

— Джон имеет право убраться, если захочет,— сказала она наконец и вышла.

Минутой позже он услышал урчание двигателя ее машины в гараже. Он ждал у окна, чтобы увидеть, как она будет проезжать, но верх был опущен, и лицо Кэт выглядело безличным пятном за поднятыми стеклами.

Бретон, взбешенный, отвернулся. Оба его творения, люди, которых он одарил жизнью способом столь же несомненным, как если бы он, бродя по Земле среди библейских молний, вдохнул жизнь в мертвую глину, жили совершенно независимо от него девять лет. И теперь, вопреки всему, что узнали, они игнорируют его, когда им это на руку, оставляют его в доме, в котором он ненавидит быть в одиночестве. Он метался со стиснутыми кулаками по пустым комнатам. Он был готов к тому, что это продлится с неделю, но ситуация подверглась изменению, она будет изменяться и дальше, а потому он решил действовать более решительно.

Из окна тыльной стороны дома он увидел серебристый купол обсерватории, укрытый за буками, и ощутил ревнивый интерес. С момента его появления они инстинктивно, словно по молчаливому согласию, принимали, что никто из чужих не должен даже подумать о существовании двух Бретонов, а потому его выход из дома ни в какой мере не был разумным. Но задняя часть сада была хорошо прикрыта со стороны соседних домов, а до обсерватории он доберется за несколько минут.

Он спустился в кухню, выглянул через завешанную портьерой дверь и вышел во внутренний дворик. Лимонное послеполуденное солнце позднего октября просвечивало сквозь ветви деревьев, еще сохранивших желтую листву; издали доносился неустанный, мерный шум машинки для стрижки газонов.

— Эй, вы сегодня не работаете?

Бретон обернулся, поскольку голос прозвучал позади него. Он увидел высокого мужчину лет сорока, который только что вышел из-за угла дома. На мужчине был красивый спортивный костюм, который он носил так, как будто это была рабочая одежда, а его вьющиеся волосы уже начали седеть на висках. На широком загорелом лице удивлялся маленький нос, который был едва заметен между широко расставленными голубыми глазами.

Бретона охватил почти суеверный страх, когда он узнал в нем лейтенанта Конвери, того самого, который в другом потоке времени приходил уведомить его о смерти Кэт, однако постарался не выдать себя.

— Сегодня нет,— ответил он с улыбкой.— Нужно время от времени устраивать себе разрядку.

— С этой стороны я как-то не знал вас, Джон.

— Наверное, потому, что это случается со мной редко.

Бретон заметил, что мужчина обращается к нему по имени, и безуспешно силился вспомнить имя Конвери. Это невероятно, подумал он. Надо же, чтобы так не повезло!

Конвери усмехнулся, показав очень белые зубы.

— Мне приятно слышать, что вы не надываетесь на работе, Джон. Я сам не чувствую себя тогда таким лентяем.

«Снова «Джон»,— подумал Бретон.— Ведь не могу же я обращаться к нему «лейтенант», коль скоро мы зовем друг друга по имени».

— Откуда вы здесь взялись?

— А, просто шел мимо. Мне здесь нужно побывать в нескольких местах.— Конвери сунул руку в карман.— На всякий случай прихватил с собой это...

Он вынул бурый, напоминающий камень предмет и вручил его Бретону.

— О!— Бретон осмотрел предмет; он имел форму спирали и состоял вроде бы из сегментов.— Откуда это?

— Мой парнишка достал у кого-то из школьных приятелей. Я обещал ему, что покажу вам и спрошу...— Он понизил голос и выжидающе посмотрел на Бретона.

Бретон смотрел на закрученный спиралью камень, от-

чаянно думая, что бы ему сказать. Он вспомнил, как Кэт говорила, что Конвери временами вторгается к Джону на кофе и что они часто болтают об окаменелостях. Вероятно, потому, что Джон в силу своей профессии кое-что знал о геологии. Но охватывали ли его знания окаменелости? Он силился вспомнить те времена, когда, больше чем девять лет назад, он интересовался этими обращенными заклятием в камень путешественниками во времени.

— Это вполне приличный экземпляр аммонита,— сказал он, молясь в душе, чтобы Конвери было достаточно столь поверхностной идентификации образца.

Конвери кивнул головой.

— Возраст?

— Что-то около двухсот пятидесяти миллионов лет. Трудно сказать точно: я не знаю, где был найден этот экземпляр.

— Благодарю.— Конвери взял у него окаменелость и спрятал в карман. Его умные голубые глаза замигали, и Бретон внезапно понял, что взаимоотношения Конвери с тем другим Джоном сложные и нелегкие.— Знаете что, Джон?

— Мм?..— «Интересно,— размышлял Бретон,— почему он с таким упорством пользуется моим именем?»

— Сдается мне, что вы худеете.

— Это очень мило с вашей стороны, что заметили. Здорово отбивает охоту, когда человек неделями голодает без каких-либо видимых эффектов.

— На глаз вы потеряли семь-восемь фунтов.

— Действительно, почти столько, и чувствую себя значительно лучше.

— А мне кажется, что вы лучше выглядели прежде,— задумчиво сказал Конвери.— Теперь у вас такое усталое лицо.

— Потому что я устал. Вот и устроил себе свободный день,— засмеялся Бретон, и Конвери засмеялся тоже.

Внезапно Джек вспомнил о кофе.

— А может, вы рискнете выпить чашку кофе моего приготовления? Кэт пошла за покупками.

— А где миссис Фиц?

Бретон ощутил пустоту в голове, но сразу же понял, что миссис Фиц ведет в доме хозяйство.

— Мы дали ей несколько дней отпуска,— сказал он небрежно.— Она тоже имеет право иногда отдохнуть.

— А из этого следует, что я должен буду рискнуть!

Конвери толкнул дверь, ведущую в кухню, и пропустил Бретона вперед. Готовя кофе, Джек думал о том, что если они в приятельских отношениях, то должны взаимно знать свое отношение к сливкам и сахару, поэтому он схитрил, поставив на стол и то и другое. Обычные домашние дела подействовали на него успокаивающе. Может, он напрасно так испугался этого визита? Даже если бы в эту минуту вернулась Кэт, не произошло бы ничего, что могло бы показаться Конвери странным, а Джон Бретон должен был отсутствовать еще минимум три часа.

Бретон пил черный кофе, такой горячий, что его поверхность покрывала серая дымка пара. Конвери добавил в чашку сливок, а сахар не положил; отхлебывая кофе с выражением видимого удовольствия, он говорил о метеоритном дожде, который превратил ночное небо в парад фейерверков. Удовлетворенный тем, что предмет дискуссии дает ему равные шансы со всеми другими жителями Времени В, Бретон активно поддерживал эту тему.

— Ну, к делу,— сказал наконец Конвери, покончив со второй чашкой кофе.— Мы, слуги закона, не можем болтаться без дела.— Он встал и положил свою чашку в раковину.

— Такова жизнь,— не слишком оригинально заметил Бретон.

Он попрощался с Конвери в патио и вернулся в дом с окрыляющим чувством удовлетворения. Теперь не было ничего, что удерживало бы его от реализации плана вживания в роль Джона Бретона. Единственное, что его беспокоило, это перспектива встречи с людьми, которые знали Джона, и пребывание в их обществе без возбуждения подозрений, даже излишнего интереса к нему. Но ведь свидание с лейтенантом Конвери прошло вполне прилично, и Бретон убедился, что оттяжки не принесут ему пользы, особенно в отношении эмоциональных реакций Кэт, которые, казалось, чем дольше, тем все более усложнялись.

Он поднялся наверх, в комнату для гостей, вынул пистолет, спрятанный глубоко в шкафу, и прижал к губам холодный, блестящий металл.

IX

Когда лейтенанту Блейзу Конвери было четыре года, мать как-то сказала ему, что глухонемые обычно «говорят с помощью рук». Он решил тогда, что такая способность

может быть полезна и интересна даже для тех, кто ничем не обделен. В течение трех лет маленький Блейз изо дня в день закрывался в своей комнате и вглядывался в кисть правой руки, которую выворачивал самым странным образом в надежде, что в конце концов наткнется на соответствующую комбинацию движений, которая пробудит в ней голос. Когда, наконец, он открыл — тоже благодаря какому-то случайному упоминанию, — что мать имела в виду язык знаков, он сразу же прекратил свои опыты, и без сожаления. Он узнал истину, и этого ему было достаточно.

Когда лейтенанту Блейзу Конвери было семь лет, отец показал ему диаграмму, представляющую вписанный в круг квадрат, противоположные вершины которого были накрест соединены прямыми. Можно, сказал отец, нарисовать такую штуку, не отрывая карандаша от бумаги и не повторяя ни одну из линий. Конвери работал над решением этой задачи почти шесть лет.

По прошествии первого месяца он был, собственно говоря, уверен, что это невозможно, но отец, который успел к тому времени умереть, утверждал, что видел, как кто-то это сделал, и Блейз продолжал ломать над этим голову. Как-то он наткнулся в одном из журналов на биографию швейцарского математика восемнадцатого века Леонарда Эйлера, основоположника ряда математических теорий. В статье упоминалось о решении Эйлером задачи о семи мостах Парижа: ученый доказал, что невозможно пройти по ним всем, не пересекая хотя бы один из них дважды. Автор мимоходом упоминал, что то же самое доказательство справедливо и для всяческих головоломок — следует лишь сосчитать линии, проходящие через каждую точку пересечения диаграммы: если при этом более чем для двух точек будут найдены нечетные числа, то такую диаграмму невозможно нарисовать, не отрывая карандаша, без повторения какой-нибудь из линий.

Снова захлопнулась какая-то перегородка в разуме Конвери. Удовлетворенный тем, что он пришел к конкретному выводу, Конвери обосновал свой способ мышления, в результате чего стал полицейским особого рода.

Он поступил в полицию почти автоматически, но, несмотря на университетскую подготовку, не продвигался по службе так, как этого можно было бы ожидать. Хороший сотрудник полиции опирается на статистику своей профессии. Он соглашается с фактом, что раскрываются только некоторые преступления, большинство же остаются нераск-

рытыми, и соответственно этому так распределяет свою энергию, чтобы обеспечить максимальную эффективность при минимальных затратах.

Но Блейз Конвери был известен в полиции как «пила» — человек, который никогда не отступает, если из-за чего-то заупрямится. Сотрудники, которые были старше его, и коллеги-агенты того же возраста уважали его за успехи, однако местные остряки утверждали, что шеф архива часто совершает тайные налеты на письменный стол Конвери, чтобы отыскать отсутствующие дела.

Конвери понимал свои странности и то, что они мешают ему делать карьеру. Часто он принимал решение изменить свое отношение к профессиональным делам, но обычно в моменты, когда казалось, что он уже одержал над собой победу, его подсознание бросало новый свет на какое-нибудь дело трехлетней давности, и в желудке Конвери начинала подниматься холодная, эгоистичная радость. Он знал, что эта минута экстаза — его частный вариант переживаний, которые из других людей делают великих религиозных вождей, бессмертных артистов или гибнущих в молодости героев. Он никогда не пренебрегал мистическими результатами этой минуты, никогда не чувствовал себя разочарованным успехами или их отсутствием.

Когда, покинув Бретона, он ехал по обсаженной деревьями аллее, он чувствовал, как холодное волнение распространяется по его телу, проникая в каждый мельчайший нерв.

Он вел свой старый, но ухоженный «плимут» среди зелени газонов и все время ревизовал в мыслях дело Бретона — Спидела, возвращаясь в памяти к событиям девятилетней давности. Дело было записано в его сознании как единственное в своем роде, но не потому, что он не сумел раскрыть его — в конце концов он имел на своем счету немало неудач, — но потому, что он так здорово ошибся, расследуя его. Конвери как раз был в комиссариате, когда туда внесли Кэт Бретон, и почти всю историю он узнал из ее собственных уст в тот первый момент ошеломления, когда женщина, работавшая в полиции, смывала с ее волос частицы человеческого мозга.

Ее рассказ можно было свести к нескольким основным взаимосвязанным фактам: она поссорилась с мужем, собираясь с ним на вечеринку, самым идиотским образом пошла пешком одна через парк, желая сократить путь, и там подверглась нападению. И в этот момент как из-под земли

вырос какой-то мужчина, выстрелил бандиту в лоб и исчез в темноте. Кэт Бретон как сумасшедшая бросилась бежать и бежала, пока не свалилась, выбившись из сил.

Основываясь на этих голых фактах, Конвери допустил два правдоподобных объяснения. Прежде всего он исключил случайность появления таинственного незнакомца именно в ту минуту в том месте и к тому же еще со штуцером. Однако все могло быть иначе: убийца знал бандита, подозревал, что он — психопат со склонностями к убийству, и с какого-то времени следил за ним, а убедившись в справедливости своих подозрений, расправился с ним. Эту гипотезу Конвери, однако, отбросил инстинктивно, хотя для порядка решил ее проверить.

Его мысли неустанно кружили вокруг мужа Кэт. А если он сам испортил автомобиль, а ссора была запланирована? Если муж хотел избавиться от нее и имел в багажнике ружье? Ведь он мог идти за ней через парк, намереваясь убить ее, но когда она оказалась в опасности, он рефлекторно выстрелил в нападающего.

Эта вторая гипотеза имела пробелы, но Конвери набил руку в ликвидации пробелов. Прежде всего он спросил Кэт, не подозревает ли она, кто бы мог выстрелить. Пребывая еще в состоянии шока, она затрясла головой, но Конвери заметил, как изогнулась ее нижняя губа: Кэт беззвучно произнесла какое-то имя, начинающееся на букву «Джи».

А когда в доме Бретонов он повторил описание мужчины, составленное по словам молодых людей, бывших свидетелями этой сцены, и прочел в глазах Джона ощущение вины... он знал, что нашел убийцу.

Открытие того, что у Бретона есть железное алиби, задело Конвери особым, непонятным образом. Он потратил много недель, пытаясь разрушить алиби, обеспеченное соседями Бретона, видевшими его, когда он стоял у окна своего дома. Конвери даже советовался со специалистами в области судебной медицины относительно того, что штуцер Бретона не сохранил следов использования. Он экспериментировал со старыми охотничьими ружьями; сперва из такого ружья стреляли, потом промывали различными растворами, а затем посыпали пылью. В конце концов он, однако, должен был признать, что Бретон, вина которого лежала прямо на ладони, не виновен.

Для любого другого полицейского это было бы сигналом, что дело следует закрыть и взяться за что-нибудь дру-

гое, более обещающее, но злой дух Конвери не отпускал его ни на минуту, нашептывая ему в ухо обещания успеха. И вот теперь, когда он ехал домой, голос этот заговорил в нем с прежней силой. В течение этих девяти лет случилось, что его визиты к Бретонам казались единственно бесплодным проявлением какой-то мании, но сегодня он явно почувствовал страх и вину.

Он въехал на своем «плимуте» на узкий бетонный тротуар перед домом, едва не задев трехколесный велосипед, оставленный его младшим сыном. Выйдя из автомобиля, он, закрывая дверцу, услышал легкий скрип. Несколько раз подвигав дверцами, чтобы установить происхождение этого звука, он пошел в гараж за масленкой, после чего смазал все дверцы. Положив масленку на место, он через внутренний проход, соединяющий гараж с домом, вошел в кухню.

— Что так поздно, дорогой?— Его жена Джина стояла перед столом, заваленным кухонной утварью. Руки ее были в тесте, а теплый воздух кухни был насыщен пробуждающим давние воспоминания запахом песочного торта с цуккатами.

— Прости,— сказал он,— но меня задержали.— Он машинально похлопал жену по ягодицам, поднес ко рту засахаренную апельсиновую корку и начал ее жевать.

— Блейз?

— Что, дорогая?

— Ты снова был у Бретонов?

Конвери перестал грызть цукат.

— А почему ты спрашиваешь?

— Тим сказал, что ты снова копался в его коллекции окаменелостей. И что в ней недостает одного аммонита.

— Да? А я-то думал, что являюсь единственным детективом в этом доме.

— Так скажи, ты был там?

— Зашел буквально на минутку.

— Ах, Блейз, что о тебе подумают эти люди?

На лице Конвери отразилось беспокойство.

— А почему они должны что-то думать? Я зашел просто так, по-дружески.

— Не может быть и речи о дружбе с детективом, который допрашивал их по делу об убийстве. Особенно если речь идет о людях с такими деньгами.

— Ты зря так нервничаешь, дорогая. С Джоном Бретоном у меня очень хорошие отношения.

— Представляю себе,— сказала Джина, а Конвери тем временем прошел в гостиную, взял иллюстрированный журнал и начал рассеянно его просматривать. Девять лет назад что-то странное произошло в доме Бретонов, а сегодняшний день явился как бы путешествием в прошлое, вернувшим его к тому ключевому моменту. Бретон был не только значительно более худым, но и выглядел старше; однако в то же время он каким-то неопределенным образом казался моложе, менее опытным, менее уверенным в себе — словом, казалось, что его окутывает какая-то другая атмосфера. «Я словно чокнутый,— подумал Конвери.— Атмосфера — это не доказательство, разве что телепатия, о которой пишут в газете, начнет захлестывать все более широкие круги». Он перелистал журнал, потянулся за следующим, но тут же отшвырнул его с неудовольствием.

— Джина!— крикнул он.— В котором часу мы сядем за стол?

— Около пяти. Это для тебя не поздно?

— Нет, все в порядке. Понимаешь, мне снова придется уйти.

Минутой позже Конвери уже находился в центре белого мучного тайфуна: жена ворвалась в комнату и начала размахивать кулаками под самым его носом.

— Блейз Конвери,— шипела она ядовито,— ты выйдешь из этого дома только через мой труп.

Конвери взглянул в ее розовое, полное решимости лицо с мягким удивлением.

— Я тебя совершенно не понимаю.

— У Тима сегодня день рождения. Как ты думаешь, почему я пеку эти пирожные?

— Но ведь его день рождения будет только на следующей неделе,— попытался обороняться Конвери.

— Конечно, но день рождения Кеннета был неделю назад, а они всегда празднуют их на полпути.— Джина взглянула на него обвиняюще.— За эти годы ты должен был кое-чему научиться.

— Да, я об этом знаю, дорогая, только просто забыл. Я убежден, что никто и не заметит, если на этот раз меня здесь не будет...

— На этот раз! Тебя не было и в прошлом году, и в позапрошлом. Исключено! Ты откуда не выйдешь!

— Но у меня есть дело, которое нужно уладить.

— Не сегодня.

Конвери глянул в глаза своей жены и капитулировал с

усмешкой, которая позволила ему сохранить остатки достоинства. Когда Джина вышла из комнаты, он театрально пожал плечами и взял в руки брошенный журнал. Джон Бретон ждал девять лет, подождет еще немного.

Х

Когда зазвонил телефон, разрывая царящую в доме тишину, Бретон сперва бросился к нему, а потом вдруг неуверенно задержался, держа руку на холодной пластиковой кривизне телефонной трубки.

Два часа, проведенные в одиночестве в мрачной после-полуденной тишине, попеременно наполняли его то неясными опасениями, то неистовым, ускоряющим биение сердца триумфом. Это был именно такой день, когда Джек каждую минуту мог ожидать появления мигающей подвижной ряби перед глазами, предшествующей приступу мигрени. Но вот уже год, после того первого важного путешествия во времени, это с ним почти не случалось — видимо, весь его нервный потенциал был исчерпан. Теперь, когда он ощущал своей рукой вибрирующий телефон, его охватило грозное осознание балансирования на грани жизни и смерти...

Он поднял трубку и молча ждал.

— Алло!..— Мужской голос в телефонной трубке имел легкий английский акцент.— Это вы, Джон?

— Да,— ответил Бретон осторожно.

— Я не был уверен, что уже застаю вас. Я звонил в бюро, и мне сказали, что вы только что ушли, но это было едва пять минут назад, старина, так что вы, наверное, сожгли шины, когда ехали домой.

— Конечно же, я спешил.— Бретон старался, чтобы его голос звучал свободно.— Но кто это говорит, если можно спросить?

— Гордон, разумеется. Гордон Пэлфри. Послушайте, старина, здесь с нами Кэт. Мы встретили ее, когда делали с Мириам покупки. Она хотела бы с вами поговорить.

— Хорошо.— Бретон не без труда припомнил, что Пэлфри — это энтузиасты автоматического письма и что Кэт последнее время была под их влиянием. Мириам обладала какими-то телепатическими способностями, и при мысли о том, что он должен будет говорить с ней, ему стало не по себе.

— Алло... Джон?— Казалось, Кэт говорит, запыхавшись, и по неуверенности Брегон понял, что она знает, кто из них говорит с ней по телефону.

— В чем дело, Кэт?

— Джон, Мириам рассказала мне неслыханно интересные вещи относительно своей работы. Результаты, которые она получила в течение последних двух дней, в самом деле сенсационные. Я чертовски заинтересована. Просто с ума сойти можно!

«Каким образом,— подумал Бретон с капелькой беспокойства,— Кэт, моя Кэт, может возиться с такими людьми?»

А вслух он сказал:

— Это звучит интригующе. И поэтому ты мне позвонила?

— В определенном смысле. Мириам сегодня дает сеанс для кучки близких людей, и меня тоже пригласили. Я страшно взволнована, Джон. Ты ничего не будешь иметь против, если я прямо отсюда пойду к ним? Ты там упрямишься без меня сегодня вечером?

Отсутствие Кэт в доме на протяжении нескольких ближайших часов было Брегону на руку, но его злило ее почти религиозное отношение к Пэлфри. И только опасение, что он поведет себя так, как тот, другой Бретон, удержало его от протеста.

— Кэт,— спросил он спокойно,— ты меня избегаешь?

— Ничего подобного, просто я не хочу упустить такой случай.

— Ты любишь меня?

Наступила тишина.

— Я думаю, ты не должен об этом спрашивать.

— Ну, ладно.— Бретон решил приступить к операции.— Однако не считаешь ли ты, что с твоей стороны будет не слишком разумно уходить из дому надолго? Говоря о Джоне, я вовсе не шутил. Он в таком настроении, что может пойти на все и исчезнуть.

— Это его дело. Ты имеешь что-нибудь против этого?

— Нет, я только хотел, чтобы вы оба точно знали, что делаете.

— С меня в самом деле хватит этого,— сказал Кэт, в голосе которой не было ни следа прежнего подъема.— Это превышает мои возможности.

— Не принимай это близко к сердцу, дорогая,— мягко ответил Бретон.— Развлекайся хорошенько, а мы это уладим... как-нибудь.

Он положил трубку и начал обдумывать свои последующие действия. Гордон Пэлфри сказал, что Джон выехал из бюро; это означало, что в любой момент он может явиться домой. Бретон поспешил наверх и вынул автоматический пистолет, спрятанный в комнате для гостей. Когда он выходил оттуда, тяжелый металлический предмет оттягивал карман его пиджака. Он должен придать такой вид исчезновению Джона Бретона, чтобы все выглядело так, будто он по собственному желанию разрушил свое супружество и свою карьеру, а для этого следовало убрать его одежду и другие предметы, которые он в подобной ситуации должен был бы взять с собой. Деньги! Джек взглянул на часы — в это время банк уже будет закрыт. Он поколебался. Интересно, усмотрит ли Кэт нечто странное в том, что Джон исчезает без денег? Она может и не заметить этого в течение нескольких дней или недель, но в конце концов это будет выглядеть подозрительно.

С другой стороны, Кэт никогда не обнаруживала алчности в отношении денег, она наверняка не вникала слишком обстоятельно в детали финансовых операций Джона. В конце концов Джек решил, что утром пойдет в банк в роли его второго воплощения и переведет большую часть денег на банк в Сиэтле. Позже, в случае необходимости, он сможет брать деньги с этого нового счета, дабы придать этой фикции правдоподобие.

Он вынул из кладовой два больших чемодана, наполнил их одеждой и отнес в холл. И все время пистолет бился о его бедро. Частью сознания он отдавал себе отчет, что ему будет очень трудно использовать оружие против Бретона, но другая часть была беспощадно решительна — это кульминационный момент девятилетних мук, и возврата уже небыло. Самым важным во всем этом был факт, что это он вызвал к жизни Джона Бретона, подарив ему девять лет существования без каких-либо комиссионных; а теперь пришло время дисконтировать эту ссуду. «Дал,— пришла ему в голову непрошенная мысль,— а теперь могу забрать...»

Внезапно Бретон ощутил ледяной холод. От стоял в холле, дрожа и вглядываясь в свое отражение в длинном золотистом зеркале целую вечность, пока низкое урчание «турбо-линкольна» Джона Бретона не нарушило тишину старого дома. Минутой позже Джон вошел через заднюю дверь и, не снимая плаща, прошел в холл. Его глаза сузились при виде двух чемоданов.

— Где Кэт?— По молчаливому соглашению они воздерживались от обычных приветствий.

— Кэт... Кэт была приглашена Пэлфри на ужин и проведет там весь вечер.— Джек с трудом выдавливал слова. Через несколько секунд он должен убить Джона, но мысль о том, что он увидит это хорошо знакомое тело прошитым пулей, наполняла его страхом.

— Ага.— Взгляд Джона был внимателен.— А можно ли мне узнать, что ты намеревался делать с моими чемоданами?

Пальцы Джека стиснули рукоятку пистолета. Он покачал головой, чувствуя, что не в силах произнести ни слова.

— Я уезжаю,— сказал Джек, стараясь справиться с новым открытием, которое только что совершил: он осознал, что просто не сможет нажать на спусковой крючок.— Позже я верну тебе чемоданы. Я взял кое-что из одежды. Ты ничего не имеешь против?

— Нет.— В глазах Джона появилось выражение облегчения.— Но... Ты хочешь сказать, что останешься в этом потоке времени?

— Да... Мне будет достаточно сознания, что Кэт живет где-то недалеко.

— О?— На широком лице Джона появилось выражение растерянности, как если бы он надеялся услышать нечто совершенно иное.— Ты уезжаешь именно сейчас? Может, вызвать тебе такси?

Джек кивнул. Джон пожал плечами и отвернулся к телефону. Когда Джек потянул из кармана пистолет, он чувствовал себя так, как если бы его поразил ледяной ток. Подойдя к Джону, он сильно ударил его тяжелой рукояткой за ухом. Когда ноги Джона подкосились, он нанес ему второй удар и, уже совершенно не владея своими нескоординированными движениями, споткнувшись о свою жертву, тоже рухнул на пол. Лежа на Джоне, он с ужасом заметил, что веки Джона дрогнули и что его другое воплощение смотрит на него тупо, но в сознании.

— Значит, так...— прошептал Джон как бы с сонным удовлетворением засыпающего ребенка. Он закрыл глаза, но Джек, всхлипывая, ударил его кулаком раз и еще раз, стараясь уничтожить свидетельство своей вины.

Когда он снова обрел способность рассуждать трезво, он скатился с Джона и, тяжело дыша, присел на корточки рядом с неподвижным телом. Затем поднялся, спустился по низкой лестнице в ванную и склонился над умывальником.

Он ощущал ледяное прикосновение кранов к своему лбу, совершенно так же, как во времена его молодости, когда он, совершив свой первый жуткий эксперимент с алкоголем, в той же самой позе ожидал, когда его организм очистится. Но на этот раз ощущение облегчения не удалось купить так дешево.

Бретон сполоснул лицо холодной водой, а затем вытерся, особенно осторожно обращаясь со сбитыми фалангами пальцев, из которых уже начала сочиться лимфа. Он открыл стенную аптечку в поисках перевязочных материалов и вдруг заметил пузырек со светло-зелеными треугольными таблетками. Они выглядели как снотворное. Бретон ознакомился с этикеткой и убедился, что не ошибся в своих предположениях.

Он прошел в кухню, налил стакан воды и понес ее в холл, где все еще лежал, распростершись на горчичного цвета ковре, Джон. Джек поднял его голову и постарался начинить его таблетками. Однако это оказалось делом куда более трудным, чем он предполагал. Рот и гортань находившегося без сознания Джона заполнялись водой, которая сразу же выливалась наружу в неистовом приступе кашля. Прошло много ценного времени, прежде чем ему удалось затолкать в Джека восемь таблеток.

Он отбросил пузырек, спрятал пистолет в карман и перетащил тело в кухню. Быстро обыскав карманы Джона, он нашел бумажник с документами, которые могли понадобиться ему в дальнейших делах, и связку ключей — на ней были и ключи от большого «линкольна».

Он вышел к автомобилю, перегнал его к тыльной части дома и поставил так, чтобы он касался задним бампером заросшей плющом решетки патио. Воздух был нагрет послеполуденным солнцем; из-за занавеса деревьев и кустарников по-прежнему доносился равнодушный ко всему треск машинки для стрижки газонов. Бретон открыл багажник машины и вернулся на кухню. Джон лежал неподвижно, как если бы был мертв, а лицо его было совершенно белым. Струйка крови стекала из носа на щеку.

Бретон вытащил тело из дома и погрузил его в багажник. Когда он засовывал туда ноги, то заметил, что Джон потерял одну туфлю. Опустив крышку багажника, но не заперев ее, он вернулся в дом. Туфля валялась тут же, за дверью. Бретон поднял ее, поспешил к «линкольну» — и столкнулся с Конверти.

— Извините, что я снова мешаю вам, Джон.— Голу-

бые, широко расставленные глаза лейтенанта полиции были внимательны, подвижны, полны какой-то зловещей энергии.— Я, кажется, кое-что здесь оставил...

— Я ничего не заметил.

Бретон слышал произносимые им слова, а его разум, ответственный за все реакции, оставался в состоянии шока. Что делает здесь этот Конвери? Уже во второй раз за этот день он появляется в патио в наименее подходящие моменты.

— Речь идет об окаменелости, о той окаменелости моего сына; вернувшись домой, я обнаружил, что ее у меня нет.— Усмешка Конвери была иронична, как если бы он бросал Бретону вызов, чтобы тот, воспользовавшись своими правами, вышвырнул назойливого нахала.— Вы представить не можете, какой скандал он мне учинил.

— Но окаменелости здесь нет. Я убежден, что заметил бы аммонит, если б он был здесь. Это не такая штука, чтобы его можно было просмотреть.

— Действительно,— согласился Конвери довольно равнодушно.— Должно быть, я оставил его где-нибудь в другом месте.

Это не может быть случайностью, пришел к печальному выводу Бретон. Конвери — опасный, умный, ревностный коп, ничего не может быть хуже. Человек, одаренный интуицией, которой он слепо доверяет, упрямо придерживаясь своих идей — вопреки логике, вопреки доказательствам. Ведь истинной причиной, из-за которой Конвери посещал Джона Бретона в течение девяти лет, было то, что он его подозревал. Какой же мстительный каприз судьбы, подумал Бретон, вывел этого супермена на сцену, которую он так старательно отрежиссировал в тот вечер позднего октября?

— Потеряли туфлю?

— Туфлю?— Бретон проследил за взглядом Конвери и увидел в своей руке черную туфлю.— А, да. Я становлюсь рассеянным.

— Мы все рассеянны, когда голова забита чем-нибудь. Как моя этой окаменелостью.

— Но моя голова ничем не забита,— ответил Бретон молниеносно.— А что грызет вас?

Конвери подошел к «линкольну» и, опираясь на него, положил правую руку на крышку багажника.

— Ничего особенного, просто пытаюсь говорить с помощью руки.

— Не понимаю.

— А, глупость. Кстати, о руках: у вас здорово ободраны пальцы. Дрались с кем-нибудь или что?

— С кем?— рассмеялся Бретон.— Ведь не буду же я драться сам с собой.

— Я подумал, может быть, с тем типом, который пригнал вам машину.— Конвери ударил по багажнику, и незакрепленная крышка громко завибрировала.— Когда я слышу, как эти хулиганы относятся к клиентам, у меня самого возникает желание врезать им. Поэтому, между прочим, я все стараюсь делать сам.

Бретон ощутил сухость во рту. Итак, Конвери заметил, что во время его предыдущего визита автомобиля не было.

— Ну, а я в наилучших отношениях с моей станцией обслуживания.

— А что вы сейчас делали?— Конвери рассматривал «линкольн» с пренебрежением человека практичного.

— Нужно было подрегулировать тормоза.

— Да? А я думал, что в этих автомобилях тормоза регулируются автоматически.

— Может быть. Я никогда этого не проверял.— Бретон напряженно думал, как долго еще это продлится.— Знаю только, что у меня были неприятности с торможением.

— Я дам вам добрый совет: прежде чем выехать, проверьте, хорошо ли закручены колеса. Я видел автомобиль, возвращающийся из мастерской, у которого гайки едва держались.

— Теперь уж, наверное, все будет в порядке.

— Не доверяйте им, Джон. Если только они могут оставить что-нибудь недокрученным так, чтобы сразу не отвалилось, они наверняка оставят.

Конвери внезапно обернулся и, прежде чем Джек успел шевельнуться, схватил ручку багажника, слегка приоткрыл, глядя триумфально на Джека, после чего крепко хлопнул крышку и повернул ручку.

— Вот видите, эта крышка могла отскочить при быстрой езде, а это очень опасно.

— Благодарю вас.— Голос Бретона звучал слабо.— Я вам очень обязан.

— Мелочь. Все для граждан.— Конвери задумчиво потер ухо.— Ну, я должен идти. У моего паренька сегодня день рождения, и я вообще не должен был бы выходить из дома. Я еще зайду.

— Заходите, когда будет охота,— ответил Бретон.

С минуту он стоял нерешительно, а затем двинулся за Конвери и обнаружил его перед фасадом дома как раз в тот момент, когда машина лейтенанта, рыкнув выхлопной трубой, тронулась с места. Холодный ветер гнал опавшие листья. Последняя фраза Конвери была знаменательна. Она свидетельствовала о том, что его визит не имел ни дружеского, ни случайного характера, а Конвери был не из тех, кто предупреждал без определенной причины. У Бретона возникло впечатление, что он был предупрежден и что это поставило его в странную, а может быть, даже опасную ситуацию.

Он не убьет Джона, коль скоро лейтенант Конвери, возможно, крутится здесь, ожидая развития событий.

Но в то же время после того, что произошло, он не может и оставить Джона в живых, и на решение проблемы у него осталось совсем немного времени.

XI

Минуло несколько десятилетий с той поры, когда нога генерала Теодора Абрама ступала на поле боя, но он считал себя человеком, живущим на эфемерной ничьей земле, разделяющей две величайшие военные машины, какие когда-либо существовали за всю долгую и кровавую историю этой страны.

В его жизни не было часа, минуты, даже секунды, которые не были бы насыщены до предела сознанием того, что он составляет важнейший элемент первой линии обороны страны. Если бы дело дошло до войны, он не должен был бы даже нажимать какие-либо кнопки: его оружие — это бумага, а не сталь; но, несмотря на это, генерал Абрам был солдатом — тяжесть и ответственность за техническую подготовку мог осилить только патриот и герой.

Кошмарную жизнь генерала Абрама дополнительно усложнял тот факт, что он имел две совершенно обособленные группы врагов. Одну составляла нация, против которой его собственный народ мог когда-нибудь развязать войну; другую образовывали его собственные ракетные снаряды и техники, которые их проектировали и обслуживали. Разваливающийся исполин, созданный для войны с помощью меча и дубины, он совершенно не подходил для проведения войны механизированной, а еще менее — для

продолжительного выжидания, которое было альтернативой войны. Он, как только мог, избегал посещения подземных баз, потому что в семи случаях из восьми оказывалось, что ракеты в своих невероятно сложных внутренних скрывают какие-то дефекты. Технический персонал, казалось, не сознавал того, что эти «мелкие неполадки» вызывают необходимость замещения имеющих изъяны устройств новыми и выполнения других испытаний, принципиальным образом понижающих оборонный потенциал страны.

Абрам не мог понять, почему ракета должна состоять без малого из миллиона частей; тем не менее он понимал правило, в соответствии с которым сочетание вполне надежных элементов при достаточно большом их числе дает в результате самовольное и капризное целое с эффективностью, уменьшающейся с каждой минутой. В течение многих лет выполняя свои функции, генерал приобрел глубокую неприязнь к научным работникам и инженерам, благодаря которым находился в своей теперешней ситуации, и на каждом шагу это демонстрировал.

Он взглянул на часы. Доктор Раш, главный специалист из Министерства обороны, договорился по телефону о визите и мог прийти в любой момент. Перспектива выслушивания в такую позднюю послеполуденную пору преувеличенно точных высказываний маленького человечка была достаточной, чтобы и так напряженные нервы генерала Абрама напоминали теперь провода высокого напряжения во время бури. Когда он услышал, что дверь его кабинета открывается, он чуть ли не лег на письменный стол, взбешенный, готовый раздавить ученого силой своей ненависти.

— Добрый день, господин генерал,— сказал доктор Раш, допущенный в кабинет.— Это очень любезно с вашей стороны, что вы так быстро нашли для меня время.

— Добрый день.— Генерал испытующе взглянул на Раша, размышляя над тем, что могло привести его сюда. Желтоватые глаза ученого пылали странным светом. Это могли быть и страх, и облегчение, и триумф.— Что слышно?

— Я не знаю, как объяснить вам это, генерал.

До Абрама внезапно дошло, что Раш с трудом держит себя в руках, и его злость еще больше возросла. Наверное, нашли какую-то конструктивную ошибку в одном из эле-

ментов, может, в насосе или в каком-либо микроскопическом клапане, который требует теперь полного модифицирования.

— Я надеюсь, что вы все же найдете какой-то способ,— заявил Абрам хмуро.— В противном случае ваш визит будет беспредметным.

Худое лицо Раша нервно дрогнуло.

— Проблема состоит не в том, смогу ли я вам это растолковать, а в том, сумеете ли вы это понять.— Даже разозленный, Раш выражался корректно и педантично.

— А вы изложите все это как можно проще,— парировал с вызовом Абрам.

— Ладно. Надеюсь, вы, генерал, заметили метеоритный дождь, свидетелями которого мы являемся уже некоторое время.

— Он прекрасен,— с иронией ответил Абрам.— Уж не об этом ли вы пришли со мной поговорить?

— Не совсем. Знаете ли вы, что вызвало это беспрецедентное явление?

— Даже если бы я и знал, то постарался бы забыть. Я не имею времени на всякий вздор.

— В силу этого я позволю себе кое-что вам напомнить.— Раш обрел свое обычное спокойствие, и это как-то странно выбивало Абрама из колеи.— Сейчас уже нет сомнений, что уменьшается сила гравитации. Так вот, Земля двигалась раньше по орбите, которую давно очистила от всяких космических обломков, но в результате изменения гравитационной постоянной орбита снова замусорена — частично в результате перемещения планеты, в еще более значительной мере вследствие ее заметно возросшего влияния на мелкие тела. Метеоритный дождь является весомым доказательством того, что гравитация...

— Гравитация, гравитация!— выкрикнул Абрам.— Какое отношение имеет ко мне гравитация?!

— Должна иметь, генерал.— Раш позволил себе сдержанную усмешку.— Гравитация является одной из постоянных, обсчет которых с помощью компьютера позволяет вашим ракетам попадать в цель, а теперь эта постоянная перестала быть постоянной.

— Вы хотите сказать...— Абрам оборвал фразу: до него дошла значимость слов Раша.

— Да, генерал. Именно так. Ракеты не будут попадать точно в намеченную цель.

— Но ведь можно провести соответствующую корректировку для этой изменившейся гравитационной силы.

— Конечно, если только это будет продолжаться долго. Уменьшение силы гравитации прогрессирует и...

— Как давно?

Раш небрежно повел плечами.

— Трудно сказать точно.

— Но это ставит меня в крайне неприятное положение. Что говорит президент?

— Мне трудно ответить на этот вопрос, генерал, но мы, по крайней мере, имеем одно утешение.

— То есть?

— Все народы мира стоят перед той же самой проблемой. Вы огорчаетесь из-за относительно небольшого числа ракет близкого радиуса действия, а что должны сказать русские, американцы и другие?— Раш демонстрировал философское спокойствие, которое привело Абрама в бешенство.

— А как вы, доктор Раш?— спросил он.— Вы не огорчаетесь?

— Я не огорчаюсь, генерал?— Раш смотрел в окно, выходящее на вибрирующую в усиливающемся зносе пустыню.— Если у вас есть немного времени, чтобы выслушать меня, я объясню вам, каким образом этот «научный вздор», как вы это называете, повлияет на будущее человечества.

Он начал говорить тонким, монотонным, странно размеренным голосом, а генерал Абрам, слушая его, в первый раз по-настоящему узнал, что такое страх.

Почти каждую погожую, а в особенности лунную ночь на самом верхнем этаже самого высокого дома Риджуэй-стрит можно было увидеть открытое окно.

Те, которым доводилось поздно вечером проходить по улице, временами видели бледную тень,двигающуюся в темном прямоугольнике: это Вилли Лукас наблюдал за ними. И тогда на прыщавом лице Вилли появлялось выражение паники, и мальчик отступал в глубь комнаты, опасаясь, что его заметят.

Женщины, проживающие напротив, считали, что Вилли подглядывает за ними, и жаловались на него старшему брату, в результате чего Вилли получал очередную трепку. Но Вилли не интересовали ни женщины с поджатыми губами и бесцветными глазами, которых он знал, ни даже

странно привлекательные существа женского пола, которые временами являлись ему во сне.

Вилли просто любил смотреть на город, погруженный в темноту, когда все другие спали. Вилли дорожил этими часами, когда все как будто умирали, оставляя его одного, когда не было никого, кто кричал бы на него или бросал злые взгляды...

Когда первый метеорит рассек небо, Вилли торчал на своем посту на последнем этаже высокого, узкого дома. Дрожа от возбуждения, он схватил старый театральный бинокль из пластмассы под перламутр, который украл когда-то в угловом магазине старьевщика Коня, и направил его в черный купол неба. Каждый раз, когда он видел кратковременный блеск метеорита в радужном окружении — искажение возникало в результате несовершенства оптического прибора, — у него в голове начинали бурлить хаотические мысли, он ощущал странное беспокойство. Наделенный шестым чувством, как все люди, слегка отклоняющиеся от нормы, он пришел к выводу, что эфемерные крупницы света представляют какое-то особое послание, предназначенное специально для него, но, в чем оно состояло, он не знал.

Вилли продолжал свои наблюдения почти до рассвета, притаившись в холодной темноте маленького чердака, а потом закрыл окно и пошел спать.

Когда он проснулся и спустился вниз на ленч, их продовольственный магазинчик, расположенный в том же самом доме, с улицы, был полон людей. Его старшие сестры, Ада и Эмили, были слишком заняты за прилавком, чтобы пойти в заднее помещение и приготовить ему еду, так что Вилли сам сделал себе бутерброды с тертым бананом и мармеладом.

Когда он ел, погруженный в молчаливое раздумье, он почти не видел журнала, который листал, и не слышал, как тарыхтит насыпаемый для взвешивания картофель. Ибо — точно так, как в Библии, — во сне дошло до него страшное значение падающих звезд, от которого перехватывало дыхание.

Он ощутил гордость — ведь это он был выбран оружием, посредством которого это послание должно быть передано всему миру, но одновременно это возлагало на него огромную ответственность. А на Вилли никогда в жизни не возлагалась какая-либо ответственность, он не был уверен в себе, особенно в деле столь огромной важности.

Весь день он бродил по темному, неопрятному дому и размышлял, как бы ему снять с себя возложенную на него Богом ответственность, но в голову ему так и не пришло ничего разумного.

В сумерках вернулся с работы на городском газовом заводе его брат Джо; он был зол на Вилли за то, что тот не побелил стены. Вилли не принял это слишком близко к сердцу, покорно снося его ругань и соображая, как бы оказаться достойным возложенного на него доверия.

В эту ночь метеоритный дождь был еще более великолепен, чем в прошлый раз, и Вилли начал ощущать странное внутреннее напряжение, почти чувство вины, что он ничего не сделал, чтобы провозгласить Слово. Он начал терзаться, думая об этом, а в таком состоянии становился просто дебилом. Бродя по магазину, он перевернул корзину с помидорами, а потом уронил ящик с бутылками из-под кока-колы.

Прежде чем он натолкнулся на подходящую идею, минула еще одна искрящаяся роем метеоритов ночь. Идея была очень скромной, даже убогой — так он сам оценил ее в порыве самокритичности,— но Бог, несомненно, лучше отдавал себе отчет в несовершенстве выбранного им орудия, чем сам Вилли.

Когда Вилли наконец понял, что он должен сделать, он почувствовал страшное нетерпение, ему хотелось как можно скорее воплотить свой замысел в действительность. Вместо того, чтобы после ночи бодрствования пойти прежде всего поспать, он поспешил вниз, на задний двор в поисках столярных инструментов. Джо стоял как раз возле кухни, одетый в свой заляпанный коричневый комбинезон, и в спешке глотал чай. Он взглянул на Вилли, как обычно, со смесью тревоги и ненависти.

— Вилли,— сказал он коротко,— если ты сегодня не побелишь стены, то я сделаю это сам, а ты послужишь мне вместо кисти.

— Хорошо, Джо.

— В последний раз предупреждаю тебя. Мы все уже сыты твоим бездельем; палец о палец не ударишь, чтобы хоть как-то заработать на свое содержание.

— Хорошо, Джо.

— Валяешься в постели всю ночь и еще полдня.

— Да, Джо.

Вилли взглянул в чистосердечное, открытое лицо брата, и его охватило великое искушение открыть Джо, Аде,

Эмили и всем другим, как они должны быть счастливы, что он, Вилли, не провалялся в постели всю ночь. Потому что благодаря его бдению они выиграли немного времени. Но все же он решил, что не следует говорить об этом преждевременно, и вышел во двор.

Задача оказалась труднее, чем он предполагал, и первой преградой было отсутствие подходящего материала. Он потерял много времени, копаясь в груде подгнивших, почерневших досок в самом углу двора, калеча себе при этом пальцы и пачкая одежду зеленым замшелым налетом и каким-то оранжевым грибком. В конце концов он убедился, что в этой куче не найдет ничего подходящего, и пошел в сарай, который Ада и Эмили использовали в качестве склада.

Около двери стоял большой ящик из толстого картона, наполненный мешочками и кусками коричневой бумаги для упаковки овощей. Он начал осторожно выгружать содержимое ящика, но пачки бумаги оказались неожиданно тяжелыми, их трудно было удержать в неловких руках. Они падали, вырываясь из его рук, и рассыпались. Вилли сносил эту зловредность мертвых предметов так долго, как только мог, после чего перевернул ящик вверх дном, вызвав беспорядочную лавину, которая обрушилась на грязный бетон двора.

«Теперь это не имеет значения», — подумал он.

Но даже когда он разорвал ящик, работа как-то не шла. Картон распался на слои, когда он пытался его кроить, а шляпки гвоздей проходили насквозь. Однако он работал с самозабвением, не отрываясь для того, чтобы съесть что-нибудь или хотя бытереть пот с лица; уже далеко за полдень он завершил сооружение чего-то неслыханно неустойчивого, что в первом приближении соответствовало его требованиям.

Он буквально корчился от голода, но решил использовать удобный момент, пока сестры, Ада и Эмили, не сошли сюда нос, и закончить дело. Он нашел банку с красной краской и кисть, после чего продолжил свою работу, покаряхтывая время от времени с выражением полной сосредоточенности.

Когда он кончил, было уже за пять, но поскольку краска все равно должна была сохнуть, он решил немного привести себя в порядок и что-нибудь съесть. Прыгая через две ступеньки, он помчался наверх по темной лестнице,

вымыл лицо и переоделся в праздничную одежду, которая показалась ему подходящей для такого случая. Радуюсь тому, что еще довольно хорошо видно, он сбежал вниз, взволнованно дыша.

В темном проходе за магазином он столкнулся с братом, который как раз вернулся с работы.

— Ну?— Голос брата был напряженным от сдерживаемой злости.— Сделал то, что тебе велено?

Вилли, остолбенев, глядел на него. Он совершенно забыл о побелке.

— Ох... у меня не было времени. Я был занят.

— Я так и думал.— Джо поймал Вилли за ворот и пихнул его в дом, используя всю силу взрослого мужчины.— Ты сделаешь это сейчас, или я тебя убью! Убью тебя!

Джо вышвырнул Вилли на двор и захлопнул за ним дверь. Мальчик беспомощно осмотрелся глазами, полными слез, а потом побежал в сарай, взял там ведро извести и большую широкую кисть. Он неистово набросился на работу, расплескивая булькающий раствор по неровной поверхности стены длинными дугообразными мазками. На свою одежду он не обращал внимания. Часом позже все стены были побелены, и Вилли, мучимый болью, с пузырями на руках отставил ведро. И именно в этот бесценный момент дверь отворилась. На пороге стоял Джо.

— Прости, что я был так суров с тобой.— Тон Джо свидетельствовал, что он очень устал.— Тебе лучше пойти домой и съесть что-нибудь.

— Мне не хочется,— ответил Вилли.

— Послушай, я ведь сказал, что прошу прощения...— Голос Джо прервался при виде толстого слоя растоптанной бумаги перед дверью сарая. Затем брат увидел предмет, на создание которого Вилли потратил целый день, и челюсть его отвисла.— Что это, черт возьми?

— Не приближайся.

Когда до Вилли дошло, что происходит с Джо, его охватила паника — он знал, что его ждут тяжелые минуты. Он отстранил брата в сторону и приблизился к своему творению. Джо схватил его, но мальчик, движимый святым негодованием, отпихнул Джо одной рукой. Уголком глаза он заметил, как Джо падает на кучу досок, и ощутил прилив триумфа. Он поднял с земли хрупкую конструкцию, поставил ее себе на плечи и энергично рванул в дом. Клиентки подняли визг, когда он, направляясь на улицу, промаршировал со своим сооружением через магазин. Вилли едва

слышал эти крики; не видел он также смертельно бледных, перепуганных лиц сестер за прилавком. В первый раз в жизни он нашел свое настоящее место в мире, перед ним была важная цель, и он знал, что ничто не заставит его свернуть с избранного пути.

Поэтому, двигаясь по проезжей части улицы, он даже не воспринял визга покрышек безуспешно тормозящего автомобиля, пируэта, который этот автомобиль совершил, и дробящего кости и ткани удара. А несколькими секундами позже он уже не воспринимал ничего.

Зеваки, столпившиеся, чтобы увидеть происшествие, бессмысленно топтали столь трудолюбиво сделанную Вилли конструкцию. Никто, однако, не прочитал написанных неровными буквами слов:

Конец близок — приготовься к встрече со своей судьбой

— ...но,— проговорил в эту минуту генерал Абрам,— если все это правда, то это означает...

Доктор Раш кивнул.

— Именно так, генерал. Это означает конец света.

XII

Бретон был решителен: запер дверь и поспешил к автомобилю.

Он понятия не имел, как долго намерена Кэт пробыть у Пэлфри, но, конечно же, он должен был возвратиться раньше нее, если хочет, чтобы она поверила, что Джон просто ушел. Летний домик был расположен приблизительно в сорока милях к северу, что не составляло проблемы для огромного «турбо-линкольна», но там, на месте, следовало еще совершить определенные приготовления, а кроме того, он не мог ехать слишком быстро, чтобы не привлечь к себе внимание дорожных патрулей. В случае невезения он мог бы наткнуться на моторизованный эквивалент лейтенанта Конвери.

Автомобиль легонько вздрогнул, когда Бретон тронул машину с места, после чего, казалось, впал в состояние чуткого спокойствия. Только положение стрелок на циферблатах свидетельствовало о том, что машина находится в движении. Бретон вывел автомобиль на шоссе, направил

его на север и поставил ногу на педаль газа. Ускорение было так велико, что его голова откинулась назад, поэтому он несколько отпустил педаль, внезапно осознав, какой силой управляет.

Он ехал внимательно, держа путь на северо-запад, пока не добрался до главной автострады на Силверстрим, где с помощью легчайшего движения правой стопы увеличил скорость до шестидесяти миль, не ощутив при этом каких-либо изменений в работе двигателя. «Хорошая машина», — подумал он. И сразу же после этого где-то в подсознании зародилась мысль, что автомобиль теперь уже принадлежит ему, но он подавил ее в зародыше.

Находясь в предместье, Бретон развлекался, выискивая видимые различия между тем, что видел во Времени В и теми же районами во Времени А, сохранившимися в памяти. Все казалось одинаковым: те же мрачные склады лесоматериалов, стоянки подержанных автомобилей, маленькие одинокие филиалы банков, отпочковавшиеся от материнских фирм, скопление ярко освещенных магазинов и совершенно случайные группки домов, разбросанных без какой-либо системы. Тот самый неопрятный, хаотический пейзаж, которого он не терпел, повторялся во всех деталях. Он убедился, что изменение жизни нескольких людей не изменило лика города.

И вот перед ним расстиралась прерия Монтаны. Бретон добавил газа, и о переднее стекло начали расплющиваться мелкие насекомые. По левую руку заходило медное солнце, гася краски неба, которые могли бы соперничать с хвостом павлина. Далеко на востоке что-то замигало над горизонтом, и Бретон инстинктивно прикрыл рукой правый глаз, ожидая нарушения зрения, предвещающего приступ мигрени. Но на сей раз это не были радужные зигзаги, и когда он отнял руку, то понял, что мигание на небе должно быть связано с метеоритами. «Ага, стало быть, метеоритный дождь не прекращается, — подумал он. — Интересно, какие еще явления сопутствуют мне.

Некоторые люди приобретают телепатические способности, спутники сбиваются со своих орбит, солнечное излучение вызывает помехи в радиоприемнике, религиозные маньяки предвещают конец света...»

В задней части автомобиля раздался неясный звук. Бретон, который как раз потянулся к радиоприемнику, чтобы послушать новости, застыл, внимательно прислушиваясь, но слабый звук не повторился. «Джон Бретон, дол-

жно быть, пошевелился во сне», — подумал он и включил радио.

«... Коммюнике НАСА гласит, что все аэролинии, эксплуатирующие сверхзвуковые самолеты, должны ограничить потолок до пятидесяти тысяч футов. Это ограничение продиктовано внезапным резким возрастанием космического излучения, которое ученые считают небезопасным для пассажиров на далеких трассах и на большой высоте. В Вашингтоне сегодня утром...»

Бретон выключил радио, ощущая, что его будущее с Кэт каким-то образом находится под угрозой. Желание обладать Кэт ожило в нем, а ведь сегодня вечером она будет одна в доме. Воспоминания о том первом, настоящем поцелуе; ее груди, живые, свободные, вырвавшиеся из нейлоновых пут, ее бедра, кремовые, словно вырезанные из слоновой кости, — этот мысленный монтаж заполнил воображение Бретона без остатка, не позволяя ему думать ни о чем другом, кроме того, что Кэт существует.

Он заставил себя сосредоточиться на важнейших делах текущей минуты, стараясь удерживать белую линию придорожных столбиков точно над левым крылом, время от времени стирая со стекла разбившихся насекомых. И все время перед его глазами стояла Кэт. Он знал, что никогда не сможет от нее отказаться.

Когда он добрался до озера Паско и свернул с автострады, выехав на узкую дорогу, пересекающую группу сосен, солнце уже скрылось за линией горизонта. Сгущались сумерки, укрывая машину в тени деревьев. На развилке Бретон на минуту задумался над тем, какую из дорог выбрать, и вдруг ясно осознал, что в последний раз был здесь по меньшей мере двенадцать лет назад. На южном берегу озера стояла заросшая плющом рыбацкая хижина, которой он всегда восхищался, но о покупке которой в те времена не мог даже мечтать. Он подумал, что именно эту хижину купил Джон Бретон, разбогатеv, и это был как раз тот фактор, который изменился во Времени В. Но Джон мог поменять свои склонности.

Проклинав себя в душе за то, что он не позаботился точно установить местонахождение домика, он направил автомобиль на старую, почти совсем не используемую дорогу и выехал на пустое пространство над водой. Он свернул и остановил машину между одноэтажным домиком и

покрашенным в зеленый цвет сараем для лодок. Как только он вылез из автомобиля, под его одежду проник тянувшийся от озера влажный холод. Слегка вздрагивая, Бретон вынул из кармана ключи и подошел к неосвещенному домику.

Третьим из ключей ему наконец удалось открыть замок. Он толкнул дверь, вернулся к автомобилю и открыл багажник. Джон лежал, скорчившись, на боку. Он производил впечатление больного. В лицо Джеку пахло запахом мочи. Джек вздрогнул, охваченный чувством вины. Его второе воплощение было лишено всего, даже чувства собственного достоинства, и Джек сам ощутил унижение. Он вытащил находящегося без сознания Джона из металлического чрева багажника и, подхватив под мышки, внес его в дом. Когда он волок его по ступеням, ведущим к двери, Джон что-то пробормотал и начал легонько дрожать и дегаться.

— Все будет хорошо, — прошептал Джек бессмысленную фразу. — Только спокойно.

В большой комнате были глубокие обтянутые твидом кресла. Стол и деревянные стулья в псевдонародном стиле стояли тесно под окном, выходящим на озеро. В помещении выходили четыре двери. Джек выбрал ту, которая, по его мнению, должна была вести в подвал, и не ошибся. Он оставил Джона лежать на полу, нашел выключатель, щелкнул им, но внизу по-прежнему было темно. Он быстро обыскал комнату и обнаружил главный рубильник в шкафчике, включил его, и из двери, ведущей в подвал, вырвался желтый свет. Джон, когда Джек тащил его вниз, снова начал биться. Джек старался как-то успокоить его, одновременно удерживая равновесие, но убедился, что в любой момент может упасть. Поэтому он просто отпустил Джона, и тот скатился с нескольких последних ступеней, упал на бетонный пол с громким стуком и остался лежать без движения. На нем по-прежнему не было одной туфли. Джек широко шагнул через него и вошел в мастерскую, где стояли какие-то части двигателя. Открыв большой ящик, он нашел в нем то, что искал, — катушку лески для рыбной ловли. Этикетка подтвердила его догадки — это был новейший тип лески из материала с направленно перестроенной структурой. Напоминая по внешнему виду тончайшую нить для шитья, она была способна выдержать нагрузку порядка нескольких тысяч фунтов. Он отрезал

два куска специальной гильотинкой, которой была снабжена катушка, и коротким куском связал Джону руки за спиной. Длинный кусок он пропустил через потолочную балку, надежно завязал, а другим концом обвязал руки Джона выше локтя. Катушку он спрятал в карман, опасаясь, что Джон, придя в сознание, найдет ее и попытается освободиться.

— Что ты со мной делаешь?— Джон говорил устало, каким-то булькающим голосом, но в его словах была логика; он заговорил в тот момент, когда Джек завязывал последний узел.

— Я связываю тебя, чтобы у меня не было с тобой хлопот.

— Это понятно. Но почему ты привез меня сюда? Почему я еще жив?— Голос был бесцветный, приглушенный. Казалось, все это не очень интересует его.

— Конвери был сегодня два раза. Это начинает меня беспокоить.

— Не удивляюсь этому.— Джон попытался засмеяться.— Особенно, если, как ты говоришь, он был дважды. Такого никогда не случалось, даже когда он старался впутать меня в убийство Спидела. Он читает твои мысли. Потому что Конвери умеет читать мысли...— Джона прервал приступ рвоты, он повернулся лицом к запачканному полу, а Джека внезапно охватил испуг.

Джек поспешил вверх к машине и принес чемоданы с вещами Джона. Джон, как и раньше, лежал на боку в сознании и смотрел на него внимательным взглядом.

— Зачем эти чемоданы?

— Ты просто ушел из дома.

— И ты считаешь, что она в это поверит?

— Уверен, если ты не вернешься.

— Ага.— Джон помолчал минуту.— Ты намереваешься держать меня здесь, пока не убедишься, что Конвери отвялся от тебя, а потом...

— Именно.— Джек поставил чемоданы на пол.— А потом...

— Великолечно,— сказал Джон с горечью.— Великолечно. Послушай, а ты отдаешь себе отчет в том, что ты чокнутый, а?

— Но ведь я тебе все уже объяснил. Я подарил тебе девять лет жизни.

— Ничего ты мне не подарил. Это был просто... побочный результат твоих махинаций.

— Это не меняет факта.

— Если ты считаешь, что этого достаточно, чтобы я согласился с перспективой, что ты меня убьешь, это лучшее доказательство, что ты чокнутый.— Джон на мгновение закрыл глаза.— Я болен, Джек. А ты напрасно трапишь время.

— В каком смысле?

— Единственное, за что ты можешь зацепиться, это тот факт, что мы с Кэт действительно дозрели до появления кого-нибудь такого, как ты. Но ведь Кэт в любой момент может прозреть; она прозреет и сбежит. Сбежит, как дважды два — четыре, Джек.

Джек смотрел вниз на свое второе воплощение.

— Этой болтовней ты ничего не добьешься, Джон. У тебя ничего не выгорит. Это не один из твоих старых фильмов.

— Знаю. Знаю, что это действительность. Помнишь, как выглядел дядюшка Бретон в то утро, когда я нашел... мы нашли его в постели?

Джек кивнул. Экзофтальм, поражение глазной веточки — так это назвали. Джеку было тогда восемь лет, и медицинский жаргон не сгладил шока.

— Помню.

— В то утро я решил, что никогда не умру.

— Знаю. Думаешь, что я не знаю?— Джек глубоко вдохнул воздух.— Почему бы тебе не исключитьься?

— Как прикажешь это понять?

— Если я, скажем, отпущу тебя, то можешь ли ты обещать мне, что уйдешь? Что исчезнешь и оставишь нас с Кэт в покое?— Произнося эти слова, Джек ощутил бурный приступ доброжелательности в отношении своего второго воплощения. Да, да, именно так и надлежало поступить: Джон, конечно же, предпочтет свой уход и жизнь где-нибудь вдали смерти в этом подвале. Джек внимательно следил за его реакцией.

— Разумеется, исчезну.— Взгляд Джона оживился.— Уберусь куда-нибудь. Ведь я не дурак.

— Ладно.

Мужчины смотрели друг другу в глаза, и Джек Бретон вдруг почувствовал, что в его голове происходит что-то странное. Его разум и разум Джона соприкоснулись. Этот контакт был мимолетным, нежным, как пух, и одновре-

менно ужасающим. В первый раз в жизни с ним случилось нечто, напоминающее телепатический контакт, но он понял это с абсолютной уверенностью. Понял он также, что Джон лгал, говоря, что исчезнет.

— Сдается мне, то, что мы испытали,— это природная предрасположенность к телепатии, которая проявляется сейчас везде и всюду,— сказал Джон спокойно.— Кроме того, твой и мой мозг должны быть идентичны.

— Прости.

— Мне не за что тебя прощать. Честно говоря, я тебе несколько благодарен. Я до сих пор не отдавал себе отчета, как много значит для меня Кэт, но теперь-то я это знаю, и не воображай, что я мог так просто отойти и оставить ее такому, как ты.

— Даже если альтернативой будет смерть?

— Даже если альтернативой будет смерть.— Джон Бретон сумел при этих словах усмехнуться.

— Пусть так и будет,— сказал Джек бесцветно.— Пусть так и будет.

— Но ведь ты и так оставил бы меня в живых.

— Я...

— Телепатия действует в обе стороны, Джек. Минутой назад я узнал о тебе столько же, сколько ты обо мне. Ты считаешь, что не можешь позволить себе риск оставить меня в живых, но есть одна вещь.

— А именно?— Джек Бретон почувствовал себя неважно: он явно терял инициативу в диспуте, в котором должен был иметь решающий перевес.

— В глубине души ты хочешь меня убить. Ибо я являюсь олицетворением твоей вины. Ты находишься в совершенно уникальной ситуации, состоящей в том, что ты можешь понести наивысшую кару, убив меня, и одновременно самому остаться в живых.

— Это пустословие, позволь тебе сказать...

— Ничего подобного. Не знаю, что происходило с тобой после смерти Кэт в твоём потоке времени, но знаю одно: что это тебя покалечило психически, Джек. Когда ты становишься перед какой-нибудь проблемой, то закрываешь глаза на все возможности ее решения, кроме одной: той, которая удовлетворяет твою потребность убить.

— Нонсенс.— Джек Бретон убедился, что маленькие оконца подвала хорошо закрыты.

— Ты сам это доказал.— Голос Джона звучал сонно.

— Продолжай.

— Когда ты отправился в это свое дикое путешествие во времени, ты вообще не должен был брать штуцер и убивать Спидела. Ты мог бы достичь того же самого или даже большего, вернувшись к моменту моей глупой ссоры с Кэт, когда автомобиль подвел нас. Было бы достаточно просто предостеречь меня.

— Мне казалось, что я уже объяснил тебе подробно ограничения хрономобильной физики, — ответил Джек. — Ты не можешь сознательно выбрать цель путешествия, ты просто возвращаешься к ключевому событию, к поворотному моменту.

— Именно об этом я и говорю! И я болею гемикранией сине долоре. В течение этих девяти лет я тоже видел цветные зигзаги и совершал путешествия во времени бесчисленное количество раз — и всегда они начинались со сцены той ссоры, поскольку я знаю, что с этого все началось. Оттуда шло мое ощущение вины, но ты не хотел смотреть правде в глаза, Джек. Ты примирился с этим вскоре, а потом — ты признался в этом в тот вечер, когда пришел к нам, — начал концентрироваться на сцене убийства. Начал видеть те просвечивающие деревья из парка на фоне уличного движения. И все это потому, что сцена убийства для тебя оказалась особенно убедительной. В ней был Спидел — удобный козел отпущения, на которого ты мог переложить собственную вину: в ту минуту, когда Кэт грозила опасность, не было времени размышлять над тем, что хорошо, а что плохо, было только время на убийство...

— Ошибаешься, — прошептал Джек.

— Взгляни правде в глаза, это твой единственный шанс. Ты и я были тогда одним человеком, поэтому я знаю, что говорило тогда тебе твое подсознание. Ты хотел, чтобы Кэт погибла. Когда Конвери постучал в твою дверь в первый раз, ты услышал тот же самый внутренний голос, что и я, и голос этот сказал тебе, что ты свободен. Но в этом нет ничего страшного. — Веки Джона опустились, голос начал замирать. — Нельзя любить женщину так, чтобы минутами не хотеть убить ее... Ведь она не всегда такая, какой желаешь ее видеть... временами она хочет быть собой... все состоит в том, чтобы уметь приспособливаться... нужно приспособливаться... — И Джон Бретон уснул, прижавшись к полу покрытым синяками лицом.

— Ты глупец, — сказал Джек. — Ты жалкий глупец.

Он пошел наверх и на минуту задержался с рукой на выключателе, размышляя, не допустил ли он какую-ни-

будь небрежность при пленении Джона. Когда тот придет в себя, он будет иметь возможность двигаться по центральной части подвала, но не найдет там ничего, что могло бы помочь ему освободиться. Помучается немного, подумал Джек, но долго это не продлится. Он выключил свет и вышел, тщательно закрыв за собой дверь.

За время, которое он провел внутри домика, успело стемнеть, но небо буквально горело в феерии света. Над северным горизонтом распростерся таинственный светящийся занавес, красный и зеленый, мерцающий и дрожащий под порывами сверхъестественных солнечных ветров. В остальной части неба светились знакомые созвездия, но и они были тусклыми в сравнении с обширным пространством, явившимся ареной демонстрации беззвучной метео-ритной пиротехники. Метеоритный ливень невероятной интенсивности бомбардировал небо; огненные вспышки рассекали его в нерегулярном ритме тысячами дорожек, образуя время от времени искрящиеся, поражающие воображение арки в разных частях небосвода.

Это фантастическое представление отражалось в водах озера, превращая его поверхность во вспенившееся зеркало. Бретон смотрел на эту картину некоторое время невидящим взглядом, а потом сел в автомобиль. Его рука коснулась гладкого черного предмета, лежавшего на переднем сиденье. Это была туфля Джона, та самая, на которую тогда обратил внимание лейтенант Конверси. Он открыл окно и выбросил туфлю, которая, однако, упала слишком близко, и Джек слышал, как она ударилась и прибрежные камни. Он пожал плечами, описал полукруг, взметнув фонтан гравия.

Мчась в южном направлении по автострате, ведущей к Силверстриму, он все время поглядывал в зеркальце — его не покидало чувство, что кто-то гонится за ним, хотя, кроме пульсирующих огней на небосводе, позади него не было совершенно ничего.

XIII

Доехав до дома, он с облегчением убедился, что в окнах темно.

Джек поставил автомобиль в гараж и вошел в дом через заднюю дверь. Взглянув на часы, убедился, что отсутствовал неполных три часа, хотя ему казалось, что прошло

значительно больше времени. Проходя через холл, он заметил пузырек со снотворным, лежащий там, куда он его бросил, и отнес снотворное в ванну.

Вид собственного лица в зеркале подействовал на него удручающе. Он был бледный, заросший, а одежда на нем была помята и покрыта пылью. Осмотревшись в ванной комнате, он с удовлетворением констатировал, что в ней есть настоящая глубокая ванна, а не какой-то там лягушатник. Он пустил воду, а затем отыскал шкаф, из которого вынул чистое белье, мягкую темно-зеленую рубашку и брюки, принадлежащие Джону Бретону. Все это он принес в ванную, закрыл дверь и принял самую горячую ванну, какую только помнил за свою жизнь. Получасом позже он был чист, выбрит, напряжение отпустило его, он чувствовал себя великолепно.

Спустившись вниз, в столовую, он на минуту заколебался перед баром. Много лет он почти совсем не употреблял алкоголя — выпивка мешала ему в работе. Но этот период жизни был уже позади, он достиг почти всего, чего должен был достичь, и мог дать себе поблажку. Взглянув на виски, он убедился, что это «Джонни Уокер» с черной этикеткой, и кивнул с удовлетворением. За эти девять лет он приобрел не одно отличие от Джона, но в делах выпивки его второе воплощение оставалось консервативным. Он щедро налил себе, сел в самое глубокое кресло и отпил первый глоток. Возбуждающий аромат, тепло дистиллированного солнечного света, распространившееся по всему его организму, усилили ощущение разрядки. Он налил себе еще стаканчик.

Проснулся он с ощущением паники, не зная, где находится. Прошло несколько секунд, прежде чем он сориентировался. И оцепенел: взглянув на часы, он убедился, что уже второй час ночи, а Кэт, скорес всего, еще не вернулась домой. Он встал, вздрагивая от долгой дремоты, и вдруг услышал тихий скрип двери гаража. Кэт все-таки вернулась, а шум двигателя ее машины, приближающейся к дому, видимо, и разбудил его.

Сбитый с толку, он нервно поспешил в глубь дома и отворил дверь в кухню. Она стояла в кругу света — поясok твидового костюма висел, развязанный, а распахнутый жакет открывал свитер мандаринового цвета. Бретон не видел, чтобы Кэт когда-нибудь выглядела в такой степени, как Кэт.

— Джон,— сказала она неуверенно, щуря глаза.— Ах... Джек...

— Знаешь, Кэт,— сказал он мягко,— Джон ушел.

— Ушел?

— Я ведь тебя предупреждал. Говорил тебе, в каком он сегодня настроении.

— Конечно, предупреждал, но... я не ожидала... Ты уверен, что он ушел? Автомобиль стоит в гараже.

— Он взял такси. Видимо, поехал в аэропорт. Специального разговора об этом не было.

Кэт сняла перчатки и бросила их на стол. Бретон машинально запер дверь кухни, как нормальный муж запирает на ночь свою маленькую крепость, после чего сообразил, что Кэт хмуро смотрит на него; взгляд этот придавал нормальным занятиям какое-то особое значение. С показной раскованностью он бросил на стол ключ, который приземлился между пальцами ее перчаток. «Что за начало!— подумал он.— Похоже на столкновение».

— Не понимаю,— сказала Кэт.— Это значит, что он просто взял и ушел, по-хорошему?

— В отношении этого я тебя как раз предупреждал, Кэт. Джон ощутил потребность приспособиться к нашей эмоциональной ситуации. Вероятно, он объяснил твой сегодняшний уход из дома как отсутствие заинтересованности.— Бретон придал своему голосу глубокое сожаление.— Можешь себе представить, как я себя чувствую.

Кэт прошла в столовую и остановилась перед камином, глядя на незажженные дрова. Бретон двинулся за ней и теперь с другого конца комнаты внимательно наблюдал за ее реакцией. Излишняя поспешность с его стороны могла вызвать враждебность, которую он замечал у нее сегодня утром. У Кэт была чувствительная совесть.

— На тебе одежда Джона,— сказала она как будто в пространство.

— Он взял все, что захотел, а остальное оставил мне.— Бретон с удивлением обнаружил, что оказался в обороне.— Он унес два чемодана.

— А что с фирмой? Или ты...

— Джон пожелал, чтобы я продал фирму.

— Сдается, что ты не имеешь ничего против этого.— Глаза Кэт были непроницаемы.

Бретон считал, что пришло время предпринять атаку.

— Я не хотел бы, чтобы ты думала, что Джон так уж несчастлив по этому поводу. Он несколько лет чувствовал

себя между молотом и наковальней, между своим делом и супружеством. А теперь он свободен. Он избавил себя от лишних усилий, ощущения вины и даже расходов на развод. Словом, вышел из ситуации, которая стала для него неприятной.

— Действительно. И это стоило ему всего лишь миллиона долларов — столько стоит наша фирма.

— Кэт, я ведь пришел сюда не за деньгами. Напротив, я отдал все, что имел, до последнего цента, чтобы вернуть тебя.

Кэт обратила лицо к нему, ее голос стал мягче.

— Знаю. И жалею, что сказала это. Но за последнее время слишком многое произошло.

Бретон приблизился к ней и положил руку ей на плечо.

— Кэт, милая, я...

— Не делай этого,— сказала она спокойно.

— Но я твой муж.

— Бывает так, что я не хочу, чтобы меня касался даже мой муж.

— Разумеется.

Руки Бретона упали. У него было такое ощущение, будто он участвует в странной словесной войне и что Кэт выиграла ее просто благодаря лучшей стратегии.

В ту ночь, лежа в одиночестве в комнате для гостей, он должен был смотреть в лицо беспощадной правде. Девять лет жизни без него во Времени В наложили печать на Кэт, сделав из нее совершенно иную женщину сравнительно с той девушкой, которую он утратил и для возвращения которой победил само Время.

И он ничего, абсолютно ничего не мог с этим поделать.

XIV

Бретон совершенно забыл, что существуют дни недели.

Открыв глаза в кремовом свете рассвета, он вдруг с удивлением осознал, что сегодня суббота. Пребывая в состоянии между бодрствованием и сном, он осмыслил факты и пришел к выводу, что знал об этом априори. Из четырех элементарных мер времени, таких, как день, неделя, месяц и год, только неделя является величиной случайной. Все остальные основываются на повторении астрономических явлений; только неделя является мерой условной, установ-

ленной человеком — отрезок времени между торговыми днями. Чуткий зверь, пробуждаясь ото сна, может узнать положение солнца, фазу луны, время года, но знать, что сегодня суббота? Разве что он имеет в подсознании нечто вроде семидневных часов или же ощутил изменения в ритме уличного шума, отголоски которого доносились через приоткрытое окно...

По мере того, как Бретон пробуждался, его сознание перестраивалось. В голове мелькнула мысль: «А как эту ночь провел Джон?», но он немедленно прогнал ее. Вечером Кэт вынудила его сыграть роль мягкого, рассудительного друга семьи, но сейчас он считал, что совершил ошибку, не реализовав немедленно свои «супружеские права». Кэт имела много времени, чтобы поразмыслить обо всем и трезво сделать выводы, тогда как после сексуальной близости совесть Кэт — теперь уже независимой — должна была бы согласиться с новым положением вещей. Определенные дорожки, по которым блуждали ее мысли, были бы замкнуты, а Бретон желал, чтобы они как можно скорее оказались заблокированными.

Он встал и открыл окно спальни. Сверху доносились нерегулярные завывания пылесоса, свидетельствующие о том, что Кэт не только встала, но и занялась домашними делами. Он умылся, побрился, оделся по возможности быстро и спустился вниз. Звук пылесоса затих, но в кухне слышалось какое-то движение. Он помедлил у двери, чтобы решить окончательно, какой тактики придерживаться, и лишь после этого вошел.

— О, мистер Бретон,— сказала маленькая светловолосая женщина.— Добрый день, мистер Бретон.

Бретон смотрел на нее в изумлении. Какая-то чужая женщина лет шестидесяти сидела с Кэт за столом и пила кофе. Ее губы были накрашены яркой помадой, а правое стекло в очках было треснувшим.

— Миссис Фиц навестила нас, чтобы посмотреть, как мы без нее обходимся,— объяснила Кэт.— И как только увидела, что у нас творится, сразу же решила прибраться. Я получила разнос за то, что не забочусь о тебе.

— Это очень мило с вашей стороны,— пробормотал Бретон. «Конечно же, это домработница! Совершенно забыл о проклятой домашней работнице!» Миссис Фиц обозревала его с нескрываемым интересом, когда он шел к столу. Он послал ей бледную улыбку.

— Мистер Бретон очень похудел,— сказала миссис

Фиц, обращаясь к Кэт, как будто его здесь и не было.— Очень, очень исхудал. Хватит этой радости, пусть больше не будет свободных дней.

— Действительно, без вас нам было несколько тяжело-вато,— сказала Кэт.— Джон не очень любит мою кухню.

— Вздор.— Бретон смотрел на нее беспомощно, стараясь скрыть злость.— Ты прекрасно знаешь, что мне по вкусу все, что ты приготовишь. Я не считаю, что мы должны лишать миссис Фиц свободного уик-энда.

— Еще чего!— Миссис Фиц рассмеялась, показывая неправдоподобно белые искусственные зубы.— А что может быть лучше работы?

— Как поживает ваша племянница?— тепло спросила Кэт.— Она уже родила?

— Еще нет.

Миссис Фиц поднялась и стала подавать Бретону кофе, блинчики и сироп, не переставая говорить. Он ел молча и удивлялся, как одно или два слова, брошенные Кэт в соответствующий момент, действуют подобно катализатору, вызывая потоки слов у старой женщины. Бретон никак не мог понять, Кэт делает это специально или нет; он сносил эти разговоры, пока мог, после чего вышел в столовую, делая вид, что читает журнал.

Когда закончилось мытье посуды после завтрака, снова заговорил «электролюкс» и миссис Фиц приступила к вылизыванию дома, протирая некоторые комнаты, к ярости Бретона, по несколько раз. Кэт почти все время с ней разговаривала, а в столовую вошла только раз — с вазой цветов.

— Прогони ты эту бабу, Бога ради,— сказал он.— Я должен с тобой поговорить.

— Попробую, но с ней всегда так.

Было похоже, что Кэт говорит искренне, и Бретон успокоился. Утро прошло, но, к его ужасу, миссис Фиц осталась и начала готовить ленч. Когда ленч был съеден, повторился ритуал мытья посуды, после чего — трудно поверить!— снова ожил пылесос. Бретон отшвырнул журнал и в бешенстве помчался вверх, руководствуясь завываниями пылесоса. Кэт стояла в дверях спальни и курила сигарету, а миссис Фиц внутри сражалась с пылью.

— Что она там снова делает?— спросил он.— Ведь полы не могли запылиться с утра.

Кэт бросила сигарету в пепельницу из шлифованного стекла, которую принесла с собой.

— Занавес. Миссис Фиц всегда снимает с них пыль в субботу.

Бретон хотел уже вернуться, когда осознал, что Кэт — зрелая и опытная интриганка, какой она стала с течением лет, — спокойно и без усилий делает с ним что хочет, используя своего рода супердзюдо, которое превращает его силу в слабость. А он покорно поддавался. Однако то, что он ей сказал, не может ею быть использовано. Ведь она не может подойти к миссис Фиц или еще к кому-нибудь и сказать, что мужчина, с которым она живет, в действительности не является ее мужем, а только его дубликатом, который возник из другого потока времени. Разве что она захочет, чтобы ее сочли ненормальной.

— Миссис Фиц, — Бретон прошел мимо Кэт в спальню, — идите-ка вы домой.

— О, Бог мой, а что я буду там делать!

Она послала ему ослепительную улыбку. Бретон вытащил вилку пылесоса из розетки и вручил ей.

— Очень вас об этом прошу. — Он с улыбкой проводил ее до двери. — Я хочу, чтобы вы как следует отдохнули в этот уик-энд, а утром в понедельник приступили к работе в самой лучшей форме. А это десять долларов премии за добросовестность.

Бретон вручил ей один из банкнотов, взятых у Джона, затем проводил ее по лестнице, подал плащ и отворил дверь. Миссис Фиц, кроваво-красные губы которой шевелились с выражением мягкого изумления, уже в дверном проеме обратилась еще раз к Кэт, но, наконец, послав им через кухонное окно последнюю улыбку, волей-неволей ушла. Бретон помахал ей рукой.

— Знаешь, ты вел себя ужасно, — сказала Кэт, спускаясь с ним вниз.

— В следующий раз я буду вдвое любезнее с ней, — ответил он, приближаясь к Кэт. Он обнял ее за талию и притянул к себе. Она не сопротивлялась, поэтому он поцеловал ее. Прикосновение ее губ было легким, но достаточным, чтобы вернуть ему уверенность в себе, чтобы разорвать паутину неуверенности, которая уже начала опутывать его мысли со вчерашнего вечера. Он закрыл глаза, как если бы пил крепкое вино... Отпущение грехов...

— Я беспокоюсь о Джоне, — сказала Кэт.

— Не понимаю, почему. — Глаза Бретона были еще закрыты. — Он ушел по собственному желанию, с искренним

удовольствием. Я не вижу причин для какого-либо беспокойства.

— Это совершенно не в его стиле — уйти вот таким образом. Он поступил не нормально.

Бретон неохотно открыл глаза.

— Он устал от супружества, вот и ушел. Многие сочли бы его поступок наинормальнейшим в мире.

Взгляд Кэт встретился с его взглядом.

— Это не была реакция уравновешенного человека.

— Откуда ты знаешь?

— Джон никогда не ушел бы просто так, бросив внезапно все, по крайней мере, в нормальных условиях.

— И все же он это сделал.

— Вот именно. Поэтому я и говорю, что его реакция была совершенно не нормальной.

Повторение Кэт этой формулировки кольнуло Бретона, как иглой, дав ему почувствовать, что с ним что-то не в порядке.

— Не тверди одно и то же, Кэт. Это ничего не доказывает.

Она вырвалась из его объятий.

— А что с деньгами?

— С деньгами? Ты имеешь в виду Джона? Сдается мне, что он взял, сколько ему было нужно.

— Как? Во всяком случае, не с нашего личного счета, я не подписывала ему ни одного чека. А ведь у него не было времени, чтобы снять крупную сумму со счета фирмы.

— Ты никогда не была столь искушенной в финансовых делах.— Он отдавал себе отчет в том, что ведет себя как сопляк, но был уже не в состоянии удержаться.

— Уж я как-нибудь не дам себя в обиду.— Кэт говорила с холодной жестокостью, наполнившей его ужасом. «Девять лет,— осознал он внезапно,— это изрядный кусок времени».

— Джон может взять столько денег, сколько захочет. Для этого ему достаточно зайти в первый попавшийся банк. По всей вероятности, через несколько дней мы получим от него письмо.

— С просьбой о милостыне?

Бретон не был уверен, когда именно начался этот кошмар, но чувствовал, как он охватывает его со всех сторон. «Кэт,— молил он в душе,— почему ты не можешь быть такой, какой я хотел бы видеть тебя?»

А тем временем Кэт беспокойно сновала по комнате, брала в руки разные мелкие предметы, а потом бросала их. Бретон ходил за ней в надежде, что настроение того единственного послеполуденного времени в венецианском колорите будет каким-то чудесным образом восстановлено. Но Кэт отказывалась от разговоров на какие-либо темы, кроме мотивов столь внезапного ухода Джона, его теперешнего места пребывания и планов на будущее. Он чувствовал, что должен пойти на все и попытаться добиться ее просто силой своей любви, так, как тогда, сразу после прибытия, тем более что, по всей вероятности, тому своему успеху он был обязан тем, что одинокую, усталую и не удовлетворенную чувственно Кэт охватила растерянность.

Он вышел в сад и с удивлением констатировал, что солнце уже касается горизонта — каждая минута тянулась невыносимо долго, зато часы летели очень быстро. Ему стало холодно; медленно распространяющиеся краски ночи уже проглядывались на восточной части неба, где метеориты выныривали и исчезали, как лемминги. Их вид снова вызвал у него неясное ощущение страха. Провести еще одну одинокую ночь под этим большим небом — это превышало его возможности.

Он поспешно вернулся в дом и захлопнул за собой дверь. Кэт стояла в почти темной столовой у эркера и смотрела на деревья в октябрьских красках. Она даже не оглянулась, когда он вошел. Он приблизился к ней, крепко схватил ее за плечи и спрятал лицо в ее волосах.

— Кэт,— сказал он с отчаянием,— мы слишком много говорим. Мы нужны друг другу, но мы ничего не делаем, только говорим.

Кэт, казалось, одеревенела.

— Прошу тебя, оставь меня в покое.

— Но, Кэт...— Он повернул ее к себе.

— Я хочу, чтобы ты наконец оставил меня в покое.

— Но я говорю о нас. Помнишь...

— Это было нечто совершенно другое.— Она вырвалась из его рук.

— Почему?— спросил он.— Потому что Джон не может нам помешать? И это отбило вкус?

Кэт ударила его по лицу, и почти сразу же Джек вернул ей удар, почувствовав, как се зубы ранят фаланги его пальцев. Этот двойной удар отозвался громким эхом в пустой комнате, но его заглушила буря, взорвавшаяся в его голове.

— С меня хватит,— сказала Кэт.— Убирайся из этого дома.

— Ты ничего не понимаешь,— пробормотал он, а его разум буквально замер.— Это мой дом, а ты моя жена.

— Понимаю.

Кэт повернулась на каблуках и вышла из комнаты. Бретон стоял неподвижно, глядя с недоверием на свою руку, пока не услышал знакомый звук выдвигаемых ящиков, донесшийся сверху. Он бросился в спальню.

Кэт складывала одежду в чемодан.

— Что ты делаешь?

— Ухожу из твоего дома.

— В этом нет необходимости.

— Ты так считаешь?— Лицо Кэт было застывшим.

— Конечно, мы оба издерганы. Я не...

— Я уезжаю.— Кэт захлопнула чемодан.— И не пробуй задержать меня.

— Не имею намерения.— Разум Джека начал пробуждаться от шока и анализировать собственные ошибки. Главная ошибка состояла в том, что он отнесся к Кэт как к предмету, за которым достаточно протянуть руку.— Не знаю, как мне перед тобой извиниться... за...

— За то, что ты меня ударил? Не принимай к сердцу. В конце концов я тебя ударила первой.

— Не оставляй меня, Кэт. Такое никогда не повторится.

— Именно!— Кэт повернулась к нему чуть ли не с вызывающей улыбкой.— Можешь мне кое-что обещать?

— Все, что захочешь.

— Если Джон объявится, скажи ему, что я должна с ним поговорить. Я буду у озера Паско.

Бретон почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Где? В домике?

— Да.

— Ты не можешь туда поехать.

— Это почему же?

— Потому что я... Потому что там совсем пусто в это время года.

— Бывают минуты, когда я хочу быть подальше от людей. И это как раз одна из них.

— Но...— Бретон убедился в собственной беспомощности.— Ты могла бы остановиться в городе, в отеле...

— Но я люблю озеро. Очень прошу тебя, оставь меня в покое.— Она подняла чемодан.

— Кэт!

Бретон поднял руку, преграждая ей дорогу; одновременно он лихорадочно искал в мыслях какой-нибудь убедительный аргумент. Кэт приблизилась настолько, что почти коснулась его рук, и стояла бледная как стена. И в этот момент интуиция подсказала ей ответ.

— Домик!— воскликнула она.— Джон находится в домике у озера!

— Это смешно.

— Что ты с ним сделал? Почему не хочешь, чтобы я туда поехала?

— Поверь мне, Кэт, это вздор!

Она спокойно кивнула головой, поставила чемодан у его ног и проскользнула мимо него. Бретон схватил ее за локоть и потянул на постель. Она визжала и царапалась. Когда Джеку удалось справиться с ней, ему пришла в голову единственная мысль, с помощью которой можно было спасти ситуацию.

— Ладно, Кэт, будет так, как ты хочешь.— Он все время старался удержать бьющееся под ним тело.— Я ведь сказал, будет так, как ты хочешь.

— Что ты сделал с Джоном?

— Ничего. Просто дал ему свой хромобиль. Довез его до домика, научил, как с ним обращаться, чтобы он мог занять мое место во Времени А. Это была его собственная идея. Именно этим путем он решил выпутаться из создавшейся ситуации.

— Я еду туда.— Кэт начала вырываться еще энергичнее и чуть не сбросила его на пол.

— Пожалуйста, но только сперва туда должен съездить я, чтобы убедиться, что Джон отправился в путешествие.

Даже в этот отчаянный момент его поразила наивность всей этой истории; в то же время она была тем спасательным кругом, который ему так требовался. Когда тело Джона будет pulverизировано, никто не поверит Кэт, даже если она когда-нибудь захочет обвинить его в убийстве. А одновременно он отведет все ее подозрения. Вера в собственное предназначение, которой он жил эти девять кошмарных лет, снова заполнила его, отменяя все сомнения нескольких последних дней. Он сотворил Вселенную Времени В, сотворил Кэт, а теперь держит и ту и другую в кулаке. Просто это должно продлиться несколько дольше, чем он предполагал.

Продолжая бороться с Кэт, он поднял голову и осмот-

рел комнату. Дверцы гардероба, из которого Кэт доставала свои вещи, собираясь в домик у озера, были все еще открыты. Он стащил Кэт с постели и впихнул ее в гардероб. Поразмыслив немного, вынул из кармана катушку лески и связал ею ручки дверок, превратив гардероб в маленькую тюрьму.

Тяжело дыша и вытирая носовым платком исцарапанное лицо, он сбежал по лестнице и поспешил к автомобилю. Была еще одна вещь, которую сегодня нужно было уладить: послать Джона Бретона вместо Времени А на тот свет.

XV

Блейз Конвери принес узкий пластмассовый стаканчик кофе и осторожно поставил его на письменный стол с правой стороны.

Потом он сел на скрипучее вращающееся кресло и выдвинул средний плоский ящик, откуда вынул трубку, кисет с табаком, зажигалку, уплотнитель табака и связку белых пушистых ершиков. Все это он аккуратно разложил по углам квадрата подобно тому, как ремесленник готовит свои инструменты. Затем он выдвинул глубокий ящик, вынул из него пухлый скоросшиватель цвета овсянки и поместил его в середину столь тщательно повторенного четырехугольника. Выполнив все это, он вздохнул глубоко, с удовлетворением, и занялся просматриванием скоросшивателя.

Это был скучный день, который тянулся медленно, заполненный обычной рутинной. Дело, собственно, было раскрыто уже месяц назад, но оставалось еще уладить массу формальностей. Чтобы собрать три глупые подписи, он сел в автомобиль и вылезал из него раз пятьдесят. У Конвери болела спина, и он чувствовал, что у него опухают ноги. Но теперь он был свободен; он часто после окончания служебного времени сидел так еще час, давая волю своему воображению и мысленно скитаясь по его таинственным дорожкам.

Прихлебывая кофе, он набил и зажег трубку; подождал, чтобы кофеин и никотин собственными силами привели его в состояние сосредоточенности, привели в страну, где пожелтевшие листки и затертые копии начинают оживать, нашептывая ему на ухо потаенные мысли людей, имена которых они хранили. Спустя несколько минут Кон-

вери пустился в свое специфическое путешествие во времени, и по мере того, как он углублялся в прошлое, разделяя его на отдельные пласты, огромное, забитое людьми помещение, казалось, отдыхало и застывало.

— Эй, Блейз,— услышал он внезапно над ухом.— Очнись, старина.

Конвери взглянул, пытаясь воротить телу блуждающий где-то разум, и увидел перед собой светлые брови и обнажившиеся в улыбке зубы Бойда Лейленда, лейтенанта из отдела убийств.

— Привет, Бойд.— Конвери попытался скрыть раздражение: Лейленд был хорошим другом и исправным полицейским.— Я не знал, что ты сегодня на службе.

— Вообще-то нет!— Голос Лейленда всегда звучал триумфально.— В этом месяце у меня свободные субботы, но ведь не оставишь команду, старик. Что нет, то нет.

Конвери смотрел на него недоуменно, но потом вспомнил: ага, сейчас октябрь, и обычай играть в кегли в субботу после полудня возобновился.

— Верно, сегодня мы играем в кегли.— Это прозвучало без особого энтузиазма.

— Конечно, играем. Пошли, старина.

— Знаешь что, от меня сегодня, пожалуй, не будет толку.

Лейленд немедленно выразил ему сочувствие.

— Сдается мне, что тебя совсем уж заездили. На прошлой неделе мне приказали сделать три...— Он не закончил фразу: его взгляд застыл на открытом скоросшивателе. Челюсть его отвисла, он энергичными жестами попытался привлечь внимание стоявших поблизости коллег.

— Нет, вы только послушайте, он снова в этом болоте! Знаете, как профессор Конвери проводит субботний вечер? За разгадыванием тайны убийства Спидела!— Лейленд от изумления говорил чуть ли не фальцетом.— Он снова начал копать в этом проклятом деле!

— Я сегодня мало гожусь для кеглей,— старался защититься Конвери.— Хотел просто здесь посидеть.

— Все это дерьмо!— Лейленд протянул свою огромную лапу, захлопнул скоросшиватель перед носом Конвери и выволок его из кресла.

— Ладно, ладно.

Конвери убедился, что ему не отбиться. Злой, он убрал вещи со стола и пошел следом за другими в направлении лифта. Он не разделял шумного возбуждения своих коллег

в связи с перспективой вечера, проведенного за пивом и кеглями. Ведь вчера он разговаривал с человеком, на котором лежало бремя тяжелой вины.

Теперь Конверти был абсолютно убежден, не только сердцем, но и умом, как в виновности Бретона, так и в том, что ему никогда не удастся предать его суду. Спать ему не давал тот факт, что он до сих пор не сумел добраться до природы этого преступления.

Девять лет назад в доме Бретонов произошло нечто очень странное, нечто такое, результаты чего ощущались до сегодняшнего дня, возвращаясь в своем собственном мрачном ритме, как симптомы неизлечимой болезни. Но что это было? Конверти затупил на этой проблеме лезвие своей проницательности, и у него осталось только неясное желание приходить в этот дом, проводить там как можно больше времени, чтобы исследовать, отсеивать, анализировать факты, пока он не познает этих двух людей лучше, чем сами они знают себя.

— Иди сюда, Блейз,— Лейленд отворил дверцы своего автомобиля.— Я подвезу тебя.

Конверти окинул взглядом полицейский паркинг и внешне почувствовал в желудке знакомую холодную судорогу.

— Нет, благодарю. Я поеду на своем. Может, мне придется уйти раньше.

— Садись,— скомандовал Лейленд.— Не может быть и речи о каких-то ранних уходах, старина.

Конверти потряс головой.

— Об этом позже. Поезжай, я к вам присоединюсь.

Лейленд пожал плечами и, сложившись вдвое, залез в машину. Конверти отыскал свой «плимут» в быстро сгущающейся темноте и сел за руль. В его ушах продолжало звучать пение сирен. На первом повороте он вырвался из-за автомобиля Лейленда и помчался по городу, как будто боялся, что его коллеги начнут погоню за ним. Конечно, они не сделают этого, но они будут холодны с ним, демонстрируя свою обиду, совсем как Джина, когда он ушел из дома несмотря на празднование дня рождения сына. Но Злой Дух не отпускал его, а он никогда не мог противиться его напештываниям.

Выехав на улицу, где жили Бретоны, Конверти затормозил и остановил машину между двумя стенами деревьев, заглушив двигатель. Большой дом был погружен в темноту. Он взглянул на часы, размышляя о том, сможет ли он объ-

яснить коллегам свой поступок тем, что ему понадобилось срочно заправить машину бензином. Это было бы разумно, но...

— К черту!— выкрикнул он с неудовольствием, убедившись, что все же вылез из автомобиля и идет в направлении дома. Потемневшее небо над ним пересекали рои метеоритов, но Конвери не видел их. Гравий подъездной аллеи хрустел под его ногами, когда он шел темным туннелем, образуемым кустарником, а затем обходил дом и веранду.

Из патио он присмотрелся к дому сзади. И здесь — в полном соответствии с его предчувствиями — все лампы были погашены. Открытые двери гаража позволили ему констатировать отсутствие «турбо-линкольна» Джона Бретона. Скорее всего, они вместе поехали куда-то. Конвери поковырял в зубах ногтем. Он знал, что в последнее время они почти нигде не бывали вместе, но кто им запретит, если у них вдруг возникла такая охота. Во всяком случае, не закон.

Конвери покачался на каблуках, не зная, что делать дальше, и уже совсем собирался уйти, когда дверь, ведущая на кухню, тихо скрипнула.

Он подошел ближе и убедился, что она приоткрыта и слегка покачивается под порывами ветра. Когда он осторожно толкнул ее носком туфли, дверь широко открылась и изнутри пахло теплым воздухом. Наконец-то он нашел какую-то тень мотивировки своего присутствия здесь. Конвери вошел в темную кухню и зажег свет.

— Есть здесь кто-нибудь?— крикнул он, чувствуя себя очень неловко.

В тот же самый момент откуда-то сверху донесся приглушенный стук, и Конвери показалось, что он слышит женские крики. Включая по пути свет, он взбежал наверх, руководствуясь голосом, который привел его к первой спальне. Стук доносился из гардероба. Конвери попытался открыть его, но убедился, что ручки дверок крепко обмотаны невероятно прочной на разрыв нитью. Пытаясь развязать тугие узлы, он только обломал ногти. Тогда он отступил на шаг и ударил в дверь ногой с такой силой, что одна из ручек просто отлетела.

Секундой позже он держал в объятиях Кэт Бретон, чувствуя, как его заполняет ледяная эйфория. Его Злой Дух, однако, несмотря ни на что, оказался к нему сегодня милостивым.

— Миссис Бретон?— спросил он с нажимом в голосе.— Что вы здесь делаете? Кто запер вас в этом шкафу?

— Джек Бретон...— ответила она. Ее глаза были пустыми, из них ушло все.

— То есть ваш муж?

— Нет... не мой муж... Это был...

Она не закончила фразу и спазматически втянула воздух. Конвери заметил, что к ней возвращается сознание, постепенно изменяя черты лица. Разделяющий их невидимый барьер вернулся на свое место.

— Скажите мне, что произошло, миссис Бретон?

— Вы должны помочь мне, лейтенант.— Она продолжала оставаться испуганной, но момент слепой паники миновал.— Я боюсь, что мой муж был похищен. Он у озера Паско. Не сможете ли вы отвезти меня туда? Вы отвезете меня к озеру?

— Но...

— Помогите мне, лейтенант, умоляю вас именем моего мужа!

— Едем,— сказал Конвери хмуро. Случай, по правде говоря, миновал, но он чувствовал, что именно у озера Паско его рука, наконец, заговорит.

XVI

В первой части своего пути к озеру машина, которую вел Бретон, несколько раз чуть не перевернулась, беря повороты на скорости, превышающей ее технические возможности.

Он был уже далеко за городом, когда обрел власть над своей правой стопой настолько, что смог снять ее с педали газа. Огромный автомобиль замедлил свой кошмарный бег через темноту. «Погибнуть теперь, в автомобильной аварии, было бы, возможно, патетично,— подумал он,— но имело бы еще и другие интересные последствия». В тот миг, когда прекратилось бы функционирование его центральной нервной системы, хрономобиль, зашитый под кожей запястья левой руки, лишился бы источника энергии, и тело Бретона возвратилось бы во Время А.

Ситуация могла бы оказаться еще более интересной, если бы смерть не была немедленной, а наступила бы, например, в машине «скорой помощи», везущей его в больницу. «Любопытно, каким образом,— размышлял он,— ко-

манда машины объяснила бы исчезновение нормального, полноценного человека».

Эти мысли успокоили Бретона настолько, что он уже смог начать конструктивно мыслить о том, что надлежит сделать в течение ближайшего часа. В основных чертах план представлялся предельно простым: убить Джона Бретона, отвезти его тело туда, где производится бурение скважин большого диаметра, и ликвидировать его. Но на практике могли возникнуть затруднения. Например, могло оказаться, что бурение проводится в несколько смен и буровая установка работает целые сутки.

Убедившись с облегчением в том, что он снова стал мыслящим существом, Бретон начал высматривать боковую дорогу, на которой он раньше заметил табличку строительной фирмы. Район, однако, казался ему все менее знакомым. Он снова сбросил скорость и стал наблюдать за восточной стороной дороги, внимательно прослеживая каждое ответвление, пока не увидел, наконец, серо-белую таблицу. Фары автомобиля выхватили фамилию «Бретон» на одном из указателей, и в этом месте Джек свернул с автостреды. Автомобиль, пританцовывая, продвигался вдоль глубокой колеи, выдолбленной тяжелыми строительными машинами, вздымая по обе стороны дороги клубы пыли.

Неполных пять минут пути от автостреды, и боковая дорога перешла в плоскую, изрытую территорию, на которой поработали экскаваторы. Бретон вел автомобиль зигзагами, освещая сваленные строительные материалы, пока наконец не увидел то, что искал — напоминающие формой большие башни буровые установки. Вблизи никого не было, как и на остальной территории. Он вернулся на автостраду, удовлетворенный тем, что на все это ему хватило нескольких минут.

Двигаясь на север, Джек становился все более уверенным в себе. Какое-то время ему казалось, что происходит что-то неладное, что Время В противодействует своему творцу, но в этом была его собственная вина. Просто эти дни, проведенные с Джоном и Кэт, отняли у него прежнюю силу и уверенность...

Небо перед автомобилем вспыхнуло пульсирующим светом.

Миниатюрное солнце промчалось по крутой дуге, а когда оно исчезло за пригорками, поросшими деревьями, там взвились огромные, пульсирующие фонтаны огня. Силуэты деревьев четко вырисовывались в рассеянном свете взрыва,

а затем страшный грохот потряс автомобиль, поразив Бретона первобытным страхом. После главного взрыва прозвучала целая серия взрывов поменьше, повторяемых эхом и постепенно замирающих.

Бретон, залитый потом, гнал машину через ночь в неестественной тишине. Прошло несколько секунд, прежде чем его разум вернулся из первобытной эпохи, в которой он оказался, в двадцатый век и уведомил его, что он был свидетелем падения метеоритов. Бретон сочно выругался и крепче сжал руль.

«Небо,— подумал он вдруг,— это мой враг».

Оказавшись на гребне холма, он заметил далеко справа топазовые лоскуты огня, ползущие по травянистым склонам.

Через несколько минут здесь будут роиться любопытные. Бретон хорошо знал образ мышления типичного жителя Монтаны — даже обычного пожара прерии достаточно, чтобы они высыпали из своих унылых домов, осчастливленные уже тем, что могут куда-то выбраться на своих новейших автомобилях, которые, хотя они велики и быстры, не могут выполнять роль ковров-самолетов на этих огромных просторах.

Такое событие, как падение метеорита, стянет их с территории радиусом в сотню миль и даже больше, как только местное радио доведет это до их сведения. А это означало, что, возвращаясь той же самой дорогой с трупом в багажнике, он должен будет пробираться через поток машин. Не исключено даже, что полиция выставит дорожные патрули. Бретон уже видел, как люди в темно-синих мундирах, с суровыми лицами бьют по крышке его багажника, когда он пытается проскользнуть мимо них, точно так же, как накануне это делал лейтенант Конвери.

Эта перспектива основательно устрасила его, но одновременно он должен был признать, что падение метеорита имело свою хорошую сторону: кто в такой ситуации запомнит один определенный автомобиль? Он несколько увеличил скорость, чтобы как можно быстрее выбраться отсюда, прежде чем начнется движение.

Домик был погружен в полную темноту, если бы не изменчивый свет полярного сияния на севере и не сумасшедшая канонада метеоритов, раскалывающих небо на обломки алмазов. Бретон вылез из автомобиля и поспешил в дом, придерживая рукой карман, чтобы пистолет не бился о бедро.

В меняющемся, неестественном свете казалось, что контуры рыбацкого домика корчатся, дрожат и растягиваются в какой-то плазматической веселости. Бретон снова почувствовал, что он замерз и чудовищно устал. Он открыл входную дверь и нырнул в густую, почти осязаемую темноту, инстинктивно вытягивая оружие из кармана. На лестнице, ведущей в подвал, он заколебался, прежде чем зажечь свет.

Люминесцентная лампа сперва мигала некоторое время, а когда успокоилась, то вырвала из мрака фигуру Джона, лежавшего на полу посреди подвала. Грязная, покрытая пятнами одежда придавала ему вид трупа, но глаза были быстры и внимательны.

— Я старался сбежать,— сказал он как бы с неохотой, пока Джек приближался по лестнице.— Чуть руки себе не отрезал.

Он шевельнулся, как будто хотел показать Джону свои запястья, и в этот же момент заметил пистолет в руке Джека.

— Уже?— Его голос был скорее печальным, чем испуганным.

Джек заметил, что прячет оружие за спину. Неохотно он вытянул руку вперед.

— Ты встанешь?

— Зачем?— Джон чувствовал, что имеет какой-то неясный психологический перевес.— Что тебе это даст?

— Ладно.— Джек спустил предохранитель и прицелился. При всех условиях, если он и дальше будет тянуть, это ничего не даст. Ровным счетом ничего.

— Нет!— Голос Джона стал ломаться.— Ты действительно намереваешься это сделать?

— Должен. Мне очень жаль. Я имею в виду нас всех.

— Жалей только себя.

Палец Джека сильнее нажал спуск, который вдруг показался ему таким же неподатливым, как поршень гидравлического пресса, а драгоценные секунды тем временем уплывали. Джон несколько секунд лежал неподвижно, а потом, как если бы нервы отказались ему повиноваться, начал отчаянно извиваться, стараясь отодвинуться как можно дальше от ствола пистолета. Он упирался ногами в бетон, стараясь ползти, а Джек, поддерживая руку с пистолетом другой рукой, неумолимо приближался к нему. Наконец спуск медленно, вероломно начал поддаваться.

Внезапно Джек Бретон ощутил рядом с собой поток холодного воздуха.

Он обернулся и едва не выстрелил в панике. На расстоянии нескольких футов от него в воздухе висел прозрачный предмет. Лицо Бретона искривила судорога: он увидел столь хорошо знакомое, жуткое, состоящее из двух полушарий образование.

Человеческий мозг!

Он смотрел, а под нематериальным мозгом показалась перпендикулярная колонна, от которой отходили тонкие туманные ответвления. В течение секунды появилось нечто, напоминающее трехмерную пластиковую модель человеческой нервной системы.

Джек почувствовал еще более сильный ток ледяного воздуха и, оцепеневший от страха, убедился, что смотрит в лицо другого человека.

И я тоже должен был так выглядеть,— подумал он в первую кошмарную минуту. Должен был так выглядеть во время той встречи около трех вязов — обнаженный мозг, который внезапно появился там в темноте, пульсирующий, отвратительный. С распространяющейся сетью нервов, которая, словно прожорливый гриб, разрослась до самой земли и только тогда покрылась моим телом. Это был тот аспект хрономобильных явлений, который я никогда не принимал во внимание,— момент прибытия и его...

Эта предельно детализированная картина была, однако, немедленно вытеснена из его разума внезапным, вызывающим шок осознанием ее значения.

— Опусти оружие, Джек.

Незнакомец говорил монотонно и бесстрастно, но в его словах чувствовался неодолимый нажим. Он подошел к Джеку, а прикрепленная к потолку газосветная трубка обдала его лицо холодным блеском. В первую минуту Джеку показалось, что природа, формируя это лицо, совершила фатальную ошибку — дала ему только один глаз, но зато два рта!

Когда он пригляделся внимательнее, то убедился, что на лице действительно только один глаз. Другого не было, а то место, где он должен был находиться, глубоко запало внутрь, и не было никаких попыток затушевать отсутствие глаза. Верхнее и нижнее веки смыкались идеально, словно

в сардонической усмешке, ошеломляюще похожей на усмешку, искривившую губы появившегося.

Бретон заметил также седеющие волосы, которые только частично скрывали поврежденный череп, глубокие морщины, неопрятную и странную одежду, но в основном его внимание было приковано к этому жуткому второму рту, подобному рту вампира.

— Кто...— выдавил он с трудом.— Кто вы?

Но ответ прозвучал не от незнакомца, а с пола.

— Ты не узнаешь его, Джек?— заговорил Джон Бретон.— Это ведь ты сам.

— Нет!— Джек Бретон инстинктивно отступил, поднимая оружие.— Это неправда!

— Конечно же, правда!— В голосе Бретона прозвучала мстительная нотка.— Это тот аспект путешествия во времени, в котором я смыслю больше, чем ты. Ты не оценил надлежащим образом того, что я так быстро признал тебя и согласился с тобой в тот вечер.

— Перестаньте препираться!— Незнакомец прервал их голосом усталым, но властным, как у умирающего Цезаря.— Я не предполагал, что вы будете вести себя как дети, а времени у нас мало.

Джон Бретон сумел подняться.

— Ты развяжешь меня?

— Я не успею,— ответил незнакомец, покачивая головой.— Я не буду прибегать к возмущениям и к тому, что могло бы вызвать возмущения. Я могу пользоваться только... словами.

— Я спросил, кто ты,— сказал Бретон.

— Ты знаешь, кто я.— Голос незнакомца звучал еще более устало, как будто силы покидали его.— Когда я намеревался внедриться в этот поток времени, я назвал себя Бретоном А, а Джона — Бретоном В. Но я не люблю этих бездушных этикеток, поэтому я приму имя Бретона-старшего, которое мне более подходит.

— Я мог бы застрелить тебя,— сказал Джек без видимой связи, стараясь заглушить нарастающее в нем ощущение ужаса.

— Не утруждай себя. Ты сам совершил путешествие во времени, а потому отлично знаешь, как оно влияет на нервную систему. Ты же понимаешь, что я могу выдержать это напряжение лишь недолго, а потом меня всосет обратно, чтобы заполнить пустоту, оставшуюся в моем потоке времени.

Бретон кивнул. Он помнил, как после убийства Спиде-ла лежал на траве, не в силах шевельнуться. А ведь этот прыжок в прошлое длился всего лишь несколько секунд. Он старался представить себе, что ждет Бретона-старшего на обратном пути, но разум его был одним огромным клубком из полусформулированных вопросов...

— Ты мог совершить свое путешествие во времени, поскольку, кроме могучей потребности возвращения с целью исправления допущенной ошибки, ты отличаешься необычным строением мозга. Но твое вмешательство привело к тому, что ты совершил еще более важную ошибку, ошибку, которая включает два совершенно разных аспекта: один личный, другой общий...— Бретон-старший, голос которого дрогнул, сделал несколько шагов и оперся о заваленный всяким хламом верстак. Скованность его движений напомнила Джеку, как ему трудно было ходить с сетью проводов, прикрепленных к коже.

— Личный аспект этой ошибки,— продолжал Бретон-старший,— состоит в том, что ты никогда не соглашался со смертью Кэт, ибо это означало бы принятие на себя, хотя бы частично, ответственности за то, что произошло. Трагедии случаются с людьми, но мера их значения для человека определяется его умением стряхнуть с себя то, что произошло, и найти новый смысл в жизни. Или это звучит для тебя как статья из журнала «Ридерс дайджест»?

Джек Бретон наклонил голову.

— Ты так думал, ты даже, хотя и не хочешь этого признать, начал замечать правду в том, что я говорю. Где то счастье, которое ты надеялся найти во Времени В? Разве все сложилось так, как ты себе это представлял?

Джек Бретон, поглядывая на Джона, заколебался, но только на миг.

— Конечно же, складывается. У меня есть определенные проблемы с Кэт, но это дела личные...

— Неправда!— Единственный глаз Бретона-старшего блеснул, как рефлектор.— Но есть и другая причина, по которой ты должен вернуться в свое время. Если ты этого не сделаешь, то уничтожишь две Вселенные!

Для Джека Бретона эти слова прозвучали странно знакомо, как будто он уже слышал их в каком-то забытом сне. В первую минуту он хотел инстинктивно воспротивиться, хотя какой-то частью своего сознания уже давно знал, что небеса — его враги. Он почувствовал, как под ним подгибаются колени.

— Говори дальше.— Голос его звучал слабо.

— На каком уровне будем говорить?

— На самом элементарном.

— Ладно. Как ты, наверное, помнишь, интенсивно изучая электрические явления, ты пришел к выводу, что основной трудностью в создании хрономобиля является необходимость отказа от закона Кирхгофа. Я же детально занялся вторым законом термодинамики и тем фактом, что алгебраическая сумма электромобильных сил в каком-либо замкнутом контуре или сети равна алгебраической сумме продуктов сопротивления каждой порции...

— Ты должен подать это доступнее,— прервал его Джек Бретон.— Я сейчас плохо соображаю.

— Ладно. Мое время и так уже кончается. Перейдем к закону сохранения массы и энергии. Вселенная является изолированной системой и должна подчиняться принципу, соответственно которому сумма ее масс и энергий всегда остается постоянной. Пока ты пребывал во Времени А, Вселенная содержала всю массу и энергию, которой когда-либо обладала или могла бы обладать.— Бретон-старший начал говорить быстрее.— А ты, Джек, являешься объектом, содержащим определенную массу и энергию; покинув вселенную Времени А, ты создал пустоту там, где пустоты не должно быть, равно как внедрение во Время В явилось причиной избытка, нарушив тем самым фактуру пространственно-временного континуума. Такие нарушения равновесия могут быть допущены лишь на очень короткие отрезки времени...

— Так вот, значит, как...— тихо сказал Джон Бретон, в первый раз вмешавшись в их разговор.— Так, стало быть, этим были вызваны все те явления: уменьшение гравитационной постоянной, метеориты и так далее.— Он задумчиво посмотрел на Джека.— Это действительно началось в тот вечер, когда ты пришел. Теперь я припоминаю. Я даже видел два метеорита, когда Гордон и Мириам уезжали. И это тогда. Карл позвонил и сказал...

— Мое время почти истекло,— прервал его Бретон-старший. Он сел боком на крышку верстака, а его голос перешел в полный усилия шепот.— Джек, чем дольше ты будешь оставаться вне своей собственной Вселенной, тем в большей степени вызовешь нарушение равновесия, которое в свою очередь приведет к уничтожению обоих потоков времени. Ты должен возвратиться. И немедленно!

— И все же я этого не понимаю.— Джек Бретон сделал

глубокий вдох, стараясь заставить свой мозг работать.— Ты утверждаешь, что, оставшись здесь, я уничтожу Вселенную, а ведь ты сам должен был прийти в настоящий момент времени из будущего, которого, в соответствии с твоими словами, не должно существовать.

— А как ты думаешь, насколько большой скачок мне пришлось совершить?

— Не знаю.— Джек Бретон чувствовал, что его охватывает ужас.

— Двадцать лет? Тридцать?— настаивал Бретон-старший.

— Ну... что-то в этом роде.

— Я отступил на четыре года.

— Но...— Голос Джека прервался. Одновременно он заметил, что Джон тоже потрясен — так изменилось его лицо.

— Я старше тебя на четыре года.— Бретон-старший замолчал, стараясь собраться с силами.— Вижу, что ты все еще не можешь осознать сложившуюся ситуацию. Это моя вина, что я не сумел объяснить тебе это лучше, но я рассчитывал на то, что ты поймешь... Ты еще не видишь, Джек? Я то, чем станешь ты через четыре года, если ты убьешь свое воплощение и будешь жить с Кэт во Времени В. Я сделал именно то, что ты намеревался сделать, когда пришел сюда, и мне это удалось... Мне это удалось!— Бретон-старший засмеялся — Джек никогда не слышал такого смеха — и снова заговорил, не обращаясь, однако, ни к кому; его отрывистые фразы рисовали апокалипсическое видение битвы добра со злом.

По мере того, как узы гравитационной силы ослабежали, планеты отрывались от своего родного Солнца, отыскивая новые орбиты, соответствующие изменившемуся соотношению сил притяжения и отталкивания. Но они не двигались достаточно быстро — Солнце стягивало их, как безумная мать, охваченная желанием убить собственных детей. Распухшее, переполненное гноем собственного ядерного распада, оно поражало свое потомство смертоносным излучением неслыханной силы.

Бретон-старший четыре года существовал в мире, ставшем ареной двух видов смерти; они соперничали друг с другом за самую обильную жатву. Древний бич людей — голод — шел сейчас рядом с новым — скоротечным раком

и множющимися случаями появления непригодных для жизни мутантов.

Когда Кэт умерла от неизвестной болезни, он открыл в себе нечто, чего в нем не было со времен его первого путешествия во времени, — хрономобильную способность, проявляющуюся у других как угрызения совести. Он приступил к конструированию нового хрономобиля и, хотя в этом ему мешало отсутствие глаза, который он потерял в результате болезни, закончил эту работу в течение нескольких недель. Он ставил перед собой одну цель: убедить Бретона А, чтобы он вернулся в свой собственный поток времени, вернув общее равновесие, пока еще не поздно.

Если бы это ему удалось, поток Времени В, ведущий к гибели Вселенной, не свернул бы со своего пути — справиться с этим уже было невозможно, — но он вызвал бы ответвление, боковой поток времени. Это было бы модифицированное Время В, в котором Кэт и Джон Бретоны дожили бы до конца дней своих в покое.

Польза для Бретона-старшего, вытекающая из этого, имела бы скорее философский характер, нежели практический, так как в соответствии с суровыми законами хрономобильной физики само его присутствие в этом времени, если бы он решил в нем остаться, привело бы этот мир к уничтожению. Но увидев то, что он увидел, он был готов удовлетвориться сознанием, что где-то и когда-то существует эта другая Вселенная.

Первоначально, готовясь к путешествию, он намеревался взять с собой оружие, чтобы иметь уверенность, что он отправит Джека Бретона в его мир — точно так же, как в той далекой жизни, значительно раньше он уладил дело со Спиделом.

Но это был бы легчайший путь, а кроме того, Бретон решил покончить с убийствами.

Однако если бы ему не удалось убедить Джека, он умер бы со страшным бременем сознания, что потянет за собой все живые существа всех этих миров...

Слушая эти слова, Джек Бретон чувствовал, как на его плечи наваливается тяжесть, превышающая его силы, — тяжесть двух Вселенных. Повествование его жутковатого старшего воплощения о чудовищных ужасах, ожидающих в будущем этот поток времени, глубоко потрясло как его душу, так и тело; на него нахлынула обессиливающая тошнота, холодный пот заливал его тело. Его собственная, лич-

ная Вселенная рушилась, а он не имел желания воспрепятствовать этому, крикнуть «нет!», как будто это могло что-нибудь изменить.

Но Бретон-старший стоял перед ним ожидающе — Дориан Грей его прошлого и будущего.

Дрожа всем телом, Джек Бретон отшвырнул пистолет, подбежал к Бретону-старшему и схватил его за руку.

— Да,— прошептал он.— Да, я возвращаюсь. Только перестань. Обещаю.

Бретон-старший, цеплявшийся за верстак, произнес только одно слово:

— Благодарю.

И исчез.

Джон Бретон внезапно осознал, что между ним и верстаком, на который он смотрел, уже никого нет. Он беспомощно оглянулся и посмотрел на Джека Бретона, лицо которого после перенесенного шока было блее бумаги. Они пережили момент полного понимания, не имеющего ничего общего с телепатией.

— Я...— Джек не мог найти слов.— Я сейчас тебя развяжу.

— Буду тебе признателен, однако это не изменяет факта, что меня мутит от твоей наглости.

— Меня это особо не удивляет.

Джек открыл ящик верстака и достал оттуда катушку лески. Потом подошел к Джону и гильотинкой перерезал его путы — леска отскочила с металлическим звуком, освобождая руки Джона. Джек как раз намеревался перерезать нить, соединяющую плечи Джона с потолочной балкой, когда услышал звук останавливающегося у дома автомобиля. И сейчас же после этого раздались характерные хлопки закрываемых дверей.

Джек Бретон сунул Джону катушку в окровавленную ладонь и подбежал к верстаку. Вскочив на него, он раздвинул занавески. В искрящемся свете, льющемся с неба, он увидел силуэт «плимута» Конвери. Кэт уже бежала в сторону домика, а контуры ее тела казались обрисованными серебристым инеем. Бретон в последний раз насытил глаза видом ее: овальное лицо, стройные ноги, вздымающаяся во время бега грудь — все это наполнило его острой болью.

Он отпустил занавески и соскочил с верстака. Нашел в ящике маленькую отвертку. Сдвинул часы на руке повыше, установил острие отвертки точно над выпуклостью

хрономобиля и, взглянув в сторону Джона, на миг заколебался.

— Хочешь попрощаться?

— Прощай.

— Благодарю.

Джек Бретон энергично ткнул острием отвертки в выпуклость на запястье руки. Мир Времени В тяжело заколыхался и исчез.

XVII

Конвери вылез из автомобиля медленнее, чем Кэт Бретон.

Теперь уже не было смысла спешить. Ответы, которые он искал в течение девяти лет, находились в нескольких шагах от него, и он не боялся, что они сбегут от него. Он сознательно двигался медленно, широко распахивая все ящички своего разума и упиваясь этим моментом свершения.

Холодный свет, разлившийся по небу, был настолько ярок, что Конвери без труда мог рассмотреть каждый маленький камешек. Он заметил «турбо-линкольн», припаркованный возле лодочного сарая, а когда он, наконец, направился к домику, то увидел лежащую на берегу озера туфлю. Это была та черная туфля, которую он видел вчера в руке Бретона. Но откуда она взялась здесь? Конвери пожал плечами. Еще один элемент головоломки, который следовало пристроить на надлежащее место, прежде чем будет найдено окончательное решение.

Сжимая в руке туфлю, он рысцей побежал за Кэт. Едва он успел сделать несколько шагов, как кто-то отодвинул занавеску окна подвального помещения, бросив на землю поток белого света флюоресцентной лампы. Одновременно в окне показалось мужское лицо. Он предположил, что это Джон Бретон, но уверенности в этом у него не было. К тому же за мужчиной в окне мог стоять еще кто-нибудь. Однако в этот миг взорвался особенно ослепительный фонтан метеоритов, и его отблески в стекле превратили оконце в плиту из кованого серебра. И сразу же после этого занавески опустились.

Конвери видел, как Кэт Бретон вошла в домик. Он взбежал по ступенькам и ворвался внутрь. Было темно, поэтому он прежде всего должен был нащупать выключатель.

Когда вспыхнул свет, он бросился к двери, ведущей в подвал, дернул ее на себя и вдруг замер на первой ступеньке деревянной лестницы как вкопанный.

Посреди подвала стояли, обнявшись, Джон и Кэт, а кроме них там не было никого. Конвери ощутил скверное предчувствие: он узнал первые симптомы паники.

— Что это значит?— крикнул Конвери.— Где он?

— Кто он?— Джон Бретон удивленно посмотрел на него.

— Тот тип, который вас сюда привез. Похититель.

— Похититель?

— Только без глупых выходов.— Конвери спустился вниз.— Есть еще выход из этого дома?

— Нет.

— Но тогда где тот человек, который запер вашу жену в гардероб, а вас привез сюда?

— Простите, господин лейтенант,— сказала Кэт Бретон, отрывая голову от груди мужа.— Это какое-то недоразумение. Дело личного характера...

— Это не ответ.— Конвери с трудом владел собой.

— Но какой другой ответ может быть?

— Именно это я и хотел бы узнать. Вы смотрели на себя в зеркало, Джон? Кто вас так отделал? Что все это значит?

Бретон пожал плечами.

— На уик-энде я надрался, как последняя скотина. Главным образом тут, на озере.

— У вас плечи обвязаны рыбацьей леской. Откуда она взялась?

— Это случайность. Хотел отрезать нужный кусок и вот как-то запутался.

Конвери внимательно посмотрел на Джона. Его лицо было покрыто синяками — видимо, вчерашними,— но была в нем какая-то сила, которой он никогда до сих пор не замечал. И стояли сейчас Бретоны не так, как всегда, а образуя единое целое. В силу своей профессии Конвери нечасто бывал свидетелем проявления человеческой любви, но когда он увидел их, у него не осталось сомнений, что это не может быть чем-то иным. И эта перемена была связана с событиями последних дней. Еще один таинственный элемент.

— Я напрасно морочила вам голову,— виновато проговорила Кэт Бретон.— Может быть, вы останетесь выпить с нами?

Конвери затряс головой.

— Я вижу, что вы предпочли бы остаться одни.— Сознавая, что ирония, вложенная им в эту фразу, прозвучала не слишком удачно, он уже повернулся, чтобы уйти, но в последний момент вспомнил о туфле.

— Ваша туфля, Джон. Я нашел ее у самой воды. Вы хоть заметили, что на вас одна туфля?

— Да.— Джон Бретон обезоруживающе улыбнулся.— Надираться так уж надираться.

— Я ожидал такого ответа. Доброй ночи.

Конвери устало поднялся по деревянной лестнице, вышел в холодную ночь, морща лоб и силясь охватить лавину новых фактов, обрушившихся на него. Над ним огненные дуги метеоритов продолжали чертить купол неба, но это почти не доходило до него.

В картотеке его разума эти явления были классифицированы как «не имеющие связи с делом».

Когда Конвери медленно шел к автомобилю, кисть его правой руки начала внезапно изгибаться, скрючиваться и разгибаться — в ожидании магического голоса, который никогда не могла издать.

XVIII

Джеку Бретону просто показалось, что кто-то погасил в подвале свет.

Внезапно он оказался в темноте; в запястье левой руки он ощущал острую боль и внимательно прислушивался к звукам наверху. Спустя некоторое время он немного отошел, наступила разрядка. Во Времени А домик был холодным, пустым и не принадлежал Бретону. А если,— пронеслось у него в голове,— у дома вообще нет владельца, а дверь подвала заперта снаружи?

Он сделал шаг вперед и в момент нарушения равновесия почувствовал, что ноги под ним подгибаются. Он беспомощно упал, ударившись о какой-то большой сундук, и распластался на покрытом пылью полу. Когда он попытался подняться, он обнаружил, что его руки и ноги отчаянно дрожат, не выдерживая его тяжести, и что он снова падает лицом вниз.

В следующий раз он был осторожнее; ухватившись за сундук обеими руками, он понемногу, дюйм за дюймом, подтягивал свое тело. Когда, наконец, ему удалось встать на ноги, он, тяжело дыша, оперся о шероховатое дерево.

Кэт!

Он посмотрел вокруг невидящими глазами, мучимый кошмарной мыслью о том, что Кэт, вероятнее всего, где-то здесь, в подвале, отделенная от него неощутимыми барьерами. Наверное, здесь находится и Джон, и они стоят обнявшись.

Джек Бретон в напряжении ожидал очередного приступа боли, но — о, чудо! — боль не приходила. Вместо этого он ощутил чистый вкус истинного удовлетворения. Когда-то он совершил ошибку, но он ее и исправил. В конце концов, он все уладил, как надлежало.

Ощупью добрался он до лестницы и, шаркая ногами, как старик, поднялся наверх. Дверь поддалась, когда он взялся за ручку. Комнату заливал искристый, беспокойный свет, падающий через окна. Мир Времени А тоже навестил метеоритный дождь, но теперь, когда Джек уравнивал космический баланс, все придет в равновесие.

Прежде чем закрыть за собой дверь, он еще раз обернулся и глянул в молчаливую темноту пустого подвала.

— Очень прошу вас извинить меня, — сказал он. Чувствуя, что это звучит глупо, он все же не мог удержаться. — Я вижу, что вы хотели бы остаться одни.

И ощутил совершенно иррациональное убеждение, что они его слышат.

Дворец вечности

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЮДИ

Глава 1

Несмотря ни на что, Тевернеру не сиделось дома, когда для неба приходило время загораться.

Напряжение грызло его желудок большую часть вечера, и работа над ремонтом судовой турбины казалась все более трудной, хотя он знал, что ему просто не хватало сосредоточенности. В конце концов он отложил сварочный пистолет и выключил свет над верстаком.

И сразу же возникло нервное беспокойство в клетке кожистокрылых в противоположном конце длинной комнаты. Крепкие, похожие на летучих мышей создания не любили резкой смены интенсивности освещения. Тевернер подошел к клетке и, взявшись за нее, почувствовал, что прутья вибрируют под его пальцами, как струны арфы. Он наклонился, вдохнул холодный от биения крыльев воздух и послал мысль повизгивающим млекопитающим с серебряными глазами:

— Успокойтесь, маленькие друзья. Все хорошо. Все хорошо...

Шум в клетке сразу же утих, кожистокрылые вернулись к своим насестам, и в ртутных пятнышках их глаз сияло подобие разума.

— Так-то лучше,— прошептал Тевернер, зная, что телепатические способности животных уловили его собственное раздражение.

Он закрыл дверь мастерской, прошел через гостиную и вышел из одноэтажного дома в теплую октябрьскую ночь. Год на Мнемозине состоял почти из пятисот дней, и здесь не было сезонов, но люди принесли в космос свои календа-

ри. В северном полушарии Земли деревья в это время одевались в медь и золото, значит, на Мнемозине и на сотне других колонизированных миров тоже был октябрь.

Тевернер посмотрел на часы. Осталось пять минут. Он достал из кармана трубку и, успокаивая себя, набил ее табаком и закурил. Раскаленные кусочки полетели вверх, и он прижал их загрубевающим от работы пальцем. Он прислонился к стене темного дома, а дым растворялся в ночном воздухе. Тевернер представил себе, что запах проникает в гнезда и норы в окружающем лесу, и задумался, как относятся к этому их мохнатые обитатели. Уже сотню лет они вынуждены были привыкать к присутствию людей в их мире и, за исключением кожистокрылых, держались с мрачной, настороженной сдержанностью.

За две минуты до полуночи Тевернер сконцентрировал свое внимание на небе. Ни над одной планетой, которые посещал Тевернер, не было такого неба, как над Мнемозиной. Много геологических веков назад две большие луны ходили там, притягиваясь друг к другу, пока не столкнулись. Следы этого космического столкновения можно было обнаружить на всей планете в виде метеоритных кратеров, но основное свидетельство этого было в небе.

Остатки лунных фрагментов — некоторые достаточно большие, чтобы их неровные контуры можно было увидеть невооруженным глазом, — постоянно оставались в тени слабых звезд, образуя как бы занавес от одного полюса до другого. Рисунок блестящих черепков ни разу не повторялся, а экран был довольно плотен. Когда тень Мнемозины пересекала небо, группы лунных обломков проходили через все цвета спектра, исчезали в черноте и затем появлялись и проходили цветовую гамму в обратном порядке.

На таком небе трудно было различить даже звезду первой величины, но Тевернер знал точно, куда надо смотреть. Его глаза задержались на одном качающемся пятнышке света — Звезде Нильсона. Находясь на расстоянии почти семи световых лет, она терялась в калейдоскопе ночного неба Мнемозины, но ее незначительность скоро должна была смениться известностью.

В последние секунды напряжение внутри Тевернера усилилось до того, что он ощущал его в виде твердого шарика страха. «Я могу разрешить себе это», — подумал он. В конце концов, само событие произошло семь лет назад,

когда земной Звездный инженерный корпус — эгоизм этого титула всегда пугал Тевернера — выбрал Звезду Нильсона, решив, что это классический тип для их цели. Почти двойная — установили рапорты. Главный компонент в гигантской последовательности диаграммы Герипринг-Расседа; второй компонент маленький и плотный; планет нет. Прогноз для модификации: великолепный.

Громадные баттерфляй-корабли Корпуса на своих магнитных крыльях окружили обреченного гиганта, бороздя его поверхность злобными жалами лазеров и вливая энергию гамма-лучевой частотности до тех пор, пока поток не дошел до невыносимой интенсивности, до тех пор...

Зубы Тевернера сжались на чубуке трубки, когда с внезапностью включенной в комнате лампы, окружающий его лес, горная цепь вдали, все небо залились резким белым светом. Его источником была Звезда Нильсона, которая стала теперь точкой опаляющего блеска, столь сильного, что Тевернер отвел глаза. Даже на расстоянии семи световых лет первоначальная ярость Новой могла ослепить. «Прости нас,— подумал он,— пожалуйста, прости нас!»

Лес стоял неподвижно, как бы ошеломленный непостижимым взрывом Новой, а затем выпрямился в протесте против этого совершенно неестественного события. Миллиарды крыльев били воздух в каком-то неистовстве. Поток света, лившийся с изменившегося неба, тут же потускнел, когда каждое существо, способное летать, бросилось в воздух, кружилось и металось, ища спасения. Их дружный вызов раздражению дал Тевернеру удивительное ощущение, что сам он ослабел. Затем до него донесся звук. Крики, визг, свист, стоны, рев, шелканье, шипение смешивались с хлопаньем крыльев, хрустом сухих листьев, топотом ног...

Полная тишина...

Лес следил и ждал.

Тевернер обнаружил, что его охватила неподвижность, низведшая его до уровня лесного создания Мнемозины, фактически безмозглого, однако он чувствовал в этот момент родственные связи жизни в пространственно-временном континууме, чего люди обычно не понимают. Обширные призрачные параметры вечной проблемы, казалось, проходили по поверхности мозга, частью которого он вдруг сделался. Жизнь. Смерть. Вечность. Божественность. Пан-

спермизм. Тевернер почувствовал прилив необыкновенного энтузиазма. Панспермизм — концепция вездесущей жизни. Не оправдание ли это верящему, что всякий мозг связан с другими и что так было всегда? Если так, то Новая и Сверхновая слишком хорошо были поняты дрожащими обитателями темных нор и защищенных гнезд вокруг Тевернера. Много ли звезд в этой Галактике впадало в неистовство? Миллион? А в вечности галактик? Сколько цивилизаций, бесчисленных миллиардов жизней сгорело от существования звезды-смерти? И подавало ли каждое существо, разумное или неразумное, в эту последнюю секунду одно и тоже сообщение в панспермический всеобщий мозг, делающий это доступным для любого чувствующего существа, которое когда-либо будет жить в темной бесконечности континуума? Смотри, меньшей брат, ходишь ли ты, ползаешь, плаваешь или летаешь, когда небо внезапно заливается светом, будь спокоен, будь спокоен...

Энтузиазм Тевернера возрастал. Он был на краю понимания чего-то важного, но, затем, поскольку эмоции были продуктом его индивидуальности, неясный контакт потерялся в ускоряющемся желании соскользнуть в нормальное состояние. Был момент разочарования, но и это исчезло в чем-то меньшем, чем память. Он снова закурил трубку, стараясь привыкнуть к изменившемуся окружению.

В сообщениях Военного бюро говорилось, что через две недели Звезда Нильсона станет в миллион раз ярче, но все-таки будет в десять тысяч раз менее яркой, чем солнце Мнемозины. «Эффект лунного света на Земле», — подумал Тевернер. Пугала только внезапность вспышки и осведомленность Тевернера о страшной цели, стоящей за этой внезапностью.

Звук приближающейся машины вывел Тевернера из задумчивости. Прислушавшись, он узнал мягкое подвывание личной машины Лиссы Гренобль еще до того, как увидел фары, протягивающие топазовые пальцы сквозь деревья. Сердце его билось ровно и спокойно. Он стоял неподвижно до тех пор, пока машина не подъехала почти вплотную к дому, и только тогда осознал, что старается показаться ей таким, каким она больше всего восхищалась бы: солидным, независимым, физически сильным. «Нет дурака глупее старого дурака», — подумал он, отталкиваясь от стены.

Он взялся за ручку пассажирской дверцы и выровнял машину, когда она села на грунт. Лисса вышла через дальнюю дверцу. Как всегда, вид ее чуть излишнее полного тела и чуть излишне толстых губ вызвали извержение вулкана, находящегося в области поясницы Тевернера, и огонь поднялся прямо к его глазам.

— Машина стучит хорошо,— заметил он, чтобы сказать хоть что-то.

Лисса Гренобль была дочерью Говарда Гренобля, Планетного Администратора, но Тевернер встретился с ней так же, как обычно встречался с жителями Мнемозины: после ее просьбы отремонтировать машину. На планете не было металла, и ни один баттерфляй-корабль не мог пройти через пояс лунных фрагментов и привезти груз с Земли или из промышленных центров других планет. Так что даже первые семьи на Мнемозине, при всем их богатстве, предпочитали платить за неоднократный ремонт старых машин, чем идти на фантастические расходы ради новой, привезенной баттерфляем на орбитальную станцию, а оттуда реактивным почтовым кораблем на Мнемозину.

— Конечно, хорошо,— ответила Лисса.— Ведь вы сделали ее лучше новой, не так ли?

— Вы читали рекламу?— Тевернер был польщен, хотя старался не показать этого.

Лисса обошла машину, взяла Тевернера за руку и наклонилась к нему. Он поцеловал ее, упиваясь ее невероятной реальностью, как умирающий от жажды хватает первый глоток воды. Ее язык был более горячим, чем полагалось бы.

— Эй!— Тевернер оторвался от нее.— Вы сегодня рано начали.

— Что это значит, Мак?— спросила Лисса, очаровательно надувая губы.

— Спаркс. Вы пили спаркс.

— Не ваяйте дурака. Разве от меня пахнет спарксом?

Тевернер недоверчиво фыркнул и откинул голову назад, когда Лисса шутя укусила его за кончик носа. Летучий аромат летних лугов — запах спаркса — отсутствовал, но Тевернер все-таки не верил. Сам он никогда не пил Грезовый ликер, предпочитая виски — еще одно напоминание, что Лиссе было девятнадцать, а ему ровно на тридцать лет больше. Правда, теперь возраст человека был мало заметен, так что между ними физический барьер

ер не стоял, но Тевернер считал, что таким барьером были годы.

— Пошли в дом,— сказал он,— от этого ужасного света.

— Ужасного? А мне он кажется романтическим.

Тевернер нахмурился. Лисса преувеличивала.

— Романтический! А вы знаете, что он означает?— Он взглянул на яркую точку света — теперь уже заметно рельефный объект, каким стала Звезда Нильсона.

— Ну, конечно, знаю. Это означает, что открылась новая скоростная коммерческая линия на Мнемозину.

— Нет.— Тевернер почувствовал, что напряженность снова охватила его.— Этим путем идет война.

— Чудак вы!— Лисса взяла его под руку, и они пошли в дом. Тевернер хотел включить свет, но она удержала его руку и снова прижалась к нему. Он инстинктивно сделал то же, но никогда не расслабляющаяся часть его мозга метнула смутную мысль. «Это,— подумал он,— самая неуклюжая попытка обольщения, какую он когда-либо видел».

Почувствовав что-то вроде обмана, Тевернер абстрагировался, чтобы пересмотреть свои отношения с Мелиссой Гренобль, начиная с их встречи три месяца назад и до настоящего времени. Хотя увлечение было мгновенным и взаимным, близкие отношения были бы нежелательны в основном из-за разницы их положения в строго регламентированной социальной структуре Мнемозины. Должность Говарда Гренобля была, вероятно, наименее политической в Федерации из-за многочисленных особенностей планеты, но тем не менее у него был ранг Администратора и его дочь не могла спутаться с...

— Подумайте, Мак,— прошептала Лисса,— целых десять дней на южном берегу. Только мы вдвоем.

Тевернер постарался сосредоточиться на ее словах.

— Ваш отец будет в восторге.

— Он не узнает. В это же самое время на юг едет экспедиция художников. Я сказала отцу, что поеду. Эту экспедицию организует Крис Шелби, и вы знаете, что он сама скромность...

— Вы хотите сказать, что его можно купить, как жевательную резинку?

— Причем тут резинка?

В голосе Лиссы слышалось слабое нетерпение.

— Зачем вы это делаете?— спросил он нарочито флегматично, чтобы разозлить ее.— Почему сейчас?

Она поколебалась, затем сказала прозаично, наполнив его странным беспокойством:

— Я хочу вас, Мак. Я хочу вас, сколько я могу ждать? Неужели это так трудно понять?

Стоя с ней в темноте, грудь к груди, Тевернер почувствовал, что его отчужденность крушится. «Почему бы и нет?— пронзила его мысль.— Почему нет?»

Почувствовав капитуляцию, Лисса обняла его за шею и вздохнула, когда он наклонил к ней лицо. На секунду он замер, потом резко оттолкнул ее, полный внезапно нахлынувшей злобы.

Только потому, что они были в полной темноте, он увидел между ее открытых губ крутящиеся золотые искорки.

— Вы не позволили мне включить свет,— начал он через несколько минут, когда они ехали к Центру по гладкой лесной дороге.

— Мак, скажите мне, в чем дело?

— Запах спаркса можно убить довольно легко, а люминесценцию — труднее.

— Я...

— Как насчет этого, Лисса?

— Я вам уже сказала.

— Да, конечно. Наши прекрасные отношения. Но сначала вы накачались спарксом.

— Не все ли равно, что я пила?

— Лисса,— сказал он нетерпеливо,— если мы не можем быть честными друг с другом, давайте не будем говорить вообще.

Они надолго замолчали, и он сосредоточился на том, чтобы удержать быстро несущуюся машину на середине дороги. Листья деревьев с каждой стороны сверху были залиты серебром от света Звезды Нильсона, а снизу — золотом от мощных фар машины. Тевернер нажал на газ, и хорошо отлаженная машина сразу же прибавила ход.

Двигаясь со скоростью около ста миль в час, машина пронеслась мимо океана, срезая верхушки волн и превращая их в перья из белых брызг, которые таяли далеко позади. Широкий черный океан лежал впереди, и Тевернер вдруг почувствовал потребность убежать от войны, что вот-вот придет, выжать газ до конца и держать путь прямо, прочертив светлую линию на темной воде, пока турбины не разрушат себя, их и громадную тяжесть его вины...

— Интересно,— сказала Лисса,— счетчик оборотов дошел до красного. А я никогда не могла добиться, чтобы он перешел хотя бы через оранжевый сектор.

— Это было до того,— ответил Тевернер с благодарностью, приходя в себя,— как я сделал ваш агрегат лучше, чем новый. Помните?— Он замедлил машину до более respectable скорости и повернул к Центру.— Спасибо, Лисса.

— За что?

— Может и не за что, но все равно, спасибо. Куда едем?

— Не знаю...— Пауза длилась довольно долго, а Тевернер напряженно ждал, удивляясь собственной подозрительности.— Ах, да, я ведь хотела к Жаме!

— Не знаю, милая,— Тевернер инстинктивно уклонялся.— Сомневаюсь, что могу выдержать сегодня эти проклятые вертящиеся зеркала!

— Ах, да не будьте вы старым троллем! Мне хочется поехать к Жаме!

Тевернер заметил чуть заметное подчеркивание в слове «старый» и понял, что его втягивают в темную дуэль на невидимых шпагах. Лисса пыталась — бесспорно, рассматривая это как великую хитрость,— оказать на него давление. Сначала это была любительская попытка обольщения, теперь она тащила его в известный бар.

— Ладно, поехали к Жаме.

Тевернер удивлялся, почему он так легко согласился. Из любопытства? Или в виде наказания за то, что он старше ее на тридцать лет, что он слишком стар и опытен для того, чтобы она вертела им, и поэтому в каком-то смысле обманул ее?

Он молчал, пока машина не свернула и остановилась на стоянке. Лисса взяла его под руку и прижалась к нему, стараясь укрыться от соленого ветра, провожавшего их до бульвара, огибавшего бухту. Витрины больших магазинов сияли, и Лисса тоскливо поглядывала на выставленные в них платья и драгоценности, по привычке притворяясь, что она не в состоянии купить все, что хочет.

Тевернер почти не слушал ее. Странное поведение Лиссы вызвало в нем недовольство, которое усилило его. Похоже, что сегодня на улицах было больше обычного военных. Мнемозина была далеко от мест сражений, насколько это было возможно для планеты Федерации, но конфликт с сиккенами начался почти столетия назад, и солдат

можно было встретить во всех мирах. Кто отдыхал, кто лечился, кто занимался неопределенными делами в невоенных отраслях, которые так легко плодятся в технологической войне. «Но все-таки,— подумал Тевернер,— я не помню, чтобы ранее встретил так много военных. Не связано ли это со взрывом Звезды Нильсона? Так скоро?»

Когда они дошли до бара Жаме, Лисса вошла первой. Тевернер вошел за ней в большое красноватое помещение и огляделся, скрывая настороженность, в то время как Лисса приветствовала группу друзей, расположившихся у стойки. Они сверкали и звенели, как металлические, источая радостное самодовольство интеллектуалов, вышедших на ночь в город. Вокруг них появлялись и отступали зеркала.

— Дорогая! Как приятно вас видеть!— Крис Шелби вернулся от стойки волнообразным движением крупного, безупречного тела, словно, подумал Тевернер, кто-то дернул шелковый шнурок.

— Хэлло, Крис,— улыбнулась Лисса и, все еще держа Тевернера под руку, повела его к месту, которое группа освободила для нее.

— Хэлло, Мак,— Шелби явно собирался уколоть Тевернера и слегка улыбался.— Как чувствует себя сегодня наш замечательный ремесленник?

— Не знаю. Я никогда не интересовался вашими партнерами.

Тевернер вежливо глядел в лицо высокого человека и с удовольствием увидел, что улыбка исчезла. Шелби был богат, обладал настоящим графическим талантом, считался светилом в артистической колонии, которая составляла большую часть постоянного населения Мнемозины. Все это, по его собственной оценке, давало ему естественные права на Лиссу, и он отнюдь не собирался скрывать свое раздражение, что она привела Тевернера в их кружок.

— На что вы намекаете, Мак?— величественно начал Шелби.

— Ни на что,— серьезно ответил Тевернер.— Вы спросили, как чувствует себя ваш замечательный ремесленник, и я ответил, что не знаю этого джентльмена. Я посоветовал бы вам спросить об этом его самого. Может, он отделывает вашу квартиру...

На лице Шелби появилось скучающее выражение.

— У вас тенденция к преувеличению.

— Простите. Я не знал, что коснулся чувствительного места,— упрямо сказал Тевернер, и девушка, стоявшая позади группы, хихикнула. Шелби холодно взглянул на нее.

— Я хотела бы выпить,— поспешно сказала Лисса.

— Позвольте мне...— Шелби сделал знак бармену.— Что будете пить, Лисса?

— Спаркс.

— Какой-нибудь особенный вариант?

— Нет, обычный, расслабляющий.

— Я возьму бурбон,— вступил Тевернер, не ожидая вопроса; он знал, что неприязнь к друзьям Лиссы может толкнуть его на грубость.

Получив бурбон, он отпил половину, поставил стакан на стойку и огородил его с обеих сторон локтями. Он смотрел на свое отражение, как оно расплывалось и искажалось в зеркалах, полностью закрывавших стены. Зеркала были гибкие и изменяли свою форму, когда соленоиды позади них оказывали давление в случайном порядке, под действием тепла, исходящего от тел клиентов, сигарет и выпивки. По ночам, когда дела в Жаме шли хорошо, стены безумствовали, конвульсивно дергались и стучали, как камеры гигантского сердца.

Тевернеру активно не нравилось это место. Он наклонился над стойкой и гадал, что общего у Лиссы с Шелби и его командой культурных надоед. «Для них война просто не существовала»,— думал он и заинтересовался собственными эмоциями. Он приехал на Мнемозину, чтобы забыть о войне и о том, что она принесла ему, однако злился на людей, которым посчастливилось пребывать в неприкосновенности, когда громадный баттерфляй-корабль Федерации плыл в космосе на ионных крыльях...

Он так глубоко ушел в свои мысли, что не сразу обратил внимание на ссору.

Рыжеволосый гигант в светло-сером костюме Межзвездного передвигного дивизиона мрачно пил пиво в дальнем конце бара. Тевернер увидел его, как только вошел, но не заметил появления второго солдата, усевшегося в противоположном конце, у двери. Этот был в темно-серой форме Тактического резерва. Он был выше другого, но более худым, с белым лицом.

— Вшивый резервист,— пьяно рывкнул рыжий, когда Тевернер прислушался к ссоре.— Только и дела, что жрать, пить да прижимать жен настоящих солдат!

Резервист оторвался от своей выпивки.

— Опять ты, Молен? Как это ты оказываешься в каждом баре, куда я захожу?

Молен повторил свое замечание слово в слово.

— Не думаю, чтобы какая-нибудь женщина пошла за тебя,— кисло комментировал резервист.

— Ш-што ты сказал?

Низкий голос Молена прозвучал во внезапно затихшем баре.

У резервиста, видимо, были какие-то зачатки воображения.

— Я сказал, что если какая-нибудь баба и выйдет за тебя, то только та, что может остаться в безопасности в одной камере с бандой насильников.

— Ш-ш-што ты сказал?

— Я сказал... а, да пошел ты!

Резервист сделал пренебрежительный жест и вернулся к своему стакану.

— Ну-ка повтори.

Резервист поднял глаза к потолку, но не сказал ничего. Тевернер заметил, что бармен в белой куртке исчез в телефонной будке. Рыжий издал нечленораздельный рев и начал прокладывать себе путь через бар. Он протянул громадную, поросшую оранжевым пухом руку к ближайшему к нему человеку, отшвырнул его и двинулся к следующему. Пока он откинул четырех клиентов Жаме со своего пути, остальные бросились прочь от стойки. Никто и не подумал возражать против поведения гиганта.

Группа, собравшаяся вокруг Лиссы и Шелби, отхлынула от места действия в возбужденном волнении; сверкающие и звенящие девушки хихикали. «Нереально,— подумал Тевернер,— словно часть какого-то скверного фильма». Он взял свой стакан и приготовился подойти к Лиссе, когда заметил торжествующий взгляд Шелби.

— Правильно, Мак,— успокаивающе сказал Шелби,— идите сюда, здесь безопасно.

Пораженный Тевернер, ругаясь про себя, поставил стакан обратно.

— Не глупите, Мак,— сказала Лисса с чуть заметной тревогой,— не стоит.

— Правильно, Мак, не стоит,— передразнил Шелби.

— Заткнись!— крикнула Лисса.

Тевернер повернулся к ним спиной и наклонился над стойкой, яростно глядя в стакан. «Что происходит со мной? Почему я позволяю типам вроде Шелби...»

Рука, напоминающая экскаваторный ковш, сомкнулась на левом плече Тевернера и потащила его. Тевернер напряг мышцы, вцепившись в гладкое дерево стойки, и рука соскользнула с его плеча. Рыжий недоверчиво хрюкнул и снова схватил плечо Тевернера. При первом контакте Тевернер оглядел рыжего, определил, что тот умелый, но не особенно одаренный боец в рукопашной, и решил применить метод, которым можно быстро оттолкнуть нападающего, не нанося ему большого вреда. Он отклонился в сторону, а его правый кулак ударил в выпуклые мускулы как раз под ребрами. Рыжий был слишком высок и тяжел, чтобы упасть назад; он рухнул вертикально, словно ему подрубili ноги, но затем, придя в себя, вскочил и нацелился схватить Тевернера за горло. Тевернер нырнул под смыкающиеся руки и, быстро восстановив равновесие, хотел нанести удар, когда услышал за собой знакомый недовольный вой станнера. Он успел обернуться и увидеть, что в него стрелял белолицый резервист.

Затем бар Жаме накрыла тьма.

По всем правилам, Тевернер должен был потерять сознание немедленно, но он много раз в жизни получал заряды станнера, и его нервная система почти научилась противостоять жестокому шоку. Почти, но не совсем. Был период, когда свет не направлялся, а кружился над Тевернером, как звук; голоса, шум бара внезапно приобрели полярность и стали ничего не означающими радиальными струями вибрации.

Спустя вечность, пришло сознание. Он был на улице, где ночной ветер сеял соленую воду, и грубые руки поднимали Тевернера в машину. Внутри знакомо пахло инструментами, маслом, тросом. Армейская машина? На Мнемозине?

— Он в порядке? — спросил женский голос.

— В порядке. Как насчет монеты?

— Вот. Вы уверены, что не причинили ему вреда?

— Угу. Но я не уверен насчет Молене. Вы не сказали, что этот парень — гладиатор.

— Забудьте о Молене, — сказала женщина. — Вам обоим хорошо заплатили.

Тевернер тяжело вздохнул. Он узнал голос Лиссы, и боль от измены осталась с ним, когда он снова погрузился в темноту.

Камера была восьми квадратных футов и настолько новая, что Тевернер различал мелкие спирали блестящего чистого металла в углу за туалетными приспособлениями. Пахло резиной и пластиком, здесь явно никто не бывал до Тевернера.

Последний факт показался ему неопределенно-тревожным — не было возможности узнать, где он.

Эта камера, бесспорно, не в здании Центральной полиции, не в комплексе Федеральной администрации в южной части города. Тевернер видел и то и другое, работая по ремонтным контрактам, и помнил, что камеры там больше, более старые, и с окнами. Кроме того, ни полиция, ни люди Федерации не оставили бы его одного так надолго. Его часы показывали, что прошло почти пять часов с тех пор, как он пришел в себя и обнаружил, что лежит одетый на длинном эластичном зеленом пластике, служившем постелью.

Он встал и стукнул ногой по двери. Невыразительный белый металл принял удар со звуком, намекавшим на массивность. Тевернер выругался и снова лег, уставившись в люминесцентную плоскость потолка.

Это был голос Лиссы. Точно. Лисса заплатила резервисту, чтобы вызвать Тевернера и нокаутировать. В Жаме была разыграна настоящая мелодраматическая сцена. Зачем? Зачем было Лиссе приезжать к нему, выпив сначала спаркса, пытаться обольстить его, затем, потерпев неудачу, затащить его в бар, где она же поставила ему ловушку? Шутка? Она знала, что компания Шелби заходила довольно далеко в своих шутках, но Лисса явно не равнялась по ним. А может, равнялась? Тевернер неожиданно понял, что он, в сущности, мало что знал о Лиссе Гренобль. А сейчас он даже не знал, ночь или день...

В нем снова вспыхнула злость. Он спрыгнул с постели и ударил всем телом в дверь. В ней открылась маленькая панель. Через отверстие на него смотрела пара твердых серых глаз.

— Откройте дверь, — резко сказал Тевернер, скрывая изумление. — Выпустите меня отсюда.

Глаза, не мигая, посмотрели на него, затем панель захлопнулась. Через несколько секунд дверь распахнулась. За ней стояли трое в темно-серой форме пехоты. Один был тяжеловесный сержант; на чисто выбритом, но синем под-

бородке виднелся старый лазерный шрам. Двое других — рядовые; они носили оружие с беспечностью, которая никого не могла обмануть. Все трое смотрели враждебно и настороженно.

— Что, к дьяволу, здесь происходит?— спросил Тевернер, сознательно пользуясь интонациями, которые дали бы понять опытному уху, что он тоже был военным.

Серые глаза сержанта стали еще более каменными.

— Лейтенант Клей хочет вас видеть. Пошли.

Тевернеру показалось, что в этом есть что-то нелепое, но видел, что сержанту этого не внушишь, и во всяком случае лейтенант Клей будет лучшим источником информации. Он пожал плечами и пошел по коридору мимо дверей, за которыми, похоже, были такие же камеры. В конце коридора был лифт, которым управлял вооруженный солдат. Сержанту не потребовалось давать команду: лифт тут же поднялся на очень небольшую высоту.

Они вышли в другой коридор, в который выходили стеклянные стены кабинетов. Служащие в форме деловито сновали по своим прозрачным кубам, столбы сигаретного дыма клубились в воздухе. Обилие света причиняло боль глазам Тевернера, и он понял, что все еще болен и слаб. Он вошел вслед за сержантом в приемную; там стоял большой стол, за которым сидело множество людей в форме. Все здание пахло новизной и выглядело совершенно новым. Быстрый взгляд через входную дверь определил геометрию Центра, изгибающуюся с юга по линии бухты.

Но, сумев определить свое местопребывание, Тевернер оставался в недоумении: он был уверен, что в этом месте еще вчера не было никакого большого здания. На любой другой планете такое было возможно, потому что военные инженеры при необходимости собирают значительные сооружения за несколько часов. Но на это требуется много оборудования, а привезти его на Мнемозину можно было только на старомодных реактивных кораблях, топливо для которых вполне можно было назвать жидкими деньгами. Тевернер считал невозможным какое-либо развитие на Мнемозине, оправдывавшее даже умеренное распространение вооруженных сил Федерации. «А теперь,— с неудовольствием вспомнил он,— они взорвали Звезду Нильсона...»

Из кабинета позади большого стола вышел лейтенант

Клей. Это был узкоплечий молодой человек с коротко остриженными черными волосами, такими густыми и такими приглаженными, что они казались мехом.

— Лейтенант,— решительно заговорил Тевернер,— надеюсь, вы объясните мне все это?

Игнорируя вопрос, лейтенант заглянул в бумагу.

— Вы Мак Тевернер?

— Да, но...

— Я решил не задерживать вас больше. Можете идти.

— Вы... что?

— Я разрешаю вам уйти, Тевернер. Но учтите, я делаю это только потому, что военное положение было объявлено незадолго до инцидента, и есть шанс, что вы не слышали объявления.

— Военное положение?— ошеломленно переспросил Тевернер.

— Именно. Отныне избегайте военных, не лезьте в неприятности.

— А кто лез в неприятности?— Тевернер с тоской понял, что говорит как какой-нибудь мелкий хулиган, пойманный в неположенном месте.— Я занимался своим...

— Солдат, что вывел вас из строя, сказал, что вы нанесли один удар. Другие свидетели подтвердили это.

— Это они, пожалуй, могут,— пробормотал Тевернер. Голова его болела, во рту пересохло, он чувствовал необходимость в чашке крепкого кофе, за которой последовала бы еда.— Военное положение, говорите? А с какой стати?

— Мы не можем сказать.

— Должны же быть у вас какие-то причины?

Клей иронически усмехнулся.

— Война. Понятно?

Один из солдат хихикнул, но сержант движением руки пресек этот беспорядок. Клей снова посмотрел в бумагу и задумчиво поднял глаза на Тевернера.

— Мисс Гренобль приблизительно через четыре минуты будет здесь, чтобы увезти вас.

— Меня здесь не будет. Скажите ей...

— Что?— заинтересованно спросил Клей.

— Ладно, оставим это.

Тевернер пошел к двери, кипя от злости. Он вспомнил что-то неопределенно-странное в той части улицы, которую увидел за входной дверью. Бульвар вроде обычный,

уличное движение тоже, но общая сцена выглядела какой-то нереальной. Может быть, эффект освещения? Он слегка тряхнул головой и распахнул дверь.

— Да, Тевернер,— безразличным тоном окликнул его Клей.

— Что?

— Чуть не забыл. Загляните в наше бюро гражданской компенсации — вторая дверь по улице. Там есть для вас какие-то деньги.

— Скажите им...— Тевернер напряг мозг в поисках чего-то нового из ругательств, но удовольствовался только возмущенным жестом.

Вид здания снаружи поражал новизной. Громадный гладкий куб выглядел так, словно его просто поставили здесь, а делали где-то в другом месте. По его периметру работали группы армейских инженеров: они направляли кран экскаватора, уплотняющего сырую глину и выкладывающего ее в формы из полированного мрамора на квадратных оливково-зеленых машинах. Люди на тротуаре с любопытством поглядывали на работу, но не задерживались и шли дальше. Тевернер пытался вспомнить, что было раньше на месте здания, но ему смутно вспомнились какие-тодомишки, возможно, магазинчики. Он еще раньше заметил, что знакомая часть улицы как-то изменилась, но не мог точно вспомнить, какая она была. Он знал только, что любил и часто посещал эти места, пока их не захватила армия, и его возмущение все возросло.

На углу он свернул в сторону океана и шел минут десять, прежде чем нашел ресторанчик. Он набрал на распределителе «кофе» и увидел на полированной поверхности машины свое отражение. Темное небритое лицо. Щетина была длиннее, чем он предполагал, и в нем зародилось подозрение.

— Какой сегодня день?— спросил он старика за соседним столиком.

— Четверг,— удивленно ответил тот.

— Спасибо.

Подозрения Тевернера подтвердились: он потерял два дня. Регулятор станнера можно поставить на низкий ряд, который уложит человека на десять минут, но он, как видно, получил полную дозу. Он вспомнил лицо резервиста, стрелявшего в него, и постарался запомнить его.

Хоть и военное положение, но он кое-что должен резервисту.

Согрев желудок чашкой кофе, Тевернер решил отложить обед до возвращения домой, где он почистится и позаботится о кожистокрылых. Они, конечно, голодны и нервничают, не видя его два дня. Он хотел было позвонить из столовой и вызвать такси, но решил, что быстрее поймает машину на улице. Он вышел из такси и сразу повернул к лесу.

Леса не было.

Шок, испытанный Тевернером, был почти равен заряду станнера. Он застыл на месте, уставившись на удивительно голый горизонт. Прохожие толкали его, но он не замечал этого. Центр огибал бухту на расстоянии восьми миль, но напрямую было около мили, так что лес был всегда виден в конце перекрещивающихся улиц. Он тянулся на пять миль, а за ним шли зеленые холмы до голых скал континентального плато. В жаркие дни рощицы широколистных тейтов выпускали в небо столбы водяного пара, а ночью по тихим улицам шел тяжелый сладкий запах цветов.

Но теперь между западной окраиной города и серым плато не было ничего. Забыв о такси, Тевернер пошел к исчезнувшему лесу, а его негодование сменилось болезненной тревогой.

Вот почему дневной свет показался ему странным: отсутствовал зеленый компонент, отражавшийся от деревьев. Проходя через коммерческий пояс Центра и жилые кварталы, он видел впереди нетронутое пространство парков, выглядевшее вполне нормальным. Гражданские хOVERкары проносились над парками или лежали на траве, как яркие лепестки, в то время как семейные группы организовывали поблизости пикник. Тевернер шел как во сне и постепенно дошел до невысокого хребта, откуда можно было оглядеть всю равнину.

Неподалеку виднелись две отдельные ограды. Ближайшая была очень высока и имела нечто вроде навеса по ту сторону; дальняя сияла красно-белыми столбами. Это означало, что изгородь электрифицирована, если не хуже. За оградами, там, где должен был находиться лес, тянулось ровное место, желтое с серебряными и бледно-зелеными завитками, похожее на замерзшее море, на бальный зал, созданный для пира сказочных королей.

Тевнер, видевший такие вещи раньше, упал на колени.

— Выродки,— шептал он,— мерзкие, проклятые ублюдки!

Глава 3

— Вставай, вставай,— говорил продавец мороженого.

За дверью, в другом мире, рыдала в панике женщина. Небо стало дробиться, и Мак подумал об обломках звезд, падающих в соседние сады.

— Скорее,— говорил мороженщик. Ледяные пальцы его больших рук сжимали ребра Мака сквозь пижаму.

— Я не хочу мороженого,— закричал Мак,— я разду-мал.

— Прости, сынок.

Лицо мороженщика расплылось и вдруг стало лицом отца. Отец поднял Мака и взвалил на плечо. Мак ударился лицом обо что-то твердое: это было дуло охотничьего ружья, висевшего на плече отца. Теплый сон разом слетел с Мака. Он почувствовал возбуждение и первые намеки на тревогу.

— Я готова,— сказала мать. На ней было наспех застегнутое платье. Лицо залито слезами. Мак хотел защищать ее, но с сожалением вспомнил, что порвал тетиву своего лука и потерял большую часть стрел.

— Ради бога, бежим скорее!

Отец в три прыжка сбежал с лестницы. Ощущая силу взрослого, Мак был горд и уверен. Сиккенам придется плохо, если они когда-нибудь подойдут близко к Масонии. Отец Мака хороший воин и лучший стрелок во всем поселке. Дверь была мгновенно открыта, и они вышли в холодный ночной воздух к кругу припаркованных коптеров. Волнообразный вой сирен ударил в уши Мака. Другие семьи тоже бежали к своим машинам. Мелькали вспышки выстрелов, от деревьев на севере поселка неслись крики и особый пронзительный вой.

— Дейв!— Голос матери был почти неузнаваем.— Они уже у коптеров!

Мак скорее почувствовал, чем услышал тихий стон отца. Мака спустили на землю и поволокли за руку быстрее, чем он мог бежать. Отец свободной рукой снял с плеча ружье и начал стрелять во что-то. Знакомый прыгающий

грохот оружия успокоил Мака — он знал, что оно пробивает полудюймовую стальную пластину, но отец почему-то стал яростно ругаться в промежутках между выстрелами, и Мак испугался.

Впереди, возле коптеров, двигались веретенообразные неземного роста фигуры. Зеленые вспышки летели от их членов и от вспучивающейся, содрогающейся земли. Кто-то всхлипнул рядом с Маком. В ослепительном свете Мак увидел настоящих сиккенов и прикрыл глаза. Коптер вдруг оказался прямо перед ним. Он схватил ручку дверцы, но его пальцы соскользнули с влажного металла. Отец протянул руку, рывком открыл дверцу и втолкнул Мака внутрь.

— Заводи его, сынок, как я тебе показывал,— хрипло крикнул отец.— Ты можешь это сделать.

Мак нагнулся к контрольной панели, включил ладонью кнопки, и заряд стартера взорвался, включив турбину. Коптер зашевелился.

— Садись же, папа!— голос Мака задрожал, когда он увидел, что отец один.— Где мама? Где она?

— Я останусь с ней. Больше я ничего не могу для нее сделать. А ты улетай отсюда!

Отец повернулся и пошел к веретенообразным фигурам, безнадежно стреляя. Мак приподнялся на сиденье, но в открытой двери показалась мяукающая и шелкающая удлинённая фигура. Она, как показалось Маку, состояла частично из костей, частично из слизи и из видимых внутренностей, блестящих, как голубой шелк. Страшная вонь тут же заполнила кабину.

Мак не осознал толком, что случилось потом — все сделали его инстинкты и рефлексы. Он отчаянно дернул дроссель и повернул общий рычаг. Коптер взвился в воздух. Чуждый воин выпал наружу. Через несколько секунд восьмилетний Мак оставил битву — и свое детство — далеко позади.

Почти через сорок лет Тевернер еще раз посетил свою родную планету Масонию.

Как единственный выживший при коварном нападении сиккенов на Масонию в поселке 82 — хотя Мак был тогда слишком мал, чтобы понять это,— он оказался подарком для армейской пропаганды Военного бюро. В любом рейде мало кто оставался в живых, поскольку сиккены явно не

имели других целей, кроме уничтожения человеческих существ. Они не пытались захватить или уничтожить материальные ценности. Как ни странно, даже Федеральные корабли, не раз попадавшие в их руки, оставались нетронутыми, и, что с точки зрения Федерации было более важным, их технические секреты не использовались сиккенами.

Психология сиккенов, произвольно названных так по имени планеты, на которой люди впервые с ними столкнулись, поставила в тупик всех земных ксенологов, но наибольшей тайной, которую люди не могли разрешить, было отсутствие у сиккенов каких-либо знаний о баттерфляй-кораблях. Сиккены были хорошо знакомы с тахионами — отраслью науки, являющейся зеркальным отражением физики Эйнштейна и имеющей дело с частицами, которые не могут двигаться медленнее света. Сиккены даже овладели «тахионным методом» — техникой создания микроконтинуума, в котором космический корабль из нормальной материи может выявить некоторые атрибуты тахионов и таким образом путешествовать со скоростью, многократно превышающей скорость света. Но — в прежние годы Федерация едва могла поверить этой удаче — сиккены так и не сделали следующего логического шага в межзвездных перелетах.

Этот шаг — развитие баттерфляй-корабля, известного на Земле как прямоточный воздушно-реактивный двигатель Буссарда. Баттерфляй-корабль весил не более ста тонн и получил свое имя от гигантских магнитных полей, которыми он сметал межзвездные ионы, чтобы использовать их как реактивную массу в большом радиусе полета. Развернутые в полный размах на несколько сотен миль, магнитные крылья давали возможному кораблю эффективно развивать скорость 6Ж, при которой тахионная форма обретала жизнь. Баттерфляй-корабль был быстрым, экономичным в изготовлении и управлении, высокоманевренным, однако сиккены продолжали пользоваться громоздкими, неуклюжими судами, несущими собственную реактивную массу. Даже с помощью тахионной физики и эффективного превращения массы в движущую энергию, сиккенский корабль весил свыше миллиона тонн в начале полета. Тяжело пробиваясь сквозь космос по фактически неизменному курсу, растрачивая целое состо-

яние кинетической энергии, такой корабль мог съесть себя самого — секцию за секцией, пока его реактивная масса не истощится до такой степени, что он становился только топливным складом или просто бесполезным корпусом.

Шел второй год войны, когда родители Тевернера погибли вместе с другими колонистами на Масонии. Тогда КОМСэку — Высшему Командованию Федерации — стало ясно, что, несмотря на худшее качество сиккенских кораблей, ликвидация чужаков будет делом долгим и дорогостоящим. Проблема заключалась в том, что планеты, подвергавшиеся атакам сиккенов, располагались на окраине Федерации, тогда как деньги и ресурсы для ведения войны держались в метрополиях.

Вот тогда и появился Мак Тевернер, восьмилетний мальчик, видевший, как его родители были убиты пришельцами. Его лицо и голос фигурировали в каждой тахионной передаче пропагандистской кампании, которая пользовалась всеми известными трюками. Для давления на общественное мнение побег мальчика на вертолете был представлен, как его первый полет, хотя отец не раз позволял ему управлять машиной. Позднее Тевернер нанес личные визиты в каждую метрополию системы. Когда Тевернеру минуло пятнадцать, пропагандистский потенциал истощился, но это уже не имело значения: сиккены начали производить глубокие вылазки в районы космоса, контролируемые Федерацией.

Тевернер вступил в армию почти автоматически. Пока он был курсантом, а затем младшим офицером, желание просто уничтожить сиккенов, соединенное с разумом, с какой-то безжалостной эффективностью довлело над его личностью и всеми его официальными оценками. За десять лет он прошел то, что называлось «максимум взаимопроникновения» и достиг ранга майора в таком окружении, где способность просто остаться в живых требовала инстинктивной гениальности.

Затем родился МАКРОН.

Новый компьютер, размером со спутник, но такой плотный, каким только могла сделать его оптоэлектроника, координировал военные усилия Федерации едва ли неделю, когда Тевернер прибыл на Землю. Он узнал, что досье и карты тестов способностей, которые годами лежали в темных кабинетах десятков миров, были сопоставлены и изу-

чены МАКРОНОм. Они показывали, что Тевернер имел исключительно высокую одаренность в таких категориях, как механика, инженерия, теория оружия. МАКРОН решил, что Тевернера лучше использовать в департаментах Проектирования оружия и Экспериментальном, как бы ни были превосходны его боевые успехи.

После короткого установочного курса на Земле, Тевернер вылетел на Макартур, в отдел департамента Легкого оружия. В течение короткого путешествия Тевернер все еще оглушенный и растерянный, стал думать о проблеме общения с кругом специалистов. На следующее утро он проснулся на своей койке, потя и дрожа одновременно. Старый кошмарный сон вернулся с новой силой. Он снова был ребенком, бежал в адовой темноте, спотыкаясь и качаясь, в то время как отец тащил его за руку. Впереди двигались высокие веретенообразные фигуры. Ружье отца стреляло, но ни разу не попало в цель. «Спасай маму,— молча кричал мальчик,— не жди меня!» Но отец только тяжело и грубо ругался, и гром выстрелов продолжался — голос выхоленного бога, бессильного, жалкого...

Тевернер долго лежал, глядя на переплет верхней койки. Он был захвачен идеей, парализован чувством ликования, которое сопровождает истинное озарение.

Прошел год рутинной работы в опытной механической мастерской, прежде чем Тевернер рискнул выдвинуть свою идею. Он был почти удивлен, что ее приняли благосклонно. Как только его первоначальный экстаз прошел, он был убежден, что Отдел слишком занят тысячей других, лучше сформулированных проектов, чтобы обратить внимание на его дилетантские наброски. Но руководство выслушало его робкое предположение, были организованы встречи на разных уровнях, и Тевернер вдруг был выдвинут в ведущую секцию, где в его распоряжении оказалась не только первоклассная мастерская, но и бригада специалистов, готовых воплотить в металлическое изделие его первые расплывчатые видения.

Изделие было неуклюжим и невероятно безобразным, казавшимся чем-то средним между базуккой и автоматом. От автомата оно отличалось только прикладом; триггер и толстая внешняя обшивка были в контакте со стреляющим. Остальные рабочие части — ствол, казенная часть, магазин и прицел — плавали в плотном магнитном поле, ограждающем их от вибрации. Другими компонентами, от-

существующими в обычном ружье, были гиросtabilизационный блок и аналоговый компьютер, анализирующий частоту и интенсивность вибрации в системе и изменяющий в соответствии с этим магнитное поле. Гиросtabilизатор включался нажатием кнопки, когда цель была определена. В некоторых, особо легких моделях были добавлены цифровой компьютер и инерционный памятный блок для согласования с большой подвижностью стрелка. Несмотря на возможность применения, усовершенствование было введено департаментом в какой-то мере из снисхождения к Тевернеру, поскольку департамент не мог оценить необходимость такого ружья, из которого человек мог попадать в цель, действуя одной рукой, в то время как другой он тащил ребенка...

Оружие было официально названо КРТ — Компенсированным Ружьем Тевернера — ярлык, от которого Тевернер получил сомнительное удовлетворение. Никто, кроме него, не понимал, зачем эта компенсация; даже сам он не вполне сознавал, каким образом годы работы над этим оружием облегчили ноющее чувство вины, убеждение, что его мать умерла, потому что отец сумел спасти только его одного. Тевернер понимал: в первый раз с тех пор, как он стал взрослым, он может жить, говорить и улыбаться, как всякий другой. Он может дышать, не чувствуя зловонного запаха сиккенского воина.

КРТ МК-I вступил в фазу производства, и Тевернер занялся другими проектами, но его изобретательская вспышка, казалось, угасла, и теперь работа утомляла его. Он три года боролся со своими склонностями, но в конце концов стал просить перевода обратно в действующую армию. В сущности он мог, даже в военное время, выйти в отставку — людей хватало, — но он не мог представить себе жизнь вне армии.

В конце концов в возрасте сорока двух лет полковник Мак Х. Тевернер вернулся к активной деятельности, но не в тех областях, где он обрел свою профессию. Он обнаружил с ощущением шока, что Федерация впуталась не в один конфликт. Война с сиккенами затянулась на четыре десятилетия — достаточно долгий срок, чтобы создался постоянный фон политической жизни, и внутренние проблемы Федерации возникли снова. Некоторые системы, особенно те, что были вдали от военных действий, стали возражать против расходов на далекую от них войну. Вы-

двинутая платформа уменьшения налогов быстро продемонстрировала старинное искусство поддерживать любых темных политических лидеров, и Федерации пришлось провести целую серию дорогостоящих политических операций.

Тевернеру тяжело было видеть, как его КРТ в течение четырех лет направлялось против людей, но переломный пункт произошел на Масонии, в его родном мире. Граница боев проходила через этот сектор всего три раза, и каждый раз планета страдала — не очень серьезно, иначе там не осталось бы политических проблем, но достаточно тяжело, чтобы убедить население в том, что глупо предоставлять свой мир для размещения стратегических материалов. Политико-религиозный лидер выступил перед Палатой с абсурдной, но привлекательной для усталого народа теорией, что сиккены являются причиной несправедливости. Он раздувал головню примирения хорошо рассчитанными напоминаниями, что справедливость — в его понимании этого слова — состоит в том, чтобы не платить военных налогов.

Прежде чем Земля могла что-то предпринять, Палата Масонии приняла решение удалить с планеты весь военный материал. В результате политических действий население, страдавшее от случайных сиккенских рейдов, одним росчерком пера отказалось подчиняться Земле.

Тевернер, находившийся в это время где-то в другом месте, знал только основные детали дела: что планета была захвачена Землей с минимальным кровопролитием и максимальной скоростью. Случай привел его сюда на неделю, и он растянул этот случай еще на несколько дней, чтобы пройти по местам своего детства, по лесу вокруг поселка 82.

Лес все еще оставался, но очень сильно изменился. Он давал хорошее укрытие масонийским партизанам, а их необходимо было ослабить. Тевернер провел целый день, блуждая по зелено-серебряным озерам целлюлозы. К вечеру он нашел место, где этот слой был прозрачным.

Из-под янтарной поверхности на него смотрело женское лицо. Он благоговейно опустился на колени и долго смотрел на бледный овал этого лица. Черные пряди волос застыли, сохранившись на вечные времена. Его вина. Он обманывал себя, думая, что в какой-то мере испустил ее.

В эту ночь он закончил свою тридцатилетнюю службу, уволился из армии и решил приглядеть себе убежище.

Глава 4

Тевернер шел на север по линии изгородей. Спотыкаясь о пучки травы, он прикрывал ладонью глаза от света и пытался разглядеть что-нибудь на равнине. Яркий свет усиливал его головную боль, но он различил признаки активной деятельности. Далеко за целлюлозным озером блестяли миражи. За ними воздвигалось большое здание. Похожие на драконов рабочие коптеры, громадные даже на таком расстоянии, проносились по воздуху, ставя на место целые стены, и дым их моторов вспенивался в мираже, разбрасывая в небе свет и цвет.

Оценивая величину здания Центра, Тевернер прикинул, что эта деятельность развернулась как раз на месте его бывшего дома. Дом — это еще не так важно, а сколько живых существ в лесу погибло! Он вспомнил лицо женщины на Масонии, глядевшее вверх из своей янтарной тюрьмы.

Через десять минут Тевернер дошел до ворот в изгороди. Они носили все военные атрибуты: барьеры, контрольно-пропускной пункт, вооруженная охрана. Заново проложенная дорога шла от равнины через парк и сливалась с одной из главных магистралей Центра. По ней уже шли машины на колесах и на воздушных подушках. Отличное качество оборудования потрясло Тевернера. Только перенести все это с орбитальной станции — и то должно было стоить миллионы. Что бы ни случилось на Мнемозине, это было чудовищным и, очевидно, планировалось заранее.

Вероятно, он был прав в своих догадках, что война идет сюда. Взрыв Звезды Нильсона затопил весь район заряженными частицами и создал такой объем пространства, в котором большие корабли могли развивать максимальную скорость. Фантастическая операция уничтожения звезды разрабатывалась предварительно, в течение семи лет, так что теперь он был свидетелем кульминации семилетнего планирования со стороны КОМсэка. Но для чего КОМсэку Мнемозина? Зачем вводить армию в мир, распо-

ложенный в трехстах световых годах от ближайшего места военных действий?

— Эй!— Энергичный молодой охранник вышел из контрольной будки, покровительственно улыбаясь.— Что-нибудь ищите?

— Информацию,— ответил Тевернер.— Какого дьявола здесь делается?

Лицо охранника окаменело.

— Пошел ты...

— Нет информации?

— Я тебе сказал.

— Тогда я пройду — там мой дом.

Тевернер указал через равнину и шагнул вперед. Часовой сдернул с плеча ружье, но слишком медленно. Тевернер схватил ружье и повернул, вывернув запястье солдата. Тот хотел схватить Тевернера другой рукой, но Тевернер дернул дуло ружья вперед и вниз, давя, как рычагом, на руку солдата.

— Полегче,— сказал он спокойно.— Может, ты хочешь, чтобы твой локоть вывернулся в обратную сторону?

Лицо охранника посерело.

— Ты заплатишь за это.

— Ты готов на это ради денег?

Тевернер подпустил нотку удивления в голосе, но в нем тут же поднялось отвращение к себе. Кажется, он начал радоваться уничтожению людей — это была худшая замена уничтожению сиккенов.

— Я сам служил тридцать лет. Специалист по оружию. Четыре электронных звезды.

Охранник не подал вида, что признает эти слова за извинение.

— Что вы хотите, мистер?

Тевернер отпустил ружье.

— Я хочу поговорить с кем-нибудь из начальства.

— Пошел ты...— сказал солдат и взмахнул ружьем. Тевернер парировал удар, но при этом повредил левую руку. Правым плечом он ударил солдата в подмышку и сбросил его в пыль. Охранник подкатился к нему, волоча ружье. Тевернер мог бы пнуть его, но остался стоять. «Хватит»,— подумал он.

Из пропускного пункта вышли сержант и два солдата. Сержант был чуточку староват для своего ранга, с брюшком, с рыжеватой щетиной в ямке подбородка.

— У меня там участок земли,— быстро сказал Твернер,— я хочу до него добраться.

Сержант подошел ближе.

— Вы Теннер?

— Твернер.

— Ну, так у меня для вас новости, Теннер. У вас был участок земли. Он занят 73 армией Федерации.

— А как насчет моего дома? Вы его перенесли?

— Не было времени. Наши парни смели его.

Сержант, похоже, был доволен собой. Охранник встал на ноги и устремился было вперед, но сержант толкнул его обратно. Это, видимо, был предметный урок для гражданских, которые много о себе воображают.

— А как же имущество?

— Все пропало. Составьте список и отдайте его офицеру по компенсации в нашем городском здании. Он уплатит вам, какова бы ни была стоимость.

Твернер выбирал место, куда бы приложить кулак. Ямка на подбородке была очень соблазнительной, но область четырех пуговиц, одна из которых особенно выпирала на брюхе, была бы более эффективной. Упоминание об офицере по компенсации напомнило Твернеру разговор с лейтенантом Клеем. Так вот что имел в виду лейтенант!

— Вы были там, сержант, когда ломали дом?

— Да, был.

— Вы не знаете, выпустил ли кто-нибудь моих кожистокрылых, прежде чем все уничтожить?

— Вы говорите об этих проклятых летучих мышах?— Сержант, казалось, был безмерно удивлен.— Если хотите, можете выцарапать их из-под целлюлозы, когда армия уйдет. Они будут ждать вас там.

Другие охранники ухмыльнулись. Сердце Твернера начало переполняться адреналином. Глаза затянуло красным туманом. «Кожистокрылым,— думал он,— никогда не нравилось быть в клетках». Три-четыре раза в день он сидел перед клетками и передавал ощущение тепла и безопасности, пока нервные движения крыльев не затихали. Как объяснить этим внимательным серебряным глазам, что их телепатические способности исключительно редки и поэтому их нужно изучать? А как они реагировали, когда солдаты подошли и разглядывали их с отвращением, излучая ауру смерти? Кожистокрылые чувствовали, что с ними

будет, и, возможно, сумели передать свое предвидение миллионам других бессловесных тварей, которые должны погибнуть в лесу...

Простой удар был всего лишь выражением гнева Твернера — в эту минуту он мог бы ударить по каменной стене, окажись она перед ним, — однако сержант свалился за мертво. Завершал свисток, и солдаты окружили Твернера. Они глядели ошеломленно и настороженно. Он стоял над упавшим человеком, чувствуя себя чем-то вроде железной статуи, глухой к ударам кулаков, сапог и оружейных прикладов. Он видел и слышал, как его тело получает удары, но не ощущал боли. Было только невероятное оцепенение, ощущение сгущающейся тьмы, по краям которой кружились лица, похожие на двумерные маски, враждебные, но несущественные.

— Мак! — донесся до него голос через бездну желтого солнечного света. Испуганное лицо Лиссы глядело на него из открытой дверцы машины, которая внезапно вынырнула перед ним, разбрасывая пыль и гравий на крутом вираже.

Он погрузился в мягкое сидение, турбина взвыла, и маленькая машина бросилась скачками через парковую территорию.

Стоя у окна, Твернер смотрел на бухту и видел, как мыс за мысом отступают к югу. Заходящее солнце смягчалось серией склонов красно-золотого цвета, которые напоминали Твернеру богатую старинную масляную живопись, и наиболее крупные лунные фрагменты уже показались на голубом своде неба.

Отвечая на почти осязаемое ощущение мира и покоя, Твернер достал свою трубку и закурил. Он слегка морщился при каждом движении своего избитого тела, но здоровый аромат табака, казалось, отгонял боль, и он с удовольствием курил в зале с мраморными стенами, пока за его спиной не открылась дверь.

Вошли Лисса и ее отец. Говард Гренобль был всего на десять лет старше Твернера, но, видимо, был из тех редких людей, на которых питательные уколы оказывают мало влияния. Волосы его были неестественно прочеркнуты сединой, а длинное благородное лицо покрыто глубокими морщинами. Единственной чертой, оставшейся молодой, был его рот с красными губами, почти по-женски подвижными. Небольшого роста и всегда безукоризненно одетый, он был воплощением старого государственного чиновника,

и Тевернер подумал, что, может быть, Гренобль сознательно не пользуется питательными уколами.

Лисса в огненно-оранжевом платье выглядела девочкой рядом с отцом. Ее лицо омрачилось, когда она увидела Тевернера на ногах, а не на кушетке, где она его оставила.

— Ну, я уладил это дело, молодой человек, — сказал Гренобль, шутливо надув на секунду губы, так же, как это делала Лисса. — Не без труда, должен сказать.

— Спасибо вам, сэр. — Тевернер чувствовал искреннюю благодарность за то, что его избавили от тюремной больницы. — Я доставил вам кучу хлопот.

— Это верно, — подмигнул ему Гренобль. — Вы не сказали мне, молодой человек, что были полковником в армии.

Тевернер искоса глянул на Лиссу. Ее глаза широко раскрылись.

— Когда я вышел в отставку, я вышел полностью.

— Значит, ваш ремонт машин — просто хобби?

— Более или менее. Я люблю работать с машинами.

Тевернер не стал упоминать, что сильно поистратился за двухлетние межзвездные шатания, которые кончились, как только он услышал легенды о Мнемозине, планете поэтов. Он чувствовал себя неловко, как ухажер, над которым подшучивает его предполагаемый тесть.

— Интересно. Полагаю, вы станете продолжать это дело, получив материал?

— Думаю, что да, — ответил Тевернер.

Гренобль кивнул.

— Ну, теперь я должен вас оставить. Сегодня я обедаю в Доме Федерации с новым Главнокомандующим генералом Мартинесом. Вы останетесь здесь, пока не найдете себе нового дома. Я сказал своему секретарю, чтобы вам приготовили комнату.

Тевернер пытался протестовать, но Гренобль уже исчез в дверях, подняв руку ладонью наружу. В наступившем спокойствии Тевернер решил, что ему в любом случае следует лечь. Он доковылял до кушетки и лег, вспомнив старую истину, что для усталого отдых лучше пищи, воды, любви и свободы. Лисса села рядом и укрыла его одеялом до подбородка. Тевернер смотрел в красивое полногубое лицо. Теперь она уже не казалась маленькой девочкой.

— Ох, Мак!— прошептала она.— Вы все-таки почти сделали это.

— Что сделал?

— Дали убить себя, и мне так трудно было вытащить вас из этого дела.

— Вы знали о военном положении и обо всем прочем заранее?— спросил Тевернер.

— Да. Отец сказал мне.

— Поэтому вы и приглашали меня в поездку на юг.

— Да, но я догадывалась о ваших моральных устоях по отношению ко мне, поэтому придумала... другой способ.

— Довольно радикальный, не правда ли?

Серые глаза Лиссы наполнились тревогой.

— Я не имела представления, Мак... Но во всяком случае, вы живы. Разве вы оставили бы спокойно свой дом по приказу инженеров?

— Конечно, нет.— Вспышка злобы разрушила его сонливое состояние.— Но они не убили бы меня.

— Вы думаете? Однако они убили Джири Вейводу.

— Как?

— Он отказался оставить свою студию. Вы знаете, он работал над фреской два года. Я не знаю точно, что произошло, но слышала, что он угрожал им старинным пистолетом... И он умер. Все это так ужасно!

Глаза Лиссы затуманились.

Тевернер приподнялся на локте.

— Но армия не может так поступать на собственной территории! За это они пойдут под трибунал!

— Отец сказал, что здесь — нет. Проект имеет десять главных пунктов.

— Десять! Но ведь это...

— Я знаю. Максимум,— самодовольно сказала Лисса, демонстрируя новые знания.— Отец говорит, что, если у проекта десять главных пунктов, любой, кто задерживает его хотя бы на минуту, может быть расстрелян.

Она наклонилась и прижалась лицом к его щеке. Тевернер почувствовал тяжесть ее груди, но внезапно в нем возникло раздражение от женской способности оплакивать бедствие, лить слезы над мертвыми и в то же время сохранять все заботы самки.

— Ваш отец говорил, что это за проект?

Лисса покачала головой.

— Президент ничего еще не прислал в дипломатической сумке, а отец так занят официальными делами, что просто

не может наводить справки. Может быть, генерал Мартинес что-нибудь скажет на обеде.

Тевернер вздохнул и снова лег. Официальные дела. Обеды. Лисса унаследовала не так уж мало выражений своего отца. Гренобль развлекался, называя тахионный коммуникатор дипломатической сумкой, одеваясь по-местному, оставляя волосы седыми и называя Тевернера «молодым человеком», хотя они принадлежали к одному поколению. Лисса играла в те же игры.

— Так приходит война, Лисса,— устало сказал он.— Разве вы или ваш отец не пытались узнать, почему? Неужели Мнемозина доживет до ударов или плача?

— Постарайтесь уснуть,— мягко сказала Лисса.— Вы зря возбуждаетесь.

— О, Господи!— беспомощно выдохнул Тевернер, когда комната тяжело накренилась.

Довольно скоро, как ему показалось, он проснулся от необычного ощущения в ногах. Он открыл глаза и подумал, не сон ли это. Он лежал на кровати. Вместо запачканной кровью куртки и брюк на нем была зеленая пижама. Та часть спальни, которую он видел, была освещена утренним солнцем, и он чувствовал себя отдохнувшим. Только ноги были какие-то странные, неподвижные, потому что на них давило что-то теплое.

Приподнявшись, он обнаружил, что мышцы, так болевшие накануне, стянулись, как сырая шкура на солнце. Он упал на спину и попытался снова подняться, но уже более осторожно. Сначала он поднял голову.

— Хэлло,— сказал детский голос.

— Хэлло.— Тевернер снова опустил голову на подушку.— Ты, наверное, Бетия.

Лисса редко упоминала о ней, но Тевернер знал, что ее кузина Бетия живет у Говарда Гренобля, потому что ее родители погибли от несчастного случая.

— Откуда ты знаешь?— разочарованно спросила Бетия.

— Слезь с моих ног, и я скажу тебе.

Он ждал, пока она сползет в сторону и стоически переносил боль в избитых ногах.

— Ну?

— Мне сказала Лисса. Я все про тебя знаю. Ты кузина Лиссы, ты живешь здесь и тебе три года.

— Три с половиной,— торжествующе сказала Бетия.— Не очень-то много ты знаешь!

— Значит, три с половиной? Как же это Лисса так ошиблась?

— Лисса делает кучу ошибок. Я боюсь за нее.

Манера говорить и смысл ее слов поразили Тевернера. Даже тембр голоса отличался от того, какой можно было ждать от трехлетнего ребенка; отличие слабое, но безошибочное, как эхо в театре отличается от эха в соборе. Тевернер решил посмотреть на Бетию и постарался сесть, с ворчанием пуская в ход мышцы.

— Ты чувствуешь боль.

— Чувствую,— согласился Тевернер, с любопытством разглядывая ребенка. Худенькая, но крепкая, с перламутровой кожей. Большие серые, как у Лиссы, глаза смотрели на него с круглого личика, которое уже намекало на будущее совершенство. Волосы цвета полированного дуба падали на вырез зеленой туники.

— Дай мне почувствовать эту боль.

Бетия скользнула на край кровати и положила маленькие пальчики на его левую руку. Глаза ее расширились как у совы.

— С болью это не выйдет,— улыбнулся Тевернер.— Я могу ее чувствовать, а ты нет.

— Так говорит Лисса, но она ошибается. Тебе больно здесь, здесь и здесь...— легкие пальцы Бетии двигались по его телу под простыней по направлению к избитому паху.

— Эй!— схватил он ее за руку.— Хорошие девочки не ведут себя так с незнакомыми мужчинами!

Часть его мозга отметила любопытный факт, что, хотя его синяки были скрыты под пижамой, каждое прикосновение пальцев приходилось на главный болевой центр.

— Ну, тогда сам и выпутывайся!— сердито сказала Бетия и сползла с постели.

— Вернись, Бетия.

Она повернулась лицом к нему, но смотрела в другой конец комнаты. Глядя на крошечную частицу человечества, хрупкий, но упрямый кораблик, которого не поколеблют просторы космического океана, хотя он только что вышел в плавание, Тевернер чувствовал редкое для него желание иметь собственного ребенка. «Уже поздно,— подумал он,— тем более теперь, когда ясно, что идут сиккены». Он с надеждой соорудил лучшую свою улыбку.

— Лисса не говорила мне, что у тебя такой характер.

— Лисса всегда все делает не так,— Бетия фыркнула так громко, насколько позволял ее игрушечный носик.

— А ей понравится, если она услышит твои слова?
— Она не услышит.
— Я имею ввиду, что ты не должна бы так говорить.
— Даже если это правда?
— Ты не знаешь, правда это или нет.— Теввернер чувствовал, что увязает все глубже.— Лисса женщина, а ты еще ребенок.

Бетия раскрыла рот и обвиняюще взглянула на Теввернера.

— Ты такой же, как и все!— взвизгнула она и исчезла, оставив Теввернера со смятыми несоразмерно случаю чувствами.

«Я спугнул ее»,— печально подумал он, вставая с постели.

Осмотр комнаты показал ему, что его одежда висит в шкафу, выстиранная и высушенная. Другая дверь вела в обширную душевую. Он включил горячий душ, снял пижаму и благодарно встал под горячий конус. Он стал намыливаться и только тогда заметил, что его левая рука, особенно пострадавшая накануне, больше не болит. Черные кровоподтеки еще остались, но боль ушла; то же произошло с безобразной черной опухолью с левой стороны груди, куда пришелся удар ружейного приклада. Напряженные рубцы все еще покрывали его тело.

— Здорово, будь я проклят!— сказал он вслух.

— Да. И будешь,— прозвенел ликующий голос Бетии у дверей. Ее круглое лицо сияло, когда она заглядывала в душевую, готовая убежать.

— Не уходи,— сказал Теввернер, решив не делать на этот раз неверного шага.— Это ты сделала?— Он вышел из-под душа, с удовольствием сгибая свою левую руку.

— Конечно, я.

— Это замечательно. Ты целительница, Бетия.

Она благодарно взглянула на него и вошла в душевую.

— Как ты это делаешь?

— Как?— растерянно спросила Бетия.— Никак. Просто делается. Вот так.

Она с важным видом подошла к нему. Он встал на колени и позволил ее рукам пройти по всему его мокрому телу; он даже не смутился, когда кончики ее пальцев бегло коснулись его половых органов. Когда он снова встал, все следы боли исчезли из его тела, а мозг был полон чувством общения, которого он никогда не испытывал. Бетия улыбнулась, и он вдруг почти испугался ее. Он быстро вытерся,

вернулся в спальню и оделся. Бетия вышла за ним, внимательно глядя на него.

— Мак!

— Ты знаешь мое имя?

— Конечно, знаю. Ты солдат?

— Нет.

— Но ты сражался.

— Если ты не против, Бетия, поговорим о чем-нибудь другом.

— Я не против, Мак!

— Да?

— Сиккены обязательно придут сюда?

— Нет.— И подумал: «По крайней мере до тех пор, пока ты не подрастешь».

— Ты уверен?

— Бетия, они даже не знают этого места. Я уверен в этом.

— Я думаю — это объясняет.

— Что объясняет?

Тевернер посмотрел в сияющие серые глаза со странным предчувствием, но Бетия покачала головой и отступила. Ее только что блестящие глаза теперь потускнели, как свинцовые диски. Она повернулась и медленно выплыла из комнаты, как пушинка чертополоха.

Тевернер окликнул ее, но она, казалось, не слышала. Он решил разузнать о ней побольше за завтраком. Но едва он начал есть, как узнал от Лиссы невероятную причину вторжения армии: Мнемозина, планета поэтов, стала оперативным и планирующим центром войны с сиккенами.

Глава 5

Крошечные буквы прыгали в воздухе в нескольких футах от пола. Пылая рубиново-красным и топазовым светом, они составляли одну фразу:

«Джири Вейвода не умер».

— Теперь увеличить масштаб,— сказал Йорг Бин, один из лучших светоскульпторов в Центре, регулируя свой переносной проектор. Устойчивое изображение внезапно увеличилось и взмыло к потолку, наполняя бар Жаме ярким светом; зеркальные стены множили слова во всех направ-

лениях; буквы изгибались и вытягивались в беспорядочном танце. Помещение пылало непривычным блеском.

— Что вы думаете об этом?— Бин беспокойно взглянул на группу.

— Исключительно точно, как раз то, что нужно,— сказал Крис Шелби.— Это сообщение, а не творческая работа.

Он говорил с резкой убедительностью, что удивило Тевернера, только что вошедшего в бар. Тевернер сел и с некоторым любопытством следил за группой артистов человек в двадцать. Похоже, они планировали марш протеста и даже оделись для такого случая в рабочие комбинезоны. Его внимание отвлекло появление в глубине зала самого Жаме — старый, большой, толстый, сильно вспотевший в золотом костюме,— это было одно из его редких появлений.

— Выключите свет!— закричал он и бросился за стойку, столкнув с дороги бармена.

Шелби повернулся к нему.

— Что вам не нравится, мсье?

— Мистер Шелби,— выдохнул Жаме,— вы старый и ценный друг, но мои клиенты не захотят, чтобы их выпивка освещалась прожекторами... а я не хочу никаких протестов в своем баре.

— Это плохо для бизнеса, мсье?

— К сожалению, мистер Шелби, многим приходится работать, чтобы жить.

— Конечно. Извините, это не ваша борьба.

Шелби сделал характерный для него изящный жест, и Бин выключил проектор. Громадные буквы потускнели, съежились и вернулись в аппарат. При упоминании о борьбе, Тевернер почти невольно фыркнул, чем привлек внимание Шелби. Как только Жаме с ворчанием удалился в свое зеркальное убежище, Шелби повернулся к Тевернеру. Его длинное аристократическое лицо слегка вспухло от возбуждения.

— Вернулись, Мак?

Тевернер кивнул.

— Послушайте, я очень извиняюсь за то, что было сделано в ту ночь. Никто из нас не слышал об объявлении военного положения, и мы не сообразили, что вы выступили против сумасшедшего... Я хочу сказать, что мы все очень сожалеем о том, что произошло.

— В основном это была моя вина.

Тевернера удивила явная искренность Шелби.

— Они и меня сбили с ног, вы знаете?— Шелби грустно улыбнулся, показывая синяк на челюсти.

— Вас? Нет, я не знал.

— Да. Я попытался заставить одного слизняка назвать свой номер и имя. Я так и не узнал, кто меня двинул.

Тевернер уставился на Шелби, увидев его в новом свете.

— Выпьем?

— Я уже пропустил одну. Могу я поставить вам виски?

— Выпьем для разнообразия спаркса.

Известие о появлении на Мнемозине КОМсэка, похоже, парализовало пищеварение Тевернера, и то, что он съел у Лиссы, камнем лежало в желудке. Спаркс, с его отрицательной калорийностью, может быть, пойдет лучше, чем алкоголь. Шелби сделал знак бармену, и тот поставил узкий стакан бледно-зеленой жидкости, капнув туда одну каплю глюкозы. Когда капля прошла через жидкость, в стакане закружились золотые блески. Тевернер сделал глоток и почувствовал в желудке ледяной холод. Грезовый ликер всегда был холодным, потому что он жадно поглощал тепло и углеводороды, превращая их в люминесценцию, которая затем улетучивалась в воздух.

— Удивительная штука,— сказал Шелби.— Без нее я, наверное, разжирел бы как свинья.

— Я предпочитаю сгонять лишний вес работой.

Шелби поднял руку с браслетом.

— Вы такой ханжа? Я надеялся, что мы на некоторое время отменим вражду.

— Простите.— Тевернер сделал второй глоток.— Я выплескиваю старые обиды.

— Все мы так. Кстати, что вы намереваетесь делать с этой новой ветвью негодования, которое мы все чувствуем?

— Ничего.

— Ничего! Вы слышали, что Федерация организует военную штаб-квартиру на Мнемозине?

— Для них это не Мнемозина — армия пользуется официальным картографическим названием.

— Возможно, но для нас — она Мать Муз.

— Для вас,— подчеркнул Тевернер.— Я не художник и не писатель.

— Но вы присоединитесь к демонстрации?— Дружелю-

бие Шелби стало пропадать.— Господи, они же разрушили ваш дом!

— Я уже устроил личную демонстрацию по этому поводу и нахватал шишек. Послушайтесь моего совета, Крис, держите свою маленькую банду демонстрантов подальше от этого дела.

— Это всего одна группа.

Настроение Тевернера тоже стало портиться.

— Крис! Хватит играть в демократию. Вернитесь в реальный мир, где идет война. КОМСэк решил двинуться сюда — я не знаю, почему,— и уже взорвал для этого звезду. Они готовы переделать эту часть Вселенной. Как вы думаете, откажутся они от этого, если вы помашете перед ними плакатами?

Шелби презрительно взглянул на него.

— И вы покорно принимаете?

— Так же, как и ты, друг,— Тевернер допил стакан и поставил его.— В госпитале.

Когда Тевернер пришел в маленький отель на южной стороне, он внезапно осознал, что у него очень мало денег. Практически все, что он имел, было вложено в дом и мастерскую. Он победил гордость и поехал к новому военному зданию. Работа по отделке была уже закончена, над главным входом висела табличка: «73 армия». Он прошел в отдельную дверь с надписью: «Служащий гражданской компенсации», назвал себя и через десять минут получил чек на Первый Центральный межзвездный банк почти на тридцать тысяч стеллеров. Торговаться не пришлось, потому что сам Тевернер оценивал свою собственность в двадцать тысяч и предполагал, что получит пятнадцать. Он тут же взял другое такси, поехал в свой банк, депонировал чек и взял тысячу наличными. С деньгами в кармане он почувствовал прилив детской радости, но тут же сообразил, что это — действие стакана спаркса. Анализируя свои чувства, он обнаружил, что то же ощущал во время учения, когда возвращался в лагерь с перспективой горячего душа, еды и свободного уик-энда. Во всей Вселенной не было ничего, что могло бы омрачить его радость. Он даже одобрил спаркс, но другой Тевернер, тот, что всегда следил с высокого уровня сознания, холодно приказал никогда больше не прикасаться к Грезовому ликеру.

Вспомнив, что Лисса еще не знает, что он сбежал из ее

дома, он опять взял такси и велел везти себя в резиденцию Администратора. Машина зажужжала и двинулась на север, но через два квартала вынуждена была остановиться, потому что на перекрестке скопился транспорт и собралась толпа. Глядя поверх головы водителя, Тевернер увидел, что с запада по поперечной улице медленно тянется процессия, направляясь к новому военному полю. Над идущими плыли трехмерные лозунги. Большинство светоскульпторов удовольствовалось призывами разной степени полноты, но один выполнил реалистическую маску покойного художника Джери Вейгоды, дополненную струйкой крови из уголка рта. Сверкающая голова двадцатифутовой ширины, слегка просвечивающая на солнце, пьяно раскачивалась.

— Видали?— с отвращением сказал водитель.— Думают ли эти парни о женщинах с детьми, идущих из магазинов? Что тут делать с ребятишками?

— Не могу сказать,— ответил Тевернер, все еще чувствующий безмятежность.

— Вы хотели бы, чтобы ваши ребятишки видели это?

— Пожалуй, нет.

— А эти парни не думают об этом. Они в состоянии войны, а сами верещат, если кого-то из них покалечат. Вшивые артисты!— Затылок водителя побагровел от злости.— Надеюсь, что наши парни окажут им горячий прием на поле.

«Наши парни»,— повторил про себя с удивлением Тевернер и вспомнил необычную реакцию Жаме. Ему пришла мысль, которая показалась его одурманенному спарком мозгу разумной.

— Как идет работа в последние дни?— спросил он.— Хорошо?

— Отлично. Эти солдаты прямо швыряются деньгами...— Он повернул к Тевернеру потемневшее от подозрения лицо.— А вам-то что, мистер?

— Ничего,— успокоил его Тевернер.— Почему бы вам и не заработать?

Его заинтересовало открытие, что, хотя он сам как практик не занимался никакой отраслью искусства, он определял Мнемозину исключительно как планету художников, писателей, поэтов, музыкантов и скульпторов. Легенды о ней ходили в сотнях миров, ее называли Планетой Поэтов. Тевернер почти случайно попадал в правильные места в течение его двухлетнего пьянства на просторах Фе-

дерации. Впервые он услышал название Мнемозины в унылом городе на Парадоре, который был также первым местом, где он попытался оценить «мозговую живопись». Рыхлая подушка, проецирующая свет и краски рисунка прямо сквозь затылок на зрительные участки коры головного мозга, воспроизводила неопределенный образ призматического ночного неба Мнемозины; визуальные импульсы гармонировали со строчками «Гимна интеллектуальной красоте» Шелли:

Внезапно тень упала на меня.

В экстазе вскрикнул я, всплеснув руками.

Художница, седая женщина с бельмом, объясняла свое видение, в то время как они давили бутылку инопланетного бурбона... Творчество бессмертно, потому что каждый лунный фрагмент в разбитом небе — последний редут, откуда маяк человеческого гения посылает золотые лучи в галактическую тьму... Мир, который наслаждается долгим, долгим летом вдохновения...

Увидев нестерпимую жажду в здоровом глазу женщины, Тевернер импульсивно предложил ей оплатить для нее билет на Мнемозину. Она молча отшатнулась, как будто ее ударили, и только много времени спустя он понял: она боялась, что ей нечего будет предложить там, что тигель Мнемозины сотрет бриллианты ее души в бесполезную пыль.

Но другие совершали паломничество, чтобы затеряться в мире, осужденном оставаться темным захолустьем, потому что баттерфляй-корабли — главный транспорт Федерации — не могли садиться там. Однако расстояния и растущей веретенообразной тени сиккенского воина не хватало, чтобы стереть имена большинства пилигримов. Метрополии не раз слышали о них через световые годы. Даже Тевернер знал имена Стемфли и Хиндерфорда — поэтов; Дельгадо, однорукого пионера световой скульптуры; Гейнера, чья мебель была предельным синтезом искусства и функциональности, и многих других. Он воображал, сам не зная почему, что идет по следу этих людей, когда направился на Мнемозину. В сущности он почти не осознавал тот факт, что планета имеет своих политиков, деловые центры, легкую промышленность и людей, которые счастливы видеть армию, пробившуюся сквозь ос-

колки луны, поскольку это означало лишний вклад в их карманы...

— Приехали,— сказал через плечо водитель.— В следующий раз, когда я увижу перед собой этих лодырей, я поеду прямо на них!

Когда такси остановилось у резиденции Администратора, Тевернер увидел молодого вылощенного лейтенант-полковника, вышедшего из военной машины. Пока Тевернер расплачивался, молодой офицер велел своему шоферу подождать и медленно пошел по широким ступеням, оглядывая зеленый с белым мраморный фасад здания, словно будущий покупатель. На верхней ступеньке он обернулся и оглядел окрестности, кивком одобрив лужайки, устроенные террасами, и сияющие голубые воды бухты. Он был высок и худощав, с романтической красотой, которая каким-то образом подчеркивалась преждевременным поредением его черных волос. Что-то в его лице, возможно, слишком большая доля яркого белка в его карих глазах, создавало впечатление, что это легкомысленный, нестабильный и, может быть, даже опасный человек. И было в этом лице что-то знакомое Тевернеру.

Внезапно осознав, что следовало бы надеть новую одежду вместо весьма потрепанного комбинезона, Тевернер поднялся по ступеням и с удивлением обнаружил, что сверкающая зеленая форма загородила ему дорогу.

— Вы уверены,— спросил офицер,— что идете в нужный вход?

— Совершенно уверен, благодарю вас.

Тевернер шагнул в сторону, вспомнив свое решение вести себя с иностранцами в более взрослой манере.

— Не торопитесь.

Офицер тоже двинулся, по-прежнему загораживая путь. Его глаза были внимательными, злыми.

— Послушай, сынок,— спокойно сказал Тевернер,— ты позоришь красивую форму швейцара, которую надел.

Он сделал попытку пройти, но офицер схватил его выше локтя с такой силой, что это показалось почти ударом. Стараясь избежать открытой драки на крыльце дома Гренобля, Тевернер согнул руку, защемив пальцы офицера между бицепсом и предплечьем, и усилил давление. Лицо офицера побелело — то ли от боли, то ли от злости, то ли от того и другого. Так они стояли несколько арктических секунд. Затем главные двери распахнулись, и появился Го-

вард Гренобль в сопровождении группы секретарей и чиновников. Тевернер опустил руку.

— Рад снова видеть вас, Джервез!— быстро сказал Гренобль, протягивая руку.

— И я рад видеть вас, сэр,— сказал офицер и снова повернулся к Тевернеру.— Но сначала...

— Позвольте мне представить вас друг другу,— перебил его Гренобль.— Лейтенант-полковник Джервез Фаррел — полковник Мак Тевернер. Мак — друг моей дочери, и он остановился у нас на несколько дней.

Если Гренобль был смущен присутствием Тевернера или сценой, которую он, вероятно, видел, то не подал вида.

Фаррел не мог скрыть своего удивления. Его глаза обещали гражданскую одежду Тевернера, а затем он сказал:

— Мне очень жаль, что я...

— Я больше не полковник,— ответил Тевернер.— Я вышел в запас несколько лет назад.

— Это правда. У Мака инженерный концерн прямо здесь, в Центре.

Гренобль улыбнулся, лукаво дернув бровью, что Тевернер перевел как: «Не могу же я представить вас как мастера на все руки».

Едва заметно кивнув в знак того, что понял, Тевернер извинился и прошел мимо группы. Пересекая приемный зал, он слышал, как Гренобль заговорил с Фаррелом с заметной теплотой:

— Ну, Джервез, как ваш дядя? Я не видел его целую вечность...

Тевернер уже наполовину поднялся по лестнице, когда его медлительная память включилась от произнесенного Греноблем слова «дядя» и установила личность Фаррела. И он споткнулся. Тот небывало молодой полковник, которого Тевернер чуть не сбросил с крыльца, был племянником Беркли Х. Гуга, Верховного Президента Федерации. Тевернер видел его портреты в армейских журналах, но никогда не обращал на них особого внимания, потому что с детства получил отвращение ко всему, что относилось к пропаганде. Тылы Фаррела объясняли его почти хозяйское отношение к резиденции Администратора.

Он нашел Лиссу на широкой веранде, выходящей на бирюзовую воду бассейна. Лисса наклонилась над треногой широкоэкранного электронного телескопа, наводя его на юго-запад, на нестерпимо-яркое серебряное озеро нового

военного поля, видимое сквозь деревья. Тевернер позволил своим глазам насытиться неумышленно-чувственной позой, черными волосами, смуглой кожей, сверкающей под солнечными лучами и контрастирующей с белизной простого платья.

— Догадайтесь, что я чуть было не натворил,— сказал Тевернер.

— Ох, Мак!

Она испуганно посмотрела на него и улыбнулась. На загорелом лице ее зубы казались флюоресцирующими. Тевернер почувствовал знакомую дрожь где-то внутри и подавил ее, сосредоточившись на своих сорока девяти годах против ее девятнадцати. Он описал инцидент на крыльце.

— Джервез Фаррел?— сказала она.— Не думаю, что когда-нибудь встречалась с ним, разве что очень давно, так что забыла об этом. Отец хочет, чтобы он остановился у нас.

— Здесь?— Тевернер подосадовал на пронизавшую его боль ревности.— Это необходимо?

— Нет, не необходимо, но это, кажется, хорошая идея,— беззаботно сказала Лисса, налаживая треногу, и Тевернер подумал, почувствовала ли она его ревность и не расплывается ли он теперь за упрямый отказ принять великий дар. После нескольких месяцев знакомства он достаточно хорошо узнал Лиссу и подозревал, что, чем выше мотивы его отказа спать с ней, тем сильнее ее обида. Он внимательно смотрел ей в лицо, когда сообщал, что нашел себе другое место для временного жилья и уходит отсюда.

— Я сегодня утром говорила по телефону с Крисом,— сказала она, видимо не зная, что Тевернер виделся с ним,— и просила его не выступать в марше протеста, но он и слушать не хотел.

— Разве это так важно?

Лисса посмотрела на него встревоженными глазами.

— Это меняет все. Отец представляет Верховного Президента на Церуле.

Тевернер впервые услышал от нее это официальное картографическое название Мнемозины.

— И что?

— Ну, я никогда не думала, что Крис свяжется с антифедеральным движением. Как ни странно, Мак, я считала бы скорее вас предназначенным для протеста, чем Криса.

— В свое время я предназначался для множества дел,

но мне ни разу не предлагали такого демонстративного несоответствия, как «Джири Вейвода не умер».

— Это не смешно.

Лисса снова повернулась к электронному телескопу и включила экран.

— Я пойду попрощаюсь с Бетией.

Тевернер почувствовал себя униженным.

— У нее послеобеденный сон. Загляните к ней в спальню.

— Ладно.

Задетый безразличным голосом Лиссы, Тевернер покинул веранду и пошел искать комнату Бетии.

Комната была небольшая и по стилю ничем не отличалась от остальных. Ни детской мебели, ни игрушек. Крошечная фигурка лежала прямо и неподвижно в середине постели, спокойная, самоуверенная, но одинокая. Он снова почувствовал желание иметь своего ребенка. Он вошел в поляризованные сумерки и остановился у постели, глядя на румяное, незащищенное лицо и пытаясь совместить его детскую обычность с аурой странности, преждевременного развития и целительных прикосновений библейской святой. Глаза Бетии были закрыты, но у Тевернера было отчетливое впечатление, что она не спит. Он шепотом окликнул ее. Ответа не было. Он отошел от постели со сверхъестественным чувством вины за какое-то святотатство.

Возвращаясь на веранду, он услышал голос Лиссы, прерываемый незнакомым мужским смехом. Войдя, он обнаружил рядом с Лиссой Джервеза Фаррела.

— Вот и он!— воскликнул с энтузиазмом Фаррел. Возбуждение изменило его темное лицо.— Где вы были, Мак? Говард привел меня к своей очаровательной дочери, и я рассказал ей, как чуть не вышвырнул вас из дома.

Тевернер прищурился.

— Странно. А я ей рассказал, как чуть не выкинул вас.

— Превосходно!

Фаррел радостно засмеялся, словно Тевернер сказал что-то страшно забавное, и все время не сводил глаз с Лиссы, приглашая ее посмеяться тоже. Тевернер удивился, что Лисса ответила ломким звенящим смехом. Но еще больше его заинтриговала игра Фаррела, так резко отличавшаяся от упорной неприязни, которую Тевернер видел в его глазах после вмешательства Гренобля в инцидент на крыльце.

— Я ходил попрощаться,— сказал Тевернер и поглядел на Лиссу.— Спасибо за гостеприимство. Может быть...

— Но это же смешно, — прервал его Фаррел. — Словно вы вынуждены уйти из-за моего появления.

— На этот счет будьте спокойны, — ответил Тевернер.

— Мы еще встретимся, — в глазах Фаррела сияло ликование. — Я две недели добирался на Церулу, а я люблю хорошую компанию, и она у меня будет! Вы оба должны быть моими гостями в вечер открытия новой офицерской столовой. Эту ночь будет чем вспомнить, уверяю вас.

— Сожалею, но я не вполне персона грата на базе и в любом случае должен держаться своего места.

— Очень жаль, — немедленно согласился Фаррел и повернулся к Лиссе с мальчишеской ухмылкой. — Но вы-то придете, не так ли? Будут другие мужчины...

Он замолчал, заметив, что внимание Лиссы приковано к сцене на экране телескопа.

До главного входа на базу было около двух миль, но изображение было ясным и четким: видны были даже такие мелкие детали, как пуговицы на мундирах охранников. Экран заполняло беспорядочно роящееся движение мятежной толпы. Насколько мог понять Тевернер, колонна демонстрантов дошла до пропускного пункта и пыталась силой пройти через него. Военные машины и пешие солдаты отесняли темную человеческую волну от ворот, над которыми дико качались лозунги, полосая воздух цветными огнями.

Волна отступила. Люди, находившиеся дальше всех от ворот, почуяли перемену ветра, повернулись и побежали. Их беспрепятственный бег позволил им выиграть расстояние у своих менее счастливых товарищей. Те, что остались позади, составляли беспомощный кипящий котел, в который врзалась на полной скорости громадная колесница Джагернаута на воздушной подушке, подминая и заглатывая людей под свои пульсирующие края. За машиной шли роботоподобные солдаты — боевые машины, которых не могло остановить никакое реальное сопротивление, — с ружьями наперевес. Ружья качались: вперед — наклон приклада по диагонали вверх, вперед — наклон...

— Это атака! — недоверчиво и почти ликующе воскликнул Фаррел. — Откуда эта толпа?

— Эта толпа — часть прославленной колонии искусства этой планеты, — тихо сказала Лисса и прикрыла руками рот, не сводя глаз с экрана.

— Но ведь этот район находится на военном положении! Дурачье, они могут погибнуть из-за этого.

— Так оно и есть,— сказала Лисса.— Один из них, которого мы все уважали, уже убит. Он отказался оставить свой дом, когда ликвидировали лес.

Глаза Фаррела пронзили лицо Лиссы, отслеживая ее эмоции.

— Вы знали этого человека?— сочувственно спросил он, положив руку на ее плечо.— Мне очень жаль. Я знаю, что умершему уже не поможешь, но я проведу расследование, и чья бы ни была вина, виновный будет наказан.

— Браво,— иронически сказал Тевернер и вышел. Он видел, как пьянели глаза Фаррела от этих далеких сцен насилия, и возбужденный блеск их сказал Тевернеру, что долгое, долгое лето Мнемозины кончилось.

Глава 6

За одну неделю произошли большие перемены. Вблизи Центра, где когда-то был лес, с фантастической скоростью строился новый город. Одни гигантские коптеры непрерывно кружили, собирая за час двадцатизэтажный блок, в то время как другие сновали туда-суда, привозя ранее изготовленные секции. Южное небо в этом районе, ранее нарушаемое только раз в неделю скромными корабельными огнями, теперь стало преддверием ада. Оно постоянно рвалось атомными молниями несущей массы кораблей, соперничая с солнцем.

Как только заканчивалось строительство здания, его заполнял военный и гражданский персонал. Дорога от базы до Центра была забита автомобилями, а магазины, бары и ночные клубы получали фантастическую прибыль.

Сначала Тевернер почувствовал себя как бы живущим в вакууме. Прежние места, где он бывал, стали незнакомыми, захваченными тяжело ступающими иноземцами. Радио и телевидение работали как всегда, словно бы вторжения и не было. Тевернер с опозданием вспомнил, что деньги, полученные за его собственность, принадлежат не ему одному: в мастерской осталась кое-какая ремонтная работа, в частности, довольно дорогая турбина. Он потратил день на встречу с владельцами и расплатился, а затем снова скис.

Несколько человек, которые, как он знал, остались живы после злополучного марша протеста, странно уклоня-

лись, когда их спрашивали об этом деле, но в конце концов Тевернер узнал кое-какие факты, наиболее страшным из которых было то, что в свалке был убит один охранник базы. Никто не знал, как это случилось, но ходили слухи, что Пит Троянос, керамический дизайнер, свернул солдату голову. Никто также не знал, каковы были потери со стороны выступивших с протестом, потому что все те, кто не сумел бежать, были увезены на базу. Оставалось только гадать, где они: в камерах, в госпитале или в морге.

Вскоре Тевернер начал замечать, что отряды военной полиции прочесывают Центр, проверяя документы, и внезапно понял, почему участники марша столь неохотно разговаривают с ним: некоторые из них — возможно, большая группа — были в бегах.

Как будто в подтверждение его догадок радио впервые упомянуло о переменах в Центре. Это приняло форму повторяющихся анонсов о важном объявлении, которое будет сделано офицером внешней безопасности «Армейской базы номер I на Церуле». Включив телевизор, Тевернер почти не удивился, увидев лицо Фаррела. Его лицо было чуть светлее коричневой полевой формы.

— Граждане Церулы, — начал Фаррел, — как все вы знаете, Федерация оборудовала важную военную базу вблизи главного города планеты — Центра. Не секрет, что эта база создана как главный оперативный и планирующий центр для ведения войны с чуждыми формами, которые, по всей вероятности, решили полностью уничтожить человечество.

Фаррел сделал эффектную паузу, и Тевернер заметил, что обертоны доверия и оптимизма — неизменные черты публичных выступлений по поводу войны — отсутствуют. Он также знал по собственному опыту, что все подразумеваемые кавычки в офицерских объявлениях точно рассчитаны семантиками. Напрашивался вывод, что военное положение ухудшилось. Мысли Тевернера вернулись к важной тайне, лежавшей за всеми событиями последних дней: почему, почему КОМсэк перенес все свои оперативные центры в самое неподходящее, удаленное и невероятное место во всей Федерации?

— ...тот, кто не приложит все свои силы к сотрудничеству, предаст не только политическую концепцию или национальные идеалы, но предаст каждого мужчину, женщину и ребенка человеческой расы. Моя печальная обязан-

ность — сообщить вам, что молодой солдат Федеральной 73 армии был убит, но не в бою с сиккенами, а здесь, на Церуле, настоящими изменниками, о которых я упоминал, людьми, жизнь которых он призван защищать.

Ко многим, ответственным за это убийство, уже приняты меры, но небольшая группа их еще не задержана. Я знаю, что вы не меньше меня хотите, чтобы правосудие восторжествовало, но я пренебрегу своим долгом, если не сделаю одну вещь совершенно ясной для вас: любой, помогающий этой крайне малочисленной группе мятежников, будет рассматриваться, как виновник убийства солдата.

Объявление резко закончилось на предупреждающей ноте, и трехмерное изображение головы и плеч Фаррела исчезло с экрана. Тевернеру показалось, что он видит белый ободок, висящий там, где остальное изображение исчезло, и он вспомнил сценку из классической детской книжки. Он задумчиво закурил трубку.

Группа бежавших, конечно, не осталась в Центре. Разве что они еще более наивны в такого рода делах, чем подозревал Тевернер. Остался только лес, опушка которого еще существовала между армейской базой и почти вертикальными стенами плато. К северу от Центра прибрежная равнина простиралась на какие-то тридцать миль, а дальше шли океан и плато. Треугольное пространство густо заросло лесом и перерезалось десятками ручьев, представляя таким образом отличное убежище для группы, которая хотела скрыться от хорошо экипированной армии. Если бы Тевернер собрался в бега, он направился бы на север. «К счастью,— вспомнил он,— это не его борьба». Однако когда он в эту ночь лег в постель, знакомый мерзкий запах начал преследовать его.

Утром запах все еще оставался, и любопытство побудило Тевернера потратить час-другой и посмотреть, не видно ли на севере армейской деятельности. «В конце концов,— рассуждал он,— мне все равно нечего делать». Он рано позавтракал, позвонил в фирму проката, и машина тут же подъехала к отелю. Он взял с собой пару биноклей, сэндвичи и пиво. Он дольше, чем обычно, ехал по улицам Центра, поскольку они были заполнены народом, решив, что ехать прямо к океану опасно: если дилетанты-беглецы были там, где он предполагал, то наверняка вся северная граница движения будет внимательно просматриваться. Проехав через город, он оставил направляющую дорогу и

поехал по береговой на высшей скорости, какую могла дать старая машина.

Было чистое, прозрачное утро, обычное на Мнемозине. Молчаливый лес, пустой голубой океан направо легко позволили ему расслабиться и глубоко задуматься о всей своей жизни. Первые восемь лет его жизни были прекрасны, но их нечего считать — теперь они кажутся принадлежавшими кому-то другому. Что же пошло не так в остальные сорок лет? Многие теряют родителей в равно травмирующих обстоятельствах, однако приобретают опыт и добиваются нормальной доли счастья. Может быть, виною тут его чувство ответственности? Он единственный остался в живых после налета сиккенов, но это случилось благодаря усилиям его отца — усилиям, которые могли бы, не будь Мака, спасти обоих родителей. Какую кару он должен понести за это? Служить в армии, убивать сиккенов, но даже тут не стремился ли он бессознательно к смерти, которой умерли его отец и мать? Звездами Электрума награждались только те, кто ставил в заклад свою жизнь в необычном самоубийстве, максимально проникая в глубь вражеских районов. Его, второго человека из всех живых или мертвых, наградили четырьмя.

И когда его военная карьера отклонилась — столь слабо, что он даже не заметил перемены, — к уничтожению человеческих существ, не возникло ли снова, и с удвоенной силой, его чувство вины? Возможно, потому что с тех пор все стало много хуже. Сознательно растратив военную пенсию, которая обеспечила бы его до конца жизни, он занимался чистыми пустяками. Похоронив себя в песках Церулы, он не поможет никому, потому что сейчас он — у него даже похолодело внутри от этой мысли — рассматривается как присоединившийся к самому безнадежному мятежу во всей человеческой истории.

— Нет, — пробормотал он, — должны быть более легкие пути к самоубийству.

Он повернул машину, намереваясь отправиться обратно в город, уже на небольшой скорости, но в это время что-то громадное и темное с угрожающей внезапностью появилось над ним, и его мысли разметал звук взрыва. Воздух наполнился облаком взбитой пыли, запахом горячего. Он включил тормоза, и его оцепеневшие чувства сказали ему, что на него спикировал патрульный вертолет. Тот спустился со своего высокого наблюдательного поста в свободном падении, и только взрыв ретроракеты остановил его в несколь-

ких ярдах от машины Тевернера. Стандартная техника военного коптера, ничем не оправдываемая в данных обстоятельствах. Тевернер опустил стекло в машине. Коптер сел на дороге впереди, и из него выскочил лейтенант в полной боевой форме, с пистолетом в руке.

— Развлекаетесь?— первым заговорил Тевернер.

— Куда вы едете?— угрюмо спросил лейтенант.

— Я направлялся в город, пока вы чуть не смели мою машину с дороги.

— Но сначала вы ехали на север. И быстро. А затем повернули обратно.

— Я, знаете, не переселенец,— ответил Тевернер с притворной рассудительностью.— Прокатился и повернул назад домой.

Лейтенант прищурился.

— Вы повернули, когда увидели наш патруль?

Тевернер покачал головой. Он собирался было изобрести какой-нибудь сарказм, но его глаза сами собой сфокусировались на солдатах в открытых дверях геликоптера. Оружие, которое они держали в руках, было специально предназначено для стрельбы с вибрирующих платформ. Когда он увидел толстые, короткие барабаны КРТ, его ноздри заполнил отвратительный запах сиккенского воина, запах его, Тевернера вины. «И этот груз вины,— подумал он с искрой удовлетворения,— может снять только смерть».

Глава 7

Аромат тела Лиссы все еще был с Тевернером, когда он оставил позади парк и стал пробиваться через опушку леса.

Всего в нескольких сотнях ярдов позади была северная граница военной базы; она тянулась на запад, к черной стене плато. Случайные стрелы красного света из внутренней ограды достигали Тевернера в темноте, но он зашел глубже в лес, где стволы деревьев сближались, и эта слабая видимость цивилизации исчезла. Он осторожно продолжал путь, пользуясь в качестве освещения лишь светом лунных обломков и угасающего теперь свечения Звезды Нильсона. Надо думать, по периметру базы поставлены следящие устройства, а у него не было ни малейшего желания, чтобы за

ним бежали с оружием под гнетущими волнами инфракрасного света.

Войти в лес близко к базе было рискованно, но он предпочел этот вариант вместо того, чтобы быть захваченным на шоссе, у побережья. Лейтенант, остановив его утром, весьма неохотно отпустил его после того, как обыскал всю машину и не обнаружил ничего подозрительного. «По всей вероятности, на меня завели досье,— думал Тевернер,— и скоро оно разбухнет». Затем его мысли оттолкнулись от всяких предположений насчет ближайшего будущего и вернулись к трем часам, проведенным с Лиссой...

У Тевернера было твердое намерение только проститься с ней.

Лисса выразила удивление и легкую холодность, когда он позвонил ей домой. Когда же он намекнул о встрече, она почти не колебалась, приехала за ним в отель, и они повернули нос ее машины к востоку. Когда тени и призматические лунные осколки начали свой медленный ход по небу, Тевернер не сказал ей, куда он пойдет, сказал только, что оставляет Центр, но она что-то почувствовала в нем и, похоже, интуитивно перевела правильно. Ее слезы удивили его. Он поставил машину на автоуправление, обнял Лиссу за плечи и пытался найти подходящие слова, кладущие конец никогда не существовавшей любви. Но получилось так, что он, независимо от слов, уверил Лиссу как раз в существовании этой любви...

Позднее, когда они неумело помогали друг другу одеться, Лисса снова всплакнула, но уже без горечи...

Заря начала приглушать свет лунных фрагментов, когда Тевернер остановился поесть и отдохнуть. Он достал из рюкзака фляжку-термос с кофе и уселся на замшелом корневище. Он прошел пять миль, и по такой местности это было неплохое расстояние. Листва над его головой отлично защищала от наблюдения с воздуха, и еще не было изобретено автомобиля, который мог бы пройти через такую баррикаду деревьев. После еды он попытался было уснуть, но, несмотря на усталость, сама мысль об этом показалась ему смешной. Он снова пустился в путь и через час добрался до первой из многочисленных высохших речек, пересекающих равнину. Здесь перед ним встала проблема: идти ли на запад по руслу речки или пересечь его и пройти еще несколько миль к северу.

По предыдущим экскурсиям в эти места он помнил, что одна из рек все еще несет поток воды, падающей с плато.

Эта река была хорошо известна по картинам и театральным эскизам, потому что в последней части своего падения вода делала двухсотфутовый прыжок в углубление, которое посылало ее обратно вверх сверкающими перьями, изменяющими свою форму на ветру. Поток был лучшим источником питьевой воды во всем тридцатимильном треугольнике, и Тевернер был убежден, что найдет беглецов где-нибудь недалеко от этого потока. Как только Джервез Фаррел ознакомится с географическими деталями, он, вероятно, придет к тому же выводу. Вот почему Тевернер не хотел терять времени.

Неизвестно, как далеко вглубь они могли зайти, так что Тевернер решил идти к северу и перейти поток как можно ближе к побережью. Выбрав место, где не было побегов, на которые можно напороться, он прыгнул вниз, перешел русло и взобрался на другой берег. Жар длинного дня Мнемозины чувствовался даже в тени деревьев, и воздух дрожал от движения крыльев насекомых. На Мнемозине было очень мало опасных созданий, однако крупные насекомые тыкались в лицо с таким неуклюжим дружелюбием, что Тевернер предпочел бы нападение ос.

Пока он с трудом прокладывал себе путь по неровной местности, он снова понял истину, которую тысячу раз уже открывал в прошлом: эта планета не стала второй Землей только из-за того, что ее нанесли на карту, измерили и колонизировали. На дружелюбной планете вроде Мнемозины люди могли жить в городах земного типа, развивать общество по образцу земного, выращивать земные культуры, но стоило им пройти несколько шагов от своей задней двери, перевернуть камень, посмотреть, что выползет оттуда, — и Земля тут же отойдет назад. Безрассудный трепет, неуправляемый страх скажут человеку, что космос слишком огромен, что он, человек, сейчас во многих световых годах от дома и видит то, чего никогда не видели его предки. Даже на Земле вид привычного существа вроде паука повергает иного человека в панику, столь же сильную, как если бы он думал, что это членистоногое и родственные ему твари внеземного происхождения. Как будет чувствовать себя такой человек, когда сдвинет камень и обнаружит под ним нечто более чуждое? Ведя солдатскую жизнь на десятках неизученных миров, Тевернер привык ко многим шуткам природы, но однажды в ужасе проснулся от ползущей по его груди белой, пухлой жирной руки, оставляющей скользкий след. Оказалось, что это всего лишь

безобидная личинка, желавшая напиться и учуявшая его слюну. Насекомые, которые сейчас бились об его лицо, жужжали как шмели, но он даже не разглядывал их, поскольку знал, что это не шмели, а точнее знание их отличий могло сделать эти мимолетные прикосновения непременосимыми.

Был уже почти полдень, когда Тевернер добрался до потока и повернул на запад по заросшему кустарником краю оврага, в котором бежал поток. Солнце было в зените, жара стала невыносимой, а лес был спокоен, так же как и его обитатели. Там и сям виднелись столбы пара, поднимавшиеся от тейт-деревьев: их широкие листья отдавали влагу, впитанную ими за ночь. Тевернер занял свои мысли предположениями, какой прием его ожидает, если, конечно, он встретит беглецов.

Его размышления были прерваны ленивым шелканьем геликоптера. Тевернер повернулся и увидел машину, летящую от побережья, и схватил бинокль. Лопасты лениво крутились, а увеличенное изображение подтвердило опасения Тевернера. Из боков фюзеляжа торчали паучьи лапы теле-термоэлементов. Военная версия этого прибора могла обнаружить тепло человеческого тела на расстоянии более трехсот футов, в зависимости от условий. Она могла также действовать как контролирующая система огня для любой группы бортовых орудий минометной батареи.

Геликоптер был теперь меньше чем в миле, и это означало, что секунд через тридцать он будет прямо над головой Тевернера. Лоб Тевернера покрылся холодным потом, когда он вглядывался в овраг, ища нависающий край, под которым можно было укрыться. Но стенки оврага были гладкими, а глубина воды внизу не превышала нескольких дюймов. Тевернер бросил взгляд на неподвижный столб белого пара от тейта в пятидесяти ярдах позади. Он бросился туда, отчаянно петляя между деревьями, и пробился сквозь стену лиан явно одной лишь кинетической энергией.

Звук геликоптера превратился в ритмичный гром, когда Тевернер достиг подножия дерева и скорчился за ним, глядя вверх сквозь сине-зеленый зонтик листьев. Ветви качнулись, когда коптер пролетел почти на уровне вершины дерева, и Тевернер затаил дыхание. Он надеялся на охлаждающий эффект испарений дерева, благодаря чему термоэлементы отметят дерево как холодное пятно, и из-

лучение тела Тевернера аннулируется в этом охлаждении. Но что, если...

Звук коптера резко изменился; это означало, что несущие винты поворачиваются для маневра. Тевернер переполз по другую сторону ствола. Биение винтов машины внезапно потонуло в грохоте оружейной пальбы. Тевернер напрягся, ожидая, что сейчас будет засыпан лавиной выкорчеванной земли.

Но огонь каким-то чудом прекратился еще до того, как вертолет повернулся, набирая высоту. Затуманенному мозгу Тевернера трудно было сразу сделать заключение, что коптер, похоже, обстреливал что-то другое. Тевернер встал и начал вглядываться туда, где, видимо, была мишень. Видел он плохо, но ответ мог быть только один. Коптер позади него высоко поднялся и стремительно полетел вниз. Бросив рюкзак, Тевернер дикими прыжками помчался меж деревьев, рискуя выколоть глаза. Он проскочил низкий бугор и очутился на поляне одновременно с коптером. Машина пробороzdила небо, и тут же ее орудия хлестнули по земле как бы кипящей жидкостью, от которой в панике бежали люди.

— Сюда! — кричал Тевернер. — Держите на дереве тейт!

Он бежал к поляне, крича и размахивая руками, пытаясь собрать растерявшихся людей. Некоторые послушались, другие смотрели на него ошалелыми глазами.

— Быстро! — крикнул чей-то голос. — Делайте, как он велит!

Тевернер повернулся и увидел Криса Шелби. Даже сейчас его высокая жилистая фигура сохраняла некоторую элегантность, но левая рука бессильно повисла, и по пальцам текла кровь.

— Хватит кричать, бежим! — Тевернер схватил Шелби за здоровую руку и поволок к ближайшему тейту.

— Вы дурак, Мак, — болезненно улыбнулся Шелби на бегу. — Вы даже не свой на Мнемозине.

— Когда-нибудь буду.

Тевернер глянул сквозь кроны деревьев, где быстро мелькнули винты коптера, который готовился ко второму заходу над поляной. Сомнительно, чтобы Тевернеру удалось избежать ловушки, которая начала смыкаться вокруг него с момента рождения.

Кожистокрылый встревоженно пищал, когда Тевернер открыл его плетеную клетку.

Тевернер послал ощущение уверенности, и плотное тело расслабилось, серебряные глаза смотрели на человека в тусклом свете пещеры. «Так и надо, маленький друг,— думал Тевернер,— именно расслабиться». Он перенес кожистокрылого на кучу сухой травы, служившей постелью. На полу рядом с постелью лежала шестифутовая стрела. Она была примерно в дюйм толщиной и сделана из твердой как сталь травы-копья, в изобилии росшей в овраге. Столь же удивительным, как и размер стрелы, был ее наконечник, непропорционально широкий, выпуклый, вырезанный из дерева. Частично от был полым, и в его нишу можно было поместить кожистокрылого. Тевернер осторожно сделал это и проверил, чтобы куполообразная голова животного не зажималась, а глянцевитые крылья могли свободно двигаться. Удовлетворенный, он отнес животное обратно в клетку и запер ее.

— Как вы думаете, Мак, когда придут за нами?— спросил Шелби, едва заметный у входа в пещеру.

— Уверен, что завтра.

— Вы не думаете, что они рискнут на ночную атаку? Я хочу сказать, что у них есть инфракрасные приборы и оружие, а у нас нет.

— Никакого шанса,— твердо сказал Тевернер.— Мы не видели усыпанного голубыми звездами коптера Фаррела весь день, а они не двинутся, пока он не появится.

— Вы, кажется, весьма уверены.

— Да. Видите ли, это игра Фаррела. Сколько времени они уже обстреливают нас?

— Два месяца.

— А сколько людей мы потеряли?

— Восемь.

— Понимаете, что я имею в виду? Если бы Фаррел был действительно встревожен, мы умерли бы за несколько минут. Он мог бы распылить весь район, сжечь лес или расплавить все вокруг нас. Он мог бы поставить на коптеры тактические атомные бомбы, и все мы погибли бы в один день.

— Но это плохо отразилось бы на общественных отношениях, не так ли? Персонал базы предпочитает в городе отдыхать.

— И плохо отразится на личных отношениях.— Твернер подумал о Лиссе и манере, с какой Фаррел обхаживал ее прямо с первой встречи. Зная ее отношение к артистической колонии, Фаррел сделает все возможное, чтобы Лисса не узнала о происшедшем в лесном треугольнике. Вслух он добавил:— Человек, воспользовавшийся атомными бомбами для уничтожения нескольких мятежных блох, будет плохо выглядеть в блестящем армейском рапорте. Кроме того, я уверен, что это его игра. Это личный олений загон Фаррела, и убийство произойдет при свете дня и с его правом на выстрел.

— Он, похоже, очарователен.— Шелби вошел в пещеру.— Хотите выпить, Мак?

— Нет, спасибо,— Твернер поставил стрелу в ряд с пятью другими.— Много ли этой дряни вы взяли с собой?

Шелби хмыкнул.

— Всего одну фляжку, но я берег ее, а сейчас подумал, что если не выпью ее сегодня, то могу не выпить вообще.

— Люди выбивались и из худших углов.

— Возможно, но если мы пробьемся через эту линию, мы не поднимемся выше жизни на архипелаге. Все это, похоже, довольно бесцельно.

Твернер понимал, что имеет в виду Шелби. Пещера была в основании утеса по западному краю леса, глубоко спрятанная в расщелине, которую пробил когда-то бежавший здесь поток. Армейцы еще не знали точного ее местонахождения, но они сузили поиск до двухмильной протяженности утесов и окружили этот район. Твернер планировал пробиться через этот кордон и идти на север в более дикую необитаемую часть континента. У него была слабая надежда, что, если они скроются с глаз, о них постепенно забудут. Однако он понимал, что для таких людей, как Шелби, это означает лишь сменить быструю смерть на медленную.

— Вспомните Гогена,— сказал он.

— Гогена?— Шелби сел на постель.— О, я понимаю, что вы имеете в виду. Не в том дело. Я не могу жить без живописи. Живопись — это единственное, что я умею делать хорошо. Утешительно сознавать истину и отказаться от попыток ее осуществления.

В голосе Шелби слышалась странная нота, напомнившая Твернеру о женщине с бельмом, которая не решилась ехать на Мнемозину.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать... ни у кого из нас нет сейчас места. Скоро ли придут сюда сиккены, Мак?

— Могут и совсем не прийти.

— Не шутите со мной. Война началась до нашего рождения, и мы увязнем в ней.

— Вы так думаете?

— Я знаю, несмотря на скромность Военного бюро относительно этого. Вы знаете, Мак, странный мир — Мнемозина. Здесь самая высокая доля артистов, поэтов, музыкантов по сравнению со всеми человеческими колониями. Никто не знает с уверенностью, почему они приехали сюда — они просто прибежали сюда как леминги. И знаете, что они привезли с собой?

— Выкладывайте. Слушаю.

Тевернер взял трубку и кисет с остатками табака.

— Они привезли сюда душу человечества или то, что от нее осталось. Может, для вас это звучит дико?

— Вовсе нет,— уверил его Тевернер, скрывая свое удивление перед артистическим мозгом.

— На этот раз, мой друг, вы перехватили в серьезности.— Шелби отвинтил крышку фляги.— За эти два месяца я научился любить вас, Мак, но вы и в самом деле ремесленник. То, о чем я вам говорю, истина, такая же, как и ваш драгоценный второй закон термодинамики, только в другом плане реальности. Это вас не оскорбляет? Вы не обвините меня снова с гомосексуализме?

Тевернер фыркнул.

— Нет, после того как я слышал вас в дальнем конце пещеры с Джоан М'ваби.

— В минуты опасности жизненные силы возрастают, это закон природы.

— В основном это больше походило на матч борьбы.

Шелби взвизгнул от удовольствия.

— Так оно и есть, и я добился большей покорности, чем любой другой мужчина в подобных обстоятельствах. Но я говорил о другом. Искусство, принимаете ли вы эту идею или нет, есть зеркало человеческой души. У артиста бывает озарение, и когда оно приходит, он не более чем инструмент его. Вот поэтому искусство столь ценно. Истинная работа искусства показывает вам, какова суть вещей, и учит вас, как на них смотреть. Высококультурное существо смотрит, скажем, на фреску бедняги Вейводы и видит в ней весь человеческий опыт, даже если сам Джири

был всего лишь инструментом и не был бы способен на такую полную интерпретацию.

— В чем же суть живописи, если ее нельзя понять?— спросил Тевернер с пробудившимся интересом. Слова Шелби отозвались слабым серебряным эхом к глубине его мозга, отражая полуоформившуюся мысль о вездесущности жизни, пришедшую к нему во время призрачной тишины при трансформации Звезды Нильсона.

— Но она может быть понята частично, и только осмысленное течение человеческой жизни увеличивает степень понимания. Классическая абстракция содержит ту же информацию, бесконечно умножающуюся, какую дает хорнеровская таблица условных ценностей жизни и вероятностей разрушения технических цивилизаций.

— Содержала ли фреска Вейводы сведения о военном положении?

— Можете верить или не верить — содержала. Она сказала бы вам, что Человек почти утратил свой дух, что его гений погиб, что он продолжает войну с сиккенами, потому что потерял право на победу.

— Вы были правы насчет меня,— сказал Тевернер.— Я ремесленник.

— Вы человеческое существо, как и все мы, но один стакан спаркса может сделать условия более приемлемыми.

Шелби достал из кармана кусочек сахара и бросил его во фляжку. В зеленой жидкости тут же закружились искорки золотого цвета. Некоторые вылетели в воздух из горлышка, но Шелби поймал их губами и вдохнул в себя.

— Олимп ждал этого тысячу лет, но так и не дождался,— прошептал он как бы про себя.— Порция зеленого льда, аромат лотоса, солнечный свет и грезы... Вам я больше не стану предлагать.

— Я верен этому.— Тевернер закурил трубку.

Кордон располагался полукругом на три мили в длину и состоял из шести лазерных оград, поставленных с полу-мильными интервалами. Каждая ограда была оснащена лазерными лучами, которые располагались между двумя прожекторными станциями. Лучи были низкой мощности, и их не было видно даже ночью. Но если движущееся тело пересекало луч, автоматически включался прожектор, и лазеры били слепящими лучами.

Тевернер знал по опыту, что единственная слабая точка в таком кордоне — это прожекторная станция, где лазерные блоки стоят спиной друг к другу. Стандартная техника

могла либо включить физический барьер между блоками, либо оставить заманчивые «ворота» и разместить за каждой станцией отряд с приказом открыть огонь по любому, кто попытается пройти здесь. В этом отношении, по оценке Тевернера, Фаррел и его люди были довольно-таки беспечными. Они оставили два прохода, охраняемые каждый четырьмя людьми и пулеметом, предполагая, что безоружным беглецам никак не удастся пробиться...

Тевернер встал и разбил свою трубку о стену: он выкурил свой последний золотой орех табака, оставленный, как и спаркс Шелби, на последние несколько часов пребывания в пещере. Было слишком темно, чтобы что-нибудь видеть, но он слышал выжидательный шорох двадцати трех мужчин и четырех женщин, с которыми прожил последние два месяца.

— Речь! — иронически сказал кто-то. Тевернер узнал хриплый голос Пита Трояноса. Тевернер замаялся, откашливаясь. Он хотел сказать им много важного: как он восхищен их мужеством и адаптированностью, как горько сожалеет о погибших, как ясно чувствует их огорчение по поводу того, что удержал их, практически безоружных, от начала настоящей партизанской войны, как благодарен им за теплоту их дружбы, когда сам он не считал себя способным на нормальные человеческие отношения, — но он знал, что у него не хватит слов, чтобы сказать все это.

— Сейчас не время произносить речи. — Все вы точно знаете, что надлежит делать, так давайте вырвемся отсюда к чертям!

Его слова были встречены полным молчанием, за которым чувствовалось разочарование, и он понимал, что должен иметь ответ на их требования, что он заплатит за свое запоздалое присоединение к человеческой расе...

— И слушайте, — он отчаянно заморгал в темноте, сражаясь с холодным, бесплодным течением его прошлого, — берегите себя, потому что... потому что...

— Хватит, Мак, — спокойно сказал мужской голос. — Мы готовы.

Они вышли из пещеры в холодную ночь. Звезды слабо сияли за экраном лунных осколков, и создавалось впечатление бесконечной глубины неба, чего не бывало на других планетах. Тевернер глубоко вздохнул и заставил себя расслабиться, пока остальные входили в широкий пояс кустарника, отделявшего собственно лес от утесов.

В миле позади, прямо через кустарник, располагалась

центральная станция кордона. Первым шагом в плане группы было подобраться примерно на четыреста ярдов к станции и ждать сигнала Тевернера. Он предпочел бы, чтобы они подошли ближе, но риск быть замеченными следящей аппаратурой был слишком велик. Когда последняя безмолвная фигура исчезла в кустах, Тевернер и Шелби взяли шесть громадных стрел и шесть клеток. Они шли некоторое время за основной группой, а затем свернули чуть южнее, к маленькому лысому бугру, который был заранее выбран.

По дороге Тевернер чувствовал нервный трепет пленных кожистокрылых и угадывал, что они чуют запах смерти и это им не нравится. Он испытывал привязанность к смелым маленьким млекопитающим, чья инстинктивная мораль была выше самых великих этических систем, придуманных человечеством. Кожистокрылые не чуждались убийства, но брали с экологического банкетного стола только свою точную порцию. Он обнаружил это, когда пытался тренировать их в охоте на мелкую дичь. Их метод отправлять добычу на тот свет подал Тевернеру идею, что их можно превратить в новый вид оружия.

Когда он впервые увидел кожистокрылого в действии, он подумал, что присутствует при захватывающе-эффектном самоубийстве. На закате солнца животное взлетело, а затем как бомба упало в колонию псевдоящериц, гревшихся на скалистом выступе. Жестокий удар был слышен за сотню ярдов. Заинтересованный Тевернер бросился к скале и успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как кожистокрылый снова взлетел в воздух с мертвой рептилией в когтях.

Тевернер изучал кожистокрылых несколько месяцев, прежде чем заметил, что ошибался в одном из главных своих предположений насчет них. Их ночной образ жизни и внешнее сходство с летучими мышами привели его к ошибочной мысли, что они пользуются какой-то формой звука в темноте, как земные летучие мыши. Оказалось, что у них ограниченная форма телепатии. Хищники, которые могут идти на вспышку разума жертвы, были известны в разномастных владениях Федерации, но Тевернер подозревал, что способности кожистокрылых имеют необычно высокую степень телепатии. Он провел эксперименты, которые доказали, что эти животные могут определять не только излучения мозга. Одна из серий опытов состояла в том, что Тевернер фиксировал свои мысли на каком-то одном из группы предмете, а затем со всей силы бросал ко-

жистого на них. Как только он научился проецировать отчетливое изображение, прямые попадания на выбранный предмет стали стопроцентными.

Идея биологически управляемой стрелы пришла к нему чуть позже, в таком же парализующем чувстве откровения, какое он испытал на транзитном корабле по дороге на Макатур. Он разрабатывал эту идею время от времени; иногда у него появлялось отвращение к делу, которым его руки, казалось, занимались добровольно, но работа имела и положительный аспект, когда стало ясно, что именно могут делать кожистокрылые. Оказалось, что их можно научить ездить в наконечнике стрелы, управлять точкой соприкосновения в границах, поставленных реактивной массой и размахом крыльев животного, и вырываться на свободу перед самым ударом.

Тевнер как раз начал работу над подходящим укрепленным на подставке арбалетом, когда его дом, мастерская и лес вокруг были уничтожены армией...

С вершины холма можно было видеть слабый свет прожекторных станций.

— Они облегчат нам работу, — с презрением сказал Шелби.

— Нет, — Тевнер опустил свой груз. — Я поставил луки раньше, при дневном свете. Жалею только, что не могу сжечь пару нулевых установок — это значит уж слишком много требовать от наших маленьких друзей.

— Я не огорчаюсь. Я видел, как вы кое-что сожгли.

— Да, но это только в дневное время. Такие луки — из гибкого дерева и с волокнистой тетивой — меняют свои характеристики в зависимости от температуры и влажности. И это ограничивает дисперсию, которой могут управлять кожистокрылые.

— Моему мозгу нечего делать, мой друг.

— Тогда займите его чем-нибудь. Проверьте фистмел, пока я натягиваю лук.

— Что проверить?

— Фистмел — расстояние между упором стрелы и тетивой. Это удобный показатель натяжения. — Тевнер дал Шелби палочку с зарубкой почти у самого конца. — Поставьте этот конец на упор стрелы. Тетива должна пересечь зарубку. Если она не доходит до зарубки — лук натянут слишком слабо, и нам придется накрутить тетиву, чтобы укоротить ее.

— Все это необходимо?

— Я ремесленник, не забывайте. Положитесь на мои слова в этом деле.

Тевернер начал натягивать шесть массивных луков, яростно ворча насчет усилий, нужных для победы над немолемым сопротивлением. Два фистмела показали слишком малое натяжение, и эти луки пришлось натягивать снова, укоротив тетиву. Пока Тевернер закончил, он облился потом, и сердце его неприятно колотилось, напоминая ему, что осталось всего несколько недель до его пятидесятилетия. Он укрепил луки на подставках, но сейчас стояла еще более тяжелая задача: натянуть каждый, держа лук обеими руками и оттягивая тетиву ногами. Когда шестой лук был натянут, Тевернер лег и стал размеренно дышать, пока сердцебиение не успокоилось.

— Хотел бы я помочь, — сказал Шелби, с отвращением глядя на свою левую руку, которая никогда не поправится, потому что трицепс был разорван пулей пополам.

— Берегите свою силу для бега.

Тевернер встал, удостоверился, что подставки луков стоят на заранее намеченных точках, и установил стрелы. Он открывал клетки одну за другой, сажал кожистокрылых в вырезанные для них ниши, глядя и целуя теплые крепкие тельца с куполообразными головками и шепча успокаивающие слова. Серебряные глаза сияли ему в темноте и говорили то, что он смог бы понять, если бы не был заключен в человеческую оболочку. Он встал на колени перед первым луком и собрал свои мысли для создания ясного и четкого мысленного образа, как делал раньше, бросая кожистокрылых к мишени. Он мысленно представил себе четырех безликих солдат, жизни которых он собирался взять, и в коротком общении с мозгом, никогда не знавшим ни зла, ни чувства вины, смущенно пытался объяснить концепцию уничтожения жизни ради спасения жизни, несмотря на смутную уверенность, что на этом уровне понимание невозможно.

— Все в порядке? — тревожно прошептал Шелби.

— Молчите!

Тевернер дернул триггер, и громадная стрела с легким шелестом взвилась в ночное небо, не задев лука своим оперенным хвостом в чистом полете. Это доказывало, что пропорции длины и натяжения хорошо соотносились с силой лука. Не теряя времени, Тевернер двинулся по линии луков, посылая стрелы в их пятисотярдовое путешествие. Необходимо было действовать быстро, прежде чем четыре

солдата, подвергнувшись атаке, поднимут тревогу. Послав пятую и шестую стрелы, оставшиеся в резерве, Тевернер встал и взгляделся в слабый свет прожекторной станции. Он горел ровно, не указывая, что он освещает: жизнь или смерть...

— Давайте сигнал к выходу, — сказал Тевернер.

Шелби издал резкий звук своим тростниковым свистком, и все побежали. Бежать через кустарник на любой скорости, превышающей медленный шаг, было опасно, но перед Тевернером маячил призрак командного поста, проверяющего станцию по обычному радио и обнаруживающего какие-то нелады. Поэтому он бежал непосредственно перед Шелби, чтобы своим весом проламывать путь сквозь заросли. Хруст на севере сказал ему, что он бежит в ряд с основной группой. Он ускорил шаг. Если стрелы не выполнили своей задачи, он первым должен встретить последствия. До станции, по его оценке, оставалось около двухсот ярдов.

Небо неожиданно расцвело предупреждающими вспышками. Тевернер споткнулся, и Шелби налетел на него. Первым импульсом Тевернера было дать сигнал к возвращению в пещеру, но затем он заметил, что вспышки шли с севера и с юга, а не с места впереди. Похоже, стрелы накрыли цель, как планировалось. Не было времени размышлять, знают ли уже об этом на других станциях.

— Бегите! — крикнул он, толкая Шелби вперед. — Бегите!

Шелби встал рядом с Тевернером, и они бросились в темноту, подгоняемые страхом. Продолжительный призыв и снижающиеся вспышки оранжевого огня на юге показывали, что там взлетело два реактивных вертолета. Тевернер пытался бежать быстрее, но возможности его крепкого костяка уже перешли свой лимит. По небу пронеслись яркие мушки света — команда вертолета готовила свои орудия.

Тевернер достиг станции чуть раньше лидеров основной группы. Он прорвался в узкую щель между прожекторными установками и пробежал последние пятьдесят ярдов яркого света от полевой лампы у входа в палатку. На склоне палатки торчали концы двух стрел. Тевернер встал на колени, заглянул внутрь и увидел два распростертого тела. Один из солдат, видимо полз к двери,

когда ему пришел конец. Головы трупов представляли собой кровавое месиво.

Тевернер встал на ноги и оглянулся. Члены отряда бежали мимо него в лес. Шелби стоял у отверстия, протаскивая через него людей и толкая их к лесу. Звук геликоптеров наполнил воздух, в небе появились новые вспышки — зловещий маятник, разбрызгивающий угрожающий свет. Тевернер поглядел на линию деревьев и увидел тусклый отблеск пулеметного барабана. Он побежал туда. Недалеко от пулемета лежал еще один труп. Рядом с его откинутой рукой был полевой коммуникатор, все еще мигавший красным светом передачи. Тевернер залег за пулемет и обернулся к югу. Поток бегущих людей прекратился, но Шелби все еще стоял в воротах.

— Уходите к чертям оттуда, Крис! — закричал Тевернер. — На нас вот-вот спикируют!

Шелби покачал головой.

— Нет. Еще не все прошли.

— Сколько осталось?

— Четверо.

— Пусть сами о себе позаботятся. Уходите!

— Среди них Джоан. Я буду ждать.

— Господи! Она...

Голос Тевернера потерялся в оглушающем реве геликоптера, спикировавшего прямо на палатку. Палатка обрушилась в буре пыли и листьев, полевое освещение заплесало по земле. Тевернер установил пулемет и твердо нажал на пусковую кнопку, направив оружие на реактивный двигатель на боку фюзеляжа. Оранжевое пламя растеклось по фюзеляжу. Геликоптер завалился набок, заковылял по земле, размазывая шасси, и повернул мимо Шелби, застывшего в проходе. Лазерное ограждение ударило своими мечами в сердце этой новой звезды и разнесло коптер в куски, взорвав его боеприпасы и баки с горючим. Тевернер чувствовал себя на твердой земле как на морском судне, когда воздушная машина разлагалась на тысячи взлетающих, кружившихся и падающих фрагментов. Часть их упала далеко за кордоном, чтобы снова быть рассеянной лазерными вспышками.

При вторичных вспышках стало ясно, что Шелби уже не стоял на ногах. Тевернер бросился к нему, но остановился, прикрыв рукой глаза: в Шелби попал кусок летящего металла, и даже с пяти шагов было видно, что он мертв. Тевернер взглянул на узкое отверстие между бронирован-

ными лазерными приборами: Шелби говорил, что четверо еще не прошли. Земля встала дыбом, когда второй геликоптер появился над головой Тевернера и грянул из своих орудий. Земля снова опустилась, но Тевернер каким-то чудом остался невредим, если не считать аккуратной дырки в левом сапоге. Он повернулся и побежал к пулемету. Пулемет оказался разбитым вдребезги.

Второй геликоптер спускался вниз, и Тевернер увидел на его боках голубые звезды. Как раз в это время в проходе показались Джоан и другие оставшиеся. Все орудия с этой стороны геликоптера одновременно выстрелили, и их огонь вместе с огнем лазерной защиты, казалось, отнесли людей назад, как ветер несет сухие листья.

Медленно и осторожно, как глубокий старик, Тевернер побрел в темноту леса.

Глава 9

Приближаясь к побережью, Тевернер чувствовал себя на удивление усталым и потрясенным. Слишком много лет прошло с тех пор, как он стоял как каменный на боевых линиях, а события этой ночи могли потрясти любого. Когда его колени сами собой начали подгибаться, несмотря на его усилия управлять ими, пришло запоздалое подозрение, что дыра в сапоге была не просто неудобством.

Он сел и стянул сапог. Тот сошел со странным сосущим звуком, и первые лучи солнца показали, что вся нога блестит от темной крови. Когда он снял носок, второй палец ноги отвалился.

Ошеломленный Тевернер долгое время с укоризной разглядывал покалеченную ногу — брешь, где должен был находиться палец, заполняла густая жижа. Он истекал кровью во время всего пути через лес.

Сознание, что он ранен, как бы сняло нейтрализующий шок: в ступне и во всей ноге зажглась боль, и с ней пришла тревога, что рана была какой угодно, только не гигиенической. В течение двух месяцев им едва хватало воды для питья, так что о мытье и говорить не приходилось. И, вдобавок к накопленной грязи, сколько еще набилось в сапоги во время ходьбы.

Он с отвращением поднял потяжелевший носок и отбросил его подальше, а затем обыскал карманы в поисках относительно чистой тряпки, в которой раньше был табак.

Забив тряпкой брешь в пальцах, он надел сапог и пошел снова. Другие направились к северу, пока не выйдут из леса, а затем по ночам перейдут границы цивилизации. Тевернер же считал, что самое большое через час он должен лечь и оправиться после потери крови.

Мысль о сне приходила ему и раньше, но лес не место для отдыха, если только человек не готов к риску быть похороненным под целлюлозой. Память о черных кудрявых застывших волосах. Потеря двенадцати, если не больше человек и геликоптера последней модели могла изменить всю природу операции, поскольку это касалось армии. Фаррела сочли бы дураком, не сообщив он обо всем немедленно.

Солнце поднялось сквозь оловянный туман, когда Тевернер вышел из леса. Перед ним был пологий спуск, а дальше, в нескольких сотнях ярдов, шоссе, сообщающееся с Центром цепью мелких дорог вдоль побережья. За шоссе тянулась травяная полоса, которая с неожиданностью, типичной для безлунных планет, кончалась в океане. Вдоль этой полосы были разбросаны высокодоходные жилища разных размеров и архитектурных стилей. Тевернер разумно рассудил, что где-нибудь там он найдет врача — если сможет перейти шоссе незамеченным. В этот ранний час движения почти не было, но ощутимая пульсация в небе намекала на воздушный патруль, и любой, пересекающий белую ленту шоссе, будет выделяться, как паук в ванне.

Тевернер прошел немного к югу, держась за кустами и высокой травой, и добрался до водосточной трубы. Пока он полз по туннелю под шоссе, невидимые создания просыпались под его руками и либо убегали вперед, либо запутывались у него в ногах. Он помнил, что на Церуле почти нет вредных форм жизни, но все равно чувствовал себя неуютно. Та жирная, похожая на руку личинка, которую он нашел когда-то на своей груди, тоже была безвредным, даже дружелюбным созданием.

Когда он встал на ноги по ту сторону шоссе, он был облеплен грязью, а нога горячо пульсировала. Он прошел вдоль молодых деревьев, отделявших боковую дорогу от шоссе. Сонные дома блестели на солнце — пастельных тонов, чистые, нормальные и удивительно нереальные в глазах Тевернера. Может, он сам нереален? Он был из тех, кто не принадлежит никакому обществу, холодный призрак человека, почти лишенный тепла и, возможно, эмоций, негатив человечества, ориентированный на вину, как

другие на радость, на ненависть, на любовь. Моменты контакта с людьми вроде Лиссы, Шелби и даже маленькой Бетии, служили лишь напоминанием о его собственных недостатках, потому что эти люди отдавали, а он мог только брать, как непонимающие детские пальцы воруют яйца из гнезда дикой птицы, лишая их рождения.

Его внимание привлекла вывеска. Он подошел ближе, увидел на ней имя доктора и почувствовал глубокую благодарность к ностальгическому традиционализму, неизменно заставлявшему людей в спокойных деревушках на чужих планетах вешать почтовые ящики на воротах и зеленые ставни на окнах. Этот человек — Норман Р. Парсонс — вероятно, имел шикарный кабинет в центральном здании Медицины, но все-таки прибил вывеску на собственные двери. Тевернер надеялся, что сентиментальность доктора Парсонса не принесет больших неприятностей на его, Тевернера голову.

Дом был небольшой, одноэтажный, главный вход углублен в портал. Тевернер подумал, что надо производить как можно меньше шума, чтобы разбудить только доктора, но не его соседей. Дверной колокольчик мелодично зазвонел — опять-таки ностальгия. Прошло пять минут без ответа, прежде чем Тевернер решил, что ему повезло. Доктор Парсонс либо мертвецки пьян, либо его нет дома. Он быстро обогнул дом и заглянул в гараж. Там было пусто.

Тевернер собрал остаток сил и, молясь, чтобы не поднялась тревога, нажал плечом на створку двери дома. Косяк расщепился, и Тевернер услышал, что замок запрыгал по полу. Прикрыв за собой дверь, Тевернер быстро обошел все комнаты. Дом был пуст, но вещи мужчины и женщины лежали на местах и говорили, что хозяева ушли ненадолго.

Одна из комнат была оборудована как рабочий кабинет. Тевернер открыл белую дверцу стенного шкафа и извлек хирургический перевязочный материал, тубик искусственной плоти и различные антибиотики. В шкафу в спальне он нашел целый ряд костюмов, которые выглядели чуть узковатыми в плечах для Тевернера и длинноватыми, но все равно это было неизмеримо приличнее его рваного барахла. В ящиках лежали рубашки, белье и носки. Он также нашел обувь, которая была ему чуть-чуть широковата.

Забрав свои сокровища, он пошел в ванную, разделся и вымыл поврежденную ногу. Палец был ампутирован чисто по суставу, но удалить грязь и удостовериться, что в ране

не осталось осколков костей, было тяжелой задачей даже при терпимости Тевернера к боли.

Когда рана была приведена в порядок, засыпана антибиотиком, заклеена искусственной плотью и заключена в непромокаемый бинт, Тевернер включил душ и чуть не застонал от удовольствия, когда увидел за перегородкой обширную ванну. Он наполнил ее горячей водой, отскреб с себя грязь, сменил воду, включил термостат и позволил себе расслабиться, полежать в воде и отдохнуть. Слабенький голосок говорил ему, что расслабляться опасно, но Тевернер не обратил на него внимания.

«Уснуť бы,— подумал он.— Поесть, конечно, тоже неплохо, но это потом. Самое главное — спать. Спать...»

Он неожиданно проснулся и растерянно заплескался в воде, пока память не вернулась к нему. Сон — малая смерть — и в самом деле захватил его. Он вылез из ванны, вытерся и поскорее оделся. Хозяева дома не возвращались. Это было чистой удачей, а среди солдат и инженеров только дурак надеется на удачу. Дурак или тот, кто подсознательно стремится к провалу.

Он вынул из своей старой одежды нож, разбитую трубку и толстую пачку банкнот. Руки и ноги Тевернера дрожали от слабости, вызванной потерей крови и долгим пребыванием в горячей воде. Теперь его главной заботой была пища. Старую одежду он спустил в мусоропровод и направил в топку, чтобы она не попалась никому на глаза. В холодильнике он нашел бифштексы, рыбу и синтетические яйца, но все это нужно было еще приготовить. Он заколебался было, но затем взял два куска мяса и шесть упакованных в пластик яиц.

Жарящееся мясо пахло очень вкусно. В ожидании он выпил два пакета молока. Молоко, сделанное машиной из местной травы, было сильно забродившим, но Тевернер жадно глотал его. Когда яйца и мясо были готовы, он потратил драгоценное время еще и на то, чтобы положить их на тарелку, и сел за стол с ножом и вилкой. «Хорошо бежать с холма,— говорил теплый голос,— потому что ваши шаги длинные и легкие, а энтропия — это сопутствующий ветер, подгоняющий вас к смерти, которая есть не что иное, как отдых, только под другим названием...»

На кухонном столе стоял радиоприемник. Тевернер включил его и за едой слушал музыку, что создавало атмосферу домашнего уюта. Затем он встал, отделил от пач-

ки стостеллеровую банкноту и положил на стол. С остальными деньгами, в чистой одежде и с полным брюхом он может идти на север и встретиться с беглецами на далеких берегах озера Брус. Оставалось только выйти на дорогу и шагать.

Когда он взялся за ручку двери, радио стало передавать известия. Тевернер остановился, подумав, что стоит послушать о реакции армии на события ночи.

«Сегодня стало известно, что в ближайшее время состоится свадьба мисс Мелиссы Гренобль, дочери Планетарного Администратора, с лейтенант-полковником Джервезом Фаррелом, теперь прикомандированным к базе № 1 на Церуле, племянником Верховного Президента Беркли Х. Гуга.— Профессионально-восторженный голос сделал паузу.— Помолвка была оглашена сегодня утром самим Администратором Греноблем, который сказал, что поздравительная тахиграмма от Президента Гуга уже получена. Дальнейшие детали вы услышите позднее от нашего...»

Тевернер выключил радио, ошалело потряхивая головой. Лисса и Фаррел! Не может быть! Его мысли вернулись к последней ночи с Лиссой в ее хOVERKAPe. Она принадлежала ему. А теперь она будет принадлежать Фаррелу. Эта мысль билась в голове Тевернера, и он все еще не мог принять ее. Он вышел из дома и некоторое время стоял, глядя на голубой океан за деревьями. «Нельзя порицать ее,— рассуждал он.— Какой выбор у нее был? С одной стороны — Фаррел, молодой, красивый, богатый, известный, социально равный ей, один из самых видных женихов во всей Федерации. С другой стороны — Тевернер, беглец средних лет, с ледяной водой в венах и сморщенной душой от ненависти и жалости к себе».

— Нельзя порицать ее,— сказал он вслух, закрыл глаза и прислонился к косяку двери, потому что боль кипела в нем. И с болью пришло новое понимание: его частые приступы самоанализа были постыдными неискренними попытками поставить экран вокруг настоящего Тевернера. Если по честному, то он осуждал Лиссу. Конечно, он был слишком стар для нее, конечно, о браке не могло быть и речи, но он хотел, чтобы она провела остаток жизни в одиночестве, страдая по нему, как принцесса, плененная в высокой башне, куда не доберется ни один мужчина. Это было смехотворным видением старинных романов, вроде легенд о короле Артуре, но именно этого и требовало раз-

дудное, трепещущее эго Мака Тевернера. Он медленно пошел прочь от дома.

Через некоторое время он осознал, что идет не в том направлении — идет на юг, к Центру и к Лиссе Гренобль, но повернуть назад не было сил.

Глава 10

Резиденция Администратора была большим величественным шестиугольником, облицованным местным мрамором; дом стоял на вершине округлого холма как глазурь на пирожном. Тевернер презирал его вид днем за настойчивую приверженность к колониально-губернаторской архитектуре прошлого Земли, но ночью дом выглядел гораздо лучше.

Тевернер перепрыгнул через ограду, окружавшую холм, морщась от боли в ноге, и стал подниматься вверх. Здание, льющее свет из многих окон, висело в темноте над ним и выглядело театральным, двумерным. Думая, не задает ли Говард Гренобль один из своих любимых обедов, Тевернер подошел к задней стороне дома. Он попытался еще раз решить, что он скажет Лиссе, разумеется, если ему удастся встретиться с ней незаметно для других. О своей инстинктивной уверенности, что Фаррел ей не пара, несмотря на его молодость, богатство, красоту и связи? Что он, Тевернер, великодушно пересмотрел свои прежние решения, и теперь она может стать женой человека, ожидающего, возможно, смертного приговора? Или просто скажет «Прощай»? Ну, что-нибудь да скажет.

В задней части дома было темно. Тевернер подергал двери и оконные рамы: все было закрыто, и он полез по витому столбу на балкон. Одна из спален на этом этаже принадлежала Лиссе, но он сам не знал, которая, да и в любом случае Лисса вряд ли была там, если был поздний обед. Самое лучшее — спрятаться где-нибудь, пока все не лягут спать, а потом войти внутрь и отыскать комнату Лиссы. Он оглядел балкон. Несколько стульев и медленно вращающиеся лунолюбивые растения находились у балюстрады, но представляли сомнительное укрытие.

— В мою комнату никто никогда не заходит, — сказал знакомый тонкий голосок. — Почему бы тебе не спрятаться там?

Бетия! Тевернер скрыл испуг и обернулся.

— С чего ты взяла, что я хочу спрятаться?

Миниатюрная фигурка в длинном халате смотрела на него из арки в конце балкона. Он на минуту почувствовал злобу на обстоятельства, вынудившие ее расти в одиночестве.

— Пройди здесь, — сказала Бетия.

Теввернер заметил манеру, с какой она отделалась от его вопроса, и улыбнулся. Он вспомнил, что для трехлетнего ребенка нет ничего удивительного в том, что кто-то вдруг захотел спрятаться. Он кивнул и пошел за ней через арку. Она прошлепала перед ним в свободных домашних туфлях, удостоверилась, что в коридоре никого нет, и поманила его с видом заговорщицы. Ее комната, первая по коридору, была освещена только одной лампой у кровати. И Теввернер снова поразился, что комната не имеет никаких признаков детской.

— Где твои игрушки, Бетия?

— В ящике, конечно, — удивленно ответила она.

— А почему ничего из них не лежит на твоей постели? Кукла или еще что-нибудь.

— Это негигиенично.

— Но они составили бы тебе компанию.

Бетия громко фыркнула:

— Кукла для компании!

Она тихо засмеялась, и Теввернер почувствовал, что его переполняют эмоции, которых он не мог определить. Возможно, любовь, но сильно затушеванная почтением. Эта крошечная пылинка человечества за три коротких года своей жизни развила интеллект, юмор, мудрость. «Способность производить таких детей, как Бетия, — подумал он вдруг, — было главной претензией человечества на право защищать Вселенную, взять верх над сиккенами. Однако где-то что-то пошло неправильно, и каждый час сотни хрупких мужественных бетий умирают под ногами сиккенских воинов на границах Федерации. Сколько лет будет Бетии, когда чужаки доберутся до Мнемозины? Двадцать? Может, меньше. Никакого общения ни мыслью, ни словом никогда не происходило между человеком и сиккеном, но перенос штаб-квартиры КОМсэка на Мнемозину может стать известным сиккенам, и в этом случае планета станет первой целью...»

— Ты пришел увезти Лиссу?

— Нет. Я хотел бы, но теперь это невозможно. Я просто хотел поговорить с ней.

— А почему ты не увезешь ее?

— Не могу.— Тевернер заколебался.— К тому же ведь она выходит замуж за полковника Фаррела.

— Да, но...

— Что — но?

— Он темный человек.

— Темный?— Тевернер заметил, что она подчеркнула это слово, и решил проверить.— Лисса тоже темнокожая.

Кукольное лицо Бетии выразило разочарование.

— Он темный человек,— спокойно повторила она.— Но у тебя и у Лиссы... один цвет. Это очень странно.

— Что ты имеешь в виду, Бетия?

— Мне пора спать,— сказала она решительно, вылезая из халата.

Тевернер помог ей лечь в большую постель и укрыл ее прямое маленькое тело. Она лежала в центре кровати, вытянув руки по бокам, на лице была спокойная сосредоточенность.

— Спокойно ночи, милая,— сказал Тевернер, но ответа не последовало. Он с минуту смотрел с растущим чувством печали на отливающие перламутром черты ее лица, а затем погасил свет. Бесполезность его собственной жизни как бы окружила его стенами темноты. Он подошел к окну и раздвинул тяжелые шторы.

Блеск лунных фрагментов отражался в бассейне. Далеко за деревьями свет Центра и еще более ослепительный — нового города подчеркивали претензии человека на эту часть Галактики, но надолго ли? Даже без угрозы сиккенов, долго ли человеческий караван сможет идти через яркий блеск сокровищ мироздания? Сколько столетий? Душа требует, чтобы ответ составлял бесконечное число, потому что меньшее ее не удовлетворяет, но разум знает другое. Удивительно, что такое, казалось бы, мелкое событие, как открытие одной элементарной атомной частицы в маленькой лаборатории на Земле в начале XXI века, могло разбить надежды человечества на коллективное бессмертие.

Тахион, не могущий существовать при скоростях ниже световой, набрал скорость распространения энергии до такого ускорения, что смог пересечь Галактику за долю секунды. Он открыл космос человеческому роду, но в тоже время закрыл двери будущего, потому что континуум молчал. Благодаря тахионному коммуникатору цивилизации

могли переговариваться через расстояния в тысячи световых лет. Единственное ограничение состояло в том, что с увеличением скорости уменьшалась энергия частицы. Но вместо эфирного соприкосновения с голосами разума, поиск тахионов не дал ничего. Протяженность времени слишком велика. Цивилизации поднимались, расцветали и умирали, но быстролетные мгновения галактического времени, когда соседи были на своей технологической вершине, редко совпадали.

Только горсточка пульсаров — искусственно включенных маяков, терпеливо подающих сигналы, шептали о культурах, которые родились, насладились своим коротким часом и исчезли в невообразимо далеком прошлом. И новая информация означает, что ценности, указанные в страшной таблице Ван Хорнера для времени жизни и вероятностях разрушения технологических цивилизаций, должны быть радикально пересмотрены. Земная цивилизация вошла в фазу развития, описанную как Тип II — способность утилизировать и направлять полный объем излучения своей звезды,— и жизнь, согласно первоначальной таблице Ван Хорнера, предположительно продлится 6500 лет.

Но пост-тахионный пересмотр уменьшил цифру до 2000 лет. А неудачная космическая шутка, поместившая человеческую и сиккенскую цивилизации в одном пространстве и времени, похоже, уменьшит этот жалкий отрезок времени до точки исчезновения...

Все это кружилось в голове Тевернера, когда он услышал за окном голос Джервеза Фаррела. Он поглядел вправо и увидел, что конец балкона всего в нескольких футах от окна Бетии. Фаррел наклонился над балюстрадой и смотрел на новый город. Он был в вечернем костюме и курил тонкую сигару.

— ...сознаюсь, что вы потрясли меня, мой мальчик,— отчетливо слышался голос Говарда Гренобля, хотя самого его Тевернер не видел.— Я нахожу, что во все это весьма трудно поверить.

— Да?— холодно отозвался Фаррел.— Я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

— Нет, нет, я не собирался предположить... это просто... просто я не представлял, что КОМсэк так доверяет решениям МАКРОНа.

— МАКРОН — логическая машина, в распоряжении которой вся сумма человеческих знаний. И она не выдает

готовых решений. Это надежный инструмент для определения вероятности ценностей, но никоим образом не для выноса решений.— В голосе Фаррела слышалось раздражение.— Я оправдался?

— Все ясно, спасибо. Но почему здесь, на Церуле? Какие факторы повлияли на МАКРОН, что он сделал эту... рекомендацию?

— Ответ на этот вопрос знают не больше шести человек во всей Федерации,— сказал Фаррел.

— Ясно...

— Вы понимаете необходимость этого?

— Конечно, такое знание должно быть ограничено. Простите меня за мои вопросы...— Голос Гренобля стал болезненным.— Война казалась всегда такой далекой от Церулы, и вдруг вся штаб-квартира КОМсэка налетела на нас...

— Налетела на вас... Можно подумать, что вы говорите о саранче.

— Вовсе нет. Я польщен. Весь мой штат гордится. Наверное, именно это МАКРОН и имел...

Фаррел резко, ядовито засмеялся.

— МАКРОН встал вам поперек горла, не так ли, Говард? Я скажу вам, что именно вас раздражает во всем этом деле: тот факт, что решение разместить здесь штаб-квартиру исходит не от моего дядюшки, который сказал бы что-нибудь вроде: «Я знаю идеальную планету, джентльмены. Вы будете очень рады остановиться на Церуле — у старого Говарда Гренобля отличная кухня и первоклассный винный погреб».

— Вы слишком далеко заходите, Джервез.

— Просто пытаюсь вернуть вас к реальности. Мы, армия, ведем войну с невообразимо сильным и опасным врагом...

— О, да,— вставил Гренобль,— я слышал, что прошлой ночью обстреляли ваш вертолет.

В наступившем молчании Тевернер улыбался, оценив умение старика пользоваться стилетом. Он, вероятно, отлично понимал, как Фаррел будет уязвлен напоминанием, что он никогда не был ближе десяти световых лет к областям максимального проникновения.

— Ваш друг Тевернер ответствен за это,— возразил Фаррел.— Я не разрешал использовать тяжелое оружие, но я знаю, что пять рейдеров не будут надоедать вам более, а скоро я получу и остальных.

— Вы возьмете остальных? Со слов генерала Мартинеса я понял, что вам поручена совсем другая работа.

— Мы получим остальных — какая разница?— Сигара Фаррела яростно вспыхивала, противореча небрежности его слов.

Тевернер вздохнул с облегчением. Пятью «рейдерами», упомянутыми Фарвелом, видимо, были Шелби и те четверо, включая Джоан М'ваби, которые были аннигилированы, когда пытались пройти в ворота. Вспоминать об их смерти было больно, но Тевернер по крайней мере знал, что никто из остальных не схвачен. Два месяца интенсивной тренировки на самосохранение, которую он дал им, видимо, пошли на пользу. Все они теперь на пути к озеру Брус и, миновав его, затеряются в северном архипелаге. Это многое снимало с его совести.

— Однако холодно, — сказал Фарвел.

— Я думал, что мы поговорим насчет организации свадьбы. Времени остается мало, знаете. Все было решено так поспешно...

— Я оставляю все детали на вас, Говард. Вы лучше разбираетесь в этих вещах. А сейчас наши гости, наверное, удивляются, куда мы исчезли...

Мужчины ушли с балкона. Тевернер остался у окна на несколько минут, а затем задернул шторы. Пройдет еще несколько часов, прежде чем он получит шанс пробраться в комнату Лиссы, а легкая дрожь в коленях говорила, что он еще не оправился от большой потери крови. Он подошел к постели и прислушался к дыханию Бетии. Она спала. Он лег на пол подальше от двери и заставил себя расслабиться.

Когда он проснулся, в доме стояла абсолютная тишина. Часы показывали два часа ночи. Он с трудом встал и открыл дверь. В коридоре было ночное освещение, но полная неподвижность воздуха убедила его, что можно выйти. Взглянув последний раз на одинокую фигурку Бетии, он закрыл дверь ее спальни и пошел к лестнице. Комната Лиссы была на том же этаже, но, кажется, в другом крыле, и ему нужно было пройти три стороны широкой лестничной клетки. Пройдя застеленный ковром коридор, Тевернер остановился, ругая яркое освещение на площадке. Кто-то по небрежности не выключил полный свет на потолке, а агорафобия Тевернера, заботливо воспитывающаяся в течение последних двух месяцев, заставляла рассматривать ярко освещенное место как решительно небезопасное.

На стене коридора, у поворота, он увидел два выключателя. Один, наверное, был для коридорных ламп, но как насчет второго? Относится ли он к освещению на площадке? Надеюсь, что при выключенном свете он привлечет меньше внимания, чем при полном освещении, Тевернер повернул выключатель. Свет на площадке замигал, но не выключился.

Тевернер с удивлением уставился на выключатель, пытаясь представить себе электрическую схему, при которой свет тускнеет, а затем загорается снова. Может, этот выключатель относился к какому-то узлу, берущему энергию, в этом случае лучше всего оставить его в покое. Он повернул выключатель в его первоначальное положение. На этот раз свет на потолке выключился на целую секунду, а затем загорелся в полную силу.

Решив, что в выключателе какой-то странный дефект, он вдруг сообразил: схема самая обычная. Виной тому двухсторонний выключатель. Видимо, кто-то в другом конце схемы включил свой выключатель чуть-чуть позднее Тевернера. И этот кто-то находится в другом коридоре, всего в нескольких ярдах, скрытый от него поворотом стены!

— Кто там? — громко спросил мужской голос.

Тевернер повернулся и бесшумно побежал назад, мимо комнаты Бетии и закрытой теперь балконной двери, пока не обогнул тупой угол здания. Он прижался к стене и подождал. Услышав легкий шелест приближающихся шагов, он пробежал по коридору, открыл дверь в конце его и остановился на площадке главной лестницы, прямо перед вооруженным охранником. Ружье охранника висело на плече, а в руках были две чашки кофе.

— Отставить, солдат, — сказал Тевернер командирским голосом. — Тебе повезло, что полковник спит.

Он прошел мимо охранника к лестнице. Мозг его работал четко. Вооруженная охрана в резиденции Администратора? Значит, гости, о которых упомянул Фаррел — высокое начальство, военное или какое-нибудь другое. Он, Тевернер, выбрал самую лучшую ночь, чтобы посетить Лису! Он начал спускаться по лестнице в главный холл, который казался пустым. Солдат на площадке растерянно смотрел ему вслед. Тевернер еще не дошел и до половины лестницы, когда из коридора на площадку выскочил тяжело-

весный сержант, тот самый рыжий сержант, которого Тевернер оглушил в воротах армейской базы.

— Остановить этого человека!— заорал сержант.

Тевернер метнулся вниз, перепрыгивая через ступеньки с риском упасть. Летящий прыжок вынес его на середину холла — как раз тогда, когда из швейцарской выскочил второй охранник. Столкновение отнесло Тевернера прямо на мраморную колонну. Он отступил, вроде бы не пострадав, но затем упал, как подрубленное дерево.

Швейцарская была длинной и узкой, освещенной одной холодной люминесцентной полосой, которая бросала злое-щий свет на скудную меблировку. Тевернер со скованными за спиной руками сидел на жестком стуле и пытался совладать с болью, пронизывающей его тело при каждом вдохе. «Я сломал себе ребра»,— подумал он. Зрение с трудом сфокусировалось. Рыжий сержант стоял у двери с поднятым пистолетом. Повернув глаза, Тевернер увидел Фаррела, сидевшего на краю стола. Волосы его были взъерошены, сквозь незастегнутый мундир виднелась коричневая густо заросшая грудь. Глаза горели от возбуждения.

— Ладно, сержант,— сказал он.— Можете оставить нас одних. Не думаю, чтобы тут были какие-нибудь неприятности.

— Есть, сэр.

Сержант повернулся к двери.

— Да, сержант.

— Да, сэр?

— Как только придет коробка, сразу же вернетесь сюда.

— Есть, сэр.

Сержант исчез.

— Вы мне не нравитесь, Тевернер,— сказал Фаррел, как только они остались одни.— И знаете, почему?

— Возможно, потому,— Тевернер подавил сильный позыв к рвоте,— что вы лысете, а я нет?

— Отлично, полковник. Прямо в точку.— Фаррел небрежно покачал ногой.— Причина, по которой вы мне не нравитесь, кроме этого факта, что вы, архаически выражаясь, деревенщина, состоит в том, что вы встаете мне поперек дороги.

— Собираетесь еще раз столкнуть меня с лестницы?

— Продолжаю, полковник. Как я уже сказал, вы становитесь мне поперек дороги, а я не могу позволить никому ставить мне подножку, потому что для родственника Пре-

зидента тропа уже достаточно крепка, и я хочу строить свою военную карьеру своими силами.

Тевернер хотел было насмешливо хмыкнуть, но что-то булькнуло у него в горле. Он подозревал, что это кровь.

— Это дельце с вертолетом прошлой ночью было направлено против меня. Генерал Мартинес воспользовался этим как предлогом, чтобы перевести меня на другую работу.

— Крепко, — с трудом выговорил Тевернер.

— Подобная вещь плохо выглядела бы в моей характеристике. Но теперь, когда вы так любезно предоставили себя моему попечению, все будет читаться совсем по-другому.

— Вот как?

— Да, потому что вы скажете мне, где я могу взять ваших друзей немедленно и без всякого шума.

— Сожалею, но не знаю, где они.

Тевернер забыл даже о боли в груди. Прийти в дом Лиссы в этих обстоятельствах было безумием, флиртом со смертью и, кроме того, непростительным эгоизмом. Он точно знал, где беглецы предполагали встретиться, а дни, когда мужественный человек мог утаить информацию от инквизиторов, давно миновали.

— Вы не знаете, где они? — спокойно сказал Фаррел, доставая сигару из нагрудного кармана. — Тогда вам не о чем жалеть — в этом смысле, по крайней мере.

Он закурил и непринужденно выпускал завитки дыма. Его хмурый, расхристанный вид и расстегнутый парадный мундир напомнили Тевернеру персонаж из классической оперы, и его мозг — совсем некстати — начал придумывать название к опере.

В дверь постучали. Когда она открылась, Тевернер увидел толпившихся в холле военных. Вошел сержант с черным ящичком в руке и быстро прикрыл дверь.

— Хорошо, сержант. — Фаррел погасил сигару. — Команда военной полиции не прибыла еще?

— Нет, сэр. Они в пути.

— Отлично. Это не займет много времени. Вы умеете обращаться с иглой?

— Нет, сэр.

Сержант явно чувствовал себя неловко.

— Ничего сложного. Воткните ему в шею и нажмете поршень. А пока — дайте-ка мне это. — Он указал на пис-

толет сержанта и нетерпеливо пошевелил пальцами, пока пистолет не лег ему в руку. — Теперь — начинайте.

Сержант открыл ящичек и достал гиподермический шприц, извиняющимися глазами глядя на Тевернера. Сердце Тевернера забилося. Он не был уверен, что именно было в шприце, но не сомневался, что через несколько секунд после проникновения этого препарата в кровь он выболтает Фаррелу все, что тот хочет знать. Он безуспешно пытался снять наручники, в то время как его нервы выкрикивали невыносимое отчаяние: «Отец, мать, простите меня, простите меня...» Этот безмолвный крик замолк, когда Тевернер нашел единственный выход в зияющую, милосердную беззвездную ночь.

Он низко опустил голову и позволил сержанту вогнать иглу. Боли не было, лишь ощущение дергающего жара. Он подождал, пока вынут иглу и руки сержанта расслабятся, а затем стремительно вскочил со стула головой вперед.

Фаррел, все еще сидевший на краю стола, был так удивлен, что не успел отклониться. Тевернер опрокинул его на спину и впился зубами в его горло.

Он слышал прерывистое дыхание Фаррела, чувствовал дуло пистолета на своем боку. Пистолет щелкнул раз, второй. Тяжелые пули прошли через грудную клетку, и смерть расцвела перед глазами Тевернера, как черная роза, раскрывающая лепестки ночи.

И он упал в нее, благодарно отдавая жизнь, которая никогда по-настоящему не принадлежала ему.

Глава 11

Мелисса Гренобль не знала, долго ли она простояла у высокого окна, прижавшись лбом к холодному стеклу.

Заря нарисовала призрачные серые арки на небе, когда Лисса увидела, как выносят металлический контейнер с телом Мака Тевернера. И когда военный грузовик поехал с легкомысленной скачущей скоростью, у Лиссы потекли слезы. Она перебрала в памяти каждую минуту, проведенную с ним, горечь утраты длилась вечность — однако мир снаружи не изменился: все еще была заря, сверкающий серебряный туман лежал над миром и искажал перспективу так, что здания Центра стали обрубленными силуэтами.

Стекло как бы вытянуло весь жар из ее тела, но она не могла уйти. Одно слово звучало в ледяном холоде ее мозга:

почему? Почему? Почему? Что было сутью всей жизни Мака? Почему смерть так рано коснулась его, потребовала его к себе до финального факта суетности?

Под печалью лежало тупое чувство оцепенения. Когда она впервые встретила Мака, на нее произвели впечатление его физическая сила и самостоятельность мышления. Но его самоуверенность, его преувеличенная сдержанность во всем, что касалось проявления эмоций, отталкивали ее, как и всех, кто встречался с ним.

Но она увидела и совсем другого Мака Теввернера, который смотрел на все аспекты жизни с безграничным сочувствием. Она старалась выявить этого скрытого Мака и нашла новый уровень выполнения этой высшей формы созидательного искусства. Их последняя ночь была доказательством, в котором она нуждалась...

И теперь она спрашивала себя, можно ли поверить, что ориентировавшийся на смерть Мак сыграл свою высшую игру, что он пришел из леса, как волк-убийца и был застрелен в зверином акте убийства. Джервез показывал ей свое изорванное горло, но она вспоминала спокойные мученические глаза Мака и трясла головой, инстинктивно отступая.

Был и еще один фактор, на интеллектуальном уровне: она знала фантастическую компетентность Мака. Если бы он пришел ночью как убийца, он выполнил бы свое намерение быстро, тихо и профессионально. Но какова же альтернатива? Из глубины ее тела пришел шепчущий ответ — дрожащий, грустный, убедительный. Может, Мак услышал о ее помолвке, и это известие пустило по ветру весь его инстинкт самосохранения. Не потерял ли Мак свою жизнь из-за любви к ней? Если это так, она не станет женой Джервеза, да и ничьей вообще...

— Лисса, — раздался за ее спиной слабый голосок. — Лисса!

Она повернулась и увидела поднятые к ней серые глаза Бетии, наполненные слезами, и вспомнила, что ребенок и Мак испытывали друг к другу удивительную привязанность.

— Что с тобой, Бетия?

Лисса встала на колени, чтобы ее лицо было вровень с торжественным, неправдоподобно идеальным лицом Бетии. Неожиданно они обнялись.

— Не кричи, Лисса. Я чувствую, что ты молча кричишь. Я чувствую боль.

— Я не могу удержаться. Не могу. Ты не понимаешь.— Лисса почувствовала, что ее самоконтроль ускользает с возрастанием эмоционального давления. Бетия, странная маленькая Бетия была единственной в мире, кому она могла доверить свои мысли.— Я думаю, что Мак приходил увидеть меня. Я думаю, что я виновата в... Ох, Бетия, я не могу больше оставаться здесь.

— Но... куда же ты пойдешь?

— Не знаю. Может быть, на Землю. Я должна уехать.

— Значит, ты не выйдешь за полковника Фаррела?

— Нет, я...

Лисса почувствовала, как тонкое тело Бетии напряглось и оттолкнулось от нее.

— Мак был прошлой ночью в моей комнате. Я говорила с ним.

Лицо у Бетии изменилось и стало надменным как у маленькой императрицы.

— В твоей комнате!— горло Лиссы сжал безотчетный страх.— Зачем?

— Он там прятался. У него был нож, он сказал, что ударит им меня, если я пикну.

— Я не...

— Это правда.— Бетия внезапно как бы стала выше ростом. Глаза были невидящие, голос звучал неумолимо, безжалостно.— У него был нож. Он сказал мне, что собирается убить полковника Фаррела.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭГОНЫ

Глава 1

Боль. Быстро нарастающая, быстро спадающая.

Дислокация. Переход. Пробуждение.

Звезды можно пробовать на вкус. И слышать. Звезды можно также и видеть, но как — это не сразу понятно.

Пространство не черное. Оно бежит, кружится и переливается тысячью красок, видимый спектр которых скрывается лишь на долю минуты. Наиболее рельефным в этом регионе является восхитительная пульсация и перемещение цветов, разброс частиц новых звезд, сталкивающихся с вездесущим водородом межзвездного пространства.

Процесс обретения этого знания пока тоже не ясен.

Щедрое солнце плывет в медленном величии, свободно предоставляя свою помощь. Еще ближе планета горит особым, божественным нейтральным огнем обитаемого мира. И вокруг колышется Мать-масса, обширная, устрашающая, вечная...

«Я думаю, что я все-таки жив». Невероятное понимание не сопровождается шоком — нет ни регулирующих желез, ни потока крови, ни органических насосов, но сознание Тевернера — радужный мост к ближайшему окружению.

Серебряно-голубое облако придвинулось ближе. Разреженный овоид слабо светящегося газа, однако Тевернер, благодаря своему новому восприятию, увидел в нем человеческое лицо. Облако также походило на молодого сильного мужчину в военных доспехах, сгорбленного старца, улыбающегося мальчика, свернувшегося зародыша, слившихся в единое целое.

«Добро пожаловать в жизнь! Не бойся. Я — Лабинус».— Одновременно пришли три мысли.

«Я не понимаю».

Тевернер осознал, что его мысль преодолела пространство. Он почувствовал тепло и уверенность — живой?

Вблизи плавали другие овоиды. Он настроил свое восприятие, и осведомленность изменилась. Пространство наполнилось сияющими индивидуальными лицами. Бесчисленные миллионы лиц.

«Я помогу тебе, ты быстро приспособишься. Войди в меня».— Лабинус подошел ближе.

Тевернер сообразил, что он тоже блестящий овоид. Затем с его мозгом слился другой мозг. С первого же мгновения контакта он узнал Лабинуса лучше, чем знал кого-либо в жизни — пережил его детство на севере Франции во времена цезаря Августа, солдатскую службу в Седьмом легионе в Галлии, Британии и Африке, выход в отставку в звании центуриона, жизнь на маленькой ферме, воспитание четверых сыновей, смерть летним жарким вечером на открытом воздухе, под дубом...

Тевернер отодвинулся, чувствуя себя неловко.

«Расслабься. Верь. Отдай себя»,— сказал Лабинус.

Тевернер снова вошел в контакт и на этот раз не почувствовал неудобства, потому что он и Лабинус были братьями, делившими рождение, жизнь и смерть. Он смутно и благодарно понял, что Лабинус впитал изгибы его, Тевернера, жизненной линии, и это не было неприятно. Они смешались, как распутившиеся цветы и насекомые вокруг них, и окрасили пространство безымянными оттенками энергии, а твердые звезды хрустели, мягкие звезды шептали, и питание шло от солнца, и Мнемозина горела жизнью, и Мать-масса растягивала вокруг свои бесплотные ветви...

Знание, объективное и молчаливое, затопило Тевернера.

«Главная и универсальная единица жизни — эгоны,— сообщил Лабинус.— Они создают облака энергии в межзвездном пространстве, питаясь мельчайшим количеством энергии звездного света. Они рождаются непрерывно, потому что эгон в своем первичном состоянии впечатывает свой рисунок в поток первобытной энергии и таким образом создает других своей породы».

«Ты — эгон?»— мозг Тевернера шагнул вперед.

«Да».

«А я?»

«Тоже».

«Самоподдерживающийся образец энергии.— Тевернер сделал интуитивный скачок.— Это означает...»

«Да. Ты бессмертен».

«Бессмертен!— Галактики, кажется, остановились в своем движении.— Но если я родился в космосе... здесь... почему же я жил как человеческое существо?»

«В первичном состоянии эгон не имеет личности,— продолжал Лабинус.— Он лишь сущность жизни и имеет противознтропическую тягу вперед к более высокой ступени организации. Он достигает этого путем установления связи с новосотворенным существом, живущим в физическом плане. Существо-хозяин может быть человеком, животным, птицей, рыбой — любым существом, имеющим определенный уровень врожденной сложности нервной системы и способным к развитию. В пространственно-временном континууме так много эгонов, что каждое разумное или полуразумное создание, которое когда-либо существовало, имеет прикрепленного к нему эгона».

«Я все-таки не понимаю».

«Являясь частью окружения, идеально подобранный к межзвездной среде эгон не вынужден развиваться. Он останется навсегда несамостоятельным кочевником панспермической мысли-массы, но инстинкт движения вперед к высшей стадии бытия влечет его к формированию связей с тем существом, которое родилось во враждебном окружении, заставляющим его развивать свои силы, чтобы существовать».

«Значит эгон — дубликат?»

«Когда физический хозяин растет и зреет, его центральная нервная система становится невероятно сложной через взаимодействие тела с окружающей средой. Это развитие соответствует во всех деталях развитию эгона. Но когда хозяин умирает, эгон освобождается от своего добровольного рабства. Снабженный индивидуальностью, высшей сложности рисунком самоподдерживающейся энергии, он возрождается в своем наследии бесконечной жизни.

Итак, смерть хозяина — просто дверь в новую жизнь, потому что он эгон».

Поток информации затоплял Тевернера, и он снова чуть-чуть отделился от Лабинуса, нарушив мысленный контакт. Вселенная толпилась вокруг него, пылая мириадами энергетических красок, полная движения и жизни.

«Слишком много», — сказал он.

«Не беспокойся. Привыкнешь: Время есть».

Мысли, направляемые к нему Лабинусом, в сущности, не были одновременными, как теперь понял Тевернер, когда заметил, как быстро его мыслительные процессы становятся равными процессам Лабинуса. Холодный энтузиазм зашевелился в нем, когда он начал усваивать истину о феномене, именуемом Жизнь.

«Я еще не очень ясно понимаю, — передал он. — Мак Тевернер — мое физическое тело — мертв, однако я жив».

«Да. Одна копия книги сгорела, но другая цела».

«И я никогда не умру?»

«Ты никогда не умрешь. — По лицу Лабинуса прошла тень. — От естественных причин...»

«Значит мои родители живы?»

«Подожди. — Пауза. — Да, твои родители живы».

«Я могу говорить с ними?»

«Возможно, при случае. Они — часть субмассы».

Энтузиазм Тевернера возрастал. Это было странное, холодное пламя, оно показалось ему тревожным, но его мозг прыгнул вверх, в вечную среду сверкающей нервной энергии, бьющей на слиянии двух великих потоков человеческой мысли: спиритуализма и материализма. Классические религии Земли, формулировки древних инстинктов Мака доказывались нитями чистой силы, размножающейся среди звезд. Жизнь вечна; вначале она связана с телом, но независима от него. Смущение и страх вторглись в сознание Тевернера — вечность, бесконечность...

«Ты не одинок в пути», — мягко сказал Лабинус, и за его мыслями мерцали концепции еще более обширные, чем те, что уже влились в мозг Тевернера.

Мать-масса! Тевернер глядел в пугающе яркое облако, окружавшее Мнемозину, и потребность, которая всегда составляла большую часть его жизни, хотя он и не знал об этом, внезапно была удовлетворена. Родилось ощущение свершения и полноты, смешанное с эмоциями, превышающими эмоции человеческой копии.

«Скажи мне!»

«Нет надобности говорить, мой друг. Все, во что ты верил, — правда. — Лабинус готовился отойти. — Иди с жизнью».

«Ты пойдешь со мной?»

«Позднее. Надо принять других».

Тевернер почувствовал, что его тащит к Матери-массе,

сначала медленно, потом с усиливающейся скоростью. Пространство было заполнено эгонами. Он проходил сквозь них, они сквозь него. При каждом контакте обменивались жизнями, сознание Тевернера распухало от памяти тысяч существований, но он все еще был на внешних границах Матери-массы. Знание его судьбы распускалось в нем самопроизвольно...

Эгоны — существа общительные, объединенные какими-то приближающимися к бесконечности связями через взаимодействие их личностей. Они не покидают живущих особей на их родной планете до тех пор, пока жизнь полностью не иссякнет в этом мире. На этой стадии, когда история жизни полностью закончена для планеты, невообразимо обширная корпорация личностей, составленная из всех разумных существ, когда-либо живших на планете, покидает ее.

Затем происходит бесконечное паломничество через вечность к интеллектуальным приключениям, что вне пределов понимания любого единичного мозга. Возможно, для прохода через другой континуум, когда этот континуум умирает от смертельного накала, чтобы оплодотворить новые миры, вдохнуть жизнь в миллиарды свежих планет; возможно, для того, чтобы объединиться с другими мировыми мозгами, и объединяться снова и снова в поисках Предела.

Жажда Тевернера к абсорбции росла, и с ней росла и его скорость. Сияющие ветви эгон-массы открылись, сложились вокруг него, обволокли. Затем пришла боль. Тевернер остановился.

«Жизнь,— закричал он в страхе,— ты отталкиваешь меня?»

Ответ пришел со всех сторон сразу.

«Нет, мой друг, не отталкиваю. Загляни в себя».

Он повернул свой мозг внутрь. Боль зародилась глубоко внутри его собственного существа, но, однако, пришла снаружи. Не из реального снаружи, где все было заполнено блеском разбросанных красок, но из другого снаружи, из ограниченного, тоскливого сна-существования, которое он знал до... до... Ощущение нежелания, отвращения, но физическая связь была еще очень сильна, и он был вынужден вспомнить... до... до того, как Джервез Фаррел спустил курок. Фаррел убил Тевернера, но было что-то еще, что в это время казалось более важным. Недовольство Тевернера росло: неизвестная сила держала его, привязав к обстоя-

тельствам темной игры, в которой он когда-то участвовал. Он хотел... он хотел, чтобы это случилось... Он вынудил Фаррела убить его, потому что... потому что иначе Тевернер выдал бы информацию, которая привела бы других к смерти.

Несмотря на его сопротивление, воспоминания вернулись: КОМсэк, устроивший штаб-квартиру на Мнемозине, война с сиккенами, видение красивого женского лица, странно затемненного... Лисса!

Тевернер растерялся. Лисса. Она держала его. Но как? И зачем? Возможно ли, что смутно припоминаемая вещь звалась любовью и вызвала такие прочные цепи, что он не мог разорвать их? Холодная ярость разлилась в нем.

«Отпустите меня,— просил он,— я должен жить. Я требую своей жизни, отказываюсь быть связанным с тьмой».

«Потерпи,— прошептал ближайший эгон.— Перед тобой вечность».

«Как я могу ждать, когда я познал Жизнь?»

«Ты должен ждать,— мысль была полна сострадания,— до тех пор, пока связь не порвется».

«Но я не...»

Мысль Тевернера потерялась, потому что Вселенная вокруг него взорвалась в хаосе. Эгоны бросились через него в неожиданном бегстве, из них выбивался страх, как кровь из артерии. Цвета угрожающе изменились, Мать-масса корчилась и кричала миллионами беззвучных голосов, и два черных крыла прокладывали свой быстрый и жестокий путь через центр мальстрема.

Крылья резко свернулись и исчезли.

По их следам шло молчание и чувство непереносимой скорби. Возобновив контакт, Тевернер почувствовал пульсирующую сквозь него печаль, а с ней невероятное сознание, что эгоны мертвы. Эгоны — наследники вечности — убиты черными крыльями, и боль, испытываемая их товарищами, бесконечно сильнее той, что чувствует человек, стоящий на коленях у смертного ложа любимой. Скорбь переполнила Тевернера, вытеснив из его мозга все мысли.

Через какое-то время он вернулся к области сознания.

«Я видел два черных крыла. Это... враг?»

«Нет, это не враг».

«Я не понимаю».

Пауза, и Тевернер почувствовал, что сейчас узнает о чем-то худшем, чем существование неумолимого врага.

«Единственные существа, могущие уничтожить эго-

нов, — это люди, и они делают это, даже не зная о нашем существовании».

«Но крылья...»

«Крылья космических кораблей Федерации, прибывших на Мнемозину, мой друг. Крылья бабочек-кораблей».

Глава 2

Каким-то образом смерть укрепила физическую связь Тевернера с Лиссой.

Неизменившиеся элементы его характера, отзываясь на положение эгонов, казалось, возобновили для него эмоции темной игры. Интенсивная боль в бесформенных контактах напомнила ему, что человечество тоже стояло перед эквивалентом черных крыльев — сиккенским воином. Принципиальное различие было в том, что сиккенская психология, культура, мотивы их желания уничтожить человечество были непонятны людям, в то время как эгоны прекрасно знали природу своего бедствия.

Межзвездный двигатель Буссарда, названный так после двадцатого столетия по имени физика, задумавшего его, использовал в пространственной обстановке принципы обычного реактивного двигателя — в том, что касалось окружающей среды. Два огромных магнитных поля, протянувшиеся в космосе на сотни миль от корабля, стремились ионизировать материю, чтобы использовать ее и как рабочую газообразную среду для обеспечения реактивной массы, и как источник энергии для термоядерного реактора. Суперпроводящие наносы, создаваемые полями, предназначались для отклонения тяжелых частиц от жилых помещений и других чувствительных отделов корабля.

В первоначальном чертеже Буссарда было показано, что ионизацию среды перед кораблем будет производить внешнее оборудование, но развитие лазерной энергии дало другой ответ. Изливая энергию гамма-лучей в подходящую звезду, можно заставить ее стать Новой, благодаря чему тысячи кубических световых лет космоса будут заполнены энергетически мощной материей. Торговые пути Федерации были вымощены обломками уничтоженных звезд. Природа Галактики изменилась от встречи с диктатом человеческой торговли. В этих неестественно активных районах корабли могли эффективно увеличивать скорость до шестикратной световой, при которой тахионная форма обретала

жизнь, и поэтому никто, кроме горстки философов и поэтов, никогда не протестовал против беспримерной беззаботности человеческого рода по отношению к влиянию их проектов на структуру континуума.

Похожие на крылья магнитные поля дали космическому кораблю его популярное название — баттерфляй-корабль.

«Прелестное, причудливое название, — думал Тевернер, — для величайшей трагедии, в которую когда-либо попадала человеческая раса».

Когда контакты с окраинной эгон-массы стали тверже и более многогранными, он обнаружил, что мрачное сознание этой трагедии растет в нем, но не в границах мыслей и идей, а в чистых концепциях. Плывя между странными перспективами красоты и новых красок, он рассматривал эти концепции. В его мозгу повернулся ключ, дверь открылась и из незнакомого угла брызнул резкий свет на прошлую жизнь Тевернера, на всю человеческую историю.

Как только разумная жизнь зашевелилась по лику Земли, вокруг образовалась эгон-масса, сосредоточившись не столько на самой планете, сколько в ее биосфере, на разнообразных, однако связанных между собой формах жизни. В эгон-массу входил всякий мозг, когда-либо существовавший на Земле. Гений, дурак, хмурая обезьяна, спящая собака, убийца, святой, дикарь, физик — все были там. Трепетно-прекрасные эгоны детей, умерших в материнской утробе, смешивались с цезарями, отдавая то, что восприняли, и внося свой особый вклад в эгон-массу для полной комплектации — мировой мозг Земли должен включать в себя каждый фрагмент жизни.

Обширный резервуар сознания не мог быть перехвачен непосредственно человеческой, относительно грубой нервной системой, но мог общаться с живыми существами с помощью разреженных облаков энергии. Тому пример древний феномен вдохновения. Артисты, писатели, ученые всем своим существом желали решить свои проблемы, и иногда, если им везло, передняя часть мозга достигала контакта с эгон-массой и извлекала нужное знание. Человеческая мысль — хроника таких заимствований из запаса опыта и мудрости расы. Многие по вдохновению чувствовали существование великой внешней силы, которая предстала перед ними, чаще всего во сне, с полным решением задачи. Люди бывали потрясены этой природой сообщения. Музыканты и поэты рассказывали, как произведения приходили к ним готовыми, со всеми деталями сразу, без вся-

ких усилий с их стороны, и их творческая работа состояла лишь в том, чтобы как можно скорее положить это на бумагу, пока видение не поблекло.

Вот таким образом, при поддержке неистощимой класовой гениев своей расы, человек сумел получить в собственность звезды — пока не появился баттерфляй-корабль.

Мерцающие магнитные крылья срывали громадные ряды эгон-массы, убивая эгонов миллионами, смахивая прочь мировой мозг человечества, его гениев, его наследие бессмертия, все...

Тевернер неожиданно понял, почему война с сиккенами шла так неудачно. Впервые за всю свою историю люди были вынуждены стоять голыми перед мощным противником — без своих гениев, их силы неравноценны. Призрачные контуры величайшей истины всплыли на миг на горизонте мозга Тевернера, но поток мыслей отнес его к легендам о Мнемозине — планете поэтов, последнем редуте человеческого духа...

Единственная планета в Федерации, где не могут действовать баттерфляй-корабли.

Эгон-масса Земли разметена, и копии с других планет Федерации бежали на Мнемозину, но очень немногие могли думать и творить, и ловить вдохновение так, как они привыкли. Мозг Тевернера пылал, когда возобновившиеся воспоминания зажигались новоприобретенным знанием.

МАКРОН, громадный компьютер, используемый для ведения войны, заставил КОМСЭК перевести штаб-квартиру на Мнемозину. Имея в своем распоряжении все сведения и факты, не начал ли МАКРОН доходить до смутного, бледного понимания? Не шевельнулось ли псевдосознание в его металло-керамическом мозгу и не установило ли подспудную истину всякого проявления жизни? На эмпирической основе, возможно, МАКРОН вытащил Тевернера с фронта и сделал его дизайнером оружия. Он, конечно, обратил внимание на необычно высокую концентрацию интеллектуалов на Мнемозине. Но способен ли МАКРОН связать эту особенность с астрономической особенностью, которая отгораживала планету от баттерфляй-кораблей? Есть ли у него мотивировка или авторитет, чтобы дать команду, которая спасет человечество от исчезновения?

Тевернер почувствовал, как растет в нем страдание, когда осознал, что время человечества, время Лиссы и Бстии истощается, что человек должен отозвать свои велико-

лепные, но смертельные корабли и сражаться другим оружием до тех пор, пока его гений не возродится и не вернется к нему, если...— мысль ударила, как молотом,— если еще не поздно.

Он вдруг обнаружил, что эгоны как бы отделились от него. Его мысль перекинула мост к ближайшему — Кистра-Гурле, умершему около пяти тысяч лет назад, члену недолго существовавшей североафриканской цивилизации, о которой археологи не подозревали. Он ковал мечи и умер в сравнительно молодом возрасте от аппендицита.

«Что мне делать?»

«Делать?— Кистра-Гурл послал холодную симпатию.— Я чувствую твою боль, Мак Тевернер, но помочь не могу. Потерпи, связь оборвется со временем».

«Дело не во времени. Это не касается лично меня».

«Твоя боль растет на связи. Когда ты освободишься, ты перестанешь смотреть сквозь темное стекло физических глаз. Ты поймешь, что для человечества лучше всего вымереть сейчас, пока крылатые корабли не разрушили большую часть мирового мозга».

«Я не могу даже думать об этом»,— запротестовал Тевернер.

«Это из-за связи. Помни, что ты живешь теперь потому только, что твой эгон избежал уничтожения. Каждый раз, когда корабль проходит через нас, многие эгоны умирают настоящей смертью. Люди, еще живущие на Мнемозине, также осуждены на настоящую смерть, если их эгоны погибнут».

«Я знаю. И знаю, что неправильно предпочесть протожизнь истинной, но... А что это за связь? Это случилось и с другими?»

Мысль Кистра-Гурла окрасилась усмешкой.

«Это случилось и с другими до тебя, но феномен усиления чрезвычайно редок, с тех пор как наука победила романтизм».

«Навязчивые вещи! Я не могу...— Тевернер прервал мысль.— Почему ты отключился?»

Он увидел, что пространство между ним и окружающими эгонами увеличилось, и он остался в центре сияющей сферы чувств.

«Что-то случилось,— пришла слабая мысль Кистра-Гурла. Потoki страха прошли через его мозг.— Я думаю, что тебя призывают, Мак Тевернер. Мать-масса зовет тебя».

«Не надо!»

Тевернер отреагировал внезапным страхом на то, что сфера вокруг него приняла сначала форму яйца, потом конуса, затем открылся туннель, идущий под эгон-массу, под лунные обломки Мнемозины, глубоко в сердце мирового мозга. Тевернер хотел отступить, но непреодолимая сила закрутила его и потащила в туннель, все быстрее и быстрее, в то время как миллионы личностей проносились мимо него; мысле-образы мужчин, женщин, детей, птиц, всевозможных животных смешивались, бежали вместе, возникали в едином объединении личностей Земли, граждан непостижимого суперобщества, живущего вечно.

«Я не готов», — прорыдал Тевернер, почувствовав, что спуск замедляется.

И остановился.

Слепящий блеск полыхал вокруг него; он уже ничего не сознавал, кроме идеально-правильной сферы, парившей в центре мирового мозга.

Затем его чувства успокоились, и он заметил, что сияющая как солнце сущность — не один эгон, а множество, абсолютно гармоничное, составляющее единый устрашающий образ Мозга. Личности-образы непрерывно объединялись и перемешивались. Когда высшее психическое давление подавило энергию мыслей Тевернера, он осознал, что в это объединение входят да Винчи, Христос, Аристотель...

Перегруженное сознание Тевернера смялось.

Мыли суперэгона были чисты и ясны, как призматические кристаллы бриллиантовой огранки.

«Этот человек связан с основным инструментом?»

«Да».

«Будет ли связь поддерживаться точным двухсторонним общением?»

«Нет, как мы предсказывали».

«Он готов вернуться?»

«Да».

«Физические условия удовлетворительны?»

«Да».

«Он совместим с генной структурой Типа II?»

«Совместим».

«Делайте. Вильям Ладлем будет общаться с нами».

Давящие на Тевернера оковы несколько ослабли. Один эгон пошел на контакт с ним, и Тевернер впитал его личность. Вильям Ладлем родился в Лондоне в 1888 году в бедности, стал трубочистом в шестилетнем возрасте и через три года погиб от удушья в переходах трубы банкир-

ского дома в Кенсингтоне. В Тевернере проснулась жальность, но вскоре утихла. Он коснулся ясного интеллекта, безграничная мощь которого, родился он в других условиях, могла бы оказать влияние на историю двадцатого века и изменить ее; как эгон, он достиг уровня свершений, какие недоступны обычному мозгу.

«Мак Тевернер,— послал мысль Ладлем,— ты знаешь, почему ты не был втянут в Мать-массу?»

«Да. Я...»

«Не тревожься. Мы разделяем твое продолжающееся беспокойство за судьбу человечества».

Удивленный явным противоречием — от других эгонов он узнавал совсем другое,— он попытался исследовать дальше мозг Ладлема, но наткнулся на непроницаемый барьер.

«Я должен сказать тебе,— продолжал Ладлем,— что, при некоторых превалирующих обстоятельствах, для развитого эгона возможно возвращение в физический план».

«Как?»

«Если мы предложим тебе вернуться в физическое существование на Мнемозину, чтобы ты мог попытаться исправить роковую ошибку, заключающуюся в использовании людьми баттерфляй-кораблей, согласишься ли ты?»

«Ты знаешь, что соглашусь».

Мысль о том, чтобы прервать свое существование как эгона, была тяжела Тевернеру, но он видел странно потемневшее женское лицо и чувствовал боль Лиссы.

«Я должен».

«Несмотря на возможные последствия? Я упоминал, что такое перемещение приемлемо при определенных условиях».

«Я согласен на любые условия».

«Хорошо.— Мысли Ладлема наполнились симпатией.— Физические условия, при которых возможен переход, следующие: развитый эгон может снова появиться в физическом плане, если генетическая структура второго хозяина соответствует структуре первого. Иначе говоря, когда второй хозяин — прямой потомок первого».

Через Тевернера прошла волна разочарования.

«Тогда это невозможно. У меня нет...— Мысль его резко оборвалась предчувствием, сковавшим его мозг.— Ты хочешь сказать, что Лисса?...»

«Сын,— заверил Ладлем.— Эмбриону почти два месяца».

«Я не знал. Не имел представления».

«Она одна знала это. Исключительное давление ее общественного положения, боязнь за карьеру отца и здравый смысл заставили ее скрыть беременность».

«Фаррел!— Тевернер понял и вздрогнул, как от физического удара.— Так вот почему она вышла замуж за Фаррела!»

«Именно. Ну, твое решение не поколеблено?»

«Я...— Тевернер не сразу мог связать свои мысли.— Я откажу в жизни собственному сыну...»

«Только в протожизни. Его эгон будет отозван. Мы гарантируем ему место вблизи центра Матери-массы».

Тевернер колебался, но снова увидел затуманенное женское лицо.

«Я принимаю».

Обширный интеллект эгон-массы поднял его, и его личность сфокусировалась на почке мозга зародыша в чреве Мелиссы Гренобль.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СИККЕНЫ

Глава 1

Джервез Фаррел не сразу понял, что его разбудило.

Он лежал на боку, сонно глядя на высокие окна, за которыми сине-черный в утреннем холоде океан прочерчивался белыми гребнями пены. В утреннем свете следы ног на бледно-зеленом ковре спальни казались слабыми серебряными полосами. В комнате было тихо. Что же встревожило его? Он расслабился, так как здесь не было страшного сна от вибрации пистолета в его руке, о мертвом окровавленном теле, навалившемся на него.

Мысли Фаррела отвлеклись от жуткого мига в швейцарской и переключились на яркие сцены свадьбы, состоявшейся пять дней назад. Жаль, что Мелисса была так нетерпелива — путешествие на Землю и церемония в столичной церкви Берлина запомнились бы на всю жизнь. Тем не менее факт, что он женился на посту и даже не просил отпуск на медовый месяц, произведет благоприятное впечатление там где надо. А нетерпение Мелиссы само по себе было комплиментом, даже если ее последующие действия были слегка разочаровывающими. Ясно, что ее нужно ласково, осторожно обучать, прежде чем ее великолепное тело отдаст то, на что оно способно. Мысль о теплой тяжести ее груди тайно опустилась в его руки и через давление на пальцы включила голодный позыв в его теле. Он перекатился на спину и тут только понял, что его встревожило: Мелиссы не было.

Он задумчиво уставился в потолок. Уже третий раз за эти пять дней о просыпался и обнаруживал, что он в постели один, и это было странно. Он тихо поднялся и толк-

нул дверь в гардеробную Мелиссы. Комната была пуста. Он прошел через нее в ванную. Мелисса согнулась над раковиной; ее рвало, полосы слез тянулись по щекам.

— Милая, что с тобой?

Он подошел к ней.

— Ничего.

Она выпрямилась и улыбнулась.

Ее реакция показалась Фаррелу совершенно неестественной. Нечто чудовищное возникло в его мозгу.

— Ты больна? Что с тобой?

— Ничего,— Мелисса продолжала безнадежно улыбаться.— Нервы, наверное. Сейчас все пройдет.

— Это случается каждое утро,— обвиняюще сказал он.

— Не глупи.

Мелисса пыталась обойти его голое тело. Он схватил ее за плечи одной рукой, а другой рванул черную дымку ее ночной сорочки вниз, до талии. Вены на ее грудях казались синими в утреннем свете, а припухшие соски имели коричневый оттенок.

Пол в ванной закачался под ногами Фаррела, а рука стала размахиваться в жестких шлепках ладонью, в то время как все его сознание утонуло в резких регулярных звуках, вырывавшихся из его легких, которые нагнали воздух, как архаические кузнечные мехи.

Когда к нему вернулся здравый смысл, он отвел Мелиссу в спальню, уложил в постель и с ледяной заботливостью укрыл простыней отпечатки ладони на ее теле. Дрожащими пальцами он взял сигару из ящичка на ночном столике и закурил. Мелисса плакала, но без надрыва, и Фаррелу показалось, что случившееся принесло ей облегчение.

— Кто отец?— Он старался говорить спокойно.

— Это все в прошлом. Я хочу забыть его имя.

— Ясно.— Фаррел разглядывал пепел сигары.— Избавься от плода.

— Нет!

Мелисса нервно засмеялась, и Фаррел вдруг испугался ее.

— У тебя нет выбора.

— Разве?

Фаррел подумал о реакции его семьи, экзальтированной, безжалостной, и о препятствиях, которые уже вставали на его пути, пока он шел долгой одинокой дорогой, ко-

торая, как знал он один, могла привести его на пост Верховного Президента.

— Ладно,— сказал он наконец,— оставляй ублюдка. Но имей в виду: в твоих же интересах было бы избавиться от него сейчас.

Хелберт Фаррел родился в госпитале военной базы на Церуле ранним сентябрьским утром. Роды прошли легко и без осложнений, и через два дня Мелисса вышла из госпиталя и въехала в белую виллу, которую ее муж построил на южных утесах Центра. Джервез Фаррел встретил появление ребенка с большим энтузиазмом. В редких случаях, при необходимости, он объяснял друзьям-офицерам раннее появление ребенка тем обстоятельством, что жил под одной крышей с Мелиссой за два месяца до брака. Он гордо позировал перед камерами армейского отдела общественных отношений, поднимая ребенка над головой или над балюстрадой балкона своего дома. Он ни разу не уронил Хелберта, но Мелисса постоянно следила за ним тревожными глазами. А к тому времени, когда мальчику исполнился год, у нее был рассеянный, отсутствующий взгляд полностью отошедшей от жизни женщины.

Глава 2

Возможно, присутствие учительницы спасет его. Хэл Фаррел не был уверен, но надеялся на это со всем жаром, на какой способен шестилетний мальчик.

Он влез в пижаму, пошел в ванную и стал чистить зубы, относясь с большой осторожностью к выпадающему переднему зубу. Если резко задеть его, щетина может попасть между десной и основанием зуба. Это всегда больно и ведет к неприятностям, потому что от любой боли Хэла рвало. Даже мысль о боли вызывала у него легкое головокружение. Разумно предполагая, что зуб когда-нибудь выпадет, Хэл вышел из ванной.

Чтобы спуститься вниз, ему надо было пройти мимо собственной спальни. Он задержался, и у него пересохло в горле, потому что в спальне темнели неопределенные предметы. В его мозгу мелькнуло новое стихотворение, которое Билли Софер принес сегодня из школы. Несмотря на уверения Билли во время переговоров о цене, слова, казалось,

сейчас утратили свою магию. Но кроме них у него ничего не было, и он благоговейно прошептал:

Раз, два, три,
Ты не можешь тронуть меня.
Во имя Джей Си,
Ты не можешь тронуть меня!

На последнем слове он промчался мимо спальни и затопил вниз, едва касаясь ступеней. У двери гостиной он остановился перевести дыхание и услышал чистый мелодичный голос мисс Пельгрейв.

— Я знаю, что Хэл очень взвинчен, полковник Фаррел,— говорила она,— в этом все дело. Я уверена, что пребывание в детской драматической группе поможет ему расслабиться. В конце концов сценическая игра всегда признавалась прекрасной терапией для...

— Терапия!— Отец пренебрежительно засмеялся.— Мой сын не душевнобольной.

— Я и не говорю этого, полковник. Просто у него такие способности к речи, что это будет хорошей отдушиной для него. Вы знаете, что его успехи в устной передаче и в чтении далеко превосходят...

— Хэл может и дома говорить и читать, сколько угодно.

— Но для Хэла было бы очень хорошо получить чуточку больше,— сказала мать, и сердце Хэла подпрыгнуло от радости. Может быть, ему все-таки разрешат ходить в общественный центр.

— Мы ценим вашу заинтересованность, мисс Пельгрейв,— продолжал отец небрежно,— но мы понимаем особые проблемы нашего сына лучше, чем — простите меня — тот, кто видит его час в день.

Чувствуя конец разговора по голосу отца, Хэл решил, что должен немедленно войти, если он хочет сказать «спокойной ночи», пока мисс Пельгрейв еще не ушла. Он открыл дверь. Троё взрослых сидели за круглым кофейным столиком. Мисс Пельгрейв повернула темную полированную голову к Хэлу и улыбнулась совсем по-другому, не так, как в классе.

— Я... я пошел спать,— сказал Хэл, остановившись на пороге.

— Тебе еще рано.

Отец смотрел на него, размешивая кофе, а мать засты-

ла, протянув руку за ломтиком кекса с выражением сосредоточенности на бледном пухлом лице.

— Устал?

— Да. Ну... Спокойной ночи.

— Минутку, парень.— Отец засмеялся, белки глаз ярко блеснули на его темном лице.— А где наш поцелуй на ночь?

Хэл понял, что его планы провалились. Он сначала подошел к матери. Она на миг прижала его к массивным склонам груди, и он почувствовал, что ее челюсти уже готовы жевать. Жевала она беспрерывно, днем и ночью. Она поцеловала Хэла липкими и сладкими губами. Хэл повернулся к отцу. Тот обнял его с притворно-дружеской грубостью, прижал колючий подбородок к щеке Хэла и зашептал страшные слова:

— Они ждут тебя наверху, я видел их.

Хэл бросил взгляд на мать, мысленно умоляя ее услышать слова отца, но она с хмурой сосредоточенностью выбирала второй кусок кекса. Когда-то, вспомнил он, она, казалось, верила ему, когда он рассказывал, что говорит отец, и поднимался страшный скандал, но теперь ее мысли где-то витали, и Хэл перестал ей жаловаться.

— Спокойной ночи, Хэл.

Мисс Пельгрейв улыбалась, и ему так хотелось, чтобы она взяла его с собой.

— Спокойной ночи.

Он медленно вышел и стал подниматься наверх, в свою комнату. В ней было темно, и только с лестничной площадки доходил слабый свет. Хэл снова пропел новое стихотворение, подбежал к постели и забился под простыни. Комната выглядела уютно в тусклом оранжевом свете, но Хэл насторожил уши и через несколько секунд услышал хорошо знакомый звук внизу: отец вышел из гостиной и пошел через холл, выключая свет. Свет на площадке мигнул, и комната наполнилась тьмой. Хэл не издал ни звука, не пытался включить лампу у постели — он слишком хорошо знал, какое наказание полагается мальчикам, которые боятся темноты.

Он натянул простыню на голову, и тут же услышал слабый, шипящий, булькающий звук, говорящий о том, что они собрались у его постели: безголовые мужчины и женщины, вышедшие из стен.

Они были реальны, Хэл знал это. Они все стояли вокруг него. Их одежда была пропитана кровью, бьющей из

трубок в их шеях. Когда они впервые вышли из стен, Хэл подумал, что это страшный сон, и рассказал отцу, ища поддержки. Лицо отца стало угрюмым, обвиняющим.

— Мальчиков, рожденных в грехе, — сказал он, — безголовые люди окружают каждую ночь. Это наказание за грех.

И с тех пор Хэл слышал их, даже когда не спал, и понимал, что он, наверное, и впрямь большой грешник.

Однажды днем, когда военные новости были плохими — в первый раз сиккенский управляемый снаряд пробился через защитные экраны Федерации и взорвал планету, — отец напился, целовал Хэла и говорил, рыдая, что безголовые люди — всего лишь дурной сон. Но потом Хэл слышал другое...

Свернувшись клубочком под простыней, он чувствовал, что ужасные фигуры снова толпятся у его кровати, и спасся тем, что снова вызвал защитника.

Мак занимал удивительно двусмысленное положение в схеме существования Хэла. Он был так же реален, как и безголовые, но и нереален, потому что его можно было вызвать или удалить по желанию; он был отдельной личностью, но временами он и Хэл были одним. Мак был черно-волосый, серьезный, очень сильный, его руки были почти такой же толщины, как тело Хэла, и он решительно ничего не боялся в мире, не боялся даже сиккенов, даже ночных посетителей.

Безголовые могли приходить в комнату, но больше ничего не могли делать, потому что Мак-Хэл принес странное ружье с толстым барабаном, которое никогда не промахивалось, даже если Мак бежал и одной рукой стрелял, а другой тащил Хэла для безопасности.

Удовлетворенный, насколько это было для него возможно, Хэл погрузился в беспокойный сон.

Он проснулся от прикосновения холодных пальцев, обхвативших его и поднимающих из теплой постели.

— Я передумал, — закричал Хэл, отбиваясь, — я не хочу никакого...

— Чего — никакого?

— Мороже... — Хэл замолчал, когда узнал голос матери. Смутно ощущая, что он только что избежал страшной опасности, он позволил ей надеть на него белье и прочую одежду, а сам в это время зевал, жмурился и пытался вылезти, как бабочка из кокона, в другой день.

— Ты слабо завязываешь туфли, я сам завяжу.

— Хорошо, сынок, но поторопись.

Услышав что-то необычное в голосе матери, Хэл внимательно поглядел на нее. Жирное лицо было бледнее обычного, глаза красные. Внезапно, встревоженно, он взглянул на часы: чуть больше шести.

— Лисса!

— Да, сынок?

— В чем дело?

— Ничего. Твоя тетя Бетия останется у нас на некоторое время. Правда, мило?

— Да, пожалуй,— неуверенно сказал он. Бетия была на четыре года старше его, и он злился, что у нее взрослый титул — тетя. Он встречался с ней в среднем раз в год и не имел особенного желания увидеть ее снова. Но у него были подозрения, что случилось что-то неладное.

— А дед Гренобль тоже приедет?

— Нет.

Слово было почти рыданием, и Хэл неожиданно понял, что случилось.

— Он умер?

— Да.

Хэл вспомнил далскую и непонятную фигуру деда.

— Кто его убил?

— Хэл!— Мать взяла его за руку.— Люди могут умереть и без того, чтобы их кто-нибудь убивал.

— Могут?

Хэл бегло рассмотрел эту идею, но отбросил ее, как явное вранье, на чем, похоже, держится вся структура общества взрослых. Он знал, что жизнь бесконечна, если какая-нибудь сила не оборвет ее. Темная сила. Хэл позволил отвести себя вниз, где ему дали горячего молока и пирожков. Отца не было. Через несколько минут армейский лимужин с заспанным солдатом за рулем подъехал к дому. Хэл сел с матерью на заднее сиденье, и они поехали, не дав никаких указаний шоферу. Хэл занялся механикой движения, громоздкой и бессмысленной механикой развивающегося мира. Он прижался к матери и следил, как заря гасит лунные обломки, пока машина мчалась на север, к Центру.

Внезапно с ним оказался Мак — или он сам стал Мак-ком,— Хэл не знал этого точно и удивился, потому что здесь не было опасности. Затем он вспомнил, что Мак в последнее время стал появляться чаще, и каждый раз бы-

ло ощущение, что важное, большое дело осталось несделанным. От Мака Хэл и научился называть мать Лиссой — так он думал о ней, когда был Хэлом-Маком, но называл ее так нечасто, потому что это имя, казалось, пугало и расстраивало ее.

На этот раз присутствие Мака ощущалось сильнее, чем раньше, и Хэл сделал так, как советовал доктор Шрутер, когда Хэл в последний раз был в клинике: он постарался приблизиться к Маку, погрузиться полностью в его мозг до тех пор, пока мысли Мака не станут как бы его собственными. Первое, что он узнал,— Мак видел мать совсем другой. Она была гораздо тоньше, чем на самом деле, глаза ее были живыми и она умела смеяться. Был также намек на любовь более чувственную, чем мог понять Хэл.

Очарованный, он погружался все глубже. Он начал чувствовать, как сила Мака вливается в его вены. Умственные горизонты колыхались и отступали, облачаясь в доспехи тайн и чудес Вселенной. Хэл-Мак возбужденно и неровно дышал, проникая дальше. Он видел космические корабли с черными крыльями, погибающих в сражении людей, затем пришло воспоминание о боли, и Хэл в страхе отступил...

Знакомое ощущение горячей мочи, текущей по ногам, вернуло его к действительности. Он пытался удержать поток, но не сладил с ним и вздрогнул, когда напряжение ушло из его тела.

— О, Хэл!— тревожно произнесла мать.— Ты опять обмочился?

— Оставь меня в покое. Все в порядке.

Он знал, что она обнаружит ложь, когда осмотрит гигроscopicкое белье, но все что угодно лучше, чем бесполезная дискуссия. Мать решала любые проблемы, предлагая конфету. Хэл хмыкнул, заметив, что она лезет в карман своего пальто.

— Вот, сынок. Ты любишь шоколадные батоны? Ты не успел как следует позавтракать.

— Спасибо.— Он машинально взял подарок.

— Твой дедушка был стар и болен, Хэл. Он не хотел бы, чтобы ты расстраивался...

— Я вовсе не расстроен!— с жаром сказал Хэл.— Меня это мало беспокоит.

— Хэл! Так нельзя говорить!

— Но это правда. Раз он был таким старым и больным, для него самое лучшее...

— Хватит!

Хэл пожал плечами, когда шоколадный батон был выхвачен из его несопротивляющихся пальцев, и через секунду услышал шуршание: мать сдирала с батона обертку. Мальчик прижался к толстой обивке лимузина и закрыл глаза.

Шофер подвез их к заднему фасаду большого шестиугольного дома и остановил машину у входа в частные апартаменты. Несмотря на ранний час, дом был полон света и движения. Хэл вышел из машины и остановился, дрожа на холодном пронизывающем ветру, пока мать тихо говорила что-то шоферу. Хэлу страшно не нравилась резиденция Администратора, и он обычно пользовался любимыми уловками, чтобы избежать ее посещения.

— Миссис Фаррел!— В дверях появился один из людей, работавших у деда.— Прежде всего, позвольте мне принести вам соболезнования от меня лично и от всего штата.

— Спасибо. Мой муж сказал, что это произошло...

— Внезапно. Во сне, так что он не страдал. Я послал тахиограмму Президенту Гугу. И мы надеемся...

Хэла не интересовал этот разговор. Он поднялся в дом, позволил себе усесться в большое кресло, где его разглядывали с различной степенью интереса и доброжелательности разные безымянные люди, в то время, как его мать ушла с другими. Никто не предложил ему снять пальто, из чего он заключил, что его визит в большой дом должен быть коротким. Мать вернулась и опустилась на колени у кресла, глядя на сына усталыми глазами.

— Твой отец велел кому-то остаться дома с тобой и Бетией, так что он сейчас отвезет вас домой.

Хэл кивнул и сполз с кресла, направился было к двери, через которую вошел, но мать повернула его в противоположную сторону, к главному входу. Насколько он помнил, он никогда не бывал в холле главного входа, и поэтому удивился, что холл показался ему очень знакомым, но каким-то пугающим. Он оглядел мраморную колоннаду.

В заднем конце холла открылась дверь и появилась его тетка Бетия с чемоданчиком. Она показалось Хэлу

слишком высокой и самостоятельной для ее десяти лет. Волосы, строго зачесанные назад, выглядели гладкими, как лед. Она подошла к Хэлу, и ее глаза сверкнули обжигающим светом. Он подумал, что не хочет оставаться с ней.

— Хэлло, Бетия!— Хэл с изумлением услышал слова, выходящие из его рта,— их говорил Мак.

Рядом с ним открылась дверь. Появился отец, почти заполнивший проем своей высокой фигурой. В маленькой темной комнате позади него ничего не было видно, кроме стола, обожженного по краям сигаретами. Хэл почувствовал, что его мочевого пузырь снова открывается. Он всхлипнул и бросился через главную дверь в густой серый воздух. У крыльца стояла желтая машина отца. Он вскочил в нее одним головокружительным прыжком, захлопнул дверцу и сгорбился на заднем сиденье. Отрывочные образы закружились в его мозгу. Он услышал, как отец вежливо извиняется перед группой безмянных людей. Через минуту отец открыл дверцу, посадил Бетию и сел за руль.

— Здорово вышло.— Отец завел машину. Глаза его сверкали в зеркальце заднего обзора.

Хэл молчал. Его растянувшийся пузырь болезненно ссракался. Он искоса взглянул на Бетию, думая, что и она доставит ему унижение, но ее лицо выражало сострадание.

— Молчишь, а?— сквозь зубы продолжал отец.— Посмотрим, как ты будешь чувствовать себя, когда проведешь в постели весь день.

Хэл вызывающе кивнул, но сердце его сжалось при мысли о последующих дне и ночи в темной комнате в окружении терпеливых булькающих фигур в промокшем от крови одеянии. Он закрыл лицо руками. Мучительное рыдание вырвалось из его горла, но тут рука Бетии просунулась между пуговицами его пальто. Хэл застыл в неподвижности, когда осторожные пальцы прошли под рубашкой до кожи его живота и без колебаний поползли вниз, под мокрые штанишки.

Секунда давления — и пальцы ушли, оставив за собой тепло, силу и безопасность. Хэл повернул голову и молча уставился на сказочно-идеальный профиль.

Когда машина подъехала к дому, Хэл спал.

В ожидании завтрака Хэл выдернул лист текущих новостей из факс-машины. Лист был сырым и прилипал к пальцам. Осторожно держа его, Хэл вернулся на кухню, разложил лист на столе и принялся читать.

Почти всю страницу заполняли военные сообщения и связанные с этим темы. Хэлу казалось, что на протяжении всей его восемнадцатилетней жизни известия неуклонно ухудшаются, и за последнее время пессимизм распространился повсюду. Когда Хэл ездил в Центр, в свой библейский класс, он чувствовал отчаяние, мятущееся по улицам, как черный ветер.

Все знали, что шестидесятипятилетний конфликт близится к концу и что человеческий род отмечен печатью исчезновения. Пропагандистская машина Федерации все еще функционировала в отрицательном смысле, так что никто не знал, сколько колонизированных миров осталось от первоначальной сотни, но точное их количество не имело значения. Простые люди читали свою судьбу в предзнаменованиях, считавшихся древними еще во времена Гомера. Продукты питания дорожали и стали менее разнообразными, вещи машинного производства — либо жалкими, либо вообще недоступными. Экстремисты всех мастей широко использовали митинги и ночные шествия.

Хэлу было неприятно читать военные известия: они вызывали у него ощущение, что какая-то большая и важная работа осталась невыполненной, и ощущение это достигло невыносимых пределов. Однако он постоянно просматривал газеты и телепередачи. Названия незнакомых планет вызывали обрывки воспоминаний. Иногда эти обрывки складывались в изображения чуждых ландшафтов, и всегда в этих случаях навязчивое ощущение важности, необходимости возрастало до того, что его череп готов был лопнуть. Но природа этого ощущения требовала от него оставаться в тени. Он должен был вступить в армию, но его забраковали по многим причинам, включая слабое зрение и безнадежно малый вес при его шестифутовом с лишним росте.

Библейские классы, похоже, служили надежным указателем на общественное настроение, особенно когда Хэл открыл, что за внешней уверенностью его наставников скрывалось сомнение и страх. Хэл знал, что его дух бессмертен,

но не мог продвинуться в теологию настолько, чтобы иметь возможность аргументировать свою веру, а со временем его спокойное безразличие к смерти, как к абстрактной концепции или грубому факту, вообще или в частности, отвратило от него всех.

— Вы эмоциональный калека, — сказал ему румяный и обычно флегматичный священник, с отвращением глядя на него. — Вы не боитесь смерти лишь потому, что вы никогда не были живы.

Собрав свои блуждающие мысли, Хэл занялся газетой. В заголовках на первых полосах сообщалось, что уничтожен еще один мир — третий за этот год. С сокращением границ Федерация стала усиливать нейтронные экраны, через которые не могло пройти, не взорвавшись, ни одно ядерное устройство. Однако сиккены, видимо, научились обходить эту защиту.

Во второй статье говорилось, что генерал Мелен полностью отстранен от работы как глава Проекта Талбека, где работало полмиллиона человек, а годовой бюджет исчислялся миллиардами. Мелен был последним в длинном последовательном ряду тех, кто брался за одну из наиболее мрачно-непродуктивных миссий войны — обмен хотя бы одной мыслью с сиккенами. Тахионные передачи чужаков перехватывались и изучались с особой тщательностью, и их язык был давно проанализирован и расшифрован. Вдоль границ Федерации были поставлены мощные передатчики, которые посылали передачи на сиккенском языке далеко в глубь чужой территории, но никакого ответа на них не было. На этой последней отчаянной стадии войны чувствовалось, что достижение хоть каких-то признаков общения могло бы означать прорыв, — но враг оставался не разгаданным.

Допрашивать пленных не представлялось возможным: повинаясь той же дикой этике, которая торопила сиккенов убивать пленников-людей, они никогда не позволяли взять себя живыми. Большая часть бюджета Талбека шла на развитие способов взять живых пленников, но никакая техника не помогала. Несколько чужаков без всяких признаков физических травм были найдены такими же мертвыми, как и остальные, видимо, они умели так управлять своей высокоразвитой нервной системой, что останавливали жизнь по своей воле.

Хэл перевернул страницу, когда неприятная пустота в

желудке напомнила ему, что завтрак необычно запаздывает. Он заглянул в холодильник, но не нашел там ничего такого, что не требовало бы приготовления. Он несколько минут ходил по кухне, мечтая о том, чтобы век слуг никогда не кончался или чтобы Бетия была дома, на университетских каникулах. Раз или два у него мелькала мысль приготовить что-то самому, но глубокое отвращение ко всякого рода физической работе тут же отгоняло ее.

В конце концов он вышел к лестнице и окликнул мать. Ответа не было. Он взглянул на часы — середина утра. Он побежал наверх. Открыв дверь в ее комнату, он остановился на пороге и подозрительно понюхал. Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел руки матери, такие бледные на цветном покрывале. Он подошел к постели и увидел на полу тюбик успокоительного. Он поднял его и уже по весу понял, что тюбик пуст.

— Мать! — Он включил свет и встал на колени перед постелью. — Лисса!

— Хэл, — голос ее донесся как бы издалека, — не мешай мне спать.

— Я не могу дать тебе умереть.

Она повернула к нему глаза, ничего не выражающие, одурманенные наркотиком.

— Умереть? Кое-что ты можешь сделать для... в первый раз в своей... — Она сделала усилие и закрыла глаза.

Хэл встал.

— Я позвоню отцу на базу.

— Твой отец... — Тень волнения прошла по ее когда-то красивому лицу, теперь заплывшему жиром, — твой отец не...

— Говори, Лисса.

Хэл ждал, прижав пальцы к дрожащим губам, но мать словно забыла о нем. Он схватился за телефон, но бросил его и вышел из комнаты. В его спальне был отводной телефон. Хэл набрал номер служебного кабинета отца, но сразу же повесил трубку. Дать Лиссе умереть? По ее желанию? Не будет больше бесконечных стычек между ней и отцом, не будет взаимного разрушения, когда две змеи, запертые вместе, кусают друг друга ядовитыми челюстями, не будет самоунижающего тайного обжорства по вечерам, горьких ночей, шепота отца: «Скажи спасибо, что я не хожу по бабам...»

Хэл сел за стол, открыл папку и стал перебирать карточки, исписанные его тонким, с наклоном влево, почерком. Это были заметки для книги, которую он начал писать в этом году, не попав в колледж. Книга называлась «Чудо вдохновения» и должна была играть двойную роль в его жизни: писать ее казалось лучшим приближением к болезненно-уклончивой миссии, возложенной на него, а продать ее было бы первым шагом к финансовой независимости, без чего он не мог уйти от отца.

В полной тишине дома воздушный поток, казалось, шипел в его ушах, как штормовые волны в бухте, и слова на карточках были чуждыми символами, лишенными смысла. Глубоко вздохнув, Хэл заставил себя сосредоточиться, скрыться от образа черных рассыпавшихся волос. Карточки скользили и шелкали в его руках.

«Уильям Блейк, 1757—1827, английский поэт и художник. В своих произведениях перед смертью Блейк говорил, что поэзия была даром откуда-то; в свои последние часы он тянулся к карандашу и бумаге и, когда его жена просила отдохнуть, он крикнул: «Но это не мое! Это не мое!»

Джон Китс, 1795—1821, английский поэт-романтик, сказал в своей поэме «Гиперион», что описание Аполлона пришло к нему от удачи или магии: «Словно что-то дало мне его», — и уверял, что не понимал красоты выражений, пока не записал их, и был ошеломлен, потому что они казались сказанными кем-то другим.

Виктор Млкен, 2142—2238, марсианский математик и писатель, сказал о своем знаменитом тахионном методе трансформации: «Математика не моя. Она не принадлежит и никому другому, но я не мог не поверить. Образы возникали за моими глазами, и я лихорадочно выталкивал их на бумагу. Закончив, я был измучен и покрыт потом, но не от усилий творения, а от страха, что символы могут быть отняты у меня прежде, чем я запишу их».

Для дальнейшего исследования:

Роберт Льюис Стивенсон и «домовые» (маленький народ), которые, как он уверял, делали за него всю творческую работу; Моцарт: «В моем воображении возникают не последовательные части произведения, а я слышу его целиком»; Кекуле и формула бензола; Дельгадо — концепция световой культуры».

Через час Хэл отложил карточки и вставил лист бума-

ги в пишушую машинку. Великая истина, которую он хотел извлечь из своих исследований, казалось, подошла к нему ближе, чем когда-либо. Он чувствовал ее приближение. Его пальцы легли на клавиши машинки, и в нем возникло обширное напряжение, какое бывает перед оргазмом, дыхание участилось, сердце билось резкими толчками. Он самозабвенно следил, как его пальцы погружались в клавиши.

— Мелисса!— как взрыв гранаты донесся с площадки голос отца.

Хэл не слышал, как тот вошел в дом. Он вскочил, уронив стул и с горечью чувствуя, как гаснет и уходит внутренний свет. Дверь открылась, и на пороге появился Джервез Фаррел; его темное лицо было почти черным на подбородке, где тень бороды не могло уничтожить даже самое тщательное бритье. Его взгляд на секунду задержался на Хэле, а затем ушел в сторону.

— Где твоя мать?

— В постели,— холодно сказал Хэл. Он хотел что-то добавить, но не мог найти подходящих слов. Отец исчез. Хэл, не двигаясь, ждал. Дверь снова открылась, отец вошел и подошел к столу. Хэл ошеломленно увидел, что слезы сделали белки глаз отца почти флюоресцирующими.

— Она умерла. Твоя мать умерла.

— Папа, я...— Хэл мучительно выталкивал слова, но его горло отказывалось слушаться. Как всегда, в минуты стресса кружащееся смущение разогнало силу мыслей, открывало органические клапаны и зажигало жаром щеки.

— Что?— Отец подошел ближе.— Ты знаешь.

— Па, я... я хотел...

— Почему ты ничего не сделал? Почему не вызвал меня? Что же это?— Отец быстро пошел к двери, но остановился и оглянулся.— Никчемный ублюдок,— сказал он с угрозой и отвращением и вышел, хлопнув дверью.

— Она хотела умереть!— закричал Хэл вслед отцу.— Она хотела уйти от тебя!

В доме стояла тишина, и Хэл подумал было, что отец сошел вниз, но дверь снова стала открываться, медленно, дюйм за дюймом. Он инстинктивно попятился. В дверях появилось лицо Джервеза Фаррела; мускулы вокруг рта побелели от напряжения и оттянули губы дугой вниз.

— Ты знал...— металлически щелкнули слова,— раньше, чем она умерла.

Отец пошел вперед на негнувшихся ногах, вытянув руки с согнутыми как когти пальцами. Хэл оглянулся с намерением убежать, но увидел, что зажат в угол. Он съежился, но затем, отчаянно взыв, бросился на приближающуюся фигуру и взмахнул длинными руками. Отец принял удар, даже не моргнув. Одной рукой он схватил Хэла за отвороты куртки, а другой начал наносить по его лицу размеренные, ритуальные удары, какими Джервез Фаррел снимал с себя напряжение.

Кажется прошла целая вечность, прежде чем Хэл потерял сознание.

Глава 4

Первое нападение на Мнемозину произошло в год смерти Лиссы.

Миллионнотонный космический корабль стремительно вылетел с невероятной скоростью, превышающей скорость света в 30 000 раз,— вдвое больше, чем развивали корабли Федерации. Перекрещивающиеся веера тахионных радаров планеты уловили сиккенский корабль за десять световых лет. При нормальных обстоятельствах для реакции было бы достаточно времени, но фантастическая скорость корабля означала, что он пересечет орбиту планеты всего за двадцать восемь минут.

Корабль являл собой нечто новое в сиккенской стратегии. Однако штаб транслунной защиты смог сделать немедленно лишь кое-какие выводы. Направление корабля показывало, что Федерация обречена, а его потрясающая скорость, которая могла быть развита только с расстояния сотен световых лет, говорила, что защитные экраны врага сделаны не так уж плохо. Из этой скорости явствовало также, что корабль управляется либо автоматически, либо экипажем смертников, потому что он не мог затормозить для нормального приземления.

При такой скорости сиккены не нуждались в вооружении — корабль сам был оружием. Компьютер сообщил, что корабль пересечет орбиту Церулы точно в тот миг, когда планета будет занимать то же пространство. Миллион тонн материи столкнутся с планетой, заденут лунные осколки или даже атмосферу, и тем самым при такой скорости су-

щественно изменяют пропорции своей энергетической массы и засушат все шесть планет системы Церулы.

Лишь очень немногие миры Федерации оказались в состоянии пережить такую атаку. Церула выжила, потому что имела возможность в короткое время взорвать более восьмисот ядерных устройств на пути чужого корабля и создать газовый барьер во много раз плотнее, чем межзвездная среда, через которую шел корабль. Разъединенный корабль купался в ядерном огне на протяжении двух световых лет, прежде чем его мощные блоки ослабли. Он попытался перейти из тахионной формы в релятивистский полет и исчез в далеком галактическом прошлом.

На самой Церуле гражданское население ничего не знало о случившемся — медлительный свет будет целый год рисовать на небе след смерти чужака, но на военной базе шло лихорадочное обсуждение атаки. Было две вероятности, и обе неприятные: либо сиккены заострили внимание на Церуле как планирующем центре ведения войны, либо слепой случай привел их для испытания нового оружия сюда, в самое неподходящее, с точки зрения людей, место. Вторая вероятность была немногим более утешительной, поскольку факт, что Церула уцелела, сделает ее объектом нападения в будущем.

Услышав, что отец среди ночи отправился на базу, Хэл заподозрил, что готовится нечто серьезное. Он включил свет и поднес часы к глазам. Начало четвертого. Он снова лег, уже полностью проснувшись, и стал слушать, как океан терпеливо бьет утесы. Очки Хэла остались на подзеркальнике в другом конце комнаты, но читать все равно не хотелось, так что он пустил свой мозг в странствия. В самом Центре и во всех городах вдоль побережья люди, наверное, спят и пускают корабли снов по темным потокам ночи, не обращая внимания на волны, измеряющие жизнь. Великая загадка — кратковременность жизни человека — не тянет его к непрерывной активности. Способность охотно отдаваться сну, этой ежедневной смерти, было лучшим указанием на бессмертие. Однако, если человеческий дух бессмертен, какова цель мимолетного физического существования?

Сто лет жизни, десять лет, один год — ничто против вечности, один виток так же хорош, как и другой. Однако больно сознавать, что сиккенские воины крадутся к Мнемозине и несут смерть всем мужчинам, женщинам и детям. Возможно, какой-то аспект физической жизни превышает

все другие соображения? Может быть, эволюция? Противоположностическая тенденция ко все более высоким ступеням организации ведет... ведет... Дыхание Хэла участилось, сердце заколотилось: он чувствовал, что его жаждущий мозг подходит к концепции, которая даст оправдание всей его жизни.

Хэл Фаррел закрыл глаза.

Прекрасные переливы красок цветущих растений на фоне космоса бежали и сливались в тысячи других цветов, в которых видимый спектр составлял лишь малую долю. И вокруг колыхалась Мать-масса, громадная, устрашающая, вечная...

В слепяще-солнечной сущности, что была суперэгоном, тысячи личностей-образов объединялись и перемешивались бесконечно. Мысли — призматические кристаллы алмазной остроты — летели по поверхности мозга.

«Первый инструмент может быть потерян до нас».

«Этого нельзя допустить».

«Тевернер должен быть переведен на сознательный уровень немедленно».

«Это несколько преждевременно. Отсрочка еще на пять лет была бы предпочтительнее в интересах физической совместимости».

«На это нет времени. Нужно действовать сейчас».

«Решено. Действуем сейчас».

Глава 5

Тевернер откинул простыни и встал с постели. Надев очки, он подошел к большому, до потолка зеркалу. Он точно знал, что он увидит — память Хэла была и его памятью, однако надо было оценить тело, в котором он теперь был, чтобы заново сориентировать дух и плоть. Зеркало показало высокую узкоплечую фигуру с длинным нервным лицом и гладкими прямыми волосами. Грудь впалая, руки и ноги минимального мускульного развития, локти и колени выступают, как узлы на веревке.

Глядя на отражение, Тевернер был переполнен страхом и чувством собственной неадекватности. Что он предполагает сейчас делать?

После его «смерти» прошло двадцать лет. Двадцать лет! Так много времени пропущено, а так много надо было сделать. Он с опозданием осознал, что не понял меха-

ники предложения суперэгона. У него было представление, что его личность должна была каким-то образом перейти если не в мозг новорожденного, то по крайней мере в мозг Хэла-ребенка.

Но, возможно, пришлось ждать, пока мозг будет иметь достаточно извилин, пока центральная и периферическая нервные системы станут достаточно сложными. И в любом случае, что мог сделать ребенок? А что теперь будет делать девятнадцатилетний юноша? Как он убедит зажатых в угол генералов КОМсэка, что их единственная слабая надежда избавиться от сиккенов заключается в отказе от баттерфляй-кораблей? Что иллюзорная утроба межзвездных двигателей пожирает бессмертные человеческие души?

Ноги Тевернера вдруг ослабли. Он сел на край постели и постарался унять дрожь. Как эгон он принимал концепции и опыт эгонного плана с чем-то большим, чем холодное интеллектуальное удивление, но в слабо развитом теле мальчика знание несколько превышало возможности управлять им. Все было слишком... Безмерно. Он поднес руки ко лбу и старался своей волей остановить дрожь в пальцах, но их нервные движения не прекращались, и до Тевернера медленно дошло, что управлять этим хрупким, пугливым телом — трудная, если не невозможная задача.

В предыдущей жизни, которая иногда смутно вспоминалась, он обладал силой, здоровьем и, кажется, не имел никаких нервов. Теперь он понял, что никогда не думал о трудностях, с которыми жили другие. Но неужели это неуправляемое иступление нормально? Он покопался в детстве Хэла, осветил серию мрачных картин и получил ответ. Вопиющий хаос в его нервной системе стал еще хуже, когда он увидел в кривом зеркале памяти Хэла людей, формировавших его жизнь двадцать лет назад. Джервез Фаррел — холодный, страшный отец-образ, изливающий свою злобу строго отмеренными дозами. Лисса — углубленный, саморазрушающийся едок, позволивший своему жару уйти по каплям. Бетия — теперь немногим старше двадцати...

Мысль о Бетии внесла первую ноту спокойствия. Память Хэла сказала Тевернеру, что она живет при университете на Церуле, в аспирантуре по психоистории. Она

стала высокой, чересчур идеальной красавицей с прямым, пронизывающим взглядом, под которым Хэл всегда чувствовал себя неловко. Однако иногда в ней появлялась тень девочки-Бетии — сказочной принцессы с лечащей магией в пальцах и устремленными к странным горизонтам глазами — и в такие минуты Хэл любил ее застенчиво и безнадёжно.

Собственные воспоминания Тевернера о Бетии как о маленьком ребенке дополняли нарисованный Хэлом образ и создавали человека, к которому трудно приложить общие законы природы и человеческого поведения. Если бы Тевернер мог сказать кому-то правду, то только Бетии.

Постепенно Тевернер овладел своими нервами. Он включил свет, лег снова в постель и смотрел в окно, на ночное небо Мнемозины, пока не уснул.

Открыв глаза при свете утра, Тевернер испытал дикий момент дезориентации. Расплывчатость деталей потолочных изразцов над кроватью напомнила ему, что теперь ему нужны очки, и вселенная захлопнулась вокруг него. Он встал и пошел в ванную. Дом был пуст — явно что-то важное задержало Фаррела на всю ночь на базе.

После душа Тевернер еще раз оглядел себя в зеркале, поражаясь контрасту между новым телом и тем, которое он видел всего несколько часов назад: субъективное время. Опыт эгона прошел как бы в безвременье, а может быть, и в самом деле длился микросекунду, а девятнадцать лет «на складе» в подсознании Хэла прошли как сон. Он откинул плечи назад и занялся дыханием йоги, развивающим грудную клетку и одновременно регулирующим нервы.

Когда он одевался, слабость привела к легкому головокружению. Оно встревожило его, пока он не осознал, что его новое тело просто голодно. Он спустился на кухню, взял синтетические яйца, масло и, пока они жарились, пошел к факс-машине за газетой. Она опять была влажной и мятой. Он скомкал ее, вынул из машины служебную панель и, после минутного изучения, исправил повреждение. Через минуту он получил новый лист, ровный и сухой. Он принес его на кухню, как раз тогда, когда еда была готова.

Тевернер нашел, что высокопротеиновая пища плохо идет, даже с молоком: Хэл жил в основном на кашах.

Последующую тошноту он подавил несколькими минутами Пранаямы, подгоняя дыхание к неадекватной системе, которую он унаследовал. Хотя это тело никогда не будет таким крепким, как бывшее, но он отнесется к нему с тем же вниманием, с каким отнесся бы к недействующей машине.

Он бросил грязную тарелку и чашку в ликвидатор, когда мимо кухонного окна промчалась машина. Через несколько минут в кухню вошел Джервез Фаррел. Веки его тяжело набрякли, подбородок был сине-черным от щетины. Тевернер с любопытством посмотрел на него, удивляясь, как мало ненависти или каких-либо чувств он испытывает: единственный взгляд в вечность изменил многое.

— Сделай мне кофе,— сказал Фаррел, отводя глаза.

— Сейчас.— Тевернер включил кофеварку, пока Фаррел усаживался.— Трудная ночь?

Фаррел осмотрел газету.

— Скажешь, что это выдала факс-машина?

— Э-э-э... да.

— О, господи. Значит это точно!— горько сказал Фаррел, глядя в газету.

— Что-нибудь не так?— спросил Тевернер, полный мрачных предчувствий.

— Поспеши с кофе.

— Что-то новое в военном положении?

Фаррел встретил вопрос с удивлением и, как ни странно, с благодарностью.

— Ты следишь за ним? Полагаю, ты собираешься выбить сиккенов с Завещания?

— Значит, они в этом районе?

Фаррел заколебался, но затем пожал плечами.

— Вообще-то, похоже, мы окружены.

— Похоже?

Тевернер чувствовал, что его тело отказывается повиноваться ему, но было уже поздно им заниматься.

— Это считается секретом, но уже повсюду началась паника. На прошлой неделе сиккены пытались ударить нас своим большим котлом. Он дает скорость в тридцать тысяч световых, и понадобился весь наш транслунный запас, чтобы остановить его.— Фаррел откинулся на стуле и неприятно улыбнулся.— Как вы анализируете ситуацию, генерал?

Тевернер был так потрясен, что не заметил сарказма.

— Либо им было уже известно, что штаб-квартира КОМСэка переведена сюда, либо мы сейчас известили их об этом.

— Отлично!— Фаррел посмотрел с чем-то вроде теплоты, но более заметным в его взгляде было замешательство.— Каков же следующий ход?

— Массовая эвакуация к звездам метрополий.

— На это нужно время, и есть осложняющий фактор: сиккены сделали большие успехи в подавлении тахионных эмиссий. Но мы поставили блуждающее эхо вокруг планеты. Частицы съели большую часть их энергии, и их скорость близится к бесконечности, так что мы не уверены, но возможно оболочки сиккенских кораблей окружили нас. Три наших флота сразу же вышли, но им нужно шесть дней, чтобы добраться сюда с границы. Так что, если сиккены уже здесь...

Фаррел внезапно сник, выглядел усталым, утратившим интерес к игре в отца и сына.

— Тогда мы должны выйти и посмотреть.

Тевэрнер налил кофе в чашку и поставил на стол.

— Мы не можем увидеть их. На звездных расстояниях можно видеть только с помощью тахионов, а если сиккены научились подавлять их или абсорбировать частицы, испускаемые нашими тахионными радарам...

Тевэрнер был потрясен не только словами Фаррела, но и тем, что скрывалось за ними.

— Мне ясно,— медленно сказал он,— что КОМСэк устал... и испуган.

— А что ты думаешь об этом, тигр?

Фаррел отхлебнул кофе и с отвращением отодвинул чашку.

Тевэрнер начал было отвечать, но почувствовал, что щеки запылали — наследие Хэла каким-то вывертом биологической логики поставило его в невыгодное положение. Попытка управлять волной крови, хлынувшей в лицо, вызвала толчок к увеличению жара. Тевэрнер выскочил из кухни, сопровождаемый смехом Фаррела, и побежал обратно в свою спальню к телефону. Номер телефона университета хранился в памяти Хэла, и Тевэрнер быстро набрал его, пока его щеки остывали. Наконец женщина из психологического отдела сообщила ему, что Бетия Гренобль будет в университете только после обеда, а сейчас она занимается в библиотеке. Тевэрнер позвонил туда, и когда

наконец Бетия подошла к телефону, к Тевернеру вернулось нормальное состояние.

— Бетия Гренобль слушает,— сказала она холодно, чуть-чуть с досадой.

— Привет, Бетия,— Тевернер замялся, когда подумал, что этот взрослый голос принадлежит ребенку, в чьей спальне он был, как ему казалось, только вчера.— Хэлло, это Хэл.

— О, Хэл.— Досада слышалась яснее.— Что ты хочешь?

— Мне надо поговорить с тобой. Это очень важно.

Долгая пауза.

— Обязательно сегодня?

— Да.

— А насчет чего?

— По телефону не стоит.— Тевернер сдерживал свой высокий голос, чтобы он не перешел на визг.— Я хочу увидеться с тобой.

Бетия громко вздохнула.

— Ну, ладно, Хэл. Заезжай за мной в библиотеку около двух. Мне нужно вернуться в университет после ленча. В машине поговорим. Идет?

— Отлично.

Телефон тут же дал отбой, прежде чем Тевернер успел сказать еще что-нибудь. Он спустился вниз. Фаррел, полусонный, развалился в кресле в гостиной. Рядом на столике стояла бутылка джина.

Тевернер кашлянул.

— Могу я взять машину после обеда?

— Зачем?

— Хотел бы взять на время.

— Черт с тобой,— небрежно ответил Фаррел.— Можешь разбить се, если хочешь.

Глаза его тяжело смотрели то ли в прошлое, то ли в будущее, которого никогда не будет.

Тевернер осторожно спустился с холма. Даже при слабых возможностях своих новых глаз он увидел Мнемозину совсем другой. Восприятия его тела были в основном те же, что и раньше, но интерпретация их сигналов была чуть-чуть другой. Особенно это было заметно в некоторых красках — зеленый цвет травяной дорожки или льдисто-голубое отражение неба в окне,— по-видимому, включались не имеющие никакого отношения эмоциональные реакции и

образы памяти: Тевернер понял разницу между поэтом и механиком.

Когда машина подошла к Центру, он обратил внимание, как мало изменился за двадцать лет старый город, в то время как военная база расползлась во все стороны. Ее двойная ограда виднелась в нескольких местах на прибрежной дороге, по которой он раньше ездил в город. Анонимные здания за оградой сияли новизной, но вместе с тем казались какими-то убогими. Тевернер сообразил, что это опять-таки проявление его новых чувств.

Он подъехал к библиотеке ровно в два, как раз когда Бетия спускалась по лестнице, и остановил машину у обочины. Бетия выдала призрак улыбки, в которой Тевернер узнал Бетию-ребенка, и окликнула его:

— Хэл, ты приехал вовремя! Ты болен или еще что-нибудь?

Тевернер покачал головой. Он обнаружил, что унаследовать память Хэла — вовсе не значит знать самого Хэла. Там ничего не упоминалось, например, о непунктуальности Хэла, однако слова Бетии не оставляли сомнения, что она считала Хэла человеком ненадежным, не держащим слова. Пока он раздумывал, Бетия подошла к машине, открыла дверцу и сделала знак Тевернеру отодвинуться от руля. Тевернер растерянно взглянул на нее.

— Ну, двигайся,— нетерпеливо сказала она.

— Машину веду я,— сказал он и успокоился, что его слова звучат без всяких следов нервного срыва, к которому был склонен его новый голос.

Бетия пожала плечами.

— Ну, что ж, если тебе хочется разбить кар, я, пожалуй, сяду сзади, это надежнее.

Она открыла другую дверцу и села позади Тевернера.

Тевернер чуть не засмеялся. Фаррел тоже высказывался насчет поломки машины, но мысле-образы Хэла ничего не говорили о том, что он плохой водитель. Кар был турбинный, Тевернер предпочитал этот тип машин другим за более точное управление. Он мягко вывел кар на проезжую часть, легко прибавил скорость, свернул на юг, на главный бульвар вдоль бухты и погнал, как в дальнее путешествие, управляя большой машиной с той точностью и уверенностью, которая возможна лишь в случае, если водитель знает действие и возможности всех компонентов машины.

Эта демонстрация имела целью изменить мнение Бетии и давала Тевернеру время привыкнуть к ее превращению в смущающую его женщину. Теперь возникла проблема: что сказать? Как может он заставить кого-то поверить его словам? Оглянувшись вокруг, Тевернер почувствовал одной половиной своего мозга, что пространство между поверхностью Мнемозины и лунными обломками кишит эгонами, иллюзорной лягушачьей икрой сознания расы, но другая половина сочла эту концепцию слишком странной для восприятия. Но он-то здесь, если это не галлюцинация. Он изгнал мысль, которая могла привести его к безумию.

— Здорово, Хэл,— сказала Бетия,— я потрясена. Ты брал уроки у классного водителя?

— Нет.

— А по-моему, да. Но если ты не замедлишь ход, мы доедем до университета, так и ни о чем не поговорим.

— Да, конечно.

Тевернер сбавил скорость. Они оставили Центр позади и теперь были на южном шоссе, поворачивающем от утесов в глубь страны. Тевернер увидел ответвление дороги, свернул туда и остановил машину.

— Это не входит в соглашение,— тревожно сказала Бетия.— У меня сегодня работа.

На ней было простое зеленое платье, и Тевернер сразу вспомнил трехлетнюю Бетию, тоже в зеленом. Разница была в том, что теперь платье плотно облегло зрелое тело, сочетавшее в себе женственность и физическое совершенство. Волосы цвета полированного дуба кое-где отливали золотом и каштанами. Глаза смотрели на Тевернера добродушно и чуть презрительно, что ему не понравилось. Он не знал, идет ли его скованность от страха, что он не сумеет убедить Бетию, или от задетой мужской гордости.

— Выслушай меня, а до университета мы доедем быстро.

— Ну, давай.

— Бетия, ты помнишь человека по имени Мак Тевернер?

— И за этим ты привез меня сюда?

— Ты помнишь его?

— Да.

— Так вот, я хочу поговорить о нем.— Тевернер преисполнился убеждения, что она рассмеется ему в лицо.— Ви-

дишь ли, я... — он замолчал, увидев, что Бетия смотрит на что-то позади него, хотя там были лишь океан и пустое небо. Почти невольно он повернул голову.

Далеко в небе показался широкий, угловатый, страшный сиккенский корабль.

Глава 6

Несколько секунд Тевернер думал, что умрет. Его сердце почти перестало биться, когда шок поразил унаследованную им нервную систему, и горизонт пьяно закачался, но его воля мощным усилием дала команду. Он сидел абсолютно спокойно и ровно дышал, пока корабль беззвучно прошел по небу, закрыв солнце, а затем исчез за плато.

— О, боже! — выдохнула Бетия. — Что это?

— Сиккенский военный корабль, — ответил Тевернер. Губы его онемели, но мозг бурлил вопросами. Как это могло случиться? Где защитные силы планеты? Вражеский корабль, войдя в световой год Мнемозины и оказавшись в атмосфере, должен был испариться за считанные секунды. Как ни плохо было военное положение, Тевернер прозакладывал бы голову, что ни один захватчик не мог бы пройти через лунные осколки, не сражаясь предварительно несколько месяцев и не потеряв целый флот. Однако же сиккенский корабль прошел через атмосферу так спокойно, как к себе домой?

— Что это значит?

— Я тоже хотел бы это знать.

Он посмотрел на север, на Центр и окружающую его базу. Группы четырехугольных зданий спокойно сияли в полуполуденном солнце, не было никаких признаков необычной деятельности. Никаких признаков — внезапно осознал Тевернер — движения вообще, даже на дорогах. Он протянул руку и повернул ключ зажигания. Ключ повернулся с нормальным сопротивлением, но машина не ответила. Все шкалы на приборной панели были мертвы. Он подумал было осмотреть одну из батарей кара, но интуиция подсказала, что это бесполезно.

— Хэл, смотри! — скорее растерянно, чем испуганно вскрикнула Бетия. — Там их много!

Взглянув вверх, он увидел множество серебряных пя-

тен где-то на орбитальной высоте. Его глаза различили движение в нижних слоях атмосферы. Перекрещивающиеся полосы пара метались по омытой синеве, видневшейся меж облаков. Полосы происходили от скорости спускающихся пятен, которые означали, что прошедший тут военный корабль засеял небо приземляющимися аппаратами. «Вторжение,— подумал Тевернер,— но зачем столько беспокойства? Это не тайный рейд, вроде того, в котором нашли смерть родители Мака, не проще ли разбомбить планету, распылить ее, сжечь или сделать еще что-нибудь относительно простое, чтобы уничтожить все следы жизни?»

— Вылезай,— сказал он.— Пойдем пешком.

— Пешком? Это еще почему?

— Машина больше не пойдет.— Он вышел и открыл ей дверцу.— Оглянись на шоссе — ни одна машина не двигается.

Он указал на дорогу, где стояли четыре автомобиля. У трех были подняты капоты, и водители склонились над ними. Возле одной машины двое ребятишек возбужденно прыгали, указывая на небо, и Тевернер почувствовал жестокую боль тревоги. Он знал, что смерть для этих детей станет началом их настоящей жизни, но ведь они будут кричать от страха и боли до того, как откроется дверь, и его охватило суетное желание уберечь их. Ненависть к сиккенам — главный источник его предыдущей жизни,— хлынула в него.

— Я не понимаю.

Бетия перегнулась через спинку переднего сидения и потянулась к ключу зажигания.

— Выходи.

Тевернер схватил Бетию за руку и, несмотря на свои слабые силы, сумел вытащить ее из машины и толкнуть на шоссе.

— Хэл! Что ты делаешь?

— Береги дыхание.— Он взял ее под руку и быстро пошел вперед.— Как ты думаешь, почему сиккены смогли появиться здесь? Они изобрели новую игрушку — видимо, поле, которое препятствует электронам проходить в металлах. Вот почему не было ни предупреждения, ни защиты. У нас нет ничего, кроме пулемета, что не зависело бы от электричества.

— Но разве это возможно?

— Значит, возможно, раз они это сделали. Было время, когда мы могли опередить их.

У Тевернера не хватало слов объяснить, что человечество сделало с собой, изобретая баттерфляй-корабль.

Когда они поравнялись с каром, где стояли нарядно одетые ребяташки, Тевернер окликнул родителей и посоветовал оставить машину и идти под деревьями на юг, к базе на плато. Лицо отца ребят вынырнуло из-под открытого капота, бессмысленно посмотрело на Тевернера и снова скрылось. Тевернер отвел глаза от удивленных ребяташек и пошел дальше. Не было времени останавливаться и объяснять.

— Послушай, почему ты решил, что так много знаешь?— спросила Бетия.— Куда мы идем?

— Назад, на виллу. До нее только две мили, а у Фаррела... у моего отца есть три или четыре ружья.

— А что ружья могут сделать?

Она выглядела взволнованной и возмущенной и явно не оценивала значения случившегося. Тевернер чуть не разозлился, но вовремя вспомнил, что гражданское население, в том числе и она, просто не видели сиккенского воина в действии. Она никогда не проходила по городам и поселкам, оставленным сиккенами.

— Ружья добудут нам пищу, если нам удастся уйти достаточно далеко на юг, прежде чем нас превратят в пыль.

И снова навязчивая мысль: «А не очищено ли уже все пространство от человеческой жизни?» Но Бетия оторвала его от этой мысли. Лицо ее побледнело от ярости.

— Я не пойду с тобой ни в какой лес, Хэл Фаррел. Если ты воображаешь...

Она замолчала, потому что он шлепнул ее по плечу и толкнул дальше. Повернувшись на каблуках, она бросилась на него. Столкнувшись с ней, он заметил, что она сильнее его, но тренировка в бою, полученная им в прежней жизни, вела его руки. Он схватил ее за талию, автоматически привел к покорности и снова толкнул вперед.

— Прости меня, Бетия, но я знаю, что делаю.

Она взглянула на него с молчаливой ненавистью, и он почувствовал удовлетворение. Он повысился от презренного существа до более ценного объекта ненависти. Пока они шли, воздух дрожал от далекого гула. Он оглянулся и увидел черные, похожие по форме на комаров аппараты сик-

кенов, скользящие через Центр. Город и военная база были бессильны перед воздушными машинами, видимо, специально предназначенными для действия в тормозящем поле. Несколько аппаратов всеором шли вокруг города.

Тевернер побуждал Бетию идти быстрее, хотя сам с трудом дышал. Когда они добрались до белой виллы, стоявшей между дорогой и утесами, он был весь в поту и ноги под ним подгибались. Проклиная свою физическую слабость, он втащил Бетию в портик и распахнул дверь. Фаррел всгретил их в холле со спортивным ружьем в руках. Лицо его казалось странно неподвижным.

— Я возьму ружье и немного пищи,— резко сказал Тевернер.

— Добро пожаловать,— тусклым голосом сказал Фаррел, посторонившись и пропуская Бетию.

Тевернер прошел мимо него и уловил запах джина. Войдя в гостиную, он взял ружье и четыре пачки патронов из уже открытого оружейного шкафа и вернулся в холл.

— ...похоже спятил,— говорила Бетия. Оглянувшись на Тевернера, она добавила:— Я лучше останусь здесь, пока мы не увидим, что произойдет.

— И ты тоже можешь — бежать некуда,— сказал Фаррел.

— Мы побежим,— ответил Тевернер,— это единственный шанс.

— Я останусь,— Бетия придвинулась к Фаррелу.

— Поверь мне, Бетия, мы должны уйти отсюда,— настойчиво сказал Тевернер.— Ты не знаешь, каковы эти чудовища. Они прочешут весь дом.

Фаррел засмеялся.

— Слыхали ветерана? Что ты можешь знать об этом, дурак?

— Я знаю, что тебе лучше было бы взять другое ружье, если ты хочешь устроить стрельбу. Это ружье стреляет поверхностно-обжигающими пулями, воспламеняемыми электрическим зарядом, а электрические заряды в настоящее время — пройденный этап.

Фаррел поднял ружье, прицелился в дверь и нажал спуск. Триггер слабо шелкнул. Фаррел бросил жесткий взгляд на Тевернера и кинулся в гостиную.

— Найдем еду где-нибудь в другом месте. Пошли, Бетия.

Тевернер открыл дверь. Девушка покачала головой. Он охватил ее талию и вытащил за дверь. За спиной он услы-

шал знакомый металлический звук — сработал затвор ружья. Тевернер медленно оглянулся.

— Ну, как насчет этого, генерал? Будет работать нормально?

Фаррел держал другое ружье, нацелив его в лицо Тевернера.

— Ты смешон,— сказал Тевернер, отталкивая Бетию в сторону.— Тебе не нужно ружье, чтобы остановить меня, не так ли, отец?

Он подчеркнул последнее слово, хорошо понимая его значение для Фаррела. Белое пламя недоверчивости вспыхнуло в глазах Фаррела. Он поставил ружье с преувеличенной осторожностью и пошел на Тевернера, сжимая кулаки. Тевернер тоже поставил свое ружье и инстинктивно пригнулся в боевом наклоне, который, как его учили, был наиболее выгодным во всякого рода невооруженной борьбы на Земле.

С застывшей на лице радостью Фаррел шел прямо, презирая защиту. Тевернер остановил его ударами в сердце и в горло. Из-за несовершенной координации тела Хэла, удары попали не точно туда, куда целил Тевернер, но все-таки заставили Фаррела упасть на колени.

Фаррел глядел в землю, недоверчиво тряся головой.

— Ты думаешь, что ты...

Он встал, потер горло и снова пошел в бой. На этот раз он был более осторожен и явно решил воспользоваться преимуществом своей массы. Он стал обходить Тевернера и вдруг бросился на него всем телом. Тевернер принял его вес и прокатился под ним, заставив тело Фаррела удариться о землю, и тут же навалился на него. Его пальцы нажали главные сосуды на горле Фаррела, а в его мозгу пульсировали образы ненависти — безголовые фигуры, столпившиеся вокруг постели испуганного ребенка; Крис Шелби и другие, погибшие в лесу; автоматический пистолет, продырявивший его грудь; Лисса, раздавленная, как моль...

— Что же это?— пробормотал Фаррел, когда они лежали лицом к лицу в интимности битвы.— Хэл! Хэл?

— Я не Хэл,— дико прошипел Тевернер,— я — Мак Тевернер.

Глаза Фаррела раскрылись в шоке.

— Прекрати, Хэл!— пронзительно закричала Бетия.— Ты убьешь его!

Тевернер забыл о ней. Подняв глаза, он увидел панику на ее лице и выпустил горло Фаррела, и в это время воздух наполнил оглушительный вой сирен.

Земля затряслась, и небо почернело, когда сиккенский посадочный аппарат материализовался над дорогой перед домом на полном торможении; его тормоза поднимали крутящиеся тучи земли и камней, которые с грохотом падали вокруг людей.

Пока они бежали к дому, Тевернер схватил ружья, свое и Фаррела. Они влетели в дом и захлопнули дверь. Рев двигателей резко оборвался булькающим кашлем, и дом наполнился удручающей тишиной, прерываемой звонком разбитых подскакивающими камнями стекол. Двигаясь, как во сне, как в густом сиропе, Тевернер подошел к дверям гостиной и посмотрел во французское окно. Пыльные облака улеглись. Он различил не по-земному высокие фигуры, выскакивающие из открытой двери летательного аппарата.

Он вернулся в холл. Фаррел смотрел на него с тупым недоумением. Бетия, казалось, ничего не понимала. Она стояла неподвижно, чуть раздвинув губы, глаза ее как бы ничего не видели. «Шок», — подумал Тевернер и обрадовался, что хоть что-то облегчит ей следующие минуты. Он потянул Фаррела в гостиную и сунул в его руки ружье.

За окном что-то задвигалось, Тевернер обернулся и увидел длинную, блестяще-черную фигуру сиккена, заглядывающего в комнату. Стекло запотело от тумана, который выходил из форсунки, укрепленной на голове сиккена, но Тевернер в первый раз мельком увидел широко расставленные глаза, два дыхательных рта, трепещущих в плечах, и вертикально прорезанный посередине живота рот для еды. Он выстрелил с бедра, и стекло расцвело треугольными лепестками в центре головы сиккена. Чужак упал навзничь, но успел бросить через окно металлический предмет.

Тевернер сделал шаг к злобно шипящему предмету с намерением выкинуть его до того, как вещь взорвется, но так и не дошел до него. Комната завертелась перед ним, а затем он уже лежал, уткнувшись лицом в ковер, и не мог двинуться. Он слышал, как рядом упали Фаррел и Бетия. Он хотел повернуть голову, но обнаружил, что не может сделать даже самого легкого движения. Газ из гранаты

полностью парализовал его. Это была как бы прелюдия к смерти. Горькое сознание провала на всех уровнях прошло через Тевернера. Он хотел закрыть глаза — и не мог. Он ждал смерти.

Через несколько секунд по тому участку пола, который он мог видеть, прошли тени, и он услышал, как было выбито французское окно. Четырехпалые, со следами перепон, черные ноги появились в поле его зрения. Его подняли и поставили на ноги. Двое сиккенов держали его, а другие втаскивали в дверь Фаррела и Бетию.

Форсунки на головах сиккенов соединялись с резервуарами на спине. Туман из них заполнил всю комнату вонючей сыростью, которая смачивала открытые трепещущие легкие и другие органы чужаков. Мяукающие и щелкающие звуки выходили из их плечевых ртов, пока они работали, оружие и доспехи металлически звенели.

Тевернер следил за лицом Бетии, когда ее и Фаррела поставили у другой стены. Хотел бы он знать, какие мысли скрываются за ее прекрасным оцепеневшим лицом. В конце концов он видел сиккенов и раньше, хотя не в таких условиях, когда их отвратительная чуждость выражалась столь явственно. Они были семи футов роста и по общей конфигурации грубо подобны человеку, если не считать второй пары рук, выходящих из средней части тела. Вторые руки были значительно атрофированы и обычно складывались поперек рта для еды. Мускулатура была слабая, ограничивалась трехсегментными работающими руками и ногами. Жизненно важные органы располагались снаружи вокруг позвоночника: черные и бледно-голубые растягивающиеся мешки, мокро блестящие от пара, имитирующего сиккенскую атмосферу. И от чужаков воняло чем-то сладковато-прогорклым.

Через французское окно появились еще три сиккена — невооруженные, как отметил Тевернер. Мяукающие голоса стали громче, а затем смолкли. Встав среди комнаты, новоприбывшие оглядели людей. В комнате воцарилась тишина, всякое движение прекратилось. На целую минуту легкие сиккенов и плечевые рты замерли, и сиккены превратились в черные монументы.

Наконец один из пришедших указал на Фаррела, и воины, державшие его стоймя, отошли. Фаррел упал лицом вниз. Воин достал прямой нож, вонзил острие в основание

черепу распростертого человека и провел им, отделяя позвоночник.

Тевернер молча проклинал сиккенов за столь долгий ритуал убийства. Он с запозданием понял, что мог бы с большей пользой распорядиться своим единственным выстрелом. «Прости меня, Бетия,— подумал он, когда увидел, что один из невооруженных чужаков махнул рукой в ее сторону.— Пожалуйста, прости меня!»

Но случилось невероятное.

Осторожно, с явной заботой, два воина подняли Бетию и понесли ее негнущееся тело через окно к летательному аппарату. Тевернер хотел закричать, но его парализованное горло не издало ни звука. Он был так ошеломлен, что едва сознавал, когда его тоже подняли и вынесли из комнаты.

После семидесятилетней войны, в которой сиккены убили более двух миллиардов людей, они вдруг взяли первых двух пленных.

Глава 7

Бывали минуты, когда Тевернер смотрел на нагое тело Бетии голодными глазами, но голод этот шел не от сексуальности, а от одиночества.

Он хотел бы проснуться от беспокойного сонного видения мира тусклых бессмысленных образов, наползающей тьмы и звука дождя. Иногда вдали вроде бы появлялся квадрат желтого свечения, где медленно и рассеянно проходила Бетия; совершенство ее наготы то возникало в ярком свете, то скрывалось в тенях за мокрым стеклом. Уменьшенная перспективой, она казалась апатичной обитательницей аквариума. В такие минуты Тевернер тоже выходил на свет, но это только усугубляло его одиночество, потому что Бетия никогда не смотрела в его сторону.

В первые дни своего плена Тевернер вспоминал об особенностях устройства сиккенских кораблей, потому что не чувствовал движения. Тот отсек, где он находился, представлял собой круглое помещение длиной ярдов в двести и высотой в пятьдесят футов. Искусственный дождь шел почти непрерывно из верхних труб и собирался в желоба в полу, видимо для новой циркуляции. И сквозь движущуюся завесу влаги виднелись бдительные веретенообразные

сиккены, иногда лихорадочно активные, иногда полностью неподвижные — кошмарные образы, выполненные в обсидиане.

Стеклянный куб, в котором жил Тевернер, был около двадцати футов в длину. В нем было тепло, были кровать, стол, стул и туалетные приспособления. Все это предназначалось для человеческого пользования, но сделано чужаками. В кубе была еще библиотека, по-видимому, созданная людьми. Кассеты библиотеки содержали достаточно чтения на — неприятная мысль — весь срок человеческой жизни.

Бетия жила в таком же кубе на расстоянии около ста ярдов от Тевернера. Существование этих кубов привело Тевернера почти в такой же шок, как и сознание того, что его и Бетию взяли живыми. Пока их транспортировали от виллы к кораблю, он все время убеждал себя, что отсрочка смертельного удара вызвана временным помрачением ума отряда сиккенов. Но стеклянные камеры явно были приготовлены заранее. Чужаки знали задолго до нападения на планету, что возьмут двух пленных. И теперь корабль нес их куда-то к планете сиккенов. Но зачем?

Зачем?

Этот вопрос сверлил мозг Тевернера, пока он лежал на пластиковой постели в ожидании еды, которую он называл ленчем. Его часы были унесены вместе с одеждой, других часов в кубе не было, но еду приносили регулярно три раза в день. Звук у входа в куб известил Тевернера, что еда прибыла. Он встал и подошел к внутренней двери. Наружная только что открылась, в проход вошел сиккен и поставил поднос на пол. Яркий свет проходил с вкрадчивой медлительностью по телу чужака, дыхательные рты дрожали.

Тевернер оглядел его через стекло и удостоверился, что это тот же самый, что приносил еду и раньше. Чужак стоял, и тоже смотрел на Тевернера, и Тевернер, как и раньше, испытывал чувство страха. Эти безжизненные непрозрачные глаза принадлежали члену расы, считавшей себя выше человеческой в том плане, который был более всего понятен людям, — в технологической войне. Но это показывало также, что они ниже человечества, потому что человек — историческое прошлое не в счет — никогда не стал бы истреблять единственного разумного соседа. Отчаяние, воплощенное в исправленной таблице Ван Хорнера,

было таким всеохватывающим, что люди приняли бы сиккенов и стремились бы к культурному обмену. Цель Проекта Талбека заключалась в обмене простой мыслью, и Тевернер внезапно понял отчаянную необходимость этого. Если сиккен по другую сторону стекла сделает знак, жест, что признает Тевернера как спутника по путешествию в пространстве-времени, тогда...

Чужак повернулся и вышел странной верблужьей походкой, вызванной сложным действием его трехсуставчатых ног. Тевернер узнал его по рубцу на левой рабочей руке и удовлетворенно кивнул. Ни один человек до него не имел случая разглядывать живого сиккена, и хотя результаты его скромных наблюдений никогда не станут известными на Земле, умственная активность охраняла Тевернера от безумия.

Когда внутренняя дверь открылась, Тевернер перенес поднос на стол и потянул включающее ушко на саморазогревающихся банках. Все этикетки были удалены, но было ясно, что банки человеческого изготовления и содержат хорошо сбалансированную пищу. Видимо, сиккены хорошо знали потребности человека, и — какая ирония! — тело, полученное Тевернером от Хэла, было теперь куда здоровее, чем раньше. Постоянное глубокое дыхание расширяло ребра; хорошая еда и тщательно выполняемые упражнения начали усиливать его мускулатуру, хотя она все еще была развита слабо.

Пока банки разогревались, Тевернер повернулся к кубу Бетии. Ей тоже принесли еду, но процедура была иной. Три сиккена вошли прямо в куб и встали вокруг постели. Когда это случилось впервые, Тевернер изодрал пальцы в попытке открыть дверь и бежать на помощь Бетии. Но затем все прояснилось: сиккены заставляли ее есть. С такого расстояния нельзя было определить, отказывается ли она от пищи принципиально, или просто утратила интерес к еде.

Он бесстрастно следил за снова разыгрывающейся странной пантомимой. Бетия была не в себе с момента приземления сиккенов, когда она, по-видимому, впала в какое-то подобие транса. Это было вполне естественной реакцией сенситива, однако это очень напоминало трехлетнюю Бетию, странную девочку, которая так легко впадала в состояние, близкое к трансу, и плыла в нем, как пушок чертополоха. Обыск памяти Хэла доказал, что взрослая Бе-

тия не имела подобных «уходов», так как она, похоже, регрессировала, отступила во времени. Такая теория была лучшей из тех, что мог вынести Тевернер при его ограниченном знании психологии, но все-таки он находил ее неудовлетворительной. Бетия, насколько он ее знал, имела необычайно высокую степень умственной упругости. Что-то тут было еще, уклончивое и смущающее...

Крышка банки отскочила, давая понять, что содержимое готово. Тевернер отвернулся от размытой дождем картины камеры Бетии и принялся за еду. Во время еды он в сотый раз изучал свой куб. Это был отличный инженерный комплекс. Энергетический кабель проходил под стеной, а более тонкий шел от него к аппарату в потолке. Аппарат, по-видимому, уменьшая влажность, увеличивал содержание кислорода в сиккенском воздухе и подавал измененную смесь в камеру с помощью потолочных вентиляторов. Внутренняя и внешняя двери управлялись энергией из невидимого источника. В первые часы пребывания в камере, Тевернер внимательно обследовал двери, но так и не понял, какая сила их удерживает.

Закончив еду, он поставил поднос между дверями, а банки друг на друга в одном его конце, верхнюю же банку наклонил так, что она должна была упасть при малейшем движении. Затем вернулся и сел на единственный стул. Через несколько минут внутренняя дверь хлопнулась, а внешняя открылась. Сиккен взял поднос. Верхняя банка свалилась на пол. Чужак снова поставил поднос на пол, водрузил банку на место и унес все, не заглянув в куб.

Тевернер задумчиво потер подбородок. Он не имел представления, каковы другие сиккены, но тот, что приносил ему пищу, был — по человеческим стандартам — не слишком смышленным. Он попадался в эту маленькую ловушку с банками пять раз подряд. Без сомнения, сиккены оценивали ум не так, как люди, но способность учиться на опыте была, по мнению Тевернера, жизненной необходимостью. Возможно, что его тюремщики оценивали его собственный интеллект по дурацким поступкам с банками. Но почему же тогда они его держат? Старое затруднение с первыми контактами: человек показывает на какой-то предмет и рискует получить слово, означающее палец. С другой стороны, средний сиккен вполне может быть полудиотом, судя по тому, что было известно об этой расе.

Вовсе не обязательно, чтобы ум распределялся столь же равномерно, как у людей, некоторые общества функционируют более эффективно, если состоят из безмозглых рабов, ведомых несколькими блестящими демагогами. Сиккены могут быть как раз такими — хорошо заточенными мечами для уничтожения всех прочих форм жизни. Возможно, это ключ к их поведению. Может, они предназначены для уничтожения не только человечества, но и вообще всего живого во Вселенной, кроме себя? Психоз на космических весах?

Теввернер беспокойно вертелся на кровати. Если эта гипотеза справедлива, велика ли разница между человеком и сиккенами в их конечном стремлении? Космобиологи или те, кто оптимистически рассматривает шансы земной цивилизации на выживание, считают, что даже одна культура может растянуться через весь Млечный Путь меньше, чем за галактический век, и насаждать одну колонию за другой, как произошло на Средиземном море в классические времена. Теввернер, как ни пытался, не мог быть объективным: если одна форма жизни перекинется через всю Галактику, он предпочтет, чтобы это был человек. А сиккен предпочтет сиккена. Так кто же психопат? Любое разумное существо будет держаться за свою породу против всех пришельцев, безоговорочно веря в собственное предназначение...

Ненавидя сиккенов больше, чем когда-либо, Теввернер бежал из логического уголка, который он нарисовал себе в попытке уснуть. Засыпать без привычных простынь было нелегко, и к нему вернулось чувство одиночества. В такие минуты он вспоминал короткое пребывание в эгон-плане. Его родители, Лисса, Шелби были там живыми, но он не пытался найти их — безличному мозгу эгона это казалось не слишком важным.

На двадцать третий день полета громадный корабль пошел на посадку на планету или ее орбитальный эквивалент. Теввернер внимательно следил за любой переменной, которая указала бы, что корабль закончил свое путешествие. Первым признаком явилось то, что группа сиккенов окружила куб и стала что-то прилаживать к углам. Куб прикрепили к полу, и примерно через час корабль вошел в свободное падение.

На орбите вокруг планеты сиккенов — эта мысль дала Теввернеру мрачное удовлетворение. Пусть чужаки делают

с ним что хотят, по крайней мере кончится унылая суровая жизнь в стеклянной клетке. Сначала он избегал пользоваться микрофильмами, не желая принимать хотя бы в мелочах участие в планах сиккенов относительно него, но потом обнаружил, что не может переносить тревоги, наполнявшей его мозг. И он начал читать, не вникая в смысл, просто отвлекаясь от мыслей. Несколько часов в день посвящал физическим упражнениям.

Долгое ожидание кончилось. Он бегал по кубу, размахивая руками всякий раз, когда ему казалось, что Бетия смотрит в его сторону. Но она сидела за столом и ответных сигналов не подавала. Тевернера беспокоила ее углубленность. Похоже, что она с каждым днем теряла вес, хотя проверить это из-за расстояния и искажающего эффекта стекла было трудно. Она редко двигалась и если иногда проходила по камере, то шла вялой, несвойственной ей походкой.

Чужаки вернулись, подпрыгивая в условиях невесомости, и прикрепили гибкую проволоку где-то в нижней части куба. Они отсоединили кабель, сняли провода, ведущие от контрольного блока и связали их по-новому. Двери камеры щелкнули, задрожали и затем снова плотно закрылись.

Гибкая проволока внезапно натянулась, куб медленно пополз вместе с частью пола. Камера Бетии двинулась в том же направлении, окруженная медленно плывущими силуэтами. Свет впереди стал ярче, и Тевернер понял, что видит выход. Его куб прошел через металлическую арку и остановился в узком отгороженном месте. Он решил, что это челночный корабль, подобрался как можно ближе к выходу, невзирая на протесты желудка, и огляделся.

Мир сиккенов был безликой сферой слепящей белизны, полностью скрытой облаками. Тевернер тут же сообразил, что с поверхности спрятанной планеты нельзя видеть звезд. День, вероятно, состоит из общего блеска обволакивающих паров, а ночью возвращается мрак без всякого небесного света. Он почувствовал леденящее отчаяние, когда последние остатки его веры в превосходство человека над сиккенами улетучились. С трамплина Земли прыгнуть в космос было легче. Планета как бы предназначалась для этой цели: прозрачная атмосфера позволяла видеть ожидавшие людей сокровища, громадная луна висела

как астрономический каменный сброс, другие планеты, хорошо видимые в телескоп, шептали обещания.

Но сиккены не имели таких преимуществ. Для них это было слепое принуждение или спокойная решимость доказать философские гипотезы о том, что их мир не может быть единственным. Тевернер был уверен, что человечество в таких условиях до сих пор ползало бы по своей родной планете. Он отвернулся от выхода и увидел в нескольких футах от себя куб Бетии. Она все еще сидела у стола. Да, она очень исхудала. Тевернер бросился к той стороне своего куба, и это движение заставило Бетию поднять голову. Тевернер подумал, что он и сам выглядит бледным, осунувшимся незнакомцем. Она безразлично посмотрела на него и опустила голову.

— Бетия! — закричал он. — Мы еще живы!

Слова бессильно отразилась от стен тюрьмы, и в его мозгу возник непрощенный образ Лиссы. В это время челнок отделился от материнского корабля и начал ускорение. Тевернер врос в пол, поняв, что Бетия намеренно отвернулась от него. Затем он лег на постель. Теперь он ощутил слабую вибрацию пола, когда машина стала сопротивляться гравитации.

Челнок плавно спускался, пока вход внезапно не потемнел, в постепенно сгущавшиеся тучи.

Тевернер чуть было не пропустил последний толчок, подтвердивший, что они приземлились. Теперь он понял, почему постоянный транс Бетии был так неприятен ему: это напоминало ему, как черные формы их тюремщиков периодически застывали в неподвижности, и их тусклые глаза смотрели куда-то на другие горизонты.

Глава 8

Посадочное поле сиккенов было совсем не таким, каким представлял его Тевернер.

На пути через мрачную атмосферу свет от единственного бортового иллюминатора уменьшался так неуклонно, что казалось, на уровне почвы видимость дойдет до нуля. Но, когда грузовой люк открылся, Тевернер увидел в нескольких сотнях футов облачный коридор. Несмотря на завету дождя, появилась возможность видеть вдаль на двести мили. Бетонное поле тянулось далеко, наземные машины шли между задраенных корпусов — все так же, как на

других космических станциях планет Федерации. За бетонной плоскостью виднелись вроде бы покрытые растительностью холмы, уходящие вершинами в облака. Может, это было начало горной цепи.

Их ждал крытый грузовик, окруженный сиккенами; некоторые были в военных доспехах, другие — совсем голые. Грузовик тоже казался продуктом мира Федерации. Мысли Тевернера были полны беспокойства за Бетию, но как инженер он не мог не обратить внимание, что здешние дизайнеры пришли к тому же решению универсальных проблем, что и их земные коллеги. Ожидающий грузовик был особенно интересен: в полу были квадратные углубления и прижимные устройства. Было ясно, что грузовик создан для перевозки кубов из челнока. Тевернер связал это наблюдение с другими, касающимися тщательного изготовления тюремных камер.

Сиккены поставили кубы в грузовик, произведя ту же процедуру присоединения контрольного аппарата к генератору в передней части грузовика. Изумление Тевернера все более увеличивалось. Анализ образцов сиккенской атмосферы, найденных в захваченном оборудовании, показал земным ученым, что она не очень хороша для людей, но ей можно дышать неделю, а то и больше, прежде чем могут появиться нежелательные симптомы. Сиккены имели такую же информацию о земной атмосфере — в конце концов они передвигались свободно по населенным людьми мирам. Однако они обращались со своими пленниками с исключительной заботливостью, которая полностью сбивала Тевернера с толку.

Когда все было готово, собралась толпа сиккенов с явными признаками воодушевления и интереса. Бетия по-прежнему горбилась за столом, а Тевернер угрюмо следил за черными фигурами. В состоянии возбуждения сиккены еще менее располагали к себе: вторая пара рук отошла от щели рта для еды и слабо помахивала, из кишок внизу сыпались серовато-белые экскременты. Тевернер был почти рад, что толстые стены куба не пропускали звуки, которые издавали сиккены. И очень неприятно было сознавать, что в этом дождливом мире чужак-то он, Тевернер! Противясь желанию показать им кулак, он смотрел на сиккенов, пока дверь грузовика не скрыла их от его глаз.

Машина тронулась. Между кубами и глухими стенками

грузовика было очень малое пространство, и ни один сиккен не сел в кузов. Тевернер подумал, что со времени пленения он впервые не под наблюдением. Он подергал дверь куба, убедился, что она недвижима, как всегда, и принялся за попытки привлечь внимание Бетии. Бетия вышла из-за стола и встала лицом к Тевернеру. Мокрое стекло бросало блики на ее плечи и груди и создавало туманную экспозицию идеала женственности. Тевернер радостно замахал ей, но она отвернулась и неуверенным шагом пошла к постели. Он понял, что она даже не видела его. Его беспокойство за нее усилилось, а вместе с тем и чувство ответственности: ведь это он привел ее на виллу, именно туда, где сиккены решили взять пленников. Если бы он этого не сделал, она, по всей вероятности, умерла бы вместе с остальными жителями Мнемозины, но смерть была бы побегом на эгон-план, и это, конечно, предпочтительнее того, через что она, возможно, должна пройти здесь. Как и Лисса, Бетия, по-видимому, не имела сильной воли к жизни. Она увядала, как сорванный цветок, а сиккены ничем не выдавали своих планов относительно ее будущего.

Беспомощно сжимая кулаки, Тевернер расхаживал по камере. Грузовик вздрогнул, его механизмы выключились. Дверь открылась, и Тевернер увидел, что они на вершине холма. Облачный потолок был чуть ли не над самой головой, а видимость ограничивалась несколькими сотнями ярдов вниз по ступенчатым склонам холма с каждой стороны массивного строения без окон. Его опорные стены были сложены из пятнистого синего камня, а здание поставлено наклонно. На возвышенной стороне, где остановился грузовик, был всего один этаж, но через квадратное отверстие в стене виднелся спуск на нижние уровни. Здание выглядело бесспорно функциональным, но Тевернер никак не мог догадаться, для чего оно предназначено. Может, это тюрьма или станция ксенологических исследований...

Дверь грузовика опустилась и образовала платформу, примыкающую к низу отверстия в стене. Из здания вышли сиккены, вошли в грузовик и потащили первым куб Тевернера. Сердце Тевернера дернулось, когда он оказался внутри загадочного здания. Теперь он, по крайней мере, получит хотя бы намек на намерения чужаков.

Когда его глаза привыкли к скудному освещению, он

заметил, что куб тащат по голому полу. В дальнем конце была зияющая пустота, разделенная по вертикали массивными металлическими колоннами. Между ними тянулась высокая сетчатая изгородь, а на полу там и сям видны были прямоугольные следы, показывающие, что тут недавно стояли машины. Тевернер подумал, что это здание, возможно, было раньше мастерской, а теперь переделано... во что?

Его взгляд отметил два квадратных углубления в полу с уже знакомыми зажимами для крепления кубов. Между ними проходила низкая стена, из нее торчали короткие энергетические кабели. И Тевернер наконец понял план сиккенов.

Их с Бетией собирались держать в этой искусственной пещере долгое время — возможно, до конца их жизни. Ничего другого нельзя было подумать, раз сиккены устроили им стационарное место и жизнеобеспечивающие системы. Но зачем им хранить двух членов исчезнувшей человеческой расы? Как живые экспонаты? Или хотят основать колонию пленников и изучать человеческое поведение. Он повернулся к кубу Бетии. Она неподвижно лежала на кровати, не обращая внимания надвигающиеся вокруг нее молчаливые черные фигуры.

В это время куб Тевернера поставили в углубление, а куб Бетии отвезли за центральную стенку. Только тут Тевернер понял назначение стены: она лишала его и Бетию последнего малого удовольствия — видеть друг друга.

Проводить одинокие молчаливые дни и ночи в стеклянном ящике, есть из банок, видеть сквозь мокрые стекла бродящих в полутьме сиккенов, не знать, жива Бетия за стеной или умерла...

Ненависть переполнила Тевернера, связала узлами мышцы, толкала его на действия, которых он не мог совершить. Он бросился к стене, царапал стекло, обрывая ногти, и вдруг заметил, что сиккены собираются подключить куб к новому энергетическому питанию. В прошлый раз при этом дверь задрожала.

Он бросился к двери в момент, когда внутренняя дверь едва заметно затряслась и ударил в нее всем телом. Резкая боль в плече, удар внешней двери по его незащищенной груди — и он оказался среди качающихся и мяукающих сиккенов.

Сумерки взорвались движением вокруг Тевернера. Чу-

жак обвился вокруг него, и он обеими руками ударил по раздутым легким. Тот вяло скользнул вниз, и Тевернер отметил, что это не воин, иначе его легкие были бы защищены доспехами. Он повернулся, чтобы встретить подбежавшего воина пинком в нижнюю часть тела, но промахнулся и потерял равновесие. Он ожидал, что чужак воспользуется случаем и пристрелит или заколет его, но тот попытался схватить Тевернера за руки, дав ему возможность дернуть врага за ноги и свалить. Тевернер выхватил у него нож, увернулся от хватающих пальцев, ударил сиккена тыльной стороной руки по лицу и побежал. Сиккен бросился за ним, растопырив руки, и сам наткнулся на выставленный нож. Вторые руки слабо ударили Тевернера, когда сиккен падал, Тевернер перескочил через него, пробил себе дорогу между двумя другими сиккенами, добежал до другого куба и одним взмахом ножа отсоединил кабель. Удар тока прошел по лезвию и как бы внес Тевернера в двери куба Бетии. Задышавшись, он повернулся, чтобы защитить дверной проход и с удивлением обнаружил, что его не преследуют. Тут до него дошло, что больно уж легко он пробился сквозь толпу сиккенов — никто не нанес ему настоящего удара. Вроде бы они боялись повредить ему...

— Мак! — Бетия приподнялась на локте.

Тевернер подбежал к ней.

— Это мой единственный шанс поговорить с тобой, Бетия, и времени мало. — Он опустился на колени возле ее постели. — Я... важно, чтобы ты жила, для меня важно. Я думаю, что сиккены хотят держать нас живыми. Живыми, Бетия, и я хочу... Обещай мне, что ты будешь... — Он остановился, вдруг вспомнив единственное слово, которое она произнесла. — Как ты меня назвала?

— Ты же Мак Тевернер, не так ли?

— Откуда ты знаешь?

— Я слышала, как ты сказал это своему отцу... а затем... старые сны, которые, как я думала, никогда не возвратятся... Ведь все это правда, Мак?

Глаза ее были такие живые, какими он никогда их не видел. Лицо ее было лицом Бетии-ребенка.

Он кивнул и прижал к своим губам ее холодные пальцы.

— Я был мертвым, Бетия, поверь мне.

— И там слепящее белое солнце? Говорящее солнце?

— Да. Когда-нибудь мы станем частью этого солнца.

— Мак! — Бетия села, и ее пальцы сжались на его руке

с поразительной силой.— Выведи меня из этой камеры. Я должна выйти.

Тевернер посмотрел сквозь прозрачную стену. Несколько сиккенов замерли в неподвижности, а другие бегали в окружающем полумраке.

— Не знаю, Бетия. Что это даст? Ты же знаешь, что мы на планете сиккенов.

Он замолчал, пораженный ее широкой, теплой улыбкой.

— Однажды ты просил меня бежать с тобой в лес, Мак,— сказала она дрожащим голосом и глаза ее выражали что-то вроде сострадания.— Здесь тоже лес, всего в сотне ярдов от нас — пусть это будет шанс, хотя бы самый малый.

Тевернер вдруг вспомнил, как он смотрел на маленькую Бетию и думал, что способность производить таких детей оправдывает существование Человека. То ощущение вернулось, и Тевернер понял, что это превосходит все соображения индивидуальной жизни и смерти.

— Ладно,— сказал он,— пошли.

Он помог Бетии встать, и они побежали к двери. Сиккены окружили куб, но он не забыл их странное нежелание причинять ему вред. Туман снаружи здания, кажется, рассеялся. Если им удастся захватить грузовик, может, они найдут дорогу к лесу. Крепче ухватив свой сиккенский нож, он прорвался через двери и врезался в стену черных тел. Те попадали перед ним, и мираж надежды замерцал в его мозгу. Он схватил Бетию за руку и потащил за собой, но она вырвала руку.

— Прости меня, Мак,— крикнула она, и ее бледное тело метнулось в противоположную сторону, качаясь и изгибаясь, увертываясь от черных перепончатых рук, как гонимый ветром дым.

— Бетия!— хрипло закричал Тевернер, увидев, куда она бежит, но она уже лезла по сетчатой ограде со сверхъестественной быстротой. Она секунду балансировала наверху, как сверкающее распятие, а затем прыгнула в пустоту.

Тевернер закрыл лицо руками, услышав, как ее тело ударилось о бетон далеко внизу.

Странно, но первым пришел в себя Тевернер. Мягкий удар, казалось, парализовал сиккенов, даже пятна зрачков в их больших глазах перестали двигаться. Тевернер растолкал сиккенов и побежал к ограде. Проволока сетки резала его босые ноги, но он забрался наверх и перегнулся через пери-

ла. Бетия лежала, как смятый носовой платок, по меньшей мере в пятидесяти футах внизу, в тени темных машин.

Теввернер встал на перила и побежал по ним до ближайшей колонны. В это время сиккены достигли ограды. Он обхватил руками влажный выступ колонны и скользнул вниз в нескольких дюймах от своих преследователей, но по другую сторону проволочной сетки. Пересечение пола и колонны уменьшило возможность держаться, и Теввернер чуть не сорвался, но успел выпустить колонну и схватиться руками за нижний край изгороди, а ногами — обхватить невидимую колонну ниже уровня пола. Пальцы сиккенов хватались за него сквозь ячейки сетки, дыхательные рты их отчаянно мяукали.

Он освободился от них и продолжал скользить вниз, не обращая внимания на то, что грубые края колонны рвут его тело. Оказавшись внизу, он подбежал к Бетии и упал рядом с ней, не касаясь ее переломанного тела. Лицо ее было спокойным, как во сне. Теввернер опустил голову на руки, и горькое рыдание вырвалось из его горла.

— Мак! — вышел из разбитых губ детский голос.

— Я здесь, Бетия.

— Останься со мной, Мак. Не позволяй им взять меня снова, пока не будет поздно... возвращать меня к жизни.

— Зачем, Бетия? Зачем ты это сделала?

Ее глаза с усилием открылись, губы медленно двинулись. Он приложил ухо к ее рту и услышал, как ее последний болезненный вздох сформировался в единственную, невероятную фразу. Когда сиккены добрались до него, он все еще лежал рядом с Бетией. Нож его остался где-то наверху, и он защищал безжизненное тело Бетии голыми руками до тех пор, пока газовая граната не взорвалась у его ног. И когда сознание ушло, последние слова Бетии все выше и выше поднимались в его голове, как океанские волны Мнемозины, родной планеты Бетии.

— Я — новый тип человека, Мак, — сказала она, — и для сиккенов жизненно важно сохранить меня живой.

Глава 9

Через много часов зашитое и забинтованное тело Теввернера слабо шевельнулось на пластиковой постели в его стеклянном кубе. Он слегка застонал, когда его мозг переходил от глубокого наркотического беспамятства к усилен-

ной восприимчивости нормального сна. Пейзажи немых цветов и сложности кружились и дрожали вокруг него.

Слепящее белое солнце заговорило голосом Вильяма Ладлема.

— Хорошо сделано, Мак Тевернер.

— Прости, я не понимаю,— ответил Тевернер.

— Сейчас поймешь.

В центре солнца появилось лицо, прекрасное лицо ребенка и женщины одновременно. Бетия.

— Спи спокойно, Мак,— сказала она.— У тебя впереди другая работа.

Тевернер хотел пойти к ней, к мудрости эгона, но он был заключен в физическом теле.

— Бетия, зачем ты оставила меня одного?

— Бедный Мак, это было необходимо. Другие передо мной рождались и умирали, но они появлялись преждевременно — Путь не мог быть открыт.

— Путь?

— Да, Мак. Я — Путь.

Свет эгон-солнца вспыхнул вокруг нее.

— Все равно я не понял.

— Человек не совершенен. Но он на пути к совершенству: теперь индивидуальный мозг человека в физическом плане может общаться с Мать-массой через меня.

— Через тебя?— Тевернер вспомнил туманное женское лицо, которое он видел при болезненных контактах между его существованием эгона и умоляющей тенью протожизни.— Значит, ты вызвала меня обратно, а не Лисса!

— Да.

— Но если ты могла это сделать...

— Это были латентные способности. Моя жизнь на Мнемозине была всего лишь промежуточной стадией. Теперь я знаю, что главной целью была эволюция нового вида эгонов. Я была первым человеком, родившимся с потенциальным развитием эгона, который имеет полную силу общения с живым человеком. Я — Путь!

Бетия, казалось, улыбнулась, когда мозг Тевернера поднялся, сначала неуверенно, а затем воспарил над новым уровнем понимания.

— Эволюция... Значит, ты другая,— сказал он.

— Мое тело было другое. Суперэгон, частью которого я теперь являюсь, смотрел далеко за барьер настоящего и предвидел необходимость движения человечества к высшему испытанию. Эгоны, как ты знаешь, имеют физическое

существование, но так слабы, что всей энергии Матери-массы хватило лишь на изменение структуры одного-единственного гена. Последняя попытка изменить курс развития человека была сделана, когда был зачат мой дед. И когда в результате родилась я — чуть впереди эволюционного графика, моя нервная система была равна сиккенской, а то и лучше.

— Ты хочешь сказать, что сиккены могут...

Тевернер не мог найти слов, когда первое смутное понимание сиккенской войны зародилось в его мозгу.

— Да. Сиккены совершенны, потому что уже много тысячелетий могли общаться постоянно и непосредственно со своим мировым мозгом. Их мозговая структура несравнима с человеческой, так что они любым путем могут привести человечество к гибели — даже без угрозы баттерфляй-кораблей.

— Опять корабли, — вздохнул Тевернер.

— Да. У тебя есть основания ненавидеть сиккенов, но подумай, какими мы кажемся им. Нет таких гнусных слов, чтобы описать нас с их точки зрения — отвратительные бледнокожие торговцы истинной смертью. И их эгон-масса предупреждает их, что инстинкт человека толкает его на захват всего пространства, на заполнение его черными крыльями, которые могут очистить всю Галактику от истинной жизни, отнять у сиккенов их бессмертие. И они решили предупредить это, и Мать-масса вела их шаг за шагом по этому пути, в то время как человек жестоко обращался со своей Мать-массой, рассеивал ее, отнимал у себя даже те слабые контакты, которые возможны на этой стадии его развития. Я родилась с опережением графика, но в другом отношении я опоздала. Очень опоздала.

— И, — догадался Тевернер, — сиккены знали о тебе.

— Знали через свою эгон-массу. Вот поэтому они взяли Мнемозину, поэтому я была изолирована. Они боялись, что я могу быть убита случайно, они намеревались держать меня живой, и не семьдесят лет, как ты опасался, а до тех пор, пока человеческая раса не будет полностью уничтожена.

Теперь эта возможность предотвращена — вооруженное истинным знанием своей природы человечество может выиграть войну с сиккенами. Люди использовали свое самое страшное оружие против себя. Нет надобности пытаться проводить вооруженные корабли через экраны сиккенов, достаточно лишь добраться до их родной планеты и пус-

тить невооруженные баттерфляй-корабли челноком через сиккенскую эгон-массу. Разум сиккенов окажется лишенным помощи, и это подорвет их веру в себя.

Теввернер был потрясен.

— Но так много смерти... истинной смерти! Неужели ты...

— Это не понадобится. Война, в сущности, кончена. Сиккенская Мать-масса готовила их и к провалу. Они освободят весь этот сектор космоса, и очень мало вероятности, что человек и сиккен когда-либо встретятся снова в физическом плане.

Бурная радость взорвалась в мозгу Теввернера.

— Но как можно убедить во всем этом КОМсэка? Кто им скажет?

— Ты все еще не понял истины, Мак,— Бетия снова дружески улыбнулась.— Человечество переступило порог. Я уже вложила информацию в тысячи самых влиятельных голов Федерации. Она принята и действует. С этого времени каждый человек будет иметь в своем распоряжении все знания и мудрость сознания расы.

Впереди удивительное время, Мак. У человечества, конечно, будут затруднения и борьба, но для него не будет ни одной неразрешимой проблемы, ни одного непреодолимого расстояния. Спящий или бодрствующий — а истинной функцией сна всегда было дать индивидуальному мозгу общение с мировым мозгом,— Человек никогда уже не будет прежним!

Не в силах говорить, Теввернер старался вместить в себя безмерность пространства и времени. Затем каким-то образом через их бесконечную остроту пришло воспоминание об искаленном теле Бетии и человеческих отношениях, которых он никогда не познает на опыте. Он знал, что его мысли не тайна для нее.

— Я буду ждать,— обещал он.— Я никогда не полюблю никого...

— Ты не можешь любить меня, Мак,— ласково сказала Бетия.— Я — Путь.

— Но...

— Как ты думаешь, почему сиккены не убили тебя с Джервезом Фаррелом? У моего деда было два сына: один — мой отец, другой — Говард Гренобль. Генетические признаки у Говарда и Лиссы были рецессивными, а Лисса — твоя мать. В тебе они рецессивны лишь отчасти — сиккены знали об этом, а в твоих детях или внуках эти гены снова станут доминирующими. Человечеству

нужно твое семя, Мак, оно поможет ему сделать следующий шаг по пути эволюции, и ты не можешь уклониться от этого своего долга. Теперь ты пойдешь вперед...

Тевернер проснулся, дрожа от холодного, сырого воздуха сиккенского мира. Он с трудом встал и огляделся. Внутри куба стоял туман — это означало, что контрольная аппаратура выключена.

Он толкнул двери, и они легко открылись. Он вышел. Пол под его босыми ногами был холодным. Здание совершенно пусто. Сиккены исчезли.

Он прошел за разделительную стенку и взглянул на куб Бетии. Сброшенное ею тело сияло белизной за туманными стеклами, и поспешно отвернулся. Вне здания мир был неподвижен, если не считать чуть заметного движения окутывающих планету облаков. Тевернер вздрогнул и подумал, что надо немедленно приниматься за дело. Отыскать запасы пищи, подумать, как сохранить тепло в камере, пока не появится корабль Федерации, а это может случиться не очень скоро. От баттерфляй-кораблей, вероятно, отказались, а носители большой реактивной массы строятся не так быстро. А первым делом он выкопает могилу для Бетии.

Он не мог представить себе, как переживет боль утраты, но будущее тянулось перед ним в бесконечность.

Это будущее превосходило всякое человеческое воображение.

Миллион завтра

Глава I

Было раннее утро. Карев спокойно сидел за столом, не делая ровным счетом ничего.

Благодаря кислородно-аскорбиновой бомбе, принятой перед завтраком, он не чувствовал последствий похмелья, и все же какое-то едва ощутимое напряжение, легкое дрожание нервов говорило о том, что природа не дает обмануть себя так просто. Правда, он был твердо убежден, что чувствовал бы себя лучше, расплачиваясь за перепой острой головной болью и тошнотой...

Мне сорок лет, подумал он, и я уже плохо переношу это. Ничего не поделаешь, в недалеком будущем придется остыть. Он машинально коснулся щетины над верхней губой и на подбородке. Согласно господствующей моде для исправных его возраста, она была пятимиллиметровой и, когда он нажимал на нее пальцем, отклоняя вбок, пружинила почти как проволочная щетка, как ряды малых переключателей, вызывающих попеременно удовольствие, боль и умиротворение. «Вместо того, чтобы умирать, закрепить», — мысленно повторил он популярную поговорку.

Он взглянул сквозь прозрачную стену своего рабочего кабинета. Вдали, за блестящими трапециевидными зданиями города, поблескивали белизной, пульсирующей в такт ударам его сердца, Скалистые Горы. В это утро должно было выпасть много снега, но отряды управления погодой первыми вступили в дело, поэтому небо над ледовыми пропастями выглядело удивительно беспокойным. Солнечный свет пульсировал, проходя сквозь неумовимые мембраны магнитных управляющих полей, видимых благодаря заключенным в них частицам льда. В глазах утомленного Карева небо выглядело как панорама серых внутренностей. Он повернул голову и только решил сосредоточиться на

пачке перфокарт, как раздался тихий звонок телепресса. На проекционном экране приемника появилась голова Хирона Баренбойма, председателя корпорации «Фарма».

— Вы там, Вилли?— Нематериальные глаза смотрели вопросительно, ничего не видя.— Я хотел бы с вами увидеться.

— Здесь, здесь,— ответил Карев и, прежде чем включить изображение, убрал с поля зрения перфокарты, с которыми должен был покончить два дня назад.— Чем могу служить?

Взгляд Баренбойма замер на лице Карева, потом председатель одарил его улыбкой.

— Не на волнах эфира,— сказал он.— Прошу через пять минут прийти ко мне в кабинет. Конечно, если вы можете вырваться.

— Конечно, могу.

— Отлично. Я хотел бы кое-что обговорить с вами наедине,— сказал Баренбойм, и его безволосое лицо расплылось в воздухе, оставив Карева на милость неясного беспокойства.

Председатель был настроен доброжелательно, но при этом ясно дал понять, что что-то затевает. Карев же неохотно встречался со старыми остывшими, даже в чисто дружеской обстановке. В его представлении возраст сто лет являлся границей, ниже которой еще можно было считать остывшего обычным человеком. Но если общаешься с человеком, вроде Баренбойма, который пять лет назад отметил двухсотый день рождения...

Обеспокоенный Карев встал, превратил внешнюю стену в зеркало, одернул тунику и внимательно посмотрел на себя. Высокий, плечистый, хотя и не отличающийся атлетическим сложением, с прямыми черными волосами и бледным лицом, затененным щетиной в форме испанской бородки, он выглядел совсем неплохо, хотя, может, и не как идеал бухгалтера. Но почему же он боялся разговора с остывшими, вроде Баренбойма и его заместителя Мэнни Плита? Потому что пора уже и тебе остыть, сказал внутренний голос. Время закрепить, а ты не любишь, когда тебе об этом напоминают. Ты исправен в полном смысле этого слова, Вилли, и не в смысле исправен физически и биологически, а так, как говорят это остывшие. Просто исправен!

Поглаживая щетину и до боли вдавливая ее в кожу, Карев торопливо вышел из комнаты в секретариат. Он ми-

новал административные машины, задумчиво кивнул головой Марианне Тоун, присматривавшей за этими электронными устройствами, и вошел в короткий коридорчик, ведущий к кабинету Баренбойма. Круглое черное окно в дверях кабинета мигнуло один раз, узнав его, после чего гладкая деревянная плита отодвинулась в сторону, и Карев вошел в большой солнечный кабинет, в котором всегда пахло кофе. Сидящий за красно-голубым столом Баренбойм улыбнулся ему и указал на стул.

— Пожалуйста, садитесь и подождите, сынок. Мэнни скоро придет, я хочу, чтобы и он был посвящен в суть дела.

— Спасибо, господин председатель.

Сдерживая любопытство, Карев сел и стал внимательно разглядывать своего хозяина. Баренбойм был мужчиной среднего роста, с плоским, срезанным назад лбом, с выступающими надбровными дугами и вздернутым носом с раздувающимися ноздрями. С почти обезьяньей верхней частью головы контрастировали маленький деликатный рот и подбородок. Белые кисти, приводящие в порядок бумаги и перфокарты, были довольно пухлыми и безволосыми. В отличие от множества остывших ровесников, Баренбойм педантично заботился об одежде, всегда на несколько месяцев опережал моду. На вид ему сорок, хотя на самом деле уже двести, подумал Карев. Он имеет право обращаться ко мне «сынок», ибо с его точки зрения я еще не достиг юношеского возраста. Он снова коснулся щетины, и глубоко посаженные глаза Баренбойма дрогнули. Карев знал, что его жест не ускользнул от внимания и был прочитан в свете накопленного за двести лет опыта. Понял он и то, что, позволяя заметить движение глаз, Баренбойм дает понять, что читает его мысли и хочет, чтобы он знал об этом... Он почувствовал растущее давление в голове, беспокойно шевельнулся на стуле и взглянул через стену. Потрявоженный серый воздух по-прежнему переваривал вьюгу, и Карев смотрел на это до тех пор, пока двери в первый проходной кабинет дали знать о прибытии вице-председателя Плита.

За полгода работы в «Фарме» Карев видел Плита всего несколько раз, обычно издалека. Этот шестидесятилетний человек закрепился, судя по его виду, в возрасте около двадцати лет. Как и у всех остывших, лицо его было без волос, как будто его поскребли пумексом, чтобы убрать малейшие следы щетины. Всю его кожу от волос надо лбом до

самой шеи покрывал однородный светлый румянец, распространившийся даже на белки бледно-голубых глаз. Кареву пришло в голову сравнение с фигурами из комиксов, которые он видел в программах, посвященных истории литературы, карикатурист изобразил бы нос Плита одной крючковой чертой, а узкие губы короткой, изогнутой вверх линией, отражающей натянутую веселость от какой-то неуловимой мысли, таящейся под гладким, как пластик, лбом.

Плит был одет в янтарную тунику и узкие брюки, а единственным украшением всего костюма являлся гравированный золотой брелок в форме сигары. Он кивнул головой Кареву, раздвинув при этом губы чуть шире, и занял место рядом с Баренбоймом, садясь как будто на воздух, но его поддерживал магнитный стул (модель «Королева Виктория»), вмонтированный в брюки.

— Итак, к делу, — сказал Баренбойм, отодвигая в сторону бумаги и устремляя на Карева серьезный, дружеский взгляд. — Сколько вы работаете для «Фарма», Вилли?

— Полгода.

— Полгода... А удивило бы вас известие, что все время вашей работы мы с Мэнни внимательно следим за вами?

— Ну... конечно, я знаю, что вы поддерживаете постоянный контакт с персоналом, — ответил Карев.

— Это верно, но вами мы интересуемся особенно. Вы интересуете нас, потому что нравитесь нам. А нравитесь потому, что обладаете очень редкой чертой — рассудком.

— Да?

Карев внимательно смотрел на обоих шефов, ища объяснения, но лицо Баренбойма было, как обычно, непроницаемо, зато Плит, с глазами, как выцветшие кружки, легонько покачивался на своем невидимом стуле и улыбался сжатыми губами, созерцая какие-то внутренние триумфы.

— Да, — продолжал Баренбойм. — Здравый рассудок, мужицкий ум, толковая голова — назовите, как угодно, — во всяком случае ни одна фирма не может процветать без этого. Скажу вам, Вилли, ко мне приходят в поисках работы действительно умные ребята, а я отправляю их обратно, ибо они слишком интеллигентны и так разговорчивы, что их никто не переговорит. Совсем как компьютеры, которые выполняют миллион операций в секунду, а в результате посылают новорожденному счет на тысячу долларов за электричество. Вы понимаете?

— Да, я знаком с парой таких,— ответил Карев, вежливо улыбаясь

— И я тоже, причем слишком со многими, но вы-то другой человек. И именно поэтому я так быстро вас продвинул, Вилли. Вы работаете у нас полгода, а уже занимаетесь контролем счетов целого отдела биопоззы. Можете не сомневаться, это действительно быстрое продвижение. Другие работают у меня четыре, пять лет, а занимают более низкие должности.

— Я искренне благодарен за все, что вы для меня сделали,— заверил Карев с растущим интересом. Он знал, что является вполне приличным бухгалтером, так неужели могло произойти такое, что подняло бы его на высшую ступень управления за много лет до срока?

Баренбойм взглянул на Плита, который играл золотой сигарой, потом снова на Карева.

— Поскольку я очень четко определил свою позицию, надеюсь, вы позволите мне задать очень личный вопрос. Я имею на это право?

— Разумеется,— ответил Карев, глотая слюну.— Спрашивайте.

— Отлично. Так вот, Вилли, вам сорок лет и вы по-прежнему исправный биологически мужчина. Когда вы собираетесь закрепитьсь?

Вопрос поразил Карева и потому, что его задали неожиданно, и потому, что он попал в самый центр его опасений о своей супружеской жизни, которые росли в нем уже пять лет, с момента, когда он обнаружил на виске Афины первый седой волос. С трудом ища подходящие слова, он почувствовал, что краснеет.

— Пока... пока я не определил точной даты. Конечно, мы часто разговариваем об этом с Афиной, но нам кажется, что еще есть время.

— «Время»! Я удивлен. Ведь вам сорок лет. Стерола никого не ждут, и вы знаете не хуже меня, что развитие склероза сосудов — единственный физиологический процесс, который нельзя повернуть вспять с помощью биостатов.

— Но ведь есть средства против быстрой свертываемости,— быстро ответил Карев, ни секунды не размышляя, как боксер, парирующий удар.

На Баренбойма это не произвело должного впечатления, но, видимо, он решил начать с другой стороны, ибо взял какую-то перфокарту и сунул ее в читник.

— Это ваши личные данные, Вилли. Я вижу, что...— он

замолчал, взглядываясь в экран размером с ладонь,— ваша жена по-прежнему фигурирует в картотеке Министерства здоровья как смертная. А из документов следует, что ей уже тридцать семь лет. Почему она так долго тянет?

— Мне трудно ответить на это.— Карев глубоко вздохнул.— У Афины свои чудачества. Она сказала... сказала...

— Сказала, что не сделает себе укола, пока этого не сделаете вы. Подобная ситуация часто встречается среди моногамных супружеских пар, живущих «один на один». Отчасти в этом нет ничего удивительного, но...— В улыбке Баренбойма отразилась печаль двух столетий.— Но, говоря напрямую, Вилли, сколько можно с этим тянуть?

— Действительно... Вообще-то через неделю будет десятая годовщина нашей свадьбы.— Карев с удивлением вслушивался в свой голос, гадая, что сказать.— Я решил,— продолжал он,— что для празднования этой годовщины мы с Афиной должны повторить наш медовый месяц. А потом я хотел закрепиться.

С лицом, на котором отражалось удивление и облегчение, Баренбойм взглянул на Плита, а тот, румяный и карикатурно довольный, кивнул головой, подсакивая на своем пружинящем стуле.

— Вы даже не представляете, Вилли, как я рад, что вы решились,— сказал Баренбойм.— Я не хотел оказывать на вас давление, хотел, чтобы вы действовали, как человек совершенно свободный.

«Что со мной происходит?— мысленно задал себе вопрос Карев. Он с трудом сдерживал желание коснуться щетины на лице, когда эта мысль холодным огнем вспыхнула в его голове,— я же вовсе не хотел закрепляться через месяц».

— Вилли,— вежливо обратился к нему Баренбойм,— вы человек неглупый. До сих пор наш разговор был беспредметен, поэтому вы наверняка удивляетесь, зачем вас сюда пригласили. Я прав?

Карев рассеянно кивнул «Я не могу закрепиться,— думал он.— Правда, Афина любит меня, но я потерял бы ее в течение года».

— Итак, приступим к делу.— В словах Баренбойма, сформулированных и произнесенных с опытом, полученным в течение жизни в три раза большей, чем обычно, совершенно ясно прозвучало напряженное возбуждение, и Карев замер от дурных предчувствий.— Хотели бы вы

стать первым в истории человечества мужчиной, который, получив бессмертие, сохранит свои мужские способности?

Разум Карева взорвался образами, хаосом слов, понятий, желаний, опасений. Он пересек бесчисленные бесконечности, над серебристыми морями прокатились черные звезды.

— Вижу, что удар был силен. Нужно время, чтобы освоиться с этой мыслью,— сказал Баренбойм и с довольным выражением лица откинулся на стуле, сплетя белые пальцы.

— Но ведь это невозможно,— запротестовал Карев.— Общеизвестно, что...

— Вы такой же, как и мы, Вилли. Вы не можете принять факт, что гипотеза Вогана является всего лишь тем, чем является, то есть гипотезой. Концепция, что бессмертное существо не может иметь способностей к воспроизведению потомства, очень эффективна. Воган утверждал, что, если биостатическая связь появится и начнет действовать случайно или умышленно, природа затормозит мужскую плодность для соблюдения биологического равновесия. А не пошел ли он в своих предположениях слишком далеко? Не принял ли он локальное явление за универсальное?

— Он у вас есть?— резко прервал его Карев, вспомнивший, что все фармацевтические фирмы мира уже более двухсот лет, невзирая на затраты, яростно и до сих пор безуспешно ищут биостат, терпимый к сперматидам.

— Есть,— прошептал Плит, заговорив впервые за время разговора.— Теперь нам нужен только подопытный кролик, стоимостью в миллиард долларов, или вы, Вилли.

Глава 2

— Я должен точно знать, что с этим связано,— сказал Карев, хотя уже принял решение. Афина выглядела привлекательно, как никогда, но в последнее время он заметил на ее лице первые слабые признаки, предупреждающие, что пора кончать это топтание на месте и делать вид, что ботинки от этого не изнашиваются. Мы проводим великолепный уикэнд в пурпурном полумраке, а когда между нашими пальцами протекают последние его минуты, нам не хватает честности, чтобы заплакать от жалости. «Через неделю нам будет так же хорошо»,— говорим мы, делая вид, что наш собственный календарь повторяющихся недель,

месяцев и времен года — это истинная карта времени. Но время — это просто черная стрела...

— Разумеется, мой дорогой,— ответил Баренбойм.— Прежде всего вы должны помнить о необходимости соблюдать полную тайну. А может, я просто яйцо, которое хочет быть умнее курицы?— Он взглянул на Карева, отдавая должное трезвости рассудка своего бухгалтера.— Скорее, это вы могли бы сказать мне, что потеряла бы «Фарма», если бы какой-нибудь другой концерн узнал об этом слишком рано.

— Соблюдение тайны — это абсолютная необходимость,— признал Карев, по-прежнему видя перед собой лицо Афины.— Это значит, что мы с женой должны будем исчезнуть?

— Да нет же! Совсем наоборот. Ничто не привлекло бы внимания промышленного шпиона так быстро, как ваше исчезновение отсюда и появление, скажем, в наших лабораториях на Перевале Рэндела. Мы с Мэнни считаем, что лучше всего вам с женой и дальше вести нормальную жизнь, как будто не произошло ничего чрезвычайного. Обычные врачебные осмотры, о которых никто не будет знать, вы сможете проходить здесь, в моем кабинете.

— Значит, я должен делать вид, что не закрепился?

Баренбойм внимательно разглядывал свою правую руку.

— Нет,— сказал он.— Вы должны именно делать вид, что закрепились (до чего ужасное выражение!). Не забывайте, что ни о каком закреплении нет и речи. Вы останетесь биологически исправным мужчиной, однако безопаснее вам начать пользоваться депиляторами для лица и вообще, вести себя так, как положено остывшему.

— Ах, вот оно что,— ответил Карев, удивленный силой внутреннего протеста, который все это у него вызвало. Ему невероятно повезло получить предложение бессмертия безо всяких связанных с этим ограничений, что еще несколько минут назад было нереальной мечтой, и все же он содрогнулся от такой малости, как уничтожение внешних признаков мужественности.— Конечно, я соглашусь на все, но если это новое средство такое хорошее, то не лучше ли делать вид, что я не получил укола?

— При других обстоятельствах — да. Однако я догадываюсь, что большинство друзей знает о вашем отношении к уколам. Верно?

— Похоже, так.

— Значит, их удивит, если ни с того, ни с сего Афина

станет бессмертной, а вы внешне нисколько не изменитесь. Вы же знаете, как трудно женщине скрыть факт, что она сделала укол.

Карев кивнул головой, вспомнив, что только женщины являются действительно бессмертными созданиями природы, ибо только они могут принимать биостаты, не уничтожая при этом свою половую систему. Побочное действие этого лекарства заключалось в том, что оно идеально регулировало производство экстрадиола, создавало ореол вызывающе цветущего здоровья, оптимальное самочувствие, о котором прежде женщины могли только мечтать. Карев представил себе Афину в этом состоянии божественного совершенства, сохраненном навсегда, и мысленно выругал себя за то, что тянет с решением.

— Я вижу, что не успеваю за ходом вашей мысли, господин председатель. Конечно, вы захотите обсудить это с моей женой?

— Решительно нет. До сих пор я не имел удовольствия познакомиться с ней, и, хотя из ее психотеки следует, что она женщина надежная, лучше, чтобы пока мы друг друга не знали. Ваша домашняя жизнь должна идти как обычно, без всяких изменений. Понимаете?

— Я должен сам все это объяснить ей?

— Именно так. Втолкуйте, насколько важно соблюдение тайны,— сказал Баренбойм и посмотрел на Плита.— Думаю, что мы можем доверять нашему Вилли, правда, Мэнни?

— Я тоже так думаю.

Плит кивнул головой и пружинисто подскочил на стуле. Покрасневшие белки его глаз блестели в утреннем свете, а золотая сигара на груди сверкала.

Баренбойм одобрительно шелкнул языком.

— Значит, решено. Мы только хотели бы, чтобы сразу после укола вы прошли контрольные исследования на Перевале Рэндела, и легко найдем причину, требующую визита ревизора в лабораторию биопоззы. Таким образом тайна будет сохранена.

Карев искренне улыбнулся.

— Это колоссальное научное достижение, настоящий перелом. Вы не могли бы рассказать мне...

— Нет, Вилли. Это запретная тема. Как вы знаете, биостатические соединения по своей природе вредят андрогенам. Это физическое правило лежит в основе гипотезы Вогана, что неизменность клеток — другими словами, потен-

циальное бессмертие — исключает сохранение мужских половых черт. Нам удалось победить — точнее, обойти — это действие, но я считаю, что вам лучше знать как можно меньше о научной стороне вопроса. Мы обозначили это новое средство шифром E.80, но даже эта информация вам не нужна.

— А может ли мне что-то грозить в связи с этой попыткой?— осторожно спросил Карев.

— Может, вас постигнет только некоторое разочарование, ибо до сих пор мы не проводили проб в полном масштабе. Думаю, однако, что вы это переживете. Мы предлагаем тебе это не даром, парень, надеюсь, ты позволишь мне называть тебя на ты?

— Но я вовсе...

— Хорошо, хорошо,— прервал его Баренбойм, махая пухлой рукой.— Ты совершенно верно ставишь вопрос, что ты с этого будешь иметь. Если я вижу, что кто-то из моих служащих сыплет деньгами, то задаю себе вопрос, что он делает с моими. Понимаешь?

Загнутые вверх уголки губ Плита поднялись еще выше, и, следуя его примеру, Карев улыбнулся.

— Это хорошо,— признал он.

— То, что я скажу сейчас, понравится тебе еще больше. Как ты знаешь, в последнее время мы ввели в бухгалтерии много новых методов. Согласно моей двадцатилетней ротационной системе, главного бухгалтера через три года ждет понижение в должности, но в связи с недавними процедурными новшествами он готов ускорить этот переход. Через неполный год ты мог бы занять его место.

Карев сглотнул слюну.

— Но ведь Уолтон отличный бухгалтер,— сказал он.— Я бы не хотел сталкивать его...

— Вздор! Уолтон работает у меня более восьмидесяти лет и, уверяю тебя, не может дожидаться, когда снова окажется внизу лестницы и начнет карабкаться вверх — ступенька за ступенькой. Он делал это уже трижды и ничто не доставляет ему большего удовольствия!

— В самом деле?

Карев отогнал от себя мысль, что по правилам ротационной системы он тоже в конце концов будет вынужден отказаться от должности руководителя. Он чувствовал, как золотые столетия стелятся перед ним мягким бесконечным ковром.

Зная, что его посещение кабинета председателя не из-

бегнет внимания большинства служащих, Карев поборол искушение пораньше уйти с работы и поделиться новостями с Афиной. «Часы работы — без изменений»,— мысленно сказал он себе и сидел, прикованный к столу, отдаваясь свободному течению мыслей, от которых порой кружилась голова. Было уже довольно поздно, когда он вспомнил, что обещал Афине приехать ровно в пять и помочь подготовиться к небольшому приему, который она сегодня устраивала. Взглянув на циферблат, вытатуированный на запястье, кожа в пределах которого изменяла положение частиц пигмента в зависимости от передаваемых сигналов времени, он понял, что на дорогу до дома ему оставалось неполных полчаса.

Когда он выходил из конторы, сидящая у стола с административным компьютером Марианна Тоун подняла голову и посмотрела на него.

— Уходишь раньше, Вилли?— спросила она.

— Немножко. Мы устраиваем сегодня прием, и я должен принять в нем участие.

— Приходи ко мне и устроим настоящий бал,— предложила Марианна с улыбкой, но серьезно.— Будем только ты и я.

Она была высокой полноватой брюнеткой с широкой в бедрах фигурой и разочарованным взглядом. На вид ей было лет двадцать пять.

— Только ты и я?— повторил Карев, уклоняясь от ответа.— Вот не знал, что в душе ты такая обычная.

— Я не «обычная», а ненасытная. Так что скажешь, Вилли?

— Женщина, где твоя девичья скромность?— спросил он, направляясь к выходу.— До чего уже дошло? Человек не чувствует себя в безопасности в собственной конторе.

Марианна пожала плечами.

— Не бери в голову, на будущей неделе я уйду,— сказала она.

— В самом деле? Очень жаль. А куда?

— К Свифтсу.

— Ого!— воскликнул Карев, зная, что Свифтс — это компьютерное бюро, принимающее исключительно женщин.

— Сам видишь. Но так, пожалуй, будет лучше всего.

— Я должен бежать, Марианна. До завтра.

С неясным чувством вины Карев заспешил к лифту. Бюро Свифтса было известно по деятельности своего Клуба Приапа, и переход туда Марианны означал, что она отка-

зывается от бесконечных попыток обратить на себя внимание исправных мужчин. Он предполагал, что там она будет счастлива, хотя и сожалел, что Марианна, женщина с фигурой, созданной для рождения детей, обрекает себя на общение с пластиковым фаллосом.

Перед зданием «Фармы» царил пронизывающий для поздней весны холод, хотя несостоявшуюся метель удалось загнать в Скалистые Горы. Карев отрегулировал помещенный в пояс термостат и торопливо миновал охранника, все еще мрачный от решения Марианны. Эксперимент с Е.80 должен удастся, подумал он. Ради нас всех.

Повернув к своему болиду, он краем глаза заметил, что по земле на краю стоянки движется что-то маленькое. В первый момент он не мог понять, что привлекло его внимание, но в конце концов различил силуэт крупной жабы, облепленной пылью и пеплом. Горло ее равномерно раздувалось. Он сделал шаг, переступив через жабу, подошел к болиду и быстро уселся в него. Он знал, что при въезде на станцию метро образуется, как обычно в часы пик, очередь и, если он хочет попасть домой пораньше, то времени терять нельзя.

Он включил турбину, добавил газу и выехал на автостраду, направляясь на юг. Проехав около километра, он вдруг затормозил и, бурча что-то сквозь зубы, повернул. Оказавшись снова перед зданием «Фармы», откуда уже выходили другие служащие, а на стоянке фары бросали во все стороны ослепительные лучи света, он нашел жабу, сидевшую на том же месте и все так же раздувавшую горло.

— Иди сюда, малютка, — сказал он, беря ладонями холодное, покрытое песком существо. — После полугодового сна любой перепутал бы стороны света.

Он подождал перерыва в движении, перешел на другую сторону автострады и бросил жабу в сборный бассейн, темные воды которого подмывали дорогу. Теперь мимо него непрерывно мчались болиды и автомобили, поэтому он с трудом перебрался к своему экипажу. Гадая, заметили ли его действия из будки охранника, он влился в движение, однако эти несколько потерянных минут оказались решающими. Чтобы попасть на станцию метро, он потратил еще десять минут и застонал при виде очереди на выезде.

Уже темнело, когда он наконец добрался до зарядной станции. Автоматический погрузчик сфотографировал регистрационный номер болида, после чего всунул его в туннель метро, оставляя шасси на транспорте, который под-

нял их к северному выходу, чтобы ими мог воспользоваться какой-нибудь проезжающий экипаж. Когда его машина проходила через шлюз, Карев попытался расслабиться. Благодаря многотонному давлению сжатого воздуха он мог доехать до отстоящей на сто миль другой станции за двадцать минут, однако на северном конце трассы его ждала еще одна очередь за шасси, и он высчитал, что опоздает домой на час.

Он было подумал, не позвонить ли жене, воспользовавшись болидофоном, но передумал. Слишком многое нужно было сказать.

Афина Карев, стройная, узкая в бедрах и гибкая как змея брюнетка, могла, отдыхая, свивать свое тело, как пружину, а в приступе гнева напрягать его, как стальной клинок. Правильность ее черт нарушало только слегка западающее левое веко — памятка о далеком детстве, — из-за чего лицо ее иногда выглядело заговорщически. Когда Карев вошел в типичный для служащего со средними доходами купольный дом, за который выплачивал растянутый на сто лет долг, Афина, готовясь к приему, успела уже сложить внутренние стены. На ней было световое ожерелье, окутывавшее ее блеском драгоценностей и как бы отраженных в озере лучей солнца.

— Ты опоздал, — сказала она безо всякого вступления. — Привет.

— Привет. Извини, я застрял по дороге.

— Мне пришлось самой складывать стены. Почему ты не позвонил из конторы?

— Я же извинился. Кроме того, я застрял, уже выйдя из конторы.

— Да?

Карев ответил не сразу, думая, сказать ли Афине о жабе и зная, что она еще больше разозлится. Моногамные супружества были редкостью в обществе, в котором количество женщин на выданье относительно числа мужчин, не принявших еще лекарства, обеспечивающего бессмертие, и сохранивших потенцию, составляло восемь к одному. После подписания обязательства, что в течение нескольких лет он не закрепится, он должен был вступить в полигамную супружескую связь, которая благодаря суммированию приданных обеспечит ему состояние. Один из неписаных законов, которым подчинялась его связь с Афиной, гласил, что она свободна от оказания ему покорности и благодарности, а когда захочет устроить скандал, всегда делает это

с настоящей яростью. Желая любой ценой избежать ссоры, Карев солгал, сказав об аварии рядом с въездом в метро.

— Кто-нибудь погиб?— мрачно спросила Афина, расставляя пепельницы.

— Нет, авария была не слишком серьезной. Только на какое-то время заблокировала дорогу,— ответил он, пошел на кухню и налил себе стакан обогащенного молока.— Много сегодня придет людей?

— Больше десятка.

— Я кого-нибудь знаю?

— Не глупи, Вилли, ты знаешь их всех.

— Значит, придет и Мэй со своим новым бычком?

Афина с громким стуком поставила последнюю пепельницу.

— А кто, если не ты, всегда критикует людей, что они старомодны и банальны?

— В самом деле?— удивился Карев и отпил глоток.— В таком случае я не должен их критиковать, потому что никоим образом не могу привыкнуть к виду все новых тринадцатилетних подростков, которые, ничуть не стесняясь, совокупляются с Мэй на самой середине моей комнаты.

— А может, ты сам хочешь ее? Она пойдет за тобой, только помани пальцем.

— Довольно,— прервал он жену. Когда она проходила мимо, он схватил ее и привлек к себе, обнаружив, что под переливающимся блеском светового ожерелья на ней ничего нет.— А что ты сделаешь, если испортится электричество?

— Думаю, что как-нибудь сумею обогреться,— ответила она, неожиданно прильнув к нему всем телом.

— Не сомневаюсь,— сказал Карев, хватая ртом воздух.— Я не позволю, чтобы ты постарела хотя бы на один день. Это недопустимо.

— Ты хочешь меня убить?— пошутила она, и он почувствовал, как ее худое тело напряглось под его руками.

— Нет. Я уже заказал в «Фарме» уколы для нас. Наверняка получу лучшие, со скидкой, поскольку, как ты знаешь, работаю для...

Афина вырвалась из его объятий.

— Ничего не изменилось, Вилл,— сказала она.— Я не сделаю этого и не буду смотреть, как ты стареешь и стареешь...

— Не беспокойся, дорогая, мы сделаем это одновременно. Если хочешь, я буду первым.

— О!

Серые глаза Афины потемнели от неуверенности, и он понял, что жена мысленно унеслась в будущее и задает себе вопрос, ответ на который они оба знали слишком хорошо... Что происходит с прекрасным сном о любви, когда любимый становится импотентом? Как долго продлится связь душ после атрофии яичников?..

— Это уже решено?— спросила она.

— Да.— Он заметил ее внезапную бледность и почувствовал угрызения совести, что так неловко задел эту тему.

— Но беспокоиться нечего. «Фарма» изобрела новый биостат, и я буду первым, кто его получит.

— Новый биостат?

— Да, средство, благодаря которому мужчина останется вполне исправен.

Нанесенный наотмашь удар был совершенно неожиданным и пришелся по губам.

— Ты чего...

— Я предупреждала, что тебя ждет, если ты еще раз решишься на подобное.— Афина смотрела на него с отвращением, дрожащее веко почти полностью закрыло левый глаз.— Пусты меня, Вилл.

Карев почувствовал вкус крови на распухших губах.

— Что тебе взбрело в голову?

— А тебе? На твоём счету есть уже многое, Вилл. Однажды ты пробовал убедить меня сделать укол, когда я принимала иллюзоген, в другой раз привел сюда мою мать, чтобы она тебе помогла, но еще никогда ты не брался за дело так неловко. Вбей себе в голову, что я не сделаю себе укола, пока его не сделаешь ты.

— Но это никакая не хитрость! Действительно изобрели...

Она прервала его проклятием, обрушившимся на него как еще один удар, и отошла. Бушующая в нем мрачная ярость, заставила напрячься все его мышцы.

— Афина, разве так должно выглядеть моногамное супружество?— спросил он.

— Именно так!— ответила она с нескрываемой злостью.— Можешь верить или не верить, но именно так оно выглядит. Такое супружество — это нечто большее, чем господин муж, выступающий с заросшим щетиной лицом и словами: «Охотно бы вас обслужил, девушки, но — увы!— слово сказано, жена ждет, и я должен блюсти чистоту!» Что ни говори, эта роль доставляет тебе большое удовольствие, но...

— Ну, ну, давай дальше,— сказал он.— Раз уж въехала в этот туннель, то езжай до конца.

— Супружество вроде нашего в самой своей основе опирается на безграничное доверие, а ты даже не знаешь, что значит это слово. Ты тянул с закреплением до тех пор, пока не вступил в возраст, грозящий тромбами, ибо уверен, что я не смогла бы жить, перестань ты три или четыре раза в неделю спать со мной. Ты так уверен в этом, что дал бы голову на отсечение.

Карев окаменел.

— Еще никогда я не слышал такого тенденциозного...

— Я права или нет?— прервала она его.

Он вдруг закрыл рот. Вспышка Афины была смесью злости, страха и характерных для нее устаревших взглядов на связи между людьми, однако это не меняло факта, что все сказанное ею — в том числе и о нем — полностью соответствовало истине. И именно в эту минуту, любя ее, он почувствовал к ней ненависть. Одним глотком он допил молоко, смутно надеясь, что содержащаяся в нем известь успокоит его нервы. Его вовсе не удивляло, что в нем по-прежнему клокочет гнев. Только Афина могла превратить минуты, которые могли бы стать лучшими в их жизни, в очередной испорченный вечер, в очередной из горьких, регулярно повторяющихся эпизодов. Это выглядело так, словно их взаимное воздействие друг на друга создавало нестабильное магнитное поле, полюса которого иногда менялись, поскольку иначе уничтожили бы их обоих.

— Послушай,— в отчаянии обратился он к ней.— Мы должны поговорить об этом.

— Пожалуйста, говори, если хочешь, но я не обязана выслушивать это,— ответила Афина, сладко улыбаясь.— Помоги мне немного. Достань эти новые самоохлаждающиеся стаканы, которые я купила на прошлой неделе.

— Рано или поздно должны были сделать это открытие. Подумай, сколько усилий вложено в эти исследования за последние двести лет.

Афина кивнула.

— И, как оказалось, стоило,— ответила она.— Подумай только, нам никогда больше не придется возиться с кубиками льда.

— Но я говорю об этом новом средстве «Фармы»,— упрямо стоял он на своем, огорченный тем, что значит Афина упрямится, если ведет себя беззаботно.— Афина, это средство действительно существует.

— Принеси еще закуски.

— Ты наглая, глупая, отвратительная ведьма,— заявил он.

— Взаимно,— ответила она, подталкивая его в сторону кухни.— Вилл, я просила тебя принести стаканы.

— Ты хочешь стаканы?— Поддавшись детскому капризу, Карев задрожал от возбуждения. Он пошел на кухню, вынул ледяной самоохлаждающийся стакан и заспешил обратно. Афина задумчиво осматривала уже сделанное. Карев пробил стаканом изменяющийся цветами радуги наряд, крепко обнял ее за талию и почувствовал резкую судорогу раздраженных мышц. Афина отскочила, стакан покатился по полу, и в этот момент вошел первый из приглашенных гостей.

— Отличная забава,— сказала с порога Гермина Снеден.— Можно сыграть с вами?

— В это могут играть только супружеские пары,— тихо ответила Афина, пронзая взглядом Карева.— Но, прошу: входи и выпей чего-нибудь.

— Меня не нужно уговаривать.

Среди бессмертных почти не встречались люди полные — это обеспечивало неизменность образов воспроизводства клеток, но у Гермины всегда была величественная фигура. С руками, поднятыми почти на уровень плеч, она поплыла через комнату, таща за собой пурпурный шелк, и добралась до бара. Разглядывая импонирующую ей коллекцию бутылок, она что-то вынула из сумки и поставила на стойку.

— Да, да, выпей чего-нибудь, Гермина,— сказал Карев. Он зашел за стойку и едва не застонал, поняв, что это проектор трехмерных картин. Похоже, сейчас начнется игра в «цитаты».— А может, хватит духовной пищи?

— Я одета в красное, значит, дай мне выпить чего-нибудь красного,— игриво попросила она.— Все равно, что.

— Хорошо.

С равнодушным выражением лица Карев выбрал какую-то неопределенную, но подозрительно выглядевшую бутылку, память о давно забытом отпуске, и налил ей полный стакан.

— Что здесь с вами происходило, Вилл?— спросила Гермина, наклоняясь над стойкой.

— А кто говорит, что что-то происходило?

— Но я же вижу. Твое красивое лицо выглядит сегодня, как гранитная скульптура. В тебе есть что-то от Озимандия.

Вот и началось, подумал Карев и вздохнул. Друзья Афины интересовались книгами и поэтому обожали игру в цитаты. Он подозревал, что в разговоре с ним они из кожи вон лезут, чтобы набить его литературными намеками. Карев, которому не удалось дочитать до конца ни одной книги, понятия не имел, что означает слово Озимандий.

— Этого Озимандия я делаю сознательно, — ответил он. — Прости, я на минуту. — Он подошел к Афине. — Выйдем в кухню, поговорим, пока не пришли остальные гости.

— Вилл, нам на это не хватит времени ни сегодня, ни в любой другой вечер, — заверила его она. — А теперь держись от меня подальше.

Она отошла так быстро, что он ничего не успел ответить. Он стоял один посреди кухни, чувствуя, что сердце его постепенно заполняет ледяная обида, и слушая ускоренный ритм своей крови. Афина заслужила наказания: с беззаботной жестокостью она превратила их связь в оружие, которым унижала его, когда ей вздумается. За такое поведение следовало бы чем-то досадить ей, вот только чем? Когда из главной части здания донесся шум, возвестивший прибытие новых гостей, где-то в его подсознании возникла некая мысль. Он заставил себя успокоиться, а потом свободным шагом вышел с кухни, чтобы приветствовать их, вернув улыбку на все еще болезненно пульсирующие после удара Афины губы.

Среди шестерых новоприбывших оказались Мэй Рэтрей и неуклюжий блондинчик примерно четырнадцати лет, которого представили Кареву, как Верта. Группа болтающих дам удалилась, обсуждая блеск, цвета и духи и на какое-то время оставив Карева один на один с парнем. Верт смотрел на него с явным отсутствием интереса.

— У тебя необычное имя, — начал Карев. — По-французски оно означает зеленый, правда? Твои родители...

— Это имя Трев, прочитанное наоборот, — прервал его парень, и на его поросшем пушком лице на мгновение появилось воинственное выражение. — Меня называли Трев, но я считаю, что мать не должна иметь права выбора имени для своего сына. Мужчина должен сам выбрать себе такое имя, какое захочет.

— Верно, но ты вместо того, чтобы взять себе любое другое имя, взял то, которое дала тебе мать, только перевернул его... — Карев замолчал, поняв, что ступает на скользкую почву психологии. — Выпьешь чего-нибудь?

— Я обойдусь без алкоголя, — ответил Верт. — Не обращайтесь на меня внимания.

— Спасибо, — искренне ответил Карев.

Он подошел к бару и, делая вид, что наводит порядок, остался за стойкой, глотая шотландское виски из самоохлаждающегося стакана. Ему нужна была опора, чтобы устоять перед перспективой вечера, заполненного игрой в цитаты и разговорами с Вертом. До возвращения женщин он успел выпить половину второго стакана неразведенного алкоголя и поверить, что справится с ситуацией. Более того, он справится с самой Афиной, ибо уже решил, как отомстит ей. Явились еще четверо гостей, и он занялся их обслуживанием у бара. Двое из них — Берт Бертон и Вик Наварро — были остывшими немногим старше его, и, когда он попытался образовать с ними группу противников игры в цитаты, на середину комнаты вышла Афина.

— Я вижу, что у всех есть при себе проекторы, поэтому приступим к игре, — сказала она тоном распорядителя праздника. — Автора лучшей цитаты ждет сюрприз, однако напомним, что требуются цитаты только легкие, стихийные, а каждый пойманный на цитировании опубликованных текстов, платит фант. — Раздались аплодисменты, и под куполом дома запрыгали разноцветные пятна от регулируемых гостями проекторов. В воздухе замелькали яркие, трехмерные буквы и слова. Когда Афина нацелила свой проектор, Карев со стоном опустился на стул за стойкой.

— Я начну, чтобы вас расшевелить, — заявила она, включая аппарат, и в нескольких шагах от нее повисли в воздухе ярко-зеленые буквы, сложившиеся в надпись: Какой смысл говорить по-французски, если все тебя понимают?

Карев подозрительно оглядел гостей, которые почти все весело смеялись, потом еще раз внимательно прочитал слова. Их смысл по-прежнему ускользал от него. Афина не раз объясняла ему, что в игре в цитаты все искусство заключается в том, чтобы вынуть какую-нибудь фразу из контекста обычного разговора или корреспонденции и представить ее как самостоятельное целое, создав тем самым в мыслях читателя фантастический противоконтекст. Она называла это словесной галографией, совершенно дезориентируя Карева. Уже больше года, с тех пор, как эта игра стала модной, он как мог избегал ее.

— Очень хорошо, Афина, но что вы скажете на это? — раздался в полутьме женский голос, и в воздухе под купо-

лом дома повисли новые слова: Я знаю только то, что читаю в энциклопедиях.

Почти сразу за ними вспыхнули еще две надписи, одна красная, другая топазовая: Ну и не повезло же этим Ромео и Джульетте и Мы держим эту комнату замурованной специально для вас.

Карев невозмутимо разглядывал их поверх стаканов, а потом решил, что не сдастся. Он взял две бутылки алкоголя и обошел гостей, наливая им по полной и заставляя выпить. Через несколько минут неразведенный алкоголь, который он выпил, вместе с усталостью, голодом и вспыхивающими надписями, перенесли его в мир, лишенный пространственной компактности. Луч — это единственное слово, которое означает луч,— проинформировала его мерцающая надпись, когда он сажился среди других гостей, разместившихся на полу. Ты сказал бы, не задумываясь, что я похож на выдру?— спросила следующая надпись. Карев сделал еще один большой глоток и прислушался к ведущемуся рядом тихому разговору.

Потом он перестал слушать его и осмотрелся, чтобы увидеть, что делает Афина. Разве это не ужасно?— спросила надпись цвета индиго. Сейчас рождество, а мы гонимся за подарками. Он заметил фигуру сидящей в одиночестве Афины, видимую на фоне шедшего из кухни света. Она радостно смеялась какой-то цитате, как будто супружеская сцена, разыгравшаяся между ними недавно, вовсе не вывела ее из себя. Ему мешала надпись, путавшая его мысли. Вместо обязательных визитов на рождество нужно принимать гостей. Он закрыл глаза, но громкий взрыв смеха заставил его тут же открыть их. Подумайте, насколько быстрее покорили бы дикий запад, если бы колеса фургонов вращались в нужную сторону.

— Минутку,— раздраженно обратился он к соседу.— Что это значит?

— Это намек на фильмы, которые мы смотрим в Институте истории... Ах, да, ты, кажется, туда не ходишь?— сказал Наварро.

— Нет.

— Так вот, в старых фильмах мигалка кинокамеры часто давала стробоскопический эффект, и зрителям казалось, что спицы колес вращаются не в ту сторону.

— И над этим все смеются?

— Знаешь, старина,— сказал Наварро, хлопнув его по спине,— лучше выпей еще.

Карев последовал совету, а цветные надписи за пределами его личного мирка, размещенного в стакане виски, волновались и вдруг опадали, собираясь в его сознании... Расскажи мне все о боге... Я пришел за своей долей сапожного крема... Хочешь сделать из меня нуль?.. А этим я подстрелил того паука... Конечно, я могу быть вежлив, если это сохранит мне деньги...

— Я например считаю, рассуждал кто-то, — что бессмертие стало доступным слишком поздно, ибо среди нас нет пионеров типа братьев Райт, которым следовало бы продлить жизнь, чтобы они увидели развитие того, чему положили начало...

...В эту минуту я на этапе брожения в сиропе... Вероятно, погиб, защищая себя... Смерть — это способ, которым природа заставляет нас уменьшить темп...

— Минуточку! — фыркнул Карев, потягивая из стакана. — Последняя фраза смешная. Разве это не причина для дисквалификации?

— Наш неоценимый Вилл, — прошептал Наварро.

— Если можно приводить смешные фразы, то я тоже сыграю, — не задумываясь заявил Карев, ища взглядом какой-нибудь свободный проектор. За его спиной Мэй и Верт, забыв обо всем, тискали друг друга, и видно было, что они потеряли интерес к игре. Карев взял проектор Мэй, некоторое время разглядывал клавиши, потом принялся слагать цитату. В задымленном воздухе повисли слова: Способ от дурного запаха изо рта — немедленная смерть.

— Это очень похоже на последнее, — запротестовала Гермина, красная фигура которой маячила слева. — Кроме того, ты сам это выдумал.

— А вот и нет! — победно произнес Карев. — Я слышал это в программе тривизии.

— В таком случае это не считается.

— Ты впустую тратишь время, Гермина! — воскликнула Афина. — Вилл получает от игры удовольствие только тогда, когда нарушает ее правила.

— Спасибо дорогая, — сказал Карев, сгибаясь в преувеличенно низком поклоне. «Мы с тобой играем в другую игру, — гневно подумал он, — и ее правила я тоже нарушу».

Утром, когда нервы его содрогались от призрака побежденного похмелья, ему стало стыдно своего поведения на приеме, устроенном Афиной, однако он не отказался от мысли досадить ей.

Оба пистолета для подкожных уколов лежали в черном футляре, в складках традиционно пурпурного бархата, а ствол одного из них был обклеен вокруг красной лентой. Баренбойм постучал по помеченной трубке старательно уложенным пальцем.

— Это для тебя, Вилли,— решительно сказал он.— Мы поместили заряд в самом обычном пистолете, чтобы потом никто не заметил ничего необычного. После употребления ними ленту.

Карев кивнул.

— Понимаю,— сказал он, захлопнул футляр и спрятал в саквояж.

— Тогда, пока все. Значит, теперь ты на три дня уезжаешь в горы на свой второй... м-м-м... медовый месяц, а я устроил все так, что после возвращения начальник лаборатории биопоззы обратится к тебе с просьбой лично проверить некие бюджетные операции на Перевале Рэндела. Можно сказать, что все сделано, как надо, верно?

Баренбойм развалился в большом кресле так, что торчащий живот поднялся вверх под складками туники. Под маской двухсотлетней сдержанности его безволосое лицо своей гладкостью и непонятым выражением напоминало лицо фарфорового Будды.

— Полностью с вами согласен.

— Надеюсь на это, Вилли, ведь тебе здорово повезло. Как приняла это известие твоя жена?

— Просто не могла верить,— со смехом ответил Карев, стараясь, чтобы он прозвучал естественно. После попытки поделиться с Афиной этой новостью прошло уже четыре дня, и с тех пор они барахтались в паутине быстро твердеющей горечи, не в силах сблизиться или понять друг друга... Он, конечно, понимал, что ведет себя, как ребенок, но все-таки хотел наказать Афины за то, что она обнажила его душу, отплатить ей за преступление, заключающееся в том, что она знает его лучше, чем он сам. Перед неумолимой нелогичностью их супружеского соперничества он мог сделать это только одним способом: доказать, что она неправа, даже если она и права. Он решил не говорить Афине о препарате E.80, зная, что потом сможет оправдать свое поведение необходимостью соблюдения тайны.

— Вот и хорошо. Теперь я оставляю все в твоих руках, Вилли. Ты вернешься в свою контору и какое-то время не

будешь со мной контактировать. Один из нас, Мэнни или я, свяжемся с тобой после твоего возвращения.

Карев встал.

— Я еще не поблагодарил...

— Это лишнее, Вилли, совершенно лишнее. Желаем тебе хорошего отпуска, — сказал Баренбойм. Он не перестал улыбаться даже тогда, когда его заслонила дверь кабинета.

Карев вернулся в свою контору и закрыл дверь на ключ. Сев за стол, он вынул из саквояжа черный футляр, положил его перед собой и внимательно осмотрел запоры. Их спроектировали так, чтобы крышка отскакивала под прямым углом к коробке, однако, загнув отверткой металлические заслонки, он сумел изменить их положение таким образом, что крышка открывалась под меньшим углом. Довольный сделанным, он сорвал красную ленту с пистолета, содержащего Е.80, и положил его в переднее углубление футляра.

Голубые воды озера Оркней мягко поблескивали в лучах послеполуденного солнца. Спускаясь по лестнице с вертолета, Карев глубоко вздохнул и повел взглядом по видимым вдалеке снежным склонам, маленьким, как игрушки, соснам, и светлым пастельным контурам отеля «Оркней Регал». Как с гордостью было объявлено через динамики реактивной машины, из-за холодного атмосферного фронта, действующего на западные штаты, руководство курорта покрыло расходы, связанные с установлением над озером линзообразного поля Бюро управления погодой. Глядя вверх, в пустую голубизну, Карев чувствовал себя так, словно оказался внутри античного стеклянного украшения с падающим снегом внутри.

— Как называются эти старинные стеклянные шары с миниатюрными хлопьями снега? — обратился он с вопросом к Афине, когда вместе с другими пассажирами входил в здание аэропорта.

— Не знаю, есть ли у них специальное название. У Ольги Хикней их в коллекции больше десятка, и она называет их снегуличками, но, кажется, это название цветка.

Афина тоже с интересом разглядывала долину и говорила голосом совершенно спокойным, какого не было у нее со времени той вечерней ссоры. Она раскраснелась и одета была в новый вишневый плащ, похожий, как вдруг подумал Карев, на тот, который носила десять лет назад во

время их свадебного путешествия. Было ли это знаком для него?

— Мне удалось получить ту же самую комнату,— не задумываясь сказал он, отказавшись от мысли сделать ей сюрприз позднее.

Афина слегка подняла брови.

— Ты помнил?— удивилась она.— Ах да, наверное, в отеле проверили номер комнаты.

— Вовсе нет. Я помнил сам.

— Правда?

— Так же, как помню все, что связано с теми двумя неделями.

Он схватил Афины за плечо и повернул лицом к себе. Мимо торопливо прошли несколько пассажиров.

— Вилл,— шепнула она.— Мне так жаль... Все, что я сказала...

От ее слов он воспрял духом.

— Не будем возвращаться к этому. Впрочем, все, что ты сказала,— правда.

— Я не имела права так говорить.

— Нет имела. Ведь мы же настоящие супруги, ты не забыла?

Она приблизилась к нему, приоткрыв губы, а он закрыл их своими, дыша ее дыханием, пока другие пассажиры быстро проходили мимо. Афина высвободилась из его объятий, но, когда они входили внутрь под обстрелом любопытных взглядов, держала его под руку. Карев заметил, что был здесь единственным исправным. Компания людей, рассыпавшихся по залу для прилетающих пассажиров, состояла из остывших, которые смотрели на них с выработанным равнодушием, и женщин с искусственным весельем в глазах.

— Что со мной происходит?— прошептал он.— Веду себя, как пылкий подросток.

— Ничего страшного, любимый.

— Да, и устроили же мы представление! Едем в отель.

Во время поездки по старомодной железной дороге к озеру Карев думал, возможно ли, чтобы человек в его возрасте мог чувствовать полное удовлетворение. Именно по этой причине моногамные супружества не исчезли и сохранили смысл даже к концу двадцать второго века. Правда, часто повторяемая, но только теперь понятая до конца, заключалась в том, что, чем больше человек вкладывает в такую связь, тем больше от нее получает. Карев вдыхал

свежий воздух и, ощупывая рукой прямоугольник небольшого плоского футляра в саквояже, пытался смириться с реальностью бессмертия. После одного укола, при соблюдении осторожности, ни он, ни Афина не должны были умереть. Он искал в себе каких-нибудь следов эйфории, которая должна сопутствовать этой мысли, но нашел только странное оцепенение. Все было относительно. Если бы он родился двести лет назад в голодающей Индии, то смирился бы с тем, что его ждет двадцать семь лет жизни, и не помнил бы себя от радости, если бы какая-то добрая сила неожиданно дала ему семьдесят лет жизни. Родившись в довольном собой бабьем обществе двадцать второго века, он считал, что продолжаемая бесконечно жизнь — это нечто такое, что принадлежит ему как социальное благо, только масштабом отличающееся, скажем, от возмещения за несчастный случай на работе. Говорили, что творческий гений человечества парализован, но, быть может, это было связано с ослаблением чувств, с раздражением жизни в жилах вечности.

Он искоса взглянул на Афины, освежая в памяти причины, по которым хотел жить вечно. В возрасте тридцати шести лет она имела отличное здоровье и находилась у пика физического развития, который биостаты должны были превратить в бесконечное плоскогорье. Когда она сидела, восторженно выглядывая через окно вагона, он впитывал ее всеми чувствами, доходя до впечатления, что Афина — это название всей Вселенной. Когда она улыбнулась какому-то, только ей известному воспоминанию и случайно наклонила голову, то открыла перед ним внутренние поверхности зубов, сквозь которые просвечивало солнце. Он отметил, записал и вложил в память это открытие, как наблюдатель Вселенной записывает появление новой звезды. Ему пришло в голову, что Афина выглядит на свои тридцать шесть лет, и в то же время как будто совсем не изменилась с того времени, когда десять лет назад они поженились, что, конечно, было невозможно. Но какие же конкретные изменения произошли в ней? Стараясь быть объективным, он заметил легкую впалость щек, превращение пушка на верхней губе в волоски, появление прослойки жира на внутренней стороне верхних век, которые со временем должны были стать желтыми. Внезапно он принял решение. До сих пор он планировал, что уколы они сделают вечером последнего дня пребывания у озера Оркней, но такая задержка показалась ему вдруг невыносимой.

Он не мог позволить, чтобы Афина постарела еще хотя бы на час.

— Перестань, Вилл,— сказала Афина.

— Что перестать?

— Так смотреть на меня при людях,— ответила она, слегка покраснев.

— И пусть себе смотрят, мне это не мешает.

— Мне тоже, но это странно воздействует на меня, так что перестань.

— Ты приказываешь,— сказал он, делая вид, что над-улся.

Она взяла его за руку и держала ее до конца поездки к берегу озера. На мгновение ему захотелось ценой собственного удовольствия и неповторимого великолепия этой минуты попытаться еще раз убедить ее в существовании Е.80 и его значения, однако желание это быстро прошло. Это должен был быть великолепнейший отпуск в их жизни, кроме того, ему неудержимо хотелось обладать Афиной, убежденной — правда, ненадолго,— что он доказал свою веру во внефизический элемент их любви. Он предвидел, что игра эта продлится до тех пор, пока не придется возвращаться домой.

Когда он вышел из вагончика и подал руку выходящей Афине, легкие его вдохнули воздух, прилетевший с озера. Небольшое расстояние, отделявшее их от отеля, они решили пройти пешком, отослав багаж с машиной, обслуживающей гостей. Во время этой прогулки Афина разговаривала свободно и радостно, но его разум в преддверии близости переломного момента их жизни был полностью поглощен каким-то грозным предчувствием. А если у Е.80 нет тех свойств, которые приписывает ему Баренбойм? А если я действительно закреплюсь?— мысленно спросил он себя. Формальности по прописке он проделал, не думая о том, что делает, а затем два раза ошибся, идя в направлении, указываемом стрелками, которые, возбуждаемые близостью ключа, освещали им дорогу к апартаментам. Спустя десять минут в знакомо выглядевшей спальне с видом на воды озера, сверкающие, как будто их посыпали бриллиантами, он вынул из саквояжа футляр с пистолетами для уколов и открыл его. Афина как раз вешала одежду в шкаф, но, услышав слабый щелчок, повернулась. На ее лице мелькнуло предвещание миллиона завтра.

— Ты не должен этого делать,— сказала она, пожирая

взглядом футляр с двумя идентичными пистолетами с нарушенными печатями.

— Уже пора, Афина. Самое время.

— Ты уверен, Вилл?— колеблясь, спросила она.— У нас нет детей.

— Они нам не нужны,— ответил он, протягивая ей футляр.— Впрочем, на прошлой неделе я принял таблетку и может пройти много месяцев, прежде чем я снова смогу стать отцом, а я не хочу ждать месяцами. Я хочу сделать это сейчас. Немедленно.

Афина печально кивнула головой и начала раздеваться. Почувствовав уместность этого жеста, Карев отложил футляр и тоже снял одежду. Он поцеловал Афины один раз почти холодно, и вновь протянул ей футляр. Не подозревая, что ее рукой руководит хитрость с петлями, она взяла лежащий с краю пистолет и сломала печать. Карев вытянул руку, подставляя локоть. Афина прижала пистолет к светящимся под кожей голубым треугольникам, раздалось громкое шипение, и маленькое облачко пронзило ткани его тела, вызвав мгновенное ощущение холода. Карев взял другой пистолет и выстрелил его содержимое в локоть Афины.

Она в безопасности, подумал он, когда позднее они лежали в объятиях на приятно холодной софе. Вот только как я скажу, что обманул ее?

Глава 4

В посещающих снах у него было стеклянное тело. Из одной цепи опасных событий он попадал в другую: то нес службу в антинатуристичных бригадах в Африке и Южной Азии, то сносил тяготы четвертой экспедиции на Венеру или участвовал в поисках марганцевых руд на дне Тихого океана. Его хрупким членам и торсу угрожала гибель от пуль, бомб, падения, слепой силы огромных коленчатых валов, которые в любую минуту могли стереть его в порошок...

Тогда он просыпался с чувством холода и одиночества, не находя ободрения в близости жены. Он понимал смысл этих снов, но от этого они не становились менее ужасными. Когда-то учитель сказал ему, что прежде чем изобрели биостаты, популяция людей в сравнении с популяцией стеклянных статуэток имела совершенно иной график сред-

ней продолжительности жизни. В случае статуэток каждый год разбивалась небольшая их часть, так что в конце концов не осталось ни одной. Что же касается людей, то большинство из них доживало до шестидесяти, после чего происходило резкое умирание популяции. Наступление эры биостатических лекарств означало, что они могут рассчитывать на продолжение жизни до бесконечности, но не на бессмертие. Существо, имеющее возможность бесконечно продолжать свою жизнь, было «бессмертным», но стоило ударить его о горный склон, чтобы оно это бессмертие потеряло. Мы добились только того, делал вывод учитель, что подключились к обществу стеклянных статуэток.

Масштабы личной ответственности за сохранение жизни поразили Карева. Смерть в сорок лет в автомобильной или авиакатастрофе была бы событием фатальным, если бы означала потерю тридцати лет жизни, но когда впереди ждали тысячелетия, ее просто невозможно было представить. Стоя у окна и глядя на мрачное озеро, Карев лучше понимал то, что современный философ Осман назвал «бабьим обществом», имея в виду земное общество, в котором мужские черты исчезали бесповоротно. Были ликвидированы войны, если не считать небольших акций, проводимых антинатуристичными бригадами, но по прошествии более чем двухсот лет после первой высадки на Луну, планеты Марс и Венера оставались практически не изученными. Немногим исправным, готовым отправиться в путешествие к ним, не хватало помощи стоящих у власти остывших, и Карев, по-прежнему связанный с биологическим кругом мужественности, понял, почему это происходит. «На нас давит будущее, — подумал он, — вот и все объяснение».

Однако настойчивее всего требовали решения проблемы ближайшего будущего. Рассвет уже стирал с неба самые слабые звезды, и это означало, что через пару часов они отправятся домой, а ему не удалось еще сказать Афине правду об уколе E.80. Три дня, проведенные у озера Оркней, оказались самыми лучшими в их десятилетней супружеской жизни. Он и Афина были как два установленных друг против друга зеркала, и потому, мысленно сложив оба изображения, Карев создал образ самого себя, который отражался по очереди то в одном, то в другом из них. («Любовь, как сказал Осман, это не что иное, как одобрение хорошего вкуса партнера».) Однако теперь перед ним была перспектива поворота зеркала Афины в направлении от

бесценного жара в холодную пустоту, где, согласно законам термодинамики чувств, сам он пропадал без следа.

Его сомнения имели также чисто физический аспект. Убежденность Афины в том, что он уничтожил соединяющую их эротическую связь, казалось, сильнее возбуждало ее. Как бы желая сжечь без остатка пылающее в нем желание, она втянула его в длившуюся почти без перерыва три дня сексуальную оргию, не давая даже заснуть, если он не соединился с нею, когда они лежали, прижавшись друг к другу — ее ягодицы на его бедрах, как две ложки. Но свою мужскую силу он мог демонстрировать только три дня. Известны были случаи, когда в течение именно этого периода после приема биостатов организм продолжал производить андрогены, однако в ближайшие часы он должен был либо сделать вид, что потерял желание, либо рассказать Афине обо всем.

Хуже всего было то, что он все еще колебался. Иногда ему казалось ему, что все очень просто: Афина наверняка обрадовалась бы, узнав, что они стали первой в мире супружеской парой, которой дано одновременно и жить без конца и без конца любить друг друга. Однако через некоторое время он соглашался с реалиями замкнутого мира, каким было его супружество. В этом запутанном континууме невозможно было взять что-либо, не расплатившись, что было просто непростительно. Он сознательно убедил Афины, что верит в принципиально неэротический элемент их любви, обманул ее и бессовестно использовал, посягнув на предоставленные ему запасы чувств. Сейчас пришло время признания, и его охватил страх.

Стоя в свете раннего утра, уставший и подавленный, он решил спастись единственно доступным ему способом. После возвращения на работу его ждал полет на Перевал Рэндела для медицинского осмотра, чтобы изучить эффективность Е.80, и имелась возможность того, что средство подвело. Он чувствовал себя вполне нормально, но — странно, что эта мысль была ему почти приятна, — может, он действительно закрепился, может действительно остыл. С этой точки зрения логика подсказывала хранить молчание до тех пор, пока физиологи «Фармы» не дадут окончательное заключение.

Слегка дрожа от холода, а может, от облегчения, Карев снова лег в постель.

Утром, хотя это и было не обязательно, он настроил лезвия своей магнитной бритвы и сбрил пятимиллиметро-

вую щетину. Садясь в летящий на юг вертолет, он чувствовал, что его подбородок и верхняя губа сияют своей обнаженностью. Начальница бортовых систем, или, как когда-то говорили, «пилотка», носила сшитый по мерке мундир, золотой оттенок которого великолепно гармонировал с ее загаром. Остановившись, чтобы приложить кредитк к теледетектору в переднем люке, Карев несмело улыбнулся ей. Она ответила ему безразличной улыбкой и тут же перевела взгляд на стоящих за ним пассажиров.

Он сел, расстроенный, и сидел, касаясь пальцами лица и выглядывая в окно, пока после короткого разбега они не оторвались от земли. Машина поднималась вертикально более тысячи метров, пока не покинула невидимые глазу стены звукопоглощающей системы и помчалась на юг параллельно белым вершинам Скалистых Гор. Возвращая ему очень нужную сейчас веру в себя, далеко внизу мелькнули узлы дорог и линии подземного транспорта равномерно размещенных административных округов западных штатов.

Население мира не уменьшилось с конца двадцатого века, но и не увеличилось, ибо бессмертные мужчины были бесплодны, а кроме того, человечество имело два столетия, чтобы освоиться с новой ситуацией и найти оптимальное решение существующих проблем. Жизнь в обществе стеклянных статуэток стала и скучной, и безопасной, но перед давящей на каждого личной заботой о собственном бессмертии все в первую очередь заботились о безопасности. Никто в здравом уме сознательно не соглашался рисковать. Хотя Карев летел на Перевал Рэндела машиной, снабженной тремя независимыми системами, удерживающими ее в воздухе, все равно он цепенел от ужаса.

«Что бы я сделал,— задумался он,— произойди какая-нибудь, хотя бы малая, авария, и попадись мне на глаза труп?»

Лаборатория на Перевале Рэндела располагалась в восьмидесяти километрах к югу от Пуэбло, у стыка двух горных долин. Туда вела дорога, приспособленная, для обычных машин, но для болидов из-за их высоко расположенных центров тяжести не пригодная. Восемьдесят человек персонала жили в Пуэбло и его пригородах, летая на работе коптером «Фармы».

На аэродром в Пуэбло Карев попал перед полуднем и в большом салоне коптера застал всего трех человек, одних остывших. Помня слова Баренбойма, он поговорил с ними

во время короткого полета. Расспрашивая о расположении лаборатории биопозы и здания управления, он сообщил им, что является бухгалтером и летит на Перевал Рэндела для контроля финансовых дел. Его собеседники выглядели тридцатилетними, а их поведение говорило, что в действительности они лишь немного старше. Им не хватало непримиримости, характерной для Баренбойма. Кареву пришло в голову, что, когда станет известно о Е.80 старые бессмертные и, особенно закрепившиеся недавно, почувствуют себя обиженными. С другой стороны, как никогда до сих пор, могли найти подтверждение некоторые аспекты философии остывших. Даже в период перед появлением биостатов некоторое число мужчин имело достаточно времени, чтобы пресытиться половыми наслаждениями, как же чувствовали бы себя эти люди после двухсот лет неизменной потенции? Беспокоящая мысль, что, может быть, бесполое бессмертие имеет свои положительные стороны, снова пришла Кареву в голову, когда коптер миновал вершину поросшего холма и снизился, направляясь к серебристым куполам лаборатории «Фармы».

Карев заторопился к главному входу, чувствуя, что в Колорадо заметно теплее, чем в расположенном к северу районе их дома, и вошел в одну из кабин, стоящих шеренгой поперек холла. Последовала небольшая заминка, во время которой удаленный на тысячу километров компьютер фирмы проверил его идентичность, выразил согласие на его присутствие и с помощью микроволнового сигнала открыл внутреннюю дверь кабины, впуская его в главный коридор.

— Мистер Баренбойм просит, чтобы вы зашли в его кабинет на уровне Д, как только посетите мистера Аберкромби, начальника бухгалтерии,— информировала его машина.

— Понял,— ответил он с некоторым удивлением. Он знал, что Баренбойм очень редко посещает перевал Рэндела, но ведь никогда прежде ни «Фарма», ни какая другая фармацевтическая фирма не вела такой важной работы, как создание и испытание Е.80. Карев нашел кабинет начальника бухгалтерии и провел там около часа, обсуждая профессиональные вопросы и устанавливая, в чем конкретно заключаются трудности, которые он должен устранить. Вскоре стало ясно, что дело касается не столько способа ведения расчетов, сколько отношений между отделом и Баренбоймом. Аберкромби, тучный остывший со слезящимися глазами и пристальным взглядом, производил впечатление

хорошо разбирающегося в ситуации и отнесся к Кареву настороженно, предполагая, что имеет дело с правой рукой Баренбойма по грязной работе. Реакция эта развеселила Карева, и он воспринял ее как обещание того, что его ждет, когда он займет руководящую должность и получит власть. Но в то же время она слегка смутила его. Он постарался поскорее уйти от Аберкромби и отправился на уровень Д.

Кабинет Баренбойма был меньше и не такой роскошный, как в дирекции «Фармы». Круглый черный глаз во внутренней двери заморгал, узнавая Карева, и гладкая деревянная плита сдвинулась в сторону. Он вошел в кабинет и сразу почувствовал знакомый аромат кофе, который всегда окружал Баренбойма во время работы.

— Привет, привет, Вилли!— Баренбойм, которого он увидел сидящим за красно-голубым столом, прошел через комнату и пожал Кареву руку. Глаза его сверкали.— Как хорошо, что ты пришел.

— Я тоже рад, что вижу вас.

— Вот и отлично,— сказал Карев, возвращаясь на свое место и указывая Кареву на свободный стул.

— Э-э... да,— признал Карев, подумав про себя, что вовсе не так отлично, ибо у него было всего несколько свободных дней. Только сейчас ему пришло в голову, что Баренбойм из всех сил старается вести себя, как исправный, или, по крайней мере, не как остывший. Это напомнило ему, что соединяющая их связь искусственна и основана на практических целях.

— Ну и как там было? Отпуск удался?

— Да, было очень приятно, озеро Оркней в это время года прекрасно.

Лицо Баренбойма выразило нетерпение.

— Я не спрашиваю о пейзажах. Как твоё вождение? Еще есть?

— А как же!— со смехом сказал Карев.— Даже слишком.

— Прекрасно. Я вижу, ты побрился.

— Я думал, так будет лучше.

— Конечно, но тебе следует начать пользоваться депилятором. У твоего подбородка явно синеватый оттенок, а ты совершенно не похож на остывшего.

Карев почувствовал удовлетворение, но постарался скрыть его. «Та бабенка в самолете была, наверное, слепа»,— подумал он.

— Еще сегодня я забаведусь депиляторием, — заверил он.

— О нет, мой дорогой. Нельзя оставлять ни малейшего следа, который указал бы, что ты принял не обычный биостат. На что это будет похоже, если остывший купит депиляторий?

— Простите.

— Ничего, Вилли, но именно на такие мелочи нужно обращать внимание. Я дам тебе кое-что, прежде чем ты уйдешь. — Баренбойм посмотрел на свои пухлые ладони. — А теперь разденься.

— Простите?

Баренбойм кончиком пальца осторожно пригладил обе брови.

— Нам нужны пробы тканей с разных мест тела, — объяснил он, — чтобы проверить, как протекает процесс репродукции клеток, ну и, конечно, нужно будет исследовать количество сперматозоидов в сперме.

— Я понимаю, но думал, что это сделает кто-то из ваших биохимиков.

— Сделав результаты доступными всему персоналу лаборатории? О нет, спасибо. Правда, Мэнни лучший биохимик-практик, чем я, но дела задержали его на севере, поэтому я займусь тобой сам. Ни о чем не беспокойся, Вилли, дверь закрыта на ключ, а у меня есть опыт.

— Разумеется. Я сказал, не подумав.

Карев встал и с неприятным чувством, что дела принимают совершенно неожиданный оборот, снял одежду.

Только после получасового ожидания в аэропорту ему пришло в голову, что Афина, может быть, вовсе за ним не приедет. В это не слишком позднее послеобеденное время зал ожидания для пассажиров был почти пуст. Карев вошел в видеофонную будку, сообщил номер дома и нетерпеливо уставился на экран, ожидая ее появления. Впервые за десять лет их совместной жизни она не приехала встречать его, когда он возвращался из поездки. Мысленно он утешал себя, что только случайно именно сейчас впервые возвращается как остывший — так должна была считать она. Цвета на экране сложились в двумерное изображение лица его жены.

— Здравствуй, Афина, — сказал он, ожидая ее реакции при виде его.

— А, это ты, Вилл, — апатично ответила она.

— Я жду в аэропорту уже более получаса и думал, что ты за мной не приедешь.

— Я забыла.

— О!— удивился он. Может, причиной была двумерность изображения, но на мгновение лицо Афины показалось ему чужим и враждебным.— Ну так я тебе напоминаю. Приедешь ты или нет?

— Как хочешь,— ответила она, пожимая плечами.

— Если для тебя это слишком тяжело, я возьму в аэропорту болид,— холодно сказал он.

— Хорошо. До встречи.

Изображение расплылось, напоминая рой цветных светлячков, которые помчались в глубь серых бесконечностей.

Карев пощупал гладкую кожу на подбородке, и в нем поднялась, пронзая его, мощная волна чувств. Только через некоторое время он понял, что это... печаль. Афина была, пожалуй, единственным известным ему человеком, который вел себя со всеми абсолютно откровенно, и он безо всяких угрызений совести выворачивал наизнанку смысл сказанных ею несколько минут назад слов, если это отвечало перемене состояния ее духа. Она могла купить дорогую вазу и в тот же вечер разбить ее вдребезги, могла уговорить его поехать на выбранный ею курорт, а сразу по приезде отказаться от пребывания там. Кстати, неужели она годами паразитировала на его чувствах, клянясь, что ее любовь к нему ничуть не изменится после остывания, чтобы потом, спустя неполную неделю после этого факта, отнестись к нему с нескрываемым безразличием.

Он знал, что ответ на этот вопрос звучит однозначно: да.

Если Афина открыла, что Карев минус секс равняется нулю, то он не ждал с ее стороны никакой игры. Она тут же с жестокой легкостью сказала бы ему это в глаза и принялась строить свою жизнь заново. Размышляя об остывании, он предвидел, что их супружество выдержит максимум год, однако допускал возможность, что оно продлится месяц или даже неделю. «Я должен ей все рассказать!— мысленно кричал он.— Я должен немедленно ехать домой и рассказать всю правду о Е.80».

Толкнув плечом дверь, он вышел из будки и побежал нанимать болид. По дороге домой, мчась под многотонным давлением сжатого воздуха, он мысленно повторял, что скажет ей. Пробы, взятые Баренбоймом, показали хорошие результаты, значит он, Карев, является и бессмертным, и

мужчиной. Значит, их супружество начнется как бы сначала и выдержит неопределенно долгое время. Он собирался сказать ей правду, продемонстрировать ее всей силой своих чувств. У нас будут дети, мелькнуло у него в голове, и мысль эта успокоила его дрожащие пальцы. Как только кончится действие последней противозачаточной таблетки, которую я принял, мы позаботимся о ребенке.

Когда Карев ставил нанятый болид на площадке возле дома, окна куполодома заполняла матовая чернота. Он вошел через главный вход и увидел, что внутри тоже почти полная темнота, нарушаемая только блеском звездных фигур, спроецированных из проектора на крышу. Все разделительные стены были убраны, и в первый момент он подумал, что Афина куда-то вышла, но тут же заметил, что она лежит на софе, глядя на вращающиеся вверху созвездия. Подойдя к пульту климатизации, он наполнил дом солнечным светом.

— Я уже здесь,— заявил он, хотя это и было лишним.— Приехал как мог быстро.

Афина не шевельнулась.

— Ты меня удивляешь, Вилл. Факт, что ты сделал из себя свнуха, нисколько не затормозил тебя. И это прекрасно,— сказала она с такой холодной яростью, что он даже испугался.

— Я должен с тобой поговорить, Афина. У меня для тебя новость.

— А у меня для тебя, дорогуша. Держи!— воскликнула она, бросая ему маленький блестящий предмет, который он поймал в воздухе. Это был серебряный кружок, в середине которого виднелось красное пятнышко.

— Ничего не понимаю,— медленно сказал он.— Это похоже на указатель беременности.

— Это именно он и есть. Я вижу, что нейтрализация не повредила твоим глазам.

— Но я по-прежнему не понимаю... Чье это?

— Как это чье? Конечно, мое.— Афина села и повернулась к нему лицом. Ее левое веко явно опустилось.— Я лизнула его сегодня утром, и он вот так мило покраснел.

— Но это же невозможно. Ты не можешь быть беременна, ибо последний раз я принимал таблетку месяц назад и...— Карев замолчал, на лбу его выступил холодный пот.

— Наконец-то ты понял.— Левый глаз Афины почти полностью закрылся, а ее лицо, застывшее, как у жрицы,

выражало немую ярость.— Ты нисколько не ошибся относительно меня, Вилл. Оказывается, я не могу жить без регулярных сношений. Не прошло и двух дней после твоего отъезда, а я уже имела в нашей постели другого. Или лучше сказать, что это он имел меня в нашей постели?

— Я не верю тебе,— сказал он слабым голосом.— Ты лжешь, Афина.

— Ты так думаешь? Тогда смотри.— Она взяла с туалетного столика еще один кружок и с миной мага, показывающего фокус, положила его себе на язык. В глазах ее появилось холодное веселье, когда она вынула кружок из рта и продемонстрировала его. На стороне, которая касалась языка, в центре появилось темно-красное пятнышко.— Что ты скажешь на это?

— Что скажу? Послушай.— Окружающая его комната удалилась куда-то в звездное пространство, а сам он слушал, как его помертвевшие губы выговаривают Афине все, что он о ней думает. Он повторял все известные ему ругательства так долго, что они потеряли смысл от множества повторений.

Афина насмешливо улыбнулась.

— Отличное представление, Вилл,— сказала она,— но словесное насилие не заменит настоящего.

Карев посмотрел на свои руки. Каждый палец в отдельности, независимо от остальных, совершал маленькие движения.

— Кто это был?— спросил он.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я хочу знать, кто является отцом.

— Хочешь заставить повернуть вспять то, что он сделал?

— Скажи мне это сейчас же.— Карев громко проглотил слюну.— Советую тебе сказать мне.

— Ты мне надоед, Вилл,— ответила Афина и закрыла глаза.— Прошу тебя, уйди.

— Хорошо,— сказал он после паузы, которая тянулась, казалось, бесконечно долго.— Я уйду, ибо, оставшись, я убью тебя.— Даже в его ушах слова эти прозвучали бесильно.

Блаженно улыбающаяся Афина продолжала лежать на софе, когда он вышел из дома, вернулся к своему болиду и уехал.

— Моя жена беременна, — объявил Карев, старательно выговаривая слова, и выпил кофе, ожидая реакции, которая последует.

За красно-голубым столом Баренбойм и Плит образовывали как бы маленькую живую картину, в точности такую же, как в тот день, когда Карев впервые посетил кабинет председателя. Руки у Баренбойма были сложены как для молитвы, и он смотрел поверх них глубоко посаженными глазами, а Плит с довольным лицом подскакивал на своем невидимом викторианском стуле, его покрасневшие глаза блестели, а губы образовывали остро выгнутую вверх дугу.

— Ты уверен в этом, Вилли? — спросил Баренбойм голосом, который не выражал никаких чувств.

— Полностью. Она проверила это два раза.

— Когда это произошло?

— На прошлой неделе, — ответил Карев, любой ценой желая скрыть то, что чувствовал под двухсотлетним взглядом Баренбойма. Хотел он утаить и тот факт, что его личные супружеские обязанности подчеркивают результаты эксперимента за миллиард долларов.

— Итак, уже нет ни малейших сомнений. Это последнее доказательство, что E.80 оправдал свое назначение. Что скажешь, Мэнни?

Плит коснулся пальцами висящей у него на груди золотой безделушки в форме сигары, и его губы выгнулись в еще более острую дугу.

— Полностью с тобой согласен, — сказал он. — Именно этого мы и ждали.

Оба удовлетворенно переглянулись, понимая друг друга без слов способом, доступным только остывшим, живущим много десятков лет.

— А что дальше? — вставил Карев. — Вы сообщите это общественности?

— Нет! — воскликнул Баренбойм, наклоняясь над столом. — Еще не сейчас. Соблюдение тайны в эту минуту важнее, чем когда бы то ни было, до тех пор, пока химический состав субстанции E.80 не будет защищен патентом.

— Понимаю.

— Кроме того, надеюсь, Вилли, ты не обидишься на меня за эти слова, хорошо было бы подождать конца беременности, чтобы убедиться, будет ли она доношена, а ребенок родится нормальным.

— Нет, я не обижусь.

— Отличный ты парень!— Баренбойм откинулся на стуле.— Мэнни! Ну и дурни же мы! Сидим тут и говорим только о делах, и совсем забыли поздравить нашего молодого коллегу.

Плит расцвел так, что его красное, как будто начищенное щеткой лицо покрыл еще более сильный румянец, но ничего не сказал.

Карев глубоко вздохнул.

— Не нужно меня поздравлять,— сказал он.— Честно говоря, мы с Афиной расстались. На какое-то время, конечно, на пробу.

— Да?— Баренбойм нахмурил брови, изображая беспокойство.— Немного странное время для разлуки.

— Это длится у нас уже около года,— солгал Карев, вспоминая, как выскочил из куполодома через несколько секунд после оскорбления Афины.— А поскольку мы ждем ребенка, для нас это может быть лучшим, последним шансом, чтобы сориентироваться, что собственно нас соединяет. Надеюсь, это не перечеркнет ваших планов.

— Конечно, нет, Вилли. Но что ты собираешься делать сейчас?

— Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Я знаю, что моя особа важна для изучения Е.80 — мистер Плит называл меня подопытным кроликом за миллиард долларов,— но я хочу на какое-то время уехать за границу.

Баренбойм остался невозмутим.

— Это можно устроить без труда,— сказал он.— У нас есть филиалы в разных городах всего мира, впрочем, тебе об этом говорить не надо. Куда ты хотел бы отправиться?

— Я думал не о должности в городе,— ответил Карев, беспокойно вертясь на стуле.— «Фарма» по-прежнему заключает контракты с бригадами антинатуристов?

Баренбойм сначала взглянул на Плита и только потом ответил.

— Да. У нас меньше контрактов, чем прежде, но мы по-прежнему поставляем и применяем биостаты во многих оперативных районах.

— Именно этим я и хотел бы заняться,— сказал Карев, торопившийся высказать свое мнение прежде чем его прервут.— Я знаю, что в такой ситуации не имею права рисковать, но мне хочется на некоторое время бросить все. Я хотел бы пойти добровольцем в бригаду антинатуристов.

Он замолчал, ожидая отказа Баренбойма, но, к его

удивлению, председатель кивнул головой, а на лице его появилась улыбка.

— Значит, хочешь остудить парочку натуралистов?— интересовался он.— Знаешь, иногда они выбирают смерть... Это тебя не пугает?

— Пожалуй, нет.

— Как ты сам сказал, Вилли, с точки зрения нашей фирмы в игре появляется некоторый риск,— говоря это, Баренбойм снова взглянул на Плита.— Однако, с другой стороны, благодаря этому ты на несколько месяцев исчезнешь из поля зрения, что было бы совсем неплохо. С момента подачи патента вопрос обеспечения безопасности станет еще более трудным. Как ты считаешь, Мэнни?

Плит улыбался своим мыслям.

— В этом много правды, но я не уверен, понимает ли наш молодой коллега, во что хочет влезть. Навязывание кому-то бессмертия против его воли является худшим видом насилия над человеком.

— Вздор!— резко запротестовал Баренбойм.— Я убежден, что Вилли продержится в бригаде антинатуралистов несколько месяцев. Правда, сынок?

В первый момент Карев не знал, что ответить, но потом вспомнил Афины и понял, что должен немедленно отправиться в далекое путешествие, на случай если бы простил ее, охваченный слабостью или безумием.

— Я справлюсь,— с горечью ответил он.

Часом позже он спускался на скоростном лифте вниз, имея в саквояже официальный перевод в группу «Фармы» в бригаде антинатуралистов. Поскольку несколько минут назад кончился рабочий день, внизу было еще полно людей. Он с интересом смотрел на проходящих мимо техников и служащих, задумываясь, почему факт, что он отправляется в Африку, делает всех какими-то странными. Я, наверное, сплю, подумал он. Слишком легко все это получилось...

— Привет, Вилли,— раздался за его спиной чей-то голос.— Я не ослышался? Говорят, ты вырываешься в мир из-под опекунских крыльев «Фармы». Не могу в это поверить. Скажи, что это не так.

Повернувшись, Карев заметил заросшее лицо Рона Ритчи, высокого блондина, исправного двадцатидвухлетнего парня, работавшего в отделе биопозы на должности младшего координатора продажи.

— Все это правда,— ответил он.— Я не мог больше выдержать на одном месте.

Ритчи сморщил нос и улыбнулся.

— Я горжусь тобой, парень. Другие в твоём возрасте, те, что только что закрепились, начинают изучать философию, а ты, прыгая от радости, едешь в Бразилию.

— В Африку.

— Во всяком случае куда-то далеко. Пойдем отметим это, выпьем, покурим.

— Но...— Карев умолк, поскольку только сейчас до него дошло, что он потерял жену и дом, в котором мог бы провести вечер.— Последнее время я много пил и теперь хочу ограничиться.

— Да брось ты!— Ритчи обнял Карева за плечи.— А ты подумал, что, может, я уже никогда тебя не увижу? Для одного из нас это стоит нескольких тостов.

— Пожалуй, да.

Карев всегда считал, что его ничто не связывает с Ритчи, но выбирать приходилось либо его общество, либо вечер в одиночку. Еще недавно он ждал, что Баренбойм пригласит его на ужин или потратит несколько часов, чтобы обговорить уход из конторы, однако формальности уладили с фантастической быстротой, после чего Баренбойм и Плит покинули его, отправляясь на какую-то встречу. И хотя выезд в Африку был исключительно его мыслью, он, непонятно почему, чувствовал себя так, будто от него избавляются.

— Вообще-то я охотно бы выпил,— сказал он.

— Это я понимаю.— Ритчи потер руки, открыв в улыбке узкий ряд зубов.— Куда отправимся?

— К Бемонту,— ответил Карев, мысленно видя перед собой стены цвета табака, глубокие кресла и десятилетнее виски.

— В рай такие идеи. Пойдем, я отвезу тебя в местечко получше.— Ритчи открыл дверь и торопливо зашагал, как будто его тянула вперед какая-то невидимая сила. На своих худых мускулистых ногах он в несколько шагов пересек холл под аккомпанемент смеха группы девушек, которые только что вынырнули из бокового коридора. Среди них была Марианна.

— Марианна, у меня еще не было случая сказать тебе,— заговорил с ней Карев.— Я здесь сегодня последний день...

— Я тоже,— оборвала она его, глядя на удаляющегося Ритчи.— Прощай, Вилли.

Она равнодушно повернулась, а Карев машинально кос-

нул рукой лишенного щетины лица. Разозленный, он некоторое время провожал ее взглядом, а потом быстро двинулся к двери, чтобы догнать Ритчи. Его молодой коллега жил недалеко, а потому ездил на автомобиле с низкой подвеской, который казался странным в сравнении с комфортабельным, более стабильным болидом. Карев плюхнулся на пассажирское кресло возле Ритчи и стал мрачно смотреть в боковое окно. Он был потрясен реакцией Марианны, которая вдруг перестала видеть в нем человека. В душе он задавал себе вопрос, задело бы это его так сильно, если бы он действительно остыл? Афина была его женой, и он скорее от нее ждал именно такой перемены, зато Марианна была простой женщиной, которая когда-то регулярно давала ему понять, что пойдет за ним, если он позовет, и по каким-то необъяснимым причинам был уверен, что его мнимое закрепление не повлияет на их дружбу.

— Вот мы и прибыли,— сказал Ритчи, въезжая на стоянку.

— Прибыли? А куда?

— В «Святыню Астарты».

— Езжай дальше,— буркнул Карев.— Даже когда я был исправен, меня никогда не тянуло в бордели, а...

— Не волнуйся, Вилл,— прервал его Ритчи и выключил двигатель.— Никто не заставляет тебя подниматься наверх, и, надеюсь, ты не против, чтобы я немного заработал.

Кареву снова показалось, что им манипулируют, что его водят за нос, но он вышел из машины и пошел ко входу в «Святыню». К ним подошла стройная девушка, одетая блеском, испускаемым голубовато-фиолетовым световым ожерельем, и протянула кассету для денег. Окинув взглядом гладко выбритый подбородок Карева, она тут же перестала интересоваться им и повернулась к Ритчи, который вынул из сумки стодолларовую банкноту и бросил ее в кассету.

— Астарта приглашает вас в свое жилище,— прошептала девушка и провела их в большой бар, занимавший весь первый этаж здания.

— Не понимаю,— сказал Карев.— Мне казалось, что деятельность этих заведений заключается в том, что девушки платят вам, а не наоборот.

Ритчи тяжело вздохнул.

— Неужели все бухгалтеры такие непрактичные? Конечно, они нам платят, но и заведение должно иметь с

этого какой-то доход. Эти сто долларов за вход обеспечивают ему избранность и покрывают расходы на содержание, а люди вроде меня все равно зарабатывают, получая плату от девушек.

— О! И сколько же составляет эта плата?

Ритчи пожал плечами, проталкиваясь сквозь толпу к бару.

— Двадцать новых долларов за успокоение.

— Теперь я понимаю, почему это заведение приносит доход,— насмешливо сказал Карев.

— Что это за намеки, ты, яйцо из холодильника?— резко спросил Ритчи.— Думаешь, что я не верну этой сотни? Подожди — и увидишь сам. Что ты пьешь?

— Виски.

Ритчи добрался до зеркальной стойки и приложил к глазу автобармена свой кредитск.

— Одно шотландское и одно заправленное,— сказал он в зарешеченное отверстие.

Из другого отверстия показались два запотевших стакана. Край одного из них светился нежным розовым светом, показывая, что он содержит что-то еще, кроме алкоголя. Карев взял ничем не выделяющийся стакан и, хлебнув слегка успокаивающий напиток, критически осмотрелся. Большинство присутствующих были исправными разного возраста. Девушки, одетые в световые ожерелья, кружили между столиками и кабинами как колонны застывшего огня. В зале находились и несколько остывших, одетых, как он с облегчением заметил, совершенно обычно и разговаривающих с приятелями самым обычным образом.

— Будь спокоен, Вилли,— сказал Ритчи, как будто читая в мыслях Карева.— Это нормальное заведение, и никто не будет на тебя наговаривать.

Сомнения, охватившие Карева при мысли о проведении всего вечера в обществе Ритчи, вдруг усилились.

— Я не особый любитель запретов,— равнодушно сказал он,— но разве ты не знаешь, что остывшие мужчины не любят, когда их причисляют к потенциальным гомосексуалистам?

— Прошу прощения, профессор. А что я такого сказал?

— Почему кто-то должен на меня наговаривать?

— Я уже сказал, что прошу прощения.— Ритчи одним глотком выпил содержимое стакана и улыбнулся.— Не горячись так, парень. Я считаю, что все запреты нужно нарушать. Это единственный интеллигентный образ жизни.

— Все запреты?

— Точно.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно.— Ритчи отставил стакан.— Выпьем еще по одной,— предложил он.

— На, попробуй это, я едва пригубил.

Сказав это, Карев оттянул в пояс брюки Ритча и вылил туда содержимое своего стакана, после чего отпустил эластичный материал, который с треском вернулся на место.

— Что ты...— выдавил Ритчи, у которого слова застряли в горле.— Что ты делаешь?

— Нарушаю запрет, касающийся вливания алкоголя кому-нибудь в брюки. Я тоже хочу жить интеллигентно.

— Ты что, спятил?— Ритчи посмотрел на мокрое пятно, спускающееся вниз по его брюкам, потом с растущим гневом, сжимая кулаки, поднял взгляд на Карева.— За то, что ты сделал, я тебя в отбивную превращу.

— Попробуй,— серьезно ответил Карев.— Но помни, что тогда ты потеряешь сто долларов, которые заплатил за вход сюда.

— Значит, ребята не ошибались относительно тебя.

— В каком смысле?

— В таком. Что ты такой же подозрительный, как часы за два доллара.— Ритчи резко придвинул свое лицо к лицу Карева.— Мы все знаем, почему Баренбойм так тащит тебя вверх. Куда это вы пропали, когда уехали якобы в Пуэбло?

Карев, который за всю сознательную жизнь никого не избил, ударил Ритчи кулаком по шее. Правда, нанес он удар не профессионально, но более высокий Ритчи свалился на колени, хрипя и с трудом хватая воздух. Откуда ни возьмись, из полумрака выскочила группа крепких женщин в кожаных шлемах на головах. Они схватили Карева за руки и вывели из бара. В холле его некоторое время поддерживали неподвижно перед теледетектором, чтобы компьютер запомнил его лицо и внес в список нежелательных посетителей, потом свели по лестнице вниз и отпустили. Входящие в «Святыню» мужчины высказывали шутливые предположения, по какой это причине выбрасывают из борделя остывшего, но ему было все равно. Долгое время в нем нарастало желание ударить кого-нибудь, и он был благодарен Ритчи за то, что тот дал повод для этого. В правой руке, как воспоминание нанесенного удара, осталось пока-

лывание, похожее на электрические импульсы, и мысленно он почти согласился с Афиной.

Только гораздо позднее, когда он выпил множество виски, его стала мучить мысль о том, что Ритчи — вовсе не близкий его знакомый — выражался так, будто знал о его «тайных» связях с Баренбоймом. А ведь Баренбойм, и Плит делали все, чтобы не допустить утечки информации, ука-зывающей на связь Карева с Е.80. Неужели совершена ошибка?

Погружаясь в сон, он думал об опасностях, а потом ему снова снилось, что у него тело из стекла.

Глава 6

Утреннее небо над аэропортом, ясное, чистое и безоблачное, если не считать огромного столба тумана, окружающего туннель тихих стартов, слепило глаза. Относительно теплый воздух сразу над землей попадал в него из-за несовершенства создающего его магнитного поля и быстро поднимался вверх, превращая туннель в невидимый реактивный двигатель, выбрасывающий газы в верхние слои атмосферы. Карев, прибывший в аэропорт заранее, посмотрел старт нескольких самолетов, которые подъезжали к основанию столба из туч, поднимались вертикально вверх и исчезали. Он напрягал глаза, пытаясь увидеть, как вверху они выскакивают из столба и ложатся на курс, но от напряжения глаза разболелись, и он бросил это занятие.

Вскоре он понял, что ошибся, приехав в аэропорт так рано. Кратковременное действие выпитого вчера алкоголя прошло, оставив ему взамен плохое самочувствие, к тому же у него было слишком много времени для обдумывания своего ближайшего будущего. Вполне возможно, что еще сегодня он примет участие в боевой акции бригады антинатуристов. Каждый раз эта мысль одинаково потрясала его, и он вглядывался в далекие вершины Скалистых Гор со смешанным чувством ностальгии и горечи. Я не хочу ехать в Африку, думал он. И уже совсем не хочу иметь дело ни с какими натуралистами. Что я здесь делаю? В нем вдруг вновь проснулся гнев на Афины.

Ругаясь про себя, он двинулся в сторону ряда телефонных будок, но вспомнил, что говорить ей нечего. Конечно, он мог сообщить ей, что уезжает за границу, но ведь было известно, что когда компьютер «Фармы» введет вызванные

его отъездом изменения в кредитную систему, то автоматически уведомит ее об этом. Что же касается чувств, то он хотел сказать ей: «Смотри, что ты наделала. Из-за тебя я еду в Африку, где могу погибнуть от рук какого-нибудь натуралиста». Но ему не было дано пережить даже такого детского удовлетворения, отчасти из-за гордости, отчасти потому, что человек, которому он хотел это сказать, — прежняя Афина, перестал существовать. Что он мог получить от разговора с враждебно смотрящей на него незнакомкой, которая жила теперь в теле Афины? Он понял, что гордился когда-то своим старомодным, моногамным супружеством — связью, пережившей его мнимую импотенцию всего на несколько часов. Даже то, как она сообщила ему эту новость, говорило о многом. По ней не было видно никаких признаков сожаления или других чувств, за исключением презрения к тому бесполому предмету, который когда-то был ее мужем. И это спустя несколько часов! Спустя несколько паршивых...

Он вдруг заметил, что люди в зале ожидания для отлетающих внимательно смотрят на него, перестал сжимать руки на саквояже и вымучено улыбнулся одетой в розовое женщине, сидевшей рядом, держа на коленях грудного младенца. Она не отреагировала, только вглядывалась в него, пока он не отвернулся и пошел к автомату с часкофе. Повернув диск, он заказал порцию горячей жидкости, рассеянно выпил ее, а когда объявили его рейс, встал на движущуюся ленту рядом с другими летящими на Восток пассажирами. Первое содрогание ленты, напомнившее о начале путешествия, наполнило его паническим страхом. Заставив себя расслабиться, он стал дышать равномерно и делал это до входа на борт самолета, где его внимание поглотило беспокойство о собственной безопасности во время полета.

За сорок лет своей жизни он совершил не менее тысячи путешествий на самолетах и не мог вспомнить ни одного, во время которого не заметил бы какого-нибудь маленького, но потенциально смертельного дефекта в самой машине или в ее оборудовании. Это мог быть едва ощутимый запах горячей изоляции, влажный след на швах баков на крыле или какой-то необычный тон в шуме двигателя — мелочи, на которые не обратит внимания профессионал, но которые слишком бросаются в глаза интеллигентному дилетанту. На этот раз ему не понравилась бутылка со сжатым газом, которая в случае катастрофы должна была заставить вы-

скакнуть из обшивки кресла перед ним большой пластиковый мешок, который предохранял от сотрясения. Бутылка показалась ему слегка искривленной относительно шейки баллона, и у него появилось подозрение, что крышка отошла, а газ улетучился.

Он хотел спросить стюарда, как часто проверяют бутылки с газом, но тут рядом с ним заняла место какая-то пассажирка. Она была одета в розовое и безуспешно пыталась отцепить ремни сумки, в которой находился ребенок. Это была та самая женщина, которая сидела возле него в зале ожидания.

— Вы позволите?— обратился он к ней, а затем освободил край одного из пластиковых покрывал сумки от пружинного замка на ремне, и тот без труда расстегнулся.

— Спасибо,— сказала пассажирка.

Она вынула молчащего ребенка и посадила его себе на колени. Карев сложил сумку и сунул ее под сиденье, а потом откинулся в кресле, думая, сказать ли соседке, что застежка на ремне выглядит опасно слабо. В конце концов он решил этого не делать — пассажирка относилась к нему с явным недоверием, даже враждебностью,— но все же не перестал думать, какой странной показалась ему на ощупь стальная обшивка. В одном месте металл был тонким, как бумага, как будто — откуда-то из глубины сознания всплыла беспокоящая мысль — им пользовались слишком долго. Современные виды стали служили много десятков лет прежде чем...

Он откинул со лба волосы и под защитой этого жеста искоса взглянул на незнакомку. Ее бледное лицо с правильными чертами казалось нормальным и сдержанным, и он немного успокоился, почти стыдясь того, что только что подумал. Когда двести лет назад стали доступны усовершенствованные биостаты, власти быстро установили, где кроется основная возможность злоупотребления ими. Нелегальное введение биостатов особам несовершеннолетним каралось так сурово, что подобные случаи были почти неизвестны, хотя в самом начале отметили ряд странных и неприятных эпизодов. Самыми частыми и наиболее трудными для искоренения оказались злоупотребления биостатами, которые совершали родители в отношении собственных детей. Влюбленные в своих чад матери, часто такие, которые не подлежали продолжению жизни в бесконечность, пробовали остановить время, обессмертив своих детей, когда те были еще маленькими. Вместе с введением

фактора неизменности в механизм воспроизведения клеток, физическое развитие ребенка прекращалось. То же самое происходило и с умственным развитием, поскольку складкообразование мозга, необходимое для увеличения площади коры, становилось невозможным. Ребенок, навсегда «замороженный» в возрасте трех лет, со временем мог стать очень развитым, даже ученым, но имея закрытую дорогу к высшим функциям разума, оставался в сущности вечным ребенком.

Бывали случаи злоупотребления биостатами по чисто деловым причинам. К самым громким принадлежало дело Джона Сирла, мальчика с удивительным сопрано, которого родители «заморозили», когда ему было одиннадцать лет, только по той причине, что он был единственным кормильцем семьи. Этот случай, как и большое количество молодых актеров, которые долго оставались подозрительно инфантильными, заставил ввести суровые законы и точный контроль за производством и распределением биостатов. Легальное введение средства несовершеннолетним случалось теперь только в случае неизлечимой болезни. Обеспечивая организму больного ребенка неизменность, его спасали от преждевременной смерти, что, однако, не решало моральной проблемы, заключающейся в том, что болезнь сохранялась и укреплялась. Даже тогда, когда дальнейшее развитие медицины обеспечивало смертным соответствующие лекарства, страдающий той же болезнью бессмертный ребенок оставался неизлечимо больным, поскольку образ его тела был закодирован в клетках раз и навсегда.

Еще одной из проблем было использование биостатов в неуместных целях. В период горячего соперничества между фирмами-производителями, когда каждый день расходовались целые состояния, чтобы спасти всех больных, стоящих на пороге смерти, оказалось, что некоторые люди одаряют бессмертием своих собак и кошек. Введенные со временем инструкции ограничивали употребление биостатов ветеринарами, но конные скачки и другие развлечения, в которых настоящий возраст животных играл важную роль, пережили землетрясение. Благодаря тому, что биостаты приводят каждый нормальный здоровый организм в отличную форму, родилась мода на мясо бессмертных коров, овец и свиней, которая так никогда и не исчезла, даже к концу двадцать второго века...

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Карев повернул го-

лову. Ребенок, сидевший на коленях матери, откинул одеяло, и его розовое, кукольное личико освещал теперь яркий свет, льющийся в окна самолета. Два голубых глаза — мудрых, хотя и запертых в состояние непрерывного психоза из-за детской неспособности отличать свое «я» от внешнего мира, — смотрели на Карева. Он инстинктивно отпрянул, когда младенец вытянул к нему пухлую ручку. Заметив его реакцию, мать прижала ребенка к груди. Некоторое время она вызывающе смотрела Кареву в глаза, затем взгляд ее скользнул в сторону и остановился где-то на горизонте личной вселенной, в которую не имел доступа ни один мужчина.

Шестимесячный ребенок, со страхом подумал он. Младенец выглядел шестимесячным, но вполне возможно, что ему было столько же лет, сколько и Кареву. Еще какое-то время он вслушивался в нарастающий стон двигателей самолета, затем встал с кресла и прошел назад в поисках свободного места. Единственное незанятое находилось возле бортового стюарда. Карев тяжело опустился в свободное кресло и сидел, постукивая пальцем по зубам.

— Она действовала вам на нервы? — сочувственно спросил стюард.

— Кто?

Стюард кивнул в начало салона.

— Миссис Дениер, Летучая Голландка, — объяснил он. — Иногда мне кажется, что она должна платить за два билета.

— Вы ее знаете?

— Все, летающие по трассе до Лиссабона, знают миссис Дениер.

— Она часто путешествует? — спросил Карев, стараясь выказать только легкий интерес.

— Не так часто, как регулярно. Каждый год, весной. Кажется тридцать лет назад на этой трассе разбился самолет, в котором летела она, ее муж и ребенок. Муж погиб.

— О! — сказал Карев и подумал, что не хочет больше ничего знать. Он глубоко вдохнул воздух, пахнувший пластиком, и выглянул в окно. Самолет как раз двинулся с места.

— Она отсидела десять лет за введение биостата ребенку и с тех пор нет весны, чтобы она не появилась.

— Неслыханная история.

— Похоже, таким образом она хочет воскресить прошлое или ищет такой же смерти, но я в это не верю. На-

верное, у нее дела по ту сторону океана. Женщины так долго не отчаиваются.

Самолет доехал до центра стартового туннеля, и рев двигателей достиг предела. Этой фазы полета Карев больше всего не выносил: когда машина начинала подниматься, у нее не было достаточной скорости, а у пилота времени для реакции, чтобы ее спасти, если бы отказали двигатели. Кареву захотелось отвлечься мыслями от полета.

— Простите,— сказал он.— Это все двигатели.

— Я сказал, что женщины не ходят в трауре так долго.

— Как долго?

— Из того, что я знаю, не менее тридцати лет. Трудно поверить, правда?

Карев покачал головой, думая о перетертом замке сумки. Невозможно, чтобы он износился до такой степени за тридцать лет. Входя в атмосферу, самолет подозрительно закачался, и Карев, держась за подлокотники кресла, задал себе вопрос, не исполнится ли сегодня желание миссис Де-ниер.

Глава 7

Было далеко за полдень, когда самолет Объединенных Наций из Киншасы, скользя с почти баллистической скоростью на северо-восток, пролетел над редкими постройками округа Нувель Анверс и заложил вираж в сторону лесной поляны.

Когда в тот же день, только раньше, Карев летел самолетом из Лиссабона, он с надеждой смотрел на редко растущие деревья и кусты, придававшие североафриканской саванне идиллический вид. Он имел весьма туманное понятие о том, где располагается бригада антинатуристов, которой «Фарма» по контракту доставляла лекарства, и если бы оказалось, что где-то в районе похожей на парк саванны, ближайшие несколько месяцев прошли бы почти приятно. Однако пейзаж медленно изменялся, и в данный момент самолет мчался над вечнозелеными джунглями, в которых, казалось, мог без следа пропасть не только он сам, но и все человечество. Его настроение отчаяния и самобичевания еще более углубилось. Он должен был отбросить безумную мысль вступить в бригаду антинатуристов в то серое утро разрыва с Афиной. Служба в бригадах проходила на основе добровольности, поэтому, если бы он пошел на попятный,

это произвело бы еще меньшее впечатление, чем его первое решение вступить в них. В этом был он весь: когда ситуация требовала решительности, он покорно приспосабливался, когда же разум подсказывал уступчивость, тогда, наперекор логике, он становился несгибаемым.

Когда машина описывала вираж в сонном, желтом воздухе, Карев на мгновение увидел в нескольких километрах к северу локализованную бурю. Он успел только взглянуть высоко в небо и заметить едва уловимое напряжение полей управления погодой, как тут же вверх поднялись деревья, закрывая обзор. Машина остановилась в конце поляны, и рев двигателей смолк. Карев расстегнул ремни, встал и двинулся к выходу за четырьмя другими пассажирами, бородатыми, молчаливыми исправными. Они спустились по лесенке на примятую траву, где их ждала машина, тут же отъехавшая в сторону просвета между деревьями. Карев остался один, чувствуя себя совершенно потерянным. Он как раз выглядывал через люк, вдыхая насыщенный влагой воздух, когда из кабины управления вышла пилотка — крепкая блондинка в голубой форме Объединенных Наций. Она посмотрела на него с ироничным сочувствием, за что он был ей глубоко признателен.

Кивнув головой на частокол деревьев, он спросил:

— Можете вы мне сказать, как добраться до ближайшей цивилизации?

— А кого вы представляете? «Фарму»?— спросила блондинка с акцентом, выдающим в ней англичанку или австралийку.

— «Фарму»,— подтвердил он, ободренный тем, что услышал название своей фирмы в совершенно незнакомом месте.

— Не беспокойтесь, они скоро будут здесь. Я привезла кое-что для них. Советую вам сесть и отдохнуть до прибытия грузовика. Здесь такая влажность, что человек раздва — и падает с ног.— Она взглянула на его лишенный растительности подбородок и стянула блузку, открыв полный, но очень женственный торс.— На будущей неделе я возвращаюсь в Лапландию, поэтому, пока можно, пользуюсь даровым витамином D,— объяснила она. Бросив блузку на кресло, она села на лесенке, делая глубокие вдохи, как будто хотела максимально подвергнуть груди действию солнечных лучей.

Сердце Карева стучало, как молот, он не предвидел всех последствий игры в остывшего. Правда, всемирная мо-

да отошла от демонстрации женской наготы, но женщины обычно не слишком жаловали давно принятые нормы поведения, если оказывались в обществе остывших мужчин.

— Я подожду внутри,— сказал он.— Моя кожа боится солнца.

Он сел, удивленный впечатлением, которое произвела на него не слишком привлекательная женщина. Внутренность машины нагрелась, и Карев закрыл глаза. Он чувствовал себя виноватым, что обманул пилотку, и это действовало на него, как катализатор...

Он не знал, сколько прошло времени до момента, когда его разбудило хлопанье дверцы автомобиля. Подойдя к люку, он спустился по лесенке на вытоптанную траву, где снова одетая блондинка тихо разговаривала с низким мужчиной, который своими мускулистыми плечами напоминал атлета-тяжеловеса. У пришельца был большой живот, натягивавший тонкую ткань полевого мундира Объединенных Наций, и, хотя он был сед и лыс, лицо его покрывала серебристая щетина, говорившая всем и каждому о его исправности.

— Меня зовут Феликс Парма, я начальник транспорта,— представился он Кареву зычным голосом с шотландским акцентом.— Прошу прощения за опоздание. Компьютер предупредил о вашем приезде, но я немного проспал. Нужно было прийти в себя после вчерашнего.

— Ничего страшного,— ответил Карев и пожал протянутую ему руку, болезненно переживая насмешку, читавшуюся в глазах пришельца, внимательно разглядывавшего его лицо. Его задело, что, хотя от Пармы пахло потом, именно из-за него пилотка вновь надела блузку.— Вы работали допоздна?— спросил он.

— Ну, скажем, что работал.— Короткой пантомимой Парма дал понять, что пил, и усмехнулся. Карев заметил сетку жил на его курносом носу.— А вы? Любите выпить?

— Бывает. При особых случаях.— Карев почувствовал возникшую симпатию к этому физически крепкому исправному, который приехал неизвестно откуда и разговаривал с ним вполне понятным языком. Правда, Кареву было интересно, почему Парма предпочел так постареть и не закрепился, но во всем другом он мог видеть в нем приятеля.

— Вы были когда-нибудь в Африке?

— Нет.

— В таком случае это «особый» случай. Что ты на это скажешь, Вильям?

— Не «особые» только те, которых нет,— ответил Карев, мысленно задавая себе вопрос: «Зачем Афина это сделала?»

— Выпьем,— заявил Парма таким тоном, как будто принимал важное решение.— Помоги мне носить ящики.

Пока Карев таскал вместе с ним от транспортного люка до грузовика больше десятка герметически закрытых контейнеров, пилотка причесывалась, сидя на лесенке для пассажиров. Интересно, подумал он, она делает это для Пармы или нет? В мире, в котором зрелые женщины значительно превосходили численностью исправных мужчин, ему приходилось видеть еще более странные пары. Перетащив все ящики, Парма небрежно помахал рукой на прощание и сел за руль.

— Едем, Вильям,— буркнул он.— Девушка ничего себе, но раз мы собрались выпить, не будем терять времени.— Он завел двигатель, и они, трясаясь и подсакивая, поехали через поляну. Оглядываясь назад, чтобы в последний раз взглянуть на блондинку, Карев снова заметил удаленную на несколько километров бурю со странно локализованными границами — клубящаяся колонна пыльной ссоры и грозного пурпура, рисующаяся на фоне заходящего солнца, как гриб ядерного взрыва.

Карев коснулся руки Пармы и, указывая на это явление, спросил:

— Что там происходит?

— Это и есть наша боевая акция,— ответил Парма. Грузовик резко повернул и въехал на темнеющую уже дорогу, вырубленную в равнодушном лесу.— Там мы и работаем.

— Не понимаю. Перед посадкой я видел поля управления погодой, но... Доставка с Атлантики такого количества воды должна стоить кучу денег.

— Игра стоит свеч. Эта буря локализована точно над древней натурастов. Уже три недели. Официально это фрагмент акции по уменьшению влажности воздуха в этом районе Африки, но настоящая причина в другом.

— Три недели без перерыва?— недоуменно спросил Карев.— В таком случае, что происходит с людьми внизу?

— Мокнут и размокают,— со смехом ответил Парма и сплюнул через окно.

— И болеют.

— И болеют,— не колеблясь согласился Парма.— Если ты когда-нибудь этим уже занимался, то наверняка пред-

почел бы устраивать облаву на больных, чем на здоровых натурастов. В этом все дело.

— Должен же быть какой-то лучший способ.

— Да, есть: газ. Или пыль. Использование одного или другого было бы дешевле, легче и быстрее, но Хельсинкская Конвенция связывает нам руки. Натуралист может тебя убить, и никто не скажет ни слова, но попробуй ты хотя бы царапнуть одного из них стрелой — и беды не оберешься. — Парма включил фары, чтобы разогнать быстро густеющую темноту, и деревья по сторонам дороги как бы сомкнули ряды. — Ты уже видел когда-нибудь труп?

— Нет, — быстро ответил Карев. — Я догадываюсь, что дождь деморализует этих людей.

— И это тоже. Начинается с того, что горстка туземцев отделяется от племени и превращается в натурастов. Они строят отдельную деревню и живут грабежами, как в добрые старые времена. Поначалу все сходит с рук, но со временем нормальные разумные бессмертные выходят из себя и обращаются с жалобой к нам. Мы, однако, не сразу вмешиваемся и не боремся с ними. Мы перестали это делать. Сначала наши крепкие дикари замечают, что ни с того ни с сего становится дьявольски мокро, а после нескольких недель проливного дождя приходят к выводу, что оскорбили кого-то там, наверху. Ну а потом, обычно без труда, удается уговорить их присоединиться к бабьему обществу.

Карев взглянул на Парму, который в профиль очень напоминал Хэмингуэя.

— Кого ты, собственно, держишься?

— Уж, конечно, не натурастов. Их дело, что предпочитают жить недолго, но весело, проливая кровь, пот и сперму, но они не должны убивать других. Это недопустимо, недопустимо до такой степени, что оправдывает разрушение их веры в то, что после зимы наступает лето.

На дальнем конце прямой, как стрела, дороги замелькали первые огни.

— Хорошо, что создатели Хельсинкской Конвенции не предвидели использования погоды как оружия, — сказал Карев.

— Разве? — Парма рассмеялся. — По моему скромному мнению, не ввели такого запрета только потому, что управление погодой является единственным современным повсеместно используемым видом оружия. Ты когда-нибудь слышал о беспорядках на Кубе во время трехлетней засухи

в прошлом столетии? Об этом не говорили вслух, но держу пари, что Штаты уже тогда умели управлять погодой и воспользовались этим.

— Но ты говорил...

— Я говорил о сегодняшнем времени. Достаточно располагать соответствующими средствами, чтобы сконструировать крупное поле управления погодой и компьютеры такого качества, что рассчитают взаимодействие различных факторов, и вот уже все готово к ведению войны: тихо, тайно, предательски. Можно уничтожать урожай в других государствах или вызывать такую жару, духоту и влажность, что люди, делающие пробор справа, начнут убивать людей, делающих пробор слева. Вот это война, Вильям!

— Я по-прежнему не знаю, кого ты держишься.

— Это неважно, пока я делаю то, что должен делать. Меня называют Парма из «Фармы».

Огни впереди внезапно разбежались в стороны, поскольку грузовик добрался до следующей поляны, окруженной кольцом зданий различной величины. Парма остановился перед последним из домиков, два ряда которых образовывали миниатюрную улочку, выходящую к темному лесу.

— Твоя хата,— объяснил Парма.— Мы собрали ее только сегодня после обеда, и света еще нет, но ты можешь бросить свой багаж. Поедем в наш клуб, а парни тем временем закончат работу.

Карев все еще сомневался.

— Я хотел бы немного освежиться,— сказал он.

— Сделаешь это в клубе. Идем, водка ждет, а время идет.

Карев вылез, открыл дверь домика и поставил свой саквояж в пахнущую смолой темноту. Всего двадцать четыре часа назад он начинал с Ритчи чуждую ему холостяцкую пирушку и потому рассчитывал, что этот вечер не будет похож на тот. «Что делает теперь, именно в эту минуту, Афина?»— задал он мысленно вопрос. Снова чувствуя одиночество, он вернулся к грузовику, и тот повез его через поляну к относительно большому геокуполу, где размещался клуб. В округлом помещении, центр которого занимал бар, царила атмосфера, типичная для подобных заведений. На пружинистом сегментовом полу расставили складные столики и стулья, а на таблице объявлений висели различные листы и листики: некоторые, несомненно, служебные, другие, разукрашенные каким-нибудь художником-любителем, предвещали будущие развлечения. Хотя здесь и было

тепло, Карев содрогнулся. Вернувшись из туалета, он застал Парму за столом, а перед ним стояли две поллитровые кружки пива.

— До восьми ничего другого не подают,— объяснил Парма.— Говорят, что из-за таких, как я, чтобы не упились сразу, как свиньи.— Он поднял кружку и одним глотком вылил в себя ее содержимое.— Мало того, что это не демократично, это еще и наивно.

Карев попробовал пиво. Оно было холодное и имело приятный, терпкий вкус, поэтому он, не задумываясь, последовал примеру Пармы, щуря глаза, когда зашипало в гортле.

— Мне нравится, как ты пьешь свою кварту,— сказал Парма, употребив слово, обозначающее когда-то меру емкости жидкостей, а теперь ставшее опознавательным паролем среди пьяниц.— Закажи еще пару.

Карев взял очередные две кружки у бармена, который обслуживал клиентов с такой кислой миной и так неловко, как будто хотел дать им понять, что днем у него есть другие, более важные дела. В клубе было пустовато, но когда Карев осмотрел зал, то с удивлением отметил, что среди присутствующих преобладают остывшие. Это напомнило ему, что Парма не сказал ни слова о его внешнем виде и вел себя с беспристрастной мужской сердечностью, что было как бальзам для задетой гордости Карева. На мгновение он подумал, что если бы действительно закрепился, ему было бы легче смириться со сменой поведения коллег из конторы.

— Вот не думал, что в этом деле так много остывших,— сказал он, ставя кружку на стол.— Что они тут делают? Хотят быть лучше, чем есть?

— Понятия не имею,— равнодушно ответил Парма.— Я делаю только то, что должен делать.

Он опустошил кружку до половины, бодая пену испещренным жилками носом, и Карев почувствовал растущую симпатию к этому человеку. Он принялся за свое пиво, которого было как будто больше, чем в первый раз. Следующие кружки, выпитые в тот вечер, казались ему все больше и больше, но стоило поднести их к губам, как содержимое их чудесным образом исчезало. Пока Карев удивлялся этому открытому им обстоятельству, круглый зал постепенно заполнялся, а потом вдруг закачался вокруг него и задрожал. Лица людей превратились в двумер-

ные ничего не выражающие маски, а потом вместе с Пармой он оказался за дверями, спотыкаясь в темноте. Он бы не нашел дороги к своему домику, но Парма довел его до самых дверей. Молча пожав Кареvu руку, он ушел, волоча ноги.

Чувствуя, что должен немедленно лечь, Карев открыл дверь и щелкнул выключателем. Свет не загорелся, и тогда его затуманенная алкоголем память подсказала ему, что в тот вечер техники должны были кончить монтажные работы. Заглядывая в домик в первый раз, прямо напротив двери он заметил пульт климатизации. Вытянув вперед руки, он двинулся в том направлении, пока не почувствовал под руками гладкий пластиковый главный рубильник. Он без труда повернулся, и дом залил свет, и только тут Карев заметил, что на пульте нет предохранительной панели.

Некоторое время он с бьющимся сердцем тупо смотрел на провода высокого напряжения, в которые мог воткнуть пальцы, если бы ему исключительно не повезло. Неспособный удивиться или разозлиться, он подошел к кровати и лег.

Вскоре он заснул, но во сне его хрупкому стеклянному телу угрожали большие машины, слепая сила которых могла растереть его в сверкающую пыль.

Глава 8

Утренние лучи солнца разбудили Карева. Он с большим трудом поднялся, чувствуя в висках болезненную пульсацию, и пошел в маленькую ванную. Когда он оттуда вышел, то в первый момент хотел снова лечь, но вспомнил, что Парма говорил, чтобы он с самого утра явился к координатору группы и официально подписал контракт. Поэтому он открыл саквояж, вынул капсулы с кислородом и витамином С, которые использовал против похмелья, и быстро проглотил одну. Из-за желатиновой оболочки капсула неприятно остановилась где-то в горле, и он хотел уже сходить за стаканом воды, когда взгляд его остановился на пульте климатизации.

Обнаженные концы проводов зловеще поблескивали. Хмуря брови, Карев огляделся вокруг и увидел, что предохранительная панель с пульта лежит на стуле. На лбу у него выступил пот. Он фыркнул, осознав собственную глупость — ведь без предохранительной панели нельзя было

повернуть главный рубильник и пустить ток.

— И все-таки свет в домике зажегся! Рубильник передвинулся без труда!

Сжимая виски, чтобы смягчить упорную пульсацию, он подошел к пульту и заглянул внутрь. Провода, блокирующие главный рубильник, пока он не соединится со стержнем на панели, были свернуты и явно не действовали. Мгновенно в голове его возникла мысль: кто-то хотел меня убить, и это из-за Афины! Потом он немного отошел, его охватил яростный гнев, который испытывает бессмертный, жизни которого угрожала опасность из-за чьей-то небрежности. Он пообещал себе, что виновный поплатится за это.

Когда он бросил грязную одежду в ликвидатор и надел свежую, чистую тунику и брюки, головная боль стала постепенно проходить. Он вышел наружу. Утренний свет резал глаза, куда бы он ни взглянул, как будто на небе светило несколько солнц. Вместе с теплым воздухом в легкие попал тяжелый запах каких-то незнакомых ему цветов. Пройдя короткой улочкой, он добрался до площади, которая оказалась пустой, если не считать двух мужчин в голубой форме Объединенных Наций, которые прохлаждались под тентом. Перед геокуполом, в котором размещался клуб, по-прежнему стоял грузовик Пармы. Карев уже хотел было спросить кого-нибудь из этих двоих о дороге, когда заметил герб Объединенных Наций на другом геокуполе по другую сторону площади.

Внутри за длинной стойкой сидела служащая, а за ней стояли хорошо знакомые ему выходы компьютерного терминала. Перегородки из матового пластика образовывали вокруг купола отдельные служебные помещения.

— Чем могу служить?— сонно и без особого интереса спросила девушка.

— Я из группы «Фармы», меня зовут Карев.

— Да?

— Я хотел бы поговорить с техником, который проводил вчера в домик электричество,— сказал он, открывая депилированный подбородок вниманию служащей.

— Вы хотите пожаловаться?

— Да. Он допустил преступную небрежность, и я чуть-чуть не был убит током.

— Сочувствую, но именно этот техник улетел сегодня утром первым самолетом.

— Вы можете сообщить мне его фамилию? Я хотел бы кому-нибудь доложить об этом.

— Кому?

— Не знаю... кому-нибудь, кто может наказать его.

— В таком случае обратитесь к мистеру Кенди, координатору, — сказала служащая с таким укором, словно Карев нарушал какой-то неписанный закон. Она провела его в одно из помещений, где за столом сидел молодо выглядевший остывший блондин, подстриженный ежиком. Кенди был очень мускулистым для остывшего, а его румянец говорил о цветущем здоровье. Он крепко и сердечно пожал руку Карева, после чего внимательно выслушал его рассказ, делая записи.

— Разумеется, я дам делу ход, — пообещал он. — Кстати, мистер Карев, поскольку уже довольно поздно, скажите: вы готовы начать работу?

— Ради этого я сюда и приехал, — с улыбкой ответил Карев. — Но честно говоря, не знаю, на что могу пригодиться. Я приехал сюда потому, что...

— Вам ни к чему объясняться, мы в основном функционируем благодаря синдрому BEAU GESTE. — Кенди сложил листок бумаги из блокнота и его углом стал ковырять в больших и ослепительно белых передних зубах. — Вы представляете «Фарму», поэтому можете помогать при применении биостата, производимого вашей фирмой. E.12, если не ошибаюсь?

— Но я всего лишь бухгалтер.

— Этот вопрос решен в Нью-Йорке, — бесстрастно, хотя и с долей иронии, ответил Кенди.

— Я знаю, но думал... что, может...

— Кроме того, помощь в конторе нам не нужна.

— Дело не в этом... — Карев замолчал, пытаясь привести мысли в порядок. — Когда начинается облава?

— Уже началась. Мы занимаемся переселенной ветвью старого племени малави, а они маловосприимчивы к нашим чудесам с погодой. — Кенди написал фамилию Карева на формуляре и подал его через стол. — Идите с этим на склад, там вам выдадут снаряжение. Мы запланировали, что удержим осадки до окончания акции и будем действовать под прикрытием тумана. С этой целью... — рядом с первым формуляром Кенди положил второй, голубой, — вы получите автомат.

— Пистолет?

— Да. Типа подкожного, на случай, если имеете что-то против применения насилия. Массовая прививка бессмертия исключает применение индивидуальных инъекций.

Двухместный вездеход на воздушной подушке, который Карев взял с транспортной базы Объединенных Наций, легко двигался по дороге, ведущей на север, где над горизонтом висела буря. Карев вел маленькую машину, почти стыдясь того, что обнаружил в себе черты искателя приключений. В обычный день в это время он сидел бы за столом в дирекции «Фармы», делая вид, что следит за работой компьютеров, а на самом деле считал минуты, отделяющие его от обеденного перерыва. Зато здесь, одетый в голубую форму Объединенных Наций, он вел неизвестную ему до сих пор машину по дороге, которой не ездил никогда прежде, а между деревьями чужого леса светило горячее африканское солнце.

Он заново открыл известную истину, что сам приезд на новое место значит немного, в счет идет только перемещение в смысле психическом и духовном. Это второе всегда происходило с опозданием, иногда на несколько дней или даже недель, ибо, пребывая в обществе других людей, он мог стать самим собой и тем самым познакомиться с новым окружением. Когда еще молодым практикантом он приехал на трехнедельный семинар в Полярный Город, его не покидало странное оцепенение и удивление тем, что он не в состоянии понять отличие этого города от других.

Только в последний день, свободный от обязательных лекций и назойливых коллег по профессии, он отправился за город и углубился на километр в вечный ледяной пейзаж. Повернув за ослепительно белый холм и потеряв из виду цивилизацию, он вдруг обнаружил, что оказался в Антарктиде, как будто его перенесла какая-то волшебная сила, которая всего секунду назад вырвала его из привычной жизни. Вневременная, грозная красота поразила его, он остановился и, затаив дыхание стал любоваться незабываемым зрелищем.

Подобное чувство он испытывал сейчас, когда, оказавшись в одиночестве, вел машину мимо кустов из рода мареновых, усыпанных сказочно красивыми цветами. Его ждали опасности и острые ощущения, новые испытания и переживания, и если столько несло в себе ближайшее будущее, то что говорить о миллионе завтра? Чувство, что он борется с самой жизнью, наслаждается ее радужно разноцветным содержанием, не уравнивало событий, приведших к этому, но по крайней мере он чувствовал, что живет. Понимая, что поддается наплыву чувств, подобных тем, которые испытываешь во время траура, и желая пони-

зитель накал их переживаний, он начал фальшиво насвистывать. Дорога внезапно пошла вниз к довольно широкой реке с коричневой водой, вероятно, следствием длительного ливня, вызванного группой управления погодой.

Он немного притормозил, чтобы не испачкать машину, и направил ее на противоположный берег, туда, где продолжалась дорога. Вездеход уверенно шел над поверхностью мчащейся воды, и вдруг — на самой середине реки — двигатель заглох. Это произошло безо всяких предупредительных сигналов, вроде уменьшения мощности или изменения тона работы двигателя, — просто он вдруг смолк. Машина упала на воду, вода залила двигатель, громко шипя при соприкосновении с разогретым металлом, и через несколько секунд Карев оказался на дне реки, сидя в пластиковом пузыре.

Он начал звать на помощь, но через некоторое время понял, что крики не помогут, и замолчал. Предохранительная подушка уберегла его от удара о пульт управления, а благодаря великолепной конструкции кабины, вода в нее не попадала. Однако ему грозила смерть от удушья. Карев разблокировал и толкнул дверь. Безрезультатно. Испугавшись, что от удара корпус перекосялся, он изо всех сил надавил плечом на твердый пластик. Ноги его обрызгала вода, но двери не дрогнули, прижатые внешним давлением. Следовало уравнивать давление внутри с наружным и для этого пустить в кабину воду, но пол кабины едва увлажнился, а он уже изрядно намучился. Он хотел снова закричать, но пришлось смириться с фактом, что вожаемый миллион завтра — вряд ли это для него.

Вода не проникала в кабину, но при движении по дороге воздуха было достаточно. Это означало, что при соприкосновении с водой вентиляционные отверстия плотно закрылись. Можно ли найти какую-нибудь слабую точку? С трудом он снял с потолка закрывающую плиту, обнажив пластиковые трубки, расходящиеся от узла, который наверняка проходил сквозь крышу кабины. Ухватившись за трубки, он дернул их. Они слегка растянулись, но и только. Теряя самообладание, он набросился на вентиляционную систему, изо всех сил дергая трубы, пока железный обруч, стиснувший грудь, не возвестил, что запас воздуха в кабине кончается. На пластиковых трубках, выполненных по специальному заказу Объединенных Наций, не было видно ни следа повреждений.

Дыша, как кузнечный мех, Карев упал на сиденье, на-

пуганный хрипом, сопровождавшим его отчаянные попытки вдохнуть воздух. Неужели уже все?.. Его взгляд остановился на микроскопическом выключателе на кожухе вентилятора. Протянув руку, он повернул его кончиком пальца... и в кабину сквозь решетки вентилятора хлынула вода.

Стараясь держать себя в руках, Карев сидел неподвижно, пока кабина почти полностью не заполнилась водой. Воздух, оставшийся в тесном пространстве между булькающей водой и крышей, уже не годился для дыхания, когда он возобновил попытки открыть двери. На этот раз они поддались без труда. Карев оттолкнулся от машины, вынырнул на поверхность и поплыл к берегу. Сильное течение снесло его вниз, но все же он выбрался на другой берег и добрался до дороги. Коричневая вода, превращавшая силу притяжения в горизонтальное движение, быстро и бесшумно скользила над тем местом, где остался вездеход, стирая всякий его след. Если бы он не заметил ручной регулятор вентилятора, то сидел бы там до сих пор и до темноты никому бы не пришло в голову искать его...

Он сориентировался, что находится на северном берегу реки, а высоко над горизонтом поднимается грозная колонна дождя. Легкое пластиковое снаряжение, которое ему выдали на базе, лежало на дне реки, зато при себе он имел пистолет для уколов. Карев решил добираться до цели путешествия пешком, хотя имел веские причины вернуться. Второе покушение в течение суток вывело бы из себя каждого, шепнул внутренний голос. Отправляясь в путешествие в ботинках, в которых хлюпала вода, он отогнал от себя эту мысль, но она снова вернулась, как холодный, чисто логический вывод. Все снаряжение, которым пользовались Объединенные Нации, было сделано на заказ с максимальной точностью, доступной технике двадцать второго века. Какова же была вероятность случайной аварии двигателя в единственной на дороге точке, где ему грозила смертельная опасность? И до каких астрономических величин вырастало это число, если вспомнить о невероятном факте, каким было отсутствие предохранительной панели на пульте климатизации в его доме?

Ни у одного из жителей лагеря не было причин желать его смерти — никто здесь не знал его до вчерашнего вечера. Карев глубоко вздохнул, заметив вдруг, что его новая одежда почти высохла, хотя и выглядит немного неряшливо. Чтобы защититься от усиливающейся жары, он надвинул на голову козырек, прикрепленный к тунике, и уско-

рил шаг. Ливень поднимался все выше и выше, и вот уже до него донеслись зловещие раскаты, нарушавшие покой утра. Где-то высоко вверх, на границе стратосферы, человек заставил технику манипулировать силами природы, а с их помощью и жизнями других людей. Эта мысль действовала на Карева угнетающе, ибо он знал, что происходит, и принимал в этом участие. Интересно, как действовало это на малавов, живущих в деревне, когда они поняли, что само небо против них?

Впереди над дорогой навис туман, и Карев заметил фигуры людей и контуры машин. Ливень закрывал уже все поле зрения и, хотя спину еще грело солнце, на лице он чувствовал холодные щупальца влаги. Мир вокруг выглядел неестественно, как освещенная прожекторами сцена, где за специальными эффектами наблюдают режиссеры. Карев поднял до подбородка застежку молнии туники.

— Фамилия?— спросил мужской голос из открытой двери стоящего в стороне прицепа.

— Карев. Из «Фармы»,— ответил он и полез за документами.

— Порядок. Идите дальше, вас ждет мистер Шторх.

— Спасибо.

— Вы найдете его примерно в километре отсюда.— Говоривший высунул темное от щетины лицо и с интересом взглянул на Карева.— А где ваша машина?

— Осталась там... Неисправность. Вы не могли бы меня подвезти?

— К сожалению, нет. С этого места запрещено передвижение на машинах,— ответил мужчина и тут же спрятался.

Карев пожал плечами и пошел дальше. Через минуту видимость уменьшилась до пятидесяти шагов, и он двигался, окруженный коконом сухости в дожде, который разбрызгивался, преломляемый козырьком. После пятиминутного марша по густой красной грязи он приблизился к группе из примерно тридцати мужчин в светло-зеленом снаряжении. Один из них отошел от остальных и направился к Кареву. Он был плотный, со слегка насмешливым взглядом, загорелый и — о, диво — красивый, несмотря на сломанный нос и белый шрам, пересекающий верхнюю губу.

— Деви Шторх,— представился он, протягивая руку.— Меня известили о вашем приезде, но где же ваше снаряжение?

— Осталось в вездеходе, — ответил Карев, пожимая руку.

— Вам придется за ним вернуться. Разве вам не сказали, что...

— Это невозможно. Вездеход лежит на дне реки, утонул на самой середине.

— Как это утонул? — спросил Шторх, внимательно глядя на него.

— А так. Пошел прямо на дно. — Карев начал раздражаться. — Заглох двигатель, и я только чудом сумел спастись.

Шторх с сомнением покачал головой.

— Ничего не понимаю. Вы говорите, что заглох двигатель, но что случилось с плавательными баллонами?

— Плавательными баллонами? — Карев удивленно открыл рот. — Ничего похожего я не видел, машина пошла на дно, как камень. — Он замолчал, переваривая новую информацию. Если аварийная спасательная система вышла из строя в момент подозрительного дефекта двигателя, число, выражающее вероятность того, что это не было случайностью, выросло до совершенно нового порядка.

— Это нужно будет изучить, — сказал Шторх. — Видимо, вам дали машину, частично размонтированную после консервации. Такой аварии вообще не должно быть.

— Я тоже так думаю, — ответил Карев, тяжело вздыхая, — еще немного, и я бы оттуда не выбрался.

Шторх посмотрел на него с таким сочувствием, что это немного поправило настроение Карева.

— Сегодня я не буду брать вас в деревню, — сказал Шторх. — Возвращайтесь к прицепу, и вам дадут...

— Я хочу идти с вами, — прервал его Карев, желавший скорее принять крещение боем. Еще больше ему хотелось произвести хорошее впечатление на Шторха. Возможно, это была жалкая попытка доказать, что под поверхностью остывшего по-прежнему скрывается «настоящий» мужчина.

— Нам не хватает людей, мистер Карев, но я не могу подвергать вас такой опасности.

— Ответственность я беру на себя.

Шторх заколебался.

— Ну, хорошо, но прошу держаться сзади и не выходить вперед, пока я не подам знака. Понятно?

— Да.

Группа пошла по дороге. Из хаотичного разговора Карев узнал, что селение малавов не является деревней, а представляет собой скопление нескольких десятков хижин,

рассыпанных на площади в четыре квадратных километра. Расположенная прямо перед ними часть селения должна быть обработана первой, и невозможно было предсказать, какой прием их ожидает. Проведенная раньше разведка установила, что у туземцев нет огнестрельного оружия, но никто не знал, насколько достоверна эта информация.

Когда первая крытая соломой хижина оказалась перед ними, группа рассыпалась цепью и углубилась в заросли. Кареву показалось, что его товарищи, в отличие от него самого, не любители. Он осторожно спрятался за дерево, чувствуя себя, как мальчик, играющий в индейцев, и стал ждать, что будет дальше. Царившую тишину нарушал только неустанный шорох дождя.

Потом он заметил, что члены бригады пустились бегом, а их зеленое снаряжение поблескивало, как сегменты туловищ огромных насекомых. Они бежали сквозь клубящиеся полосы тумана, окружая хижины все более плотным кольцом. Сердце неприятно заколотилось у него в груди, когда оттуда донесся приглушенный крик. Крик усилился до вопля, потом почти полностью стих. Показалась массивная фигура Шторха. Он махнул рукой и снова исчез между хижинами.

Карев неохотно побежал вперед и вскоре был в селении. Вооруженные члены группы окружили полтора десятка мрачных туземцев. Большинство из них лежали в грязи, однако некоторые не сдавались и продолжали вырываться. Их с трудом удерживали. За всем этим следили стоящие на порогах хижин женщины и дети, которые то и дело поднимали плач. У одного из лежавших на голове была большая рана, из которой ему на спину стекали струйки крови, и их тут же размывал дождь. Глядя на кровь, Карев почувствовал отвращение к тому, что делала группа Объединенных Наций.

— Познакомьтесь с нашим антропологом, доктором Виллисом, — сказал стоявший рядом Шторх. — Идите с ним и делайте уколы всем мужчинам, возраст которых он оценит на шестнадцать и более лет.

— Шестнадцать?! Это официально установленная граница?

— Да. Вас это удивляет?

— Пожалуй, это слишком рано для...

— Это натуралисты, мистер Карев. На-ту-ри-сты! Не думайте, что лишите кого-то весеннего дыхания первой люб-

ви или чего-то в этом роде. В шестнадцать лет некоторые из них уже полностью бессильны.

— И все же это, пожалуй, слишком рано,— упирался Карев, поглядывая искоса на Виллиса, который был остывшим и имел совершенно седые брови, выгнутые, как крылья чайки.

— Я знаю, о чем вы думаете,— сказал Виллис.— Но мы имеем дело с людьми, которые отбросили все ценности нашего общества. Разумеется, они имеют на это право, и нам вовсе не в радость навязывать кому-либо бессмертие. Но мы все же не позволим, чтобы они лишали жизни других.

— Для агитации сейчас не время и не место,— энергично вставил Шторх.— Я советовал бы вам, мистер Карев, вернуться в лагерь и отдохнуть. Если вы не в силах справиться с заданием, то только напрасно расходуете свое и чужое время. Ну так как, вы делаете эти уколы, чтобы я мог перейти в другую часть деревни, или мне остаться и делать их самому?

— Я сделаю это,— буркнул Карев, открывая сумку.— Простите меня, но меня это несколько задело.

— Не беда,— Шторх сделал знак рукой, и к нему подошли четверо мужчин. Новая группа быстро двинулась вперед и исчезла между хижинами.

— Начнем с этих трех,— сказал Виллис, указывая на схваченных туземцев.

Двое из них тут же успокоились, зато третий принялся вырываться с удвоенной силой, ему было немногим более двадцати лет, и сильные руки со слегка выступающими на бицепсах венами говорили о постоянной изнурительной работе. Двое держащих его людей едва не упали, поскользнувшись в грязи. Карев бросился вперед, держа наготове пистолет для уколов. Туземец с искаженным страхом и ненавистью лицом отпрянул перед ним так стремительно, что оба мужчины, нагруженные снаряжением, рухнули вместе с ним на землю.

— Чего вы ждете?— рявкнул один из них, потеряв терпение.

— Простите.

Карев обошел их, заходя сзади, и выпустил заряд в жилую шею туземца. Жертва обмякла. Мужчины осторожно отпустили его и поднялись с земли. Карев обошел остальных, чувствуя облегчение, когда они с готовностью протягивали руки для уколов, и одновременно презирая их за такую покорность. Не спуская глаз с первого туземца,

которому ввел биостат, он заметил, что тот идет к хижине, где его обнимает высокая молодая женщина. Как заботливая мать с ребенка, она стряхнула часть грязи с его одежды. Глаза ее, сверкавшие в полумраке под навесом хижины, медленно открывались и закрывались, как два гелиографа, передавая Кареву сообщение, о смысле которого он мог только догадываться. «Я слишком поспешно бросил Афины,— мелькнула в его голове мысль.— Я должен к ней вернуться».

— Ну, с этим все,— сказал один из группы, вытирая заросшее лицо, мокрое от дождя и пота.— Пошли отсюда.

Карев думал теперь только об Афине.

— А что с женщинами?

— С ними мы не связываемся. Обычно они добровольно являются в какой-нибудь медицинский центр Объединенных Наций. Решение за ними.

— Ах так.— Карев спрятал пистолет в сумку.— Значит, они не в счет?

— Кто говорит, что не в счет? Просто они ни на кого не нападают.

— Смотрите, какие здесь все благородные,— сказал Карев, глядя, как остальные собираются уходить в том направлении, куда ушли Шторх и его группа.— Одну минутку. Я хотел бы поговорить с туземцем, который первым получил укол.

— Не советую делать этого, новичок.

Карев тоже чувствовал, что поступает неразумно, но для него туземец, который так сопротивлялся уколу, был его собственным отражением. Правда, с той разницей, что чернокожему не впрыскивали в кровь дозы Е.80, и значит, настоящий Карев имел над ним преимущество. Осторожно обойдя глазевших мужчин и детей, он прошел через площадь и приблизился к хижине, где, склонив голову, стоял грязный туземец. Заметив его, женщина отступила в хижину.

— Ты понимаешь по-английски?— неуверенно спросил Карев.

Туземец поднял голову и пронзил его взглядом, отделенный от него молчаливой стеной враждебности, а затем повернулся лицом к стене.

— Прости,— ни с того ни с сего сказал Карев. Он уже хотел вернуться к своим, когда из хижины с устрашающей быстротой выскочила женщина. Она подбежала к нему, сталь блеснула в ее руке, а потом она отступила. Некото-

рое время он смотрел на торжествующее лицо женщины, затем перевел взгляд на торчащий из его груди нож.

Когда к нему подбежали члены группы Объединенных Наций, он лежал в грязи, недоверчиво покачивая головой.

Глава 9

— Это был очень старый нож,— сказал Шторх.— И это вас спасло.

Карев спокойно смотрел в потолок прицепа, в котором лежал.

— Что со мной?— спросил он.

— Вы выкарабкаетесь. Нож так сточен, что походит на тонкую иглу, а это не самое действенное оружие.

— Я ни на что не жалуюсь.

Поскольку ничего у него не болело, Карев попытался сесть.

— Не так быстро,— удержал его Шторх, хватая за плечо и укладывая обратно.— Вам прокололи легкое, врач нуждается был сделать коллапс легкого.

— Коллапс легкого. Что это значит?

— Это временное явление. Чтобы легкое отдохнуло, не больше.— Шторх оглянулся на кого-то, находившегося вне поля зрения Карева.— Правда, доктор?

— Конечно,— ответил мужской голос.— Нет причин для беспокойства, мистер Карев. Ваше легкое немного кровоточило, но мы остановили и свернули кровь. Сейчас нужно только дать ему отдохнуть.

— Понимаю.

Карев почувствовал тошноту при мысли, что одно легкое в его груди лежит сморщенное. Слабо дыша, он сосредоточился на своих внутренних ощущениях, и впервые в жизни заметил, что вдох начинается не в легких, а в мышцах грудной клетки. Ребра поднимаются, растягивая прикрепленные к ним живые мешки, благодаря чему через рот и нос попадает внутрь не терпящий пустоты воздух. В его случае функционировало только одно легкое. Ожидая, что ему не будет хватать воздуха, во время переноса на носилках из прицепа в машину он старался дышать размеренно.

По возвращении на базу его перенесли в средних размеров куполодом, где располагался пункт медицинской помощи. В одной-единственной палате, кроме его кровати, стояли еще три, свободные, и было тихо и спокойно. Каждые

полчаса к нему заглядывала медсестра, дважды заглянул врач по фамилии Реддинг, чтобы справиться о его самочувствии и сообщить, что завтра его отсюда увезут. Оба относились к нему с профессиональной вежливостью, что вызвало у него уныние и чувство бессилия. Общеизвестно, что бригады антинатуристов во всем мире испытывают нехватку людей, готовых служить в них, и редко отказываются от добровольцев, и все же он с самого начала чувствовал, что старожилы считают себя профессионалами, вынужденными время от времени мириться с присутствием любителей. Кенди назвал это синдромом BEAU GESTE. Карев понятия не имел, что такое BEAU GESTE, но чувствовал, что с наступлением вечера его утренний поступок вызовет взрыв смеха в огромном круглом баре клуба Объединенных Наций. Надеясь, что ему приснится Афина и старые добрые времена, он сдался одолевшей его сонливости.

Вечером, когда о стекла бились белые бабочки, через его палату прошла процессия гостей, среди которых были Кенди, Парма и несколько других, которых он помнил как в тумане. Похоже, только Парма искренне выразил сожаление о его завтрашнем отъезде, с торжественным и серьезным выражением на посеребренной щетиной лице предложил ему притащить из бара немного пива для прощального приема. Карев вежливо поблагодарил и после его ухода попросил у сиделки что-нибудь успокоительное. Проглотив слоистую капсулу и ожидая, пока она подействует, он со стоическим спокойствием разглядывал потолок.

По прошествии некоторого времени он пришел в себя с чувством странного беспокойства. Взглянув на запястье, он с минуту разглядывал гладкую кожу, пока не сообразил, что район Нувель Анверс расположен слишком далеко от передатчика времени, чтобы его часы действовали. Возле кровати послышались чьи-то шаги. Молодой человек с белой кожей, одетый в белый халат, подал ему стакан воды и светло-голубую таблетку.

— Простите, что беспокою вас, мистер Карев,— тихо сказал он,— пора принять тонизирующее.

— А зачем?— сонно спросил Карев.

— Доктор Реддинг предпочитает не рисковать: в здешнем воздухе раны опасны.

— Ну тогда...— Карев оперся на локоть и взял стакан воды. Без единого слова он взял таблетку и уже подносил ее к губам, когда заметил, что у незнакомца траурные ка-

емки под ногтями. Приглядевшись, он в слабом свете разглядел на тыльной стороне его ладони ввевшуюся сетку грязи.

— Минуточку,— сказал он, стряхивая сонливость, вызванную успокаивающим средством.— Вы уверены, что доктор Реддинг велел мне принять это лекарство?

— Абсолютно.

— А если я откажусь, что тогда?

— Мистер Карев,— сказал незнакомец с легким нетерпением,— не осложняйте нам жизнь и примите лекарство, хорошо?

— Я его приму, но после разговора с доктором Реддингом,— ответил Карев, пытаясь разглядеть лицо незнакомца, но его плечи и голова находились за пределами конуса света от лампы.

— Как хотите, мистер Карев, я не собираюсь с вами ругаться.

Незнакомец протянул руку, и Карев положил таблетку ему на ладонь. В ту же секунду он был прижат к кровати тяжестью тела в белом халате, а рот его закрыла сильная рука. Таблетка скрипнула о его зубы. Совершенно не сомневаясь, что умрет, если таблетка окажется на его языке, он попытался сбросить с себя нападающего, но ноги его запутались в одеяле. Твердая рука зажала ему нос, лишая доступа воздуха, а это означало, что он выдержит всего несколько секунд. Перед глазами уже поплыли красные круги, когда он вдруг понял, что держит в руках гладкий предмет — стакан с водой. Держа его за низ, он нанес удар, целясь в маячившее перед глазами лицо. Стекло разлетелось на куски, по руке потекла вода, и Карев почувствовал, что снова может дышать. Незнакомец со стоном отскочил в сторону, одной рукой держась за пораненную щеку, а другой вытаскивая нож. Карев, как безумный, откинул одеяло, скатился с кровати на другую сторону, вскочил, и, не задерживаясь, помчался к двери, слыша за собой догоняющие шаги. Что-то шлепало у него в груди, как мокрая тряпка, он мельком подумал, что это бездействующее легкое, но основное внимание сосредоточил на том, чтобы уйти от удара ножом в спину. Он выскочил через маятниковую дверь, увидел следующую, ведущую в служебное помещение, и навалился на нее плечом. Внутри не было никого. Он схватил стоящую на столе резную эбеновую фигурку и повернулся, приняв защитную позу, но нападающий исчез. Слышен был только скрип колышущихся

не в такт створок двери. Соблюдая осторожность, Карев вышел в холл в тот момент, когда из черного прямоугольника входных дверей показалась одетая в белое фигура. Он поднял свою палицу, но оказалось, что это сиделка, которая присматривала за ним.

— Вы не должны вставать, мистер Карев,— сказала она, подозрительно глядя на деревянную фигурку.— Что здесь происходит?

— Кто-то напал на меня и хотел убить,— ответил он.

— У вас просто был кошмар. Вернитесь в постель.

— Я вовсе не спал, и глаза у меня были широко открыты,— сказал Карев, вручая ей статуэтку.— Вы не видели, отсюда никто не выбегал? И вообще, почему вы выходили?

— Я никого не видела, а если вы обязательно хотите знать, почему я выходила, то меня вызвали по телефону в отдел связи.

— Там действительно что-то случилось?

— Нет.

— Тогда все ясно,— торжествовал Карев.

— Что ясно?

— Кто-то выманил вас отсюда, чтобы сделать возможным нападение на меня.

— Мистер Карев,— сказала сиделка, подталкивая его к палате,— для меня ясно только одно: Феликс Парма или кто-то из его дружков снова упился в дым. Наверное, бродят сейчас в темноте, выдумывая глупые шутки. А теперь очень прошу вас вернуться в постель, хорошо?

— Тогда прошу вас посмотреть,— сказал Карев, которому пришла в голову другая мысль.

Он подвел сиделку к кровати с перевернутой постелью и осмотрел все вокруг. Голубая таблетка исчезла, а на лежащих на полу осколках стекла не было следов крови. Он внимательно осмотрел левый рукав пижамы и нашел одно красное пятнышко, почти полностью смытое водой, текшей по руке.

— Вот смотрите, капля крови,— сказал он.

— А здесь еще одна,— ответила она, указывая на красное пятно на пижаме.— Вы разбредили рану, и я должна сменить вам повязку.

Карев набрал воздуха, собираясь продолжать убеждение, но потом решил подождать с выяснением деталей до завтрашнего утра, когда встретится с Кенди — координатором группы Объединенных Наций.

— Я наверняка видел это в вашей компкарте, но детали вылетели у меня из головы,— сказал Кенди.— Сколько вам лет, мистер Карев?

— Сорок.

— О! Значит вы закрепились совсем недавно.

Выражение «закрепились» неприятно задело Карева, и он едва не попросил Кенди не пользоваться им, но тут же понял, что тот имеет в виду. Было повсеместно известно, что многолетние остывшие, уставшие от жизни, но боящиеся смерти, иногда испытывают неудержимое желание пойти навстречу смерти. В таких случаях они бессознательно бродят в местах, где раз за разом случаются несчастные случаи, пока наконец не доходит до неизбежной трагедии.

— Совсем недавно,— подтвердил Карев.— И уверяю вас, что не являюсь неудачником.

— Так я и подумал.— Кенди с отвращением оглядел небольшую палату, как бы давая понять, что спешит и имеет другие, более важные дела. Его румяная кожа блестела в косых лучах солнца, падающего сквозь стекло.— Сначала эта история в вашем домике, потом авария вездехода на реке, а теперь...

— Я не являюсь неудачником и всем сердцем хочу остаться в живых,— прервал его Карев.

— Я уже говорил, что так и подумал.

— Понимаю, но я не назвал бы невезением попытки нападения с ножом в руке или отравления.

— Мы достали вездеход из реки,— сказал Кенди, хмуря брови и явно не собираясь обсуждать ничем не подтвержденные покушения.

— Ну, и?..

— Установлено отсутствие стержня в датчике высоты. Когда стержень выпал, это явилось для датчика сигналом, что машина поставлена на стоянку или коснулась земли, и — что совершенно естественно — двигатель заглох.

— Совершенно естественно.

— Так или иначе следует признать это невезением, ибо я не могу представить, чтобы этот стержень мог выпасть в определенной точке пути.

Карев провел рукой по складкам постели.

— Я не знаю конструкции ваших вездеходов,— сказал он,— но думаю, что, когда переезжаешь через реку, датчик высоты погружается в воду.

— Это неизбежно.

— А если бы кто-то убрал настоящий стержень и на его место поставил другой, сделанный, скажем, из гордонита?

— А что такое гордонит?

— Сплав, который растворяется почти сразу после соприкосновения с водой.

Кенди тяжело вздохнул.

— Снова мы возвращаемся к таинственному заговору против вас. Вы выдвигаете предположение, что на базе находится убийца.

— Вовсе нет!— Карев почувствовал новый прилив гнева.— Предположение я выдвигал вчера, сегодня я со всей уверенностью утверждаю это.

— Я проверил членов всех групп и не нашел на базе никого со свежей раной на лице,— сказал Кенди и встал.

— А та полоска земли вокруг базы, которую, если не ошибаюсь, вы называете Африкой?

Кенди улыбнулся.

— Мне нравится ваше чувство юмора, мистер Карев. Есть такая очень старая английская шутка о том, как король Дарий встречается за завтраком с Давидом, которого накануне бросил в пещеру со львами. Король спрашивает: «Как тебе спалось?»— «Плохо,— отвечает Давид.— Если говорить честно, мне мешали львы». Король презрительно фыркает и говорит: «Видимо, ты сам их туда притащил, а это уже не моя вина».

Карев неуверенно улыбнулся.

— Это шутка?

— Я тоже долго думал над этим. Но потом — должен вам сказать, что я интересовался литературой девятнадцатого и двадцатого столетий,— обнаружил, что последнюю фразу, вложенную в уста короля, говорили обычно английские хозяйки, сдавшие комнаты, когда жильцы жаловались на блох в постели.

— И все же это не слишком смешно. Я хотел спросить вас, что значит BEAU GESTE, но пришел к выводу, что не стоит.

— Я имел в виду только, что если кто-то действительно охотится за вами, то это не имеет ничего общего с базой Объединенных Наций. Вероятно, вы досадили кому-то до прибытия сюда.

Карев уже хотел было возразить, но не придумал ни одного подходящего аргумента. Он проводил Кенди взглядом, пока его плечистая фигура не исчезла за дверью, и попытался соединить события последних дней в логическое

целое. Единственный общий вывод, к которому он пришел, был таким: вся его жизнь чертовски запуталась после того, как он узнал о Е.80. Баренбойма и Плита беспокоила возможность промышленного шпионажа. Может быть, старательно продуманные шаги, предпринятые для сохранения в тайне их совместных действий, оказались не вполне успешными? Например, когда он вылил на Рона Ритчи свое виски, тот делал оскорбительные намеки на связь Карева с Баренбоймом. Однако допустим, что известие о Е.80 дошло до могучих и безжалостных конкурентов. Каким образом они пытались бы узнать об этом побольше? Разве не захотели бы они похитить его, чтобы допросить и обследовать? Но что можно узнать от трупа? И разве не заинтересовала бы их также Афина?

Карев нажал кнопку, вызывающую сиделку.

— Когда меня должны отправить отсюда?— спросил он, когда та появилась.

— Доктор Реддинг заказал на сегодняшний вечер вертолет, приспособленный для перевозки носилок. Вы полетите прямо в Лиссабон.

Тон ее голоса сказал ему, что она еще помнила и не простила ему нарушения ее планов прошлой ночью.

— Ах так... И это было сделано по обычным каналам? Все знают, когда и на чем я улетаю?

— Не все,— холодно ответила сиделка.— Это мало кого интересует.

Карев махнул рукой.

— Спасибо, это все. Я вас позову, если меня снова кто-нибудь атакует.

— Можете не беспокоиться.

Когда она вышла, он взял с ночного столика коммуникатор и сказал, что хочет говорить с начальником транспортного отдела «Фармы». После короткой паузы его соединили.

— Парма из «Фармы»,— услышал он голос с характерным шотландским акцентом.— С кем я говорю?

— Это Вилли Карев.— Карев взглянул на дверь палаты, убеждаясь, что она закрыта.— Где ты сейчас, Феликс.

— В клубе. Пью свой литровый завтрак.

— Ты едешь сегодня к самолету?

— Да, он прилетит минут через пятьдесят. Не знаю, успею ли.

— Успеешь, а кроме того, возьмешь с собой меня.

— Но ведь...— голос Пармы прервался от удивления.

— Это для меня очень важно. Ты мог бы взять по дороге мои вещи из домика и подъехать за мной минут через пять?— спросил Карев, стараясь, чтобы его слова прозвучали возможно драматичнее.— И ничего никому не говори.

— Ну хорошо. Но что случилось?

— Я расскажу потом. Приезжай скорее.

Карев отложил коммуникатор и осторожно встал с кровати. Он осмотрел шкаф, но не нашел в нем одежды, в которой мог бы отсюда выйти. Он смотрел в окно, пока не заметил едущий через главную площадь грузовик. Подождав, пока тот подъедет ко входу, он быстро оказался у дверей и вышел из зала. Когда он шел, висящее в груди правое легкое подхватило ритм его шагов, начав тихонько стучать о ребра. Двигаясь ровно, он незаметно покинул здание, а потом сел в ждущий его грузовик. Несмотря на облегчение, которое его охватило, он чувствовал себя оскорбленным тем, что никто не заметил его бегства.

— Пойми меня правильно,— сказал Парма, от которого пахло пивом.— Как все прочие, я люблю развлечься, особенно в такой дыре, но тебе случайно не следует лежать в постели?

— Поехали,— поторопил его Карев, беспокойно поглядывая на дверь госпиталя.

— Ну, хорошо, Вилли, но мне это не нравится,— заявил Парма, отпуская сцепление, так что колеса закрутились на месте, поднимая пыль, а потом грузовик двинулся через площадь, визжа и скрипя колесами и корпусом, протестующими против такого обращения.— И сразу тебе скажу, что это не лучшая машина для бегства.

— Ничего, сойдет.

Карев внимательно посмотрел по сторонам, ища каких-нибудь признаков заинтересованности его отъездом. Однако в накаленной солнцем базе было тихо и видно было только двух мужчин в голубой форме Объединенных Наций, развалившихся в тени под тентом. Возможно, это те самые, которых он видел накануне на том же самом месте. Ни один из них даже не взглянул на грузовик, проехавший мимо, волоча за собой вихрь пыли и сухих листьев.

— А собственно, что ты такое натворил?— спросил Парма, когда грузовик выехал на лесную дорогу, и деревья по обе стороны сомкнулись, образуя тень.

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Вот как?— буркнул удивленный Парма.— Я спраши-

ваю, потому что люблю заранее знать, если лезу в какие-то неприятности.

— Прости меня, Феликс,— ответил Карев, поняв вдруг, как далеко зашел, используя такое короткое знакомство.— Я не пытаюсь уйти от объяснений. Я действительно ничего не сделал, разве что ты сочтешь проступком невыполнение указаний врача.

— Зачем тебе так нужно быть там, когда прилетит самолет?

— Мне нужно не только быть там, но и улететь на нем,— объяснил Карев и добавил:— Как думаешь, это можно сделать?

— Ну и жара,— мрачно сказал Парма.— Нужно было взять с собой пару банок пива.

— Ну и как же?— допытывался Карев.

— Ты припираешь меня к стенке, Вилли. Я тоже работаю для «Фармы», но начальник транспорта не должен нелегально переправлять людей вместе с грузом.

— Я не хочу, чтобы меня отправляли нелегально. Впиши меня в сопроводительные документы, или как это там называется, и ничего больше.

Парма вздохнул, и, заполнявший кабину пивной перегар, смешавшись с запахом пота, стал почти невыносим.

— А что ты имеешь против полета на самолете, заказанном для тебя доктором Реддингом?

— Ничего. И именно поэтому не хочу на нем лететь.

— Что?— спросил Парма и выругался, поскольку грузовик подскочил на выбоине и его занесло. Борясь с рулем, он снова вывел машину на дорогу.

— На базе есть кто-то, покушавшийся на мою жизнь, и он может подложить в самолет бомбу.

Услышав это, Парма расхохотался.

— Эх ты, кочерыжка, так говорят в Глазго вместо «капустный лоб», кому нужна твоя смерть?

— Именно это я и хотел бы знать.

— Вилли, единственные люди в этих местах, имеющие что-то против тебя, это те бывшие натуралисты, которых ты вчера остудил, но они не могут даже приблизиться к базе,— сказал Парма, весело смеясь.

Карев справился с раздражением, охватившим его оттого, что вопросы, бывшие для него делом жизни и смерти, вызывали у других в лучшем случае смех или сомнение.

— Это началось еще до моего участия в экспедиции,—

объяснил он.— А прошлой ночью какой-то человек вошел в госпиталь и хотел заколоть меня ножом.

— Это был сон, обычное явление после того, что случилось днем.

— Это не был сон, на меня действительно напали,— сказал Карев, после чего детально описал нападавшего, отметив одновременно, что легкое начало тереться о ребра в такт подскакивающему на неровностях грузовику.— Ты не мог бы ехать помедленнее? У меня резонирует легкое.

— Конечно,— ответил Парма, притормаживая и сочувственно глядя на грудь Карева.— Я вижу, ты действительно хочешь любой ценой убраться отсюда. Я не знаю никого, кто походил бы на описанного тобой, но возможно, на базу пробрался кто-то чужой.

— Так я и подумал. Ну так как? Ты посадишь меня на этот самолет или нет?

Парма помял пальцами свой красный нос.

— Знаешь, Вилли, мне нравится, как ты управляешься с пивом, и если бы не это...

— Спасибо, Феликс. Где мой саквояж?

Карев пробрался назад и снял с себя пижаму. Его обрадовало, что повязка на груди невелика и хорошо держится. Переодевшись, он вернулся в кресло возле водителя, и тут рев реактивных двигателей, поставленных вертикально, заглушили рокот грузовика Пармы. Над ними пролетел серебристый самолет, задрав нос и скрылся за деревьями.

— Вот и твой рейс, он немного поторопился,— сказал Парма.

— Я и не знал, что он такой шумный.

— Все самолеты вертикального взлета и посадки режут точно так же. Это их конструктивная черта, но обычно ты слышишь, как они стартуют в заглушающих туннелях,— объяснил Парма, громко шмыгая носом.— Здесь же никто не заботится о таких вещах.

— А что с пилотом? Будут из-за меня какие-нибудь трудности?

— Скорее, нет,— ответил Парма, поглядывая на часы. Это была старая радиомодель, но — как с сожалением отметил Карев — она действовала там, где его татуировка, принимающая радиоволны, оказалась непригодной.— Это, наверняка, Колин Бурже. Когда она попадает в наши края, то всегда прилетает пораньше, чтобы немного позагорать. Я успел достаточно хорошо узнать ее.

— Это та, с которой я прилетел?

— Точно, я совсем забыл об этом,— Парма толкнул Карева в бок.— Пришлась тебе по вкусу, а?

— Точно.

Карев мысленно вернулся к темноволосой девушке, которая у него на глазах сняла блузку. Тогда его охватило желание, смешанное с чувством вины, но это было ничто, по сравнению с примитивным вожделением, вспыхнувшим сейчас при одной мысли о ее обнаженном бюсте. Они не ошиблись с этим Е.80, подумал он, я вовсе не остыл. Спустя несколько минут, грузовик выехал на залитый солнцем аэродром. Пилотка, уже сидевшая на передней лестнице, с ловкостью дикого зверя натянула блузку.

— Здесь,— шепнул Парма и, впервые намекая на внешний вид Карева, говорящий о его состоянии, добавил:— Вилли, ты прожил несколько десятков лет. Ты ни о чем не жалеешь?

— Немного жалею,— ответил Карев,— но, скорее, не о том, о чем ты подумал.

Глава 10

— Добрый день, Колин!— крикнул Парма.— Не прекращай загорать из-за меня.

Щуря глаза от солнца, женщина подняла голову и взглянула в кабину грузовика.

— Я перестаю загорать не из-за тебя, а из-за себя,— ответила она.— Чем скорее ты сделаешь укол, Феликс, тем лучше для всех.

— Очень мило,— обиженно сказал Парма.— Вот благодарность за то, что я консервирую себя в состоянии готовности.

— Интересно, что это за консервирующее средство?

— По-моему у тебя сегодня слишком острый язык,— сказал Парма и вылез из кабины. Следом за ним последовал Карев.— Ты уже знаешь Вилли Карева, правда?

— Да,— ответила пилотка, глядя на Карева.

Он отметил, что зрачки ее глаз, в которых отражаются солнечные лучи, сверкают, как две золотые монеты.

— Я хотел попросить тебя, чтобы ты подбросила его до Киншасы. Ему нужно домой.

— Да? Быстро вы отсюда удираете.

— Вилли получил ножом в грудь от натуралиста,— поспешил объяснить Парма.— Собственно, он не должен даже

вставать с постели, но, как уже я сказал, у него есть причины поскорее уехать отсюда.

Девушка с интересом посмотрела на Карева, но когда заговорила, в ее голосе прозвучало сомнение.

— Я могу изменить сопроводительные документы, если ты этого хочешь, но помни, что у меня не санитарный самолет. Что будет, если он упадет в обморок? Во время полета!

— Такой большой и сильный мужик упадет в обморок? Выдам тебе секрет, Колин, этот молодой человек...

— Может говорить сам за себя,— закончил за него Карев.— Уверяю вас, что мне не станет плохо, я не упаду в обморок и не сделаю какой-нибудь другой глупости. Вы заберете меня или нет?

— Только спокойно,— сказала Колин, снова глядя на Карева, которому показалось, что он видит на ее лице тень неуверенности.— Ну, хорошо, если вы готовы в дорогу, прошу садиться.

— Спасибо.

Заметив неуверенность девушки, Карев почувствовал, как в нем дрогнула мужская гордость — неужели внешние признаки остывания не смогли скрыть его мужественность? Он сел на ступеньку кабины грузовика, обхватив деревенеющую грудную клетку, а Парма с девушкой занялись разгрузкой грузового отделения самолета. У него была тихая надежда, что они стартуют сразу, но они еще час ждали прибытия других машин, которые подъезжали, забирали или оставляли ящики и исчезали в лесу. Большинство водителей были в хороших отношениях с пилоткой, а из их разговоров он сделал вывод, что они работают для многих контрагентов программы Объединенных Наций: специалистов по управлению погодой, снабжению, наземному транспорту, строительству и для других служб, необходимых для поддержания затерянного в глуши островка технической цивилизации. Некоторые входили в самолет покурить и обменивались парой слов с пилоткой, и тогда он увидел, что они с интересом посматривают в его сторону. Его беспокоило опоздание и то, что не удалось исчезнуть вдруг и незаметно, как он планировал. Каждый из этих людей, курсирующих между базой и самолетом, мог быть агентом тайной силы, которая старалась его уничтожить...

Неожиданно услышав громкий взрыв смеха в самолете, он вскочил на ноги и сделал унизительное открытие, что ревнует. После минутного разговора и одного вопроситель-

ного взгляда он вбил себе в голову, что имеет какое-то особое право на Колин Бурже. Та же логика, что в сказке о принцессе, которая подсознательно узнает принца, скрытого под видом жабы, а потом автоматически выходит за него замуж. Он вдруг почувствовал такое отвращение к себе, что даже фыркнул. «Что ни говори, эта роль доставляет тебе большое удовольствие,— сказала когда-то Афина,— но это нечто большее, чем разгуливать с заросшим щетиной лицом и...» Однако это было еще до того, как она отказалась от всего, что говорила о моногамном супружестве, и тем самым потеряла право судить его слабости. Он подошел к переднему люку и заглянул в самолет. Колин искренне смеялась чему-то, а когда их взгляды встретились, Карев отметил, что ее глаза действительно похожи на блестящие золотые кружки. С расчетливой томностью он ответил улыбкой на ее улыбку и снова сел на ступеньку.

Похоже, что, несмотря на беззаботность, Колин старательно помечает в блокноте привезенные и полученные товары. Движение вокруг самолета постепенно уменьшилось, и наконец остался только грузовик Пармы. Пока Колин проверяла, хорошо ли закрыты двери грузового отсека, Карев попрощался с Пармой.

— Спасибо за все,— сказал он.— Как только узнаю, отчего моя жизнь пошла вверх дном, свяжусь с тобой и все тебе объясню.

— Охотно послушаю тебя, Вилли. Будь осторожен.

Карев пожал ему руку, сел в самолет и пристегнулся ремнями к пассажирскому креслу сразу за местом пилота. Его очень обрадовало, когда оказалось, что он будет единственным пассажиром.

— Ну, поехали,— сказала Колин, герметично закрывая переднюю дверь и пристегиваясь ремнями к креслу. С импонирующей ловкостью она включила системы управления, запустила стартеры турбин и медленно направила самолет вверх. Когда они поднялись выше деревьев, она слегка опустила нос и стартовала, резко забираясь вверх, что вызвало у Карева странное чувство в пустом месте под ребрами. Он схватился за грудь.

— Простите,— сказала Колин, оглядываясь на него.— Больно?

— Не очень, но у меня выпущен воздух из одного легкого, и оно так сильно реагирует на ускорение, что могло бы служить безынерционной системой управления.

— Как это произошло?

— Это неприятная история,— ответил он и рассказал ей, как дошло до удара ножом, стараясь не выставить себя героем.

— Фатально,— сочувственно сказала она,— но я по-прежнему не понимаю, почему вы так торопитесь уйти с базы.

Карев на некоторое время задумался над ответом.

— Меня хотел убить еще кто-то, уже на базе,— сказал он и замолчал, ожидая взрыва смеха. Однако его не было. Колин сидела, хмурая брови, а он удивлялся, как мог подумать, что она мало привлекательна.

— Вы догадываетесь, кто это был и почему он так поступил?

— Гмм... нет.

Подсознательно он объединял нависшую над ним угрозу с тем, что принял дозу Е.80, но единственным, с кем он мог поделиться сомнениями, был Баренбойм.

Колин восхитительно вздрогнула.

— До чего таинственно и очаровательно,— сказала она.

— Да, таинственно,— сказал Карев,— но совершенно не понимаю, какой повод, то есть повод... провод... заговорил со мной из патефона...

— Вы хорошо себя чувствуете?— спросила Колин, поворачиваясь в кресле.— Вы так странно говорите...

Он со страхом вглядывался в нее. Какие-то удивительные и странные вещи происходили с золотыми кружками ее глаз... нет, даже не с самими глазами, а только с их расстановкой, они чудовищно разошлись и теперь их разделяло расстояние, равное периметру Вселенной, поскольку, хотя они по-прежнему находились на ее лице, их разделяли миллионы световых лет...

Рев белого вихря, напор силы тяжести... напор? Карев заморгал и, напрягая глаза, стал вглядываться в остальные пассажирские кресла. Они двигались относительно друг друга, на этот раз на самом деле. На теле его сжались металлические захваты. Здоровое легкое колотилось в груди, как сердце. Он взглянул вниз, на танцующие вдали вершины деревьев, потом снова вверх. Самолет с прямоугольной дырой в корпусе летел дальше и находился высоко над ними, все более уменьшаясь. Остальные кресла вокруг него поднимались и опускались на воздушных течениях или вращались вокруг своих осей с висящими ремнями. Чистый, холодный воздух обжигал ноздри.

— Не бойся,— крикнула Колин, и тут же около него

пролетело кресло пилота, из которого торчали во все стороны разные рычаги.— Мина, как груша, вершина которой выйдет нам навстречу.

— Что случилось?— крикнул он, цепляясь пальцами за подлокотники. Где-то на западе сверкнула лента реки, и ему показалось, что на ближнем берегу он заметил облачко дыма. Вершины деревьев были совсем рядом и приближались с устрашающей быстротой.— Что в нас попало?— спросил он.

— Каждый полет — это верная гибель,— ответила Колин, голос которой почти потерялся в шуме рассекаемого воздуха.

— Осторожно!— предупредил он.— Сейчас приземлимся!

Он внимательно осмотрел подлокотники кресла и нашел в углублении торчащий рычажок, который можно было передвигать пальцем. На память ему пришли слова сотни брошюр о безопасности полета, которые он когда-то внимательно прочел. Он помнил, что нажатие рычага увеличивает пористость невидимой магнитной оболочки, поддерживающей кресло, и тем самым ускоряет падение, ослабление — усиливает поле, а передвижение в сторону — изменяет поле так, что кресло летит в нужном направлении.

Карев вздрогнул, ибо миновал верхушки деревьев, и отовсюду его окружил бесформенный хаос листьев. Он слышал, как другие кресла с треском пробиваются сквозь буйную растительность, но все внимание сосредоточил на легких и казалось бы несложных движениях пальца, которые должны были обеспечить ему безопасное приземление. Прямо перед ним появилось небольшое дерево, и он толкнул рычаг вправо, но кресло среагировало недостаточно быстро и полетело наискось вниз, продираясь сквозь ветви дерева. При этом оно подскакивало, дрожало и тормозило. Карева били по лицу мелкие ветки, а потом оно оказалось на земле, каким-то чудом сохранив вертикальное положение. Сквозь буйную растительность с громким треском падали остальные кресла. Карев нажал освобождающую кнопку и, когда металлические захваты спрятались в свои гнезда, спокойно встал.

— Эй! Эй!— услышал он.

Задрав голову, он увидел, что кресло Колин застряло, накренившись набок, в нижних ветвях раскидистого дерева. Девушка находилась метрах в восьми над землей, но все-таки улыбалась.

— Подожди!— крикнул он.— Я залезу на дерево.

— Хорошо и то, что есть. Без расчета нет полета.

Колин освободилась из кресла и сделала шаг вперед... С развевающейся гривой темных волос, лениво перебирая ногами, она как камень полетела вниз и упала на заросшую кустами кочку.

Карев бегом бросился по неровной почве и трясущимися руками раздвинул куст. Колин была без сознания, а по лбу у нее стекала блестящая, будто лакированная струйка крови. Он поднял у нее одно веко и кончиком пальца коснулся глазного яблока. Глаз не реагировал, и на основе своих скудных медицинских знаний Карев понял, что Колин потеряла сознание или даже получила сотрясение мозга. Он ощупал ее безвольное тело, и не найдя нигде переломов, вытащил ее из куста и положил на мох.

Опустившись рядом с ней на колени, он внимательно осмотрел все царапины на своей коже и попробовал восстановить ход событий. Единственное объяснение, которое могло быть, это то, что в вентиляционную систему самолета с помощью часового механизма впустили какой-то галлюциноген с быстрым действием. Это не был иллюзоген или какое-то другое доступное средство, а что-то, вызывающее нарушение координации движений и ориентации в пространстве и значит смертельное в условиях полета. Похоже было на то, что сначала он подействовал на Карева, быть может, потому, что его единственное легкое работало с максимальной нагрузкой, и, вероятно, по той же причине был раньше удален из его организма. Благодаря этому Колин была вовремя предупреждена и катапультировалась из самолета, хотя наркотик действовал на нее и после приземления, отчего она и попыталась прогуляться по воздуху.

Четвертое покушение на убийство, подумал Карев. К тому же тот, кто стоял за этим, оказался настолько беспощаден, что готов был вместе с ним послать на смерть непричастную к делу женщину. Карева снова охватила бессильная ярость. Снова жизнь ему спасла случайность, но не может же ему без конца везти...

Потом ему пришла в голову еще одна мысль. До сих пор он считал, что последнее покушение провалилось, но разве, несмотря на это, он не обречен на верную смерть? Самолет, бездушная машина, летел дальше на юго-запад. Его двигатели, извлекающие из воздуха воду, которую превращали в топливо, вероятно, унесут его далеко за Ат-

лантику, и, значит, нет возможности вызвать спасательную группу на место катастрофы. Они разбились километрах в ста от ближайшего селения, к тому же в таком районе, где, если посчастливится, за день можно сделать километров десять. Однако он, имея на руках раненую женщину, будет двигаться гораздо медленнее.

Жужжание крылатых насекомых в тяжелом воздухе усилилось и стало зловещим, так что трудно было собраться с мыслями. Он сжал ладонями виски. Река, которую он заметил, падая, вероятно, Конго, текла на западе, и именно там поднималась струйка дыма, которая могла означать селение. Он взглянул на Колин и похлопал ее по щекам, надеясь, что она придет в себя, но лицо ее оставалось бледным и неподвижным. Он снова испытал чувство, что только что прибыл в Африку, и всего несколько секунд назад его вырвали из дома. Потрясающая чуждость этого континента начиналась со страшных и незнакомых мхов, на которых он лежал, и простиралась во все стороны на тысячи километров, таинственная и враждебная. Он же, затерянный в этом мире, не был готов к тому, чтобы схватиться с ним. Ему нечего было делать в Африке, он не имел права быть здесь, не имел права даже жить. Смирение, охватившее его, сменил через минуту яростный гнев, постепенно становившийся неотъемлемой частью его характера.

Он просунул руки под лежащую Колин, осторожно поднял ее и двинулся на запад, к реке.

До захода солнца оставалось около часа, поэтому он не мог добраться до реки до темноты, но что-то заставляло его идти и идти. Уже через несколько минут он истекал потом, а его здоровое легкое, казалось, готово было в любую секунду взорваться. Он двигался вперед еще медленнее, чем предвидел. Местность была волнистой, разница в высоте составляла много метров, и подлесок, блокировавший все подходы, вынуждал его то и дело карабкаться по крутым склонам или искать обход. Он шел неутомимо — не клал теперь Колин на землю, когда отдыхал, а прислонял к стволу дерева, чтобы избавить себя от необходимости каждый раз поднимать ее. Непрерывные крики обезьян и птиц порой затихали или звучали, как эхо событий из другого мира.

Когда темнота расставила по лесным проходам свою стражу, ноги отказывались повиноваться ему. Хрипло дыша, он осмотрелся вокруг в поисках какого-нибудь убежища. Колин сонно шевельнулась у него на руках и застона-

ла. Он положил ее на землю, едва не перевернувшись при этом, и стал смотреть на нее, ожидая других признаков возвращения сознания. Она снова застонала, задрожала и шевельнула руками. Из-под полуопущенных век видны были белки глаз, а сотрясающая ее дрожь вдруг усилилась.

— Колин, ты слышишь меня?— настойчиво спросил он.

— Хо... холодно,— сказала она тонким, детским голосом.

— Сейчас я тебя прикрою. Только...— говоря это, он стащил с себя тунику, старательно укутал ее и оглядел темнеющую панораму леса. Становилось все холоднее, а в его распоряжении были только трава и листья. Он начал рвать высокую траву там, где в нее падали самые большие листья, и бросал все это на ее ноги и тунику. Когда он закончил, было уже совсем темно, и теперь уже он дрожал от холода. Он залез под тунику, стараясь не сбросить покрывавшую ее траву, и обнял Колин. Она свободно и естественно шевельнулась рядом с ним, положила ногу на его ногу, и тело Карева залила волна тепла. Он лежал совершенно неподвижно, с закрытыми глазами, пытаясь отдохнуть. Незаметно уплывали минуты, может даже часы, во время которых он плавал по мелководью сна. Порой он приходил в себя, и тогда яркие фонари звезд находились не над ним, а перед ним — и вместе с убегающим светом он мчался через Галактику. В конце концов он понял, что Колин не спит.

— Вилл?— спросила она.

— Да,— ответил он, стараясь говорить спокойно.— Ты в безопасности. Тебе ничего не грозит.

— Но что случилось? У меня какие-то сумасшедшие воспоминания.

— К сожалению, я впутал тебя в свои запутанные дела.

Он представил ей свою теорию, объясняющую, как дошло до этой катастрофы, потом описал дальнейшие события.

— И теперь ты хочешь нести меня на руках до самой реки Конго?

— Ты не такая уж тяжелая. Мы прошли уже километра два.

Он заметил, что она убрала ногу, переброшенную через его ноги, но все так же крепко прижимала груди к его боку.

Она рассмеялась.

— Ты невозможен. А ты не подумал, что...

— Что именно?

— Нет, ничего. Думаешь, у нас есть шанс дойти пешком до цивилизации?

— Не знаю,— мрачно ответил он.— Я думал, что узнаю это от тебя.

После долгой паузы она заговорила снова.

— Я скажу тебе только одно.

— И что же?

— Ты вовсе не остывший.

— О!— Он хотел было возразить, но его тело давало ей неопровержимое доказательство, что она права.— Ты сердишься?

— А должна?

— Когда мы прилетели сюда, я видел, как ты загораешь.

— По-моему, твоя маскировка совсем не ради этого. Кстати, у меня уже тогда были сомнения. Сколько женщин ты обманул?

— Множество,— заверил он ее.

— Значит, это были не настоящие женщины, Вилл.

Эти слова сопровождало легкое, но убедительное движение бедрами, и он ответил тем же, поскольку ничто в мире не могло его удержать. Она жадно прильнула к его губам, и он пил с них ошеломляющий нектар, наполнявший его теплом и надеждой. Оправдывает ли тебя потребность в надежде?— задала его совесть вопрос телу. Он сопротивлялся вожделению, чтобы взвесить аргументы против того, чтобы поддаться минутному настроению. Афина? Афина изменила правила игры. А сама Колин? Он коснулся засохшей крови на ее лбу.

— Ты поранилась,— шепнул он.— Порядочно ли это с моей стороны?

— Я бессмертна, а у бессмертных раны заживают быстро.— Он чувствовал ее горячее дыхание.— Кроме того, мы, может, никогда отсюда не выберемся.

— Ну, хорошо,— сказал он переворачиваясь и перенося вес тела на ее упругие бедра.— В таком случае мы оба выигрываем.

На рассвете, когда они помогли друг другу одеться, Карев взял Колин под руку и хотел двинуться на запад, но она удержала его.

— Не туда,— сказала она.— Нам нужно вернуться на место приземления. Эти авиакресла — стандартный тип, используемый Объединенными Нациями в джунглях, во

всех есть радиопередатчик, начинающий работать сразу после катапультирования.

Карев схватил ее за плечи.

— Значит, мы не погибли?!— воскликнул он.

— А разве я утверждала обратное?

— Вчера ты сказала, что, может, мы никогда отсюда не выберемся,— укоризненно напомнил он.

Колин пожала плечами.

— Но ведь нас могли покусать ядовитые змеи.

— Ах ты...— он потряс ее, давась смехом.— Почему ты не сказала мне об этом вчера?

— Гмм...

— Демонстрировала твердость духа и благородство?

Она рассмеялась и обняла его.

— Тебе нечего стыдиться, Вилл, в этой роли ты неповторим. Можешь сказать жене, что тебя окрутила лишенная совести африканская пилотка.

— Откуда ты знаешь, что у меня есть жена?

— Но ведь есть, правда?

— Да, я женат. Один на один. Это имеет какое-то значение?

Прежде чем она успела ответить, с востока донесся рокот вертолета.

— Нужно спешить,— сказала она.— Нас будут искать, а потом расспрашивать.

— Я думаю.

Карев нахмурился. Спасение из затруднительного положения означало возвращение к неприятностям, все еще больше осложнялось. Трудно было успешнее разрушить его план быстрого и незаметного возвращения домой. Можно было предвидеть, что исчезновение самолета привлечет к нему всеобщее внимание, и тем самым выдаст его местопребывание неизвестным, охотящимся за ним, а может даже, будет угрожать раскрытием тайны Е.80.

— Что тебя гнетет, Вилл?— спросила Колин, заглядывая ему в глаза.— Разве для тебя это было так страшно?

— Это было чудесно,— искренне ответил он,— но моя полная тайн и неожиданностей жизнь с каждой минутой все более усложняется. Я воспользовался твоим самолетом прежде всего для того, чтобы быстрее добраться до дома.

— Ты хочешь сказать, что, если придется задержаться в Киншасе, тебе будет угрожать смерть?

— Есть еще и другие причины, о которых я не могу говорить.

— Тогда идем.— Колин отпустила его и пошла.— У меня есть друзья в Киншасе, они мигом решат все формальности и отправят тебя в дорогу.

— «Формальности»!— воскликнул Карев, направляясь за ней.— Как часто тебе приходилось терять самолет?

— А я его вовсе не потеряла,— снисходительно ответила она.— Зачем же тогда, по-твоему, системы автоматического приземления? Самолет сел вчера в Киншасе. Не так гладко, как под моим руководством, но все же без повреждений.

— Полный газа, вызывающего галлюцинации?

— Сомневаюсь, потому что каждые четыре минуты система климатизации полностью меняет воздух в кабине.

— Правда?— Он помог ей перелезть через поваленное дерево.— Те, кто охотятся за мной, до сих пор не оставляли никаких конкретных следов. Если баллон для газа сделали из самоуничтожающейся пластмассы, то не осталось ничего... А как мы объясним факт, что покинули самолет?

— Скажу, что что-то испортилось. Прежде чем они разберутся, пройдет два дня.

— Как жаль, что я не знаю техники,— сказал он.

— Подумай, сколько бы ты из-за этого потерял,— упрямо сказала Колин.

Она легко обогнала его: мускулы крепких и все-таки стройных ног напрягались на каждом шагу. Они шли, ориентируясь на рокот вертолета, и через четверть часа добрались до места, где приземлились. Когда они нашли первое пустое кресло с самолета, одежда Карева была мокрой от росы, падающей с листьев. Кресло лежало на боку у подножия дерева. Вертолет терпеливо кружил над балдахином ветвей, которые прогибались и колыхались под напором направленного вниз потока воздуха.

— А где мое кресло?— спросила Колин.

Карев огляделся и указал ей кресло, которое до сих пор торчало в ветвях дерева.

— Здесь ты приземлилась,— сказал он.— Точнее, зависла.

Колин присвистнула.

— И я просто шагнула оттуда?

— Когда я это увидел, то совсем потерял голову.

— Нужно признать, что это меняет дело. Я скажу своим подругам, как нужно поступать, когда они полетят по этой трассе.

Карев с трудом заставил себя улыбнуться. Колин начи-

нала говорить как многие из его знакомых, которые кончали в Клубе Приапа, и все же выглядела в сравнении с ними совсем иной. Он вдруг понял, что перемена произошла в ней, когда она убедилась, что он женат. Он с беспокойством смотрел, как она лезет на дерево и гибким движением пробирается к застрявшему в ветвях креслу. Она что-то вынула из него, поднесла ко рту, и он услышал ее голос, едва пробивающийся сквозь рев вертолета. Спустя минуту она вновь была на земле, поправляя голубую блузку, выбившуюся из-за пояса юбки.

— Они спустят за нами клетки,— небрежно сказала она.

— Колин,— быстро произнес он,— может, это наша последняя возможность поговорить наедине.

— Возможно.

Он схватил ее за руки.

— Я женат уже десять лет, но только вчера впервые нарушил клятву верности. В первый и единственный раз,— сказал он. Она хотела вырвать руки, но он не отпустил.— Понимаешь, я вовсе не уверен, что по-прежнему имею жену. Что-то между нами произошло, но мое пребывание в Африке в роли остывшего и попытки не дать себя убить прямо связаны с этим.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Не хочу, чтобы ты думала, что я отправляюсь в теплый семейный угол после маленького прыжка в сторону. Это не в моем стиле.

— Но зачем ты мне все это говоришь?

— Потому, что я считаюсь с тобой. Я мог бы тебя полюбить, Колин.

Она вызывающе посмотрела на него.

— Ты так думаешь?

— Я знаю наверняка.— Собственные слова огорчили его, ибо были близки к правде, но не совсем отвечали ей. Он был благодарен Колин, но благодарность, которую он не мог выразить, переродилась в чувство вины.— Послушай, если окажется, что у меня уже нет жены...

— Не надо, Вилл,— мягко ответила она.— Ты перебираешь с благородством.

Он выпустил ее руки, и инстинктивно, как будто договорились, они отошли друг от друга, когда среди деревьев появились две клетки, спущенные с вертолета.

Карев облегченно вздохнул только над Атлантикой, летя на запад стратосферным кораблем. Вместо того, чтобы по определенным каналам искать кредиты «Фармы», и тем самым задержать отлет, он избрал другой путь — воспользовался собственным кредитом, чтобы оплатить перелет из Киншасы в Лиссабон, а оттуда до Сиэтла. В Лиссабоне он пережил неприятную минутку, когда узнал, что билет будет стоить более тысячи новых долларов — ему пришлось в голову, что его текущего счета может не хватить. Однако, компьютерная сеть подтвердила его платежеспособность, и он вспомнил, что в этом месяце у нового доллара был очень выгодный курс по отношению к эскудо.

Одним из побочных результатов бессмертия была реформа мировых денежных систем. Средний доход на одного потребителя в Соединенных Штатах, не говоря уже о связанном с этим ростом производительности труда, оценивавшийся в пять тысяч долларов в середине двадцатого века, увеличился бы за три столетия до суммы, превышающей восемь миллионов долларов ежегодно. Введение в жизнь биостатов, ведущее к оптимальному использованию научного потенциала и новейших средств производства, взвинтило ежегодный прирост производительности труда до десяти процентов, и появились прогнозы увеличения доходов до миллиарда долларов в год. Чтобы доллар не стал ничего не значащей мелкой монетой, его стоимость сделали постоянной и неизменной долей общественного продукта, рассчитываемой раз в месяц. По международному соглашению прочие государства предприняли подобные шаги, создав также денежный фонд Объединенных Наций, который поглощал разницу, возникающую между валютами отдельных стран.

Стратосферный корабль спустился вниз, пробиваясь сквозь область тумана, когда Карев совершил удивительное открытие. Он пролетел уже восемь тысяч километров, и ни разу не подумал, что самолету грозит авария. Возможные опасности воздушного путешествия были ничем в сравнении с тем, что он пережил за прошедшие два дня на земле, и все-таки остался жив. Он оказался в таких переделках, когда его судьба зависела от него самого, и вышел победителем. Мысль эта вызвала у него странное удивление, не покидавшее его, пока он не вышел из корабля в Сиэтле. Благодаря тому, что, двигаясь с востока на запад, он выиг-

рал во времени, здесь был еще день, и ему удалось попасть на самолет, который еще до темноты доставит его домой.

На постельные здания падала глубокая тень, в зеркальных окнах и стенах отражалось небо цвета платины. Мир снова выглядел знакомым, и мрачное чувство угрозы ослабело. Карев хотел только одного: узнать, что Афина дома и ждет его. Тогда африканский эпизод развеялся бы, как дым. В гараже в аэропорту он сел в болид и неспеша поехал домой. Как он и ожидал, куполодом был погружен в темноту, но, только увидев его, он признался самому себе, что втайне рассчитывал застать Афины. Он вошел в дом и зажег свет. Перед уходом она прибрала все так старательно, что он выглядел совершенно нежилым. Воздух был стерилизован.

Как я мог допустить такое? — спрашивал он себя. Его поразила собственная глупость и поразительная беспомощность. Когда Е.80 расходился по его венам, он должен был позвонить Баренбойму и попросить растолковать Афине, как выглядит правда. Тем временем он принес в жертву свое супружество, чтобы защитить изобретение, в которое вложила деньги «Фарма», и его жертва оказалась напрасной, поскольку все указывало на то, что какие-то люди уже знают о Е.80 или, по крайней мере, что-то подозревают. Он устал, и его здоровое легкое перекачивало воздух с таким трудом, как будто он только что закончил бег. Несмотря на это, он решил ехать к Афине и все уладить. В случае необходимости он был готов забрать ее к Баренбойму, хотя существовал более простой и вместе с тем более приятный способ доказать ей, что он остался исправным мужчиной.

Он подошел к видеофону и набрал номер коммуны, в которой жила Катерина Торрет, мать Афины, однако, прежде чем его соединили, отключился. До коммуны было неполных пятнадцать километров, и он мог доехать туда за несколько минут. Он не был у нее более двух лет, но мог ввести телекоммуникационно-картографический номер здания в дорожный указатель болида и пользоваться во время езды сообщениями, касающимися трассы. Уже опускалась ночь, когда он подъехал к двухэтажному зданию, которое легко узнать, поскольку именно такие отдавали женщинам, желавшим жить группами. Там находились отдельные квартиры для матерей с дочками, а также комнаты для временных романов с проезжающими мужчинами, но в остальном жизнь проходила совместно. Кареву здесь не нра-

вилось, главным образом потому, что его собственная мать после ухода отца, который отправился искать счастья в других связях, по-прежнему жила в маленьком домике.

Ворота были открыты, и он вошел в прямоугольный двор, где худощавая брюнетка, выглядевшая лет на двадцать с небольшим, возилась на клумбе с цветами. Судя по внешнему виду, это могла быть мать Афины, но память на лица была у него неважной, и он не был уверен.

— Миссис Торрет!— крикнул он.— Вы мать Афины?

Она повернулась к нему с улыбкой, которая не скрывала холода, появившегося в ее глазах, когда она заметила его чистый подбородок.

— Нет,— ответила она.

— Простите. Вы похожи...

— На члена семьи?— закончила она. Голос у нее был теплый, звучный.— Так оно и есть. Я бабка Афины. А вы?

— Меня зовут Вилли Карев. Я не знал, что...

— О, здесь живут четыре поколения. Торреты — это старинный род, и мы любим держаться вместе.

Его собеседница закопала семечко во влажную землю, включила ручной биоизлучатель, направив его на семя, и критически следила, как из-под земли появляется росток, разрастается, пуская листья, и расцветает, совсем как в ускоренном фильме.

— Это очень... красиво,— неуверенно сказал он. Дочери, маниакально привязанные к своим матерям, которые сами были дочерьми, связанными чувственной связью со своими матерями, и так далее, всегда вызывали у него отвращение. В некоторых коммунах жило по восемь поколений женщин, что напоминало некончающийся ряд входящих одна в другую кукол. Семейная связь еще не потеряла своего значения.

— Да.— Бабка Афины, которая до сих пор не представилась ему, выключила биоизлучатель. Она присела, чтобы осмотреть вблизи новый цветок, недовольно фыркнула и вырвала, швырнув на землю, где его белые корни анемично задрожали, как черви.— Слишком высокий. Когда я не до конца сосредоточусь, они вырастают слишком высокими.

— Простите.

Карев смотрел на корни, а бабка Афины переключила излучатель и вновь направила его на цветок. Растение почернело и исчезло, отдав свои составляющие почве.

— Облегчает работу в саду и к тому же не надо ждать, верно?— сказал он.

— Если вам это не нравится, Вилли, а я вижу это по вашему лицу, скажите прямо.

— Кто сказал, что мне не нравится?— ответил Карев и неискренне засмеялся, разглядывая пятно на земле и непонятно почему думая о жабе, которую спас от смерти на стоянке болидов.

— Афина говорила, что в глубине души вы луддит.

— Может, все не так плохо, раз только в глубине души,— парировал он, гадая, что значит «луддит».— Надеюсь, за это меня не арестуют.

Бабка Афины фыркнула.

— Ну так где же Афина?— спросила она.

— Об этом я и хотел спросить у вас.

— А откуда мне это знать? Она уехала отсюда вчера сразу после вашего звонка.— Бабка Афины поднялась и заглянула Кареву в глаза.— Как же так, разве...

— Вчера я был еще в Африке,— хрипло произнес он.— Я никому не звонил.

— Тогда где же она?

Слова эти уже не дошли до него, поскольку он резко повернулся и выбежал, но вопрос не давал ему покоя всю обратную дорогу.

Старательный осмотр дома не дал никаких результатов, которые могли бы навести на ее след, он не был даже уверен, что Афина вчера заглядывала сюда. Она не оставила никакого устного сообщения, никакой записки. Ничего. Он вдруг снова начал задыхаться, подбежал к видеофону и набрал номер дирекции «Фармы». На проекционном экране аппарата появилась трехмерная рисованная фигура, изображающая традиционную секретаршу.

— Мне очень жаль, сэр,— энергично сказала она,— но рабочее время кончилось, и сотрудники корпорации «Фарма» покинули контору. Они снова придут сюда ровно в девять тридцать.

— У меня важное служебное дело к мистеру Баренбойму.

— Я постараюсь помочь в меру своих возможностей. Вам известен код?

Карев назвал сознательно усложненный код, который заучивали на память все высшие работники «Фармы», служащий для связи в делах, не терпящих отлагательств. Секретарша, бывшая образом в мозгу компьютера «Фармы», задумчиво покивала головой.

— Примерно до полуночи мистера Баренбойма можно

будет застать у мистера Эммануэля Плита,— сообщила она.— Вас соединить?

Когда Карев вместо ответа выключил аппарат, она разочарованно исчезла, расплываясь в светящемся тумане. В первый момент он хотел позвонить Баренбойму, но поскольку исчезновение Афины могло иметь связь с изобретением Е.80, решил действовать как можно осторожнее. Трудно было устроить подслушивание видеофонов, однако он допускал и такую возможность.

Он вернулся к болиду быстрым, скоординированным шагом, благодаря которому мог передвигаться достаточно быстро, а бездействующее легкое не колотилось о ребра. Ноги были как ватные, и это напомнило ему, что он почти два дня ничего не ел. Поскольку он никогда еще не был дома у Плита, только примерно представлял его местоположение, он проконсультировался с дорогоуказателем в болиде, как туда лучше всего добраться. Спустя полчаса он въезжал в ворота небольшого имения, расположенного в десяти километрах к северу от его дома. Дом, построенный из настоящего камня, был низким, но обширным. Из его окон на спускающиеся террасами газоны падал свет. Буйная растительность и необыкновенно теплый для этого времени года ветерок, говорили о том, что имение климатизировано. Выбравшись из болида, Карев удивленно осмотрелся по сторонам и глубоко вдохнул ароматный воздух. Он не сомневался, что вице-президент «Фармы» зарабатывает очень много, однако не подозревал, что искусственно улыбающийся Плит живет в таком достатке. Пройдя через маленькое патио, он уже подходил к двери, когда та вдруг открылась. Простирая Кареvu руки, из нее выбежал Баренбойм, а румянолицый Плит смотрел на это, стоя на пороге.

— Вилли! Мой дорогой!— воскликнул Баренбойм, а его глубоко сидящие глаза выражали беспокойство.— Что ты здесь делаешь?

— Я должен с тобой поговорить,— ответил Карев, понявший, что Баренбойм играет эту сцену специально для него. Он только не мог понять, что за этим кроется.

— Прошу тебя, входи!— пригласил Баренбойм, беря его под руку и вводя в дом следом за шедшим впереди Плитом.— Мне сообщили из Африки, что тебя ранили и ты попал в госпиталь, а потом исчез или что-то вроде этого. Мы беспокоились о тебе.

Они вошли в большую комнату, полную книг, лампы бросали мягкий свет, отражающийся от деревянной мебели.

В самом центре стоял на столе небольшой глобус. Позволяя ввести себя, Карев уселся в кресло у камина, в котором пылали бревна, неотличимые от настоящих.

— Это не я исчез, а моя жена,— уточнил он.

— Невозможно, Вилли, в наше время женщина не может исчезнуть. Она всегда оставляет ясный след в виде кредитных операций в...

— Я не шучу,— резко прервал его Карев, с удивлением отметив, что уважение, которое когда-то вызывал у него Баренбойм, исчезло бесследно.

— Ну, разумеется, Вилли. Я вовсе не хотел...— Он замолчал и взглянул на Плита, который стоял в углу, внимательно прислушиваясь к разговору.— В таком случае, может, ты расскажешь, что произошло?

— С некоторого времени кто-то хочет меня убить, а теперь еще и Афина исчезла,— сказал Карев и сделал паузу, чтобы посмотреть на реакцию Баренбойма. Затем коротко описал события двух последних дней.

— Значит так...— сказал Баренбойм, когда Карев закончил.— И ты полагаешь, что это связано с изобретением E.80?

— А как, по-твоему?

— Мне очень неприятно, Вилли,— сказал Баренбойм,— но я склонен признать твою правоту. Произошло именно то, чего мы так хотели избежать любой ценой.

— Но...— в глубине души Карев рассчитал, что его догадка будет отброшена.— Если кто-то похитил Афину, что с ней произойдет?

Баренбойм подошел к бару и налил виски.

— Если ты боишься, что похитители ее убьют, то можешь спать спокойно,— ответил он.— Эксперименты, интересующие ученого, специализирующегося на биостатистике, требуют сохранения идеального здоровья у подопытного.

— Какие еще эксперименты?

— Может быть, виски?— спросил Баренбойм вручая Кареву бокал.— Мэнни объяснил бы тебе лучше, но, коротко говоря, их может интересовать, нормально ли развивается плод. Это очень важно. Ты слышал когда-нибудь о талидомиде?

— Гмм... нет.

— Следующий вопрос, это наследственность. Допустим, родится мальчик: будет ли строение его клеток и механизм их воспроизводства таким, как у бессмертного, или нет?

Допустим, что мужской потомок исправного мужчины, бес-
смертного, из-за Е.80 окажется неисправным, что тогда?

— По-моему, это немного меняет,— нетерпеливо заме-
тил Карев.

— Возможно, но я только хотел дать тебе понять, поче-
му наши конкуренты могли заинтересоваться твоей женой.
Мы тоже хотели бы это знать. Самое главное, что она в
полной безопасности, потом мы ее найдем и вернем.

— Верно!— Карев допил виски и встал.— Я позвоню в
полицию.

— А вот этого делать я не советую,— сказал Барен-
бойм, и стоящий в углу Плит беспокойно шевельнулся.

— Почему?

— Скажу тебе откровенно, Вилли, как обстоят дела. Ты
слишком упрям и, думаю, не простил бы мне, утаи я что-
нибудь от тебя. Если на этом этапе мы введем в дело поли-
цию, завтра утром о Е.80 будет знать весь мир. Конечно,
мы хотим сделать это средство доступным всем, но не так,
чтобы этим воспользовались наши конкуренты...

— А тем временем день за днем тысячи мужчин за-
крепляются,— гневно вставил Карев, думая об африкан-
ских туземцах, которых против их воли лишил мужских
достоинств.

Баренбойм пожал плечами.

— Это лучше, чем смерть, Вилли,— сказал он.— Но ты
не дал мне закончить. Ты имеешь право пойти в полицию,
и, несмотря на отрицательные последствия для «Фармы», я
не посмел бы тебя удерживать, но я хочу предложить тебе
другой выход.

— Я весь внимание.

— По-моему, хороший частный детектив найдет твою
жену быстрее, чем ватага ревностных, но шумных поли-
цейских, и таким образом и ты, и «Фарма» только выигра-
ют. Я знаю подходящего человека, который охотно возь-
мется за это, и готов сейчас же позвонить ему. Только
прошу тебя, дай мне неделю времени. Если за неделю мы
ничего не добьемся, сообщай в полицию. Что скажешь,
Вилли?

— Даже не знаю,— буркнул Карев. Глядя на искренне
обеспокоенное лицо Баренбойма, он снова испытал мимо-
летное чувство, что им манипулируют, однако был вынуж-
ден признать правоту его аргументов.— Этот твой человек
действительно так хорош?

— Это лучший из лучших. Я сейчас ему позвоню.

— В этой комнате нет выхода видеофона, — сказал Плит, в первый раз включившись в разговор. — Ты можешь воспользоваться аппаратом в большом салоне. Прошу.

— Вот он грех традиционной архитектуры: ничего для удобства, все для эффекта, — вздохнул Баренбойм. — На-лей себе еще, Вилли, а мы пойдем позвоним. Я уверен, что хозяин не имеет ничего против. Правда, Мэнни?

— Чувствуйте себя, как дома.

После ухода их из комнаты, Карев долил себе виски и подошел к столу, разглядывая глобус. Небольшой, размером примерно с апельсин, он располагался в сложном корпусе, с карданной подвеской, увенчанной набором линз, а континенты разместились на нем как попало. Приглядевшись внимательнее, он понял, что все на нем перевернуто, как в зеркале. Поверхность глобуса была усеяна тысячами географических названий, ни одно из которых нельзя было прочесть невооруженным глазом. Разглядывая подставку, Карев обнаружил на ней два ряда кнопок, снабженных надписями: «Географическая долгота» и «Географическая широта». Удивляясь точности инструмента, он нажал самую большую красную кнопку. Глобус закрутился, устанавливаясь в положение, определенное запрограммированными координатами, а в объективе загорелся свет.

Глядя на фрагменты глобуса, высвеченные на потолке, Карев глотнул из бокала, и внезапно алкоголь потерял для него свой вкус, ибо в самом центре светящейся карты он заметил африканскую местность Нувель Анверс. Значит, Баренбойм и Плит по каким-то только им известным причинам изучали именно этот небольшой участок континента, где его едва не лишили жизни.

Он погасил глобус и снова сел в кресло, желая любой ценой выглядеть спокойно и беззаботно, когда его начальники вернутся в комнату.

Глава 12

Впервые в жизни оказавшись с глазу на глаз с частным детективом, Карев с интересом разглядывал Теодора Гвинни. Этот невысокий энергичный мужчина с внимательным взглядом, выглядевший так, будто остудился лет в пятьдесят, был одарен разумом, работавшем, казалось, в ускоренном темпе: он мчался вперед только затем, чтобы закончить шуткой все, о чем говорилось. По мнению Карева,

Гвинни накидывался на любую, даже самую банальную фразу, как терьер на добычу, и терзал ее до тех пор, пока не вырывал из нее какой-нибудь афоризм. Каждый короткий обмен фразами с участием четырех мужчин, собравшихся в библиотеке Плита, кончался какой-нибудь эпиграммой, которую Гвинни произносил, понизив голос и обнажая при этом в улыбке снежно-белые зубы. Поначалу Карев сомневался в его компетентности, однако заметил, что Баренбойм обращался к Гвинни с некоторым уважением и прислушивался к каждому слову детектива.

— Похоже на то, Теодор, что мы поручаем тебе сразу два задания,— задумчиво сказал Баренбойм, складывая пухлые руки, как для молитвы.

— Два задания... но ты упал бы со стула, если бы я потребовал двойного гонорара,— ответил Гвинни, сверкая зубами.— Прошу прощения, давай дальше.

Баренбойм понимающе улыбнулся.

— Мы просим тебя найти жену Вилли,— сказал он.— Кроме того, есть еще его личное дело. Вилли убежден, что кто-то хотел его убить.

— Это чудовищно,— сказал Гвинни, сочувственно глядя на Карева.— Только одно может быть хуже неудачного покушения на нашу жизнь: покушение удачное.

Наученный опытом, Карев кивнул. Он еще раньше обратил внимание на то, что Баренбойм не слишком поверил в смертельную опасность, нависшую над его головой. Частичей своего естества он испытывал раздражение, что является целью атак убийцы, но огонь в камине так мило грел его ноги, а шотландское виски так мило грело его желудок, что Карева охватило бешенство, превратившее усталость в наслаждение.

— Не вижу трудностей,— сонно сказал он.— Я хотел бы сотрудничать с Теодором, когда он будет искать мою жену. Догадываюсь, что одновременно он позаботится и о том, чтобы я был жив и здоров.

— А я догадываюсь, что как доктор,— вставил Гвинни, потирая руки,— смогу потребовать дополнительный гонорар за врачебную опеку.

— Кстати, Вилл, ты же у нас выздоравливающий,— сказал Баренбойм.— Ты уже был у врача?

— Еще нет. Я привык работать на половину мощности.

— Я не знаток в этом, но тянуть не следует. Я пришлю тебе нашего врача.

— Не беспокойся,— ответил Карев, в котором вдруг ожила неприязнь к госпиталям.— Утром я навещу своего.

— Хорошо. Пусть придет счет в «Фарму».

— Спасибо.— Карев поймал себя на том, что едва не заснул.— Пожалуй, мне пора идти домой.

— Это необязательно,— с удивительной горячностью произнес Плит, все время сидевший неподвижно на своем невидимом викторианском стуле, поигрывая брелком в виде сигары.— Предлагаю вам ночлег у меня.

Карев отрицательно покачал головой.

— Я все же предпочитаю вернуться домой,— ответил он.— Именно там могла бы искать меня Афина.

Он встал и, убедившись, что Гвинни знает его домашний номер, вышел и сел в болид. Когда он доехал до дому, ноги его на каждом шагу подгибались, и он заснул, едва лег.

Проснулся он утром и сразу же вернулись опасения за жизнь Афины, которые так легко рассеялись вчера аргументами Баренбойма. Из рассуждений председателя вытекало, что ни у кого нет причин убивать Афины, однако точно так же не было причин убивать и его. Тем не менее четырежды в течение одних суток он был на волосок от смерти. Карев сделал себе легкий завтрак, состоявший из яиц и сока цитрусовых, хотя и не чувствовал голода, а после завтрака подошел к видеофону и соединился с доктором Вести. Он договорился встретиться с ним в десять, а свободное время использовал на удаление щетины и поиски чистой одежды.

Кабинет доктора Вести располагался на восьмом этаже Центра медицинских наук. Карев явился туда пораньше, но кибернетическая секретарша не заставила его ждать, а сразу впустила в кабинет. Похожий на ученого, Вести, который остудился только после шестидесяти, указал на стул.

— Добрый день, Вилл,— сердечно сказал он.— У тебя что, проблемы с адаптацией?

— То есть?

— Из твоей компкарты следует, что вы с Афиной недавно зарегистрированы в Министерстве здоровья, как бессмертные. Я думал, что, может...

— Ах, вот оно что! Нет, это не гидра вожделения поднимает свою голову, а... Можешь ли ты что-то посоветовать для проколотого легкого?

Карев рассказал, что с ним случилось, не объяснив,

правда, почему так внезапно и не предупредив никого покинул полевой госпиталь.

— Вообще-то я должен тебя поблагодарить, Вилл,— сказал Вести, задумчиво разглядывая его.— За почти восемьдесят лет врачебной практики я впервые сталкиваюсь с колотой раной. Разденься до пояса, и я посмотрю, что они с тобой сделали.

Он включил стоящий на столе выход компьютера и запросил подробную информацию о лечении Карева в госпитале в Африке. После едва заметной паузы устройство выплонуло ленту бумаги, которую Вести с интересом изучил. Отложив ее, он снял с груди Карева повязку. Пока он теплыми, сухими пальцами ощупывал область раны, Карев старался не смотреть вниз.

— Выглядит неплохо,— сказал наконец Вести, хотя в его голосе звучало сомнение.— Когда точно ты сделал себе укол?

Карев мысленно подсчитал.

— Десять дней назад,— сказал он.

— Ага. А какой марки был пистолет?

— Я работаю на «Фарму»,— ответил Карев, стараясь говорить спокойно, но в то же время почувствовал беспокойство,— поэтому...

— То есть ты пользовался Фармой Е.12?

— Конечно. А почему ты спрашиваешь?

— Так, мелочи. Мне показалось, что рана заживает медленно, слишком медленно для бессмертного. Вероятно, что-то нарушило процесс заживления. А теперь сядь, и я осмотрю легкое.

Вести приложил к ребрам Карева головизор, чтобы изучить правое легкое. Испуганный мыслью, что случайно может увидеть свои внутренности, Карев закрыл глаза и не открывал их до конца осмотра.

— Вообще-то оно выглядит совершенно здоровым. Думаю, можно будет снова запустить его,— заявил Вести.

— Это как? Надуть?

— О, ничего страшного,— с улыбкой заверил Вести.— Я впрысну тебе в грудную клетку средство и снова прикреплю легкое к ребрам. Ты ничего не почувствуешь.

Карев мрачно кивнул головой и, напрягая воображение, постарался представить лицо Афины.

Пройдя зенит и постепенно опускаясь вниз, солнце изменяло форму, пересекая невидимые барьеры, отделяющие друг от друга разные сферы управления погодой. Как будто

амеба или капля масла, стекающая по стеклу, его овал изменялся, удлинялся, разбрызгивался, образуя кровавую росу, которая затем вновь объединялась. Слабеющие силы зимы, побежденные околосемными кривизнами, таились на севере, но их держали в узде. Карев прохаживался по саду, пытаясь приспособиться к новому темпу событий. С того памятного утра, когда Баренбойм вызывал его в свой кабинет, дни проходили, вспыхивая и угасая, как молнии. Теперь же время словно остановилось, и он, ожидая сообщений от Гвинни, чувствовал себя, как муха, попавшая в янтартар. Несколько раз он пересек туда и обратно весь сад, думая о том, что не мешало бы привести в порядок пару растений с Марса, которые начинали слишком уж разрастаться, однако не мог всерьез заняться такими банальными вещами.

— Как дела, Вилли?— донесся голос из соседнего сада.— В последнее время тебя не было видно. Где ты пропадал?

Карев повернулся и увидел загорелое лицо Банни Костелло, смотревшее на него из-за забора.

— В Африке,— ответил он, жалея, что не заметил его раньше, чтобы успеть избежать встречи. Сосед, самый старый человек, которого он знал, даже старше Баренбойма, родился в первой половине двадцатого века и был уже одной ногой в могиле, когда появились биостаты. Они-то и спасли ему жизнь.

— В Африке? Что ты говоришь?— недоверчиво сказал Костелло.— А уважаемая супруга вместе с тобой?

— Что ты, собственно, знаешь, Банни?

— Что я знаю? О чем?

— Обо мне и Афине.— Карев тяжело вздохнул.— Что ты о нас слышал?

— Ничего. Впрочем я не любитель повторять сплетни, я от всего сердца за супружество, дорогой мальчик.

«Знают, знают»,— подумал Карев.

— Почему же сам не попробуешь?— спросил он.

— Это страшно, Вилли. Ужасно. Знаешь, я уже однажды был женат.

— Правда?— спросил Карев, потихоньку отступая.

— Да... но не могу вспомнить черты ее лица. Да и имя тоже.

Лоб Карева покрылся холодным потом.

— Ну и память у тебя, Банни,— сказал он.

— Не хуже, чем у других, я помню то, что было сто лет назад.

— Я знаю таких, которые помнят в два раза больше.

«А какой в этом смысл?— задумался он.— Зачем тебе, человек, миллион завтра, если ты не можешь сохранить их в памяти?»

— Главное сохранить непрерывность,— продолжал Костелло, прикрывая глаза от солнца.— Чтобы сохранить воспоминания, нужно их освежать. Какое-то время я вел дневник и собирал фотографии, но и то и другое куда-то запропастилось. Кроме того, я путешествовал, вот и потерял непрерывность. А ты, Вилли, ведешь дневник?

— Нет.

— Советую тебе начать. Мне бы хватило одной зацепки. Один след — и я вспомнил бы пятьдесят лет. К сожалению, во время Великого Объединения я был в Южной Америке, и никто не мог найти моих бумаг.

— А гипноз не помогает?

— Нет. Клеточные матрицы пропали. Даже у смертных они со временем стираются, а биостаты, видимо, ускоряют этот процесс.— Костелло печально улыбнулся.— Возможно, старение и память о прошлом — это одно и то же. Поэтому, если человек перестает стареть...

Прошло немало времени, прежде чем Карев освободился от Костелло и вернулся в тишину своего куполодома. Он принял душ, а потом сделал себе чаекофе, однако уныние, охватившее его во время разговора со старым остывшим, не проходило. «Возможно ли,— продолжал он думать,— что придет день, скажем, лет через сто, когда мне придется заглядывать в дневник, чтобы вспомнить цвет волос Афины? И вообще, существует ли бессмертие с сохранением абсолютной непрерывности личности? Или же это просто означает, что мое бессмертие — ряд незнакомцев, постепенно и незаметно переходящих один в другого по мере того, как время стирает биологические записи?»

Не задумываясь над тем, что делает, он осмотрел ящики и шкафчики и нашел чистый блокнот. На первой странице вверху написал: 28 апреля 2176 года. Он вглядывался в гладкий белый лист, постукивая ручкой по зубам и совершенно не представляя, что написать и как это сформулировать. Может, это должны быть гладкие рассуждения, начинающиеся со слов: «Любимый дневник»? А может, лучше воспользоваться таинственной фразой: «Жена беременна, отец неизвестен», в надежде, что через сто лет будущий Карев сможет на основании этих отрывков воссоздать целое?

Он отодвинул от себя блокнот, подошел к видеофону и приказал провести самоконтроль. Все контуры работали нормально. Недовольный и раздраженный, он обошел весь куполодом, дыша глубоко и размеренно, чтобы проверить, как работает правое легкое. Ему показалось, что хорошо, он не чувствовал даже уколов, которые делал доктор Вести. Он был готов ко всему, только бы Гвинни поскорее позвонил. Ему пришло в голову, что обнаружение каких-либо следов может занять у детектива несколько дней, и он громко застонал. Если так выглядит испытание бессмертием...

Звонок раздался после девяти. Незадолго до этого после долгих усилий Карев погрузился в неглубокий сон и теперь резко сел в темноте, все еще слыша звонок видеофона. Несколько секунд он ничего не мог понять, глядя на яркое изображение головы Гвинни, появившееся на экране, но потом пришел в себя. Быстро подбежав к видеофону, он сказал, что принимает соединение.

Слепо смотревшие глаза Гвинни ожили.

— О, наконец-то. Я вас разбудил?

— Что-то вроде. Я плохо себя чувствую.

— Вы выглядите так, будто в вас стреляли,— сказал Гвинни, глядя исподлобья.— А может соседи нацелились в ваш дом, открывая бутылки шампанского?

— Вы узнали что-нибудь о моей жене?— холодно спросил Карев, гадая, какую профессиональную ловкость проявил этот человек, чтобы заслужить признание Баренбойма.

Гвинни немедленно посерьезнел.

— Это еще не точно,— предупредил он,— но есть явный след.

— Какой?

— Я начал со звонка вашей жене, который якобы был от вас. Звонили с общественного аппарата в магистрате.

— Но ведь это никуда не ведет?

— В моем деле прийти никуда часто означает прийти куда-то. Кроме «Фармы», в районе вашего дома нет других производителей лекарств?

— Нет.

— Итак, я связался с парочкой знакомых, обслуживающих компьютеры в кредитных центрах — разумеется, соблюдая осторожность,— и узнал, что какой-то тип по фамилии Гиман приехал в город на один день. Соолли Гиман родом из Сизтла, временно работает для агентства Сопер Бюро.

— Ни фамилия, ни название ничего мне не говорят.

— Может и нет, но так получилось, что я знаю, кто содержит это агентство: фирма НорАмБио.

— Теперь понимаю.

Карев почувствовал, как начало колотиться сердце. НорАмБио была фирмой средних размеров, вкладывающей большие суммы в исследования и производство биостатов.

Гвинни сверкнул белыми зубами.

— Это еще не конец. В прошлом году принадлежащая НорАмБио техническая фирма переняла запущенную компанию «Идеально гладкие подшипники» из Айдахо-Фоллс. Много месяцев фабрика не работает, но последние два дня, точнее, две ночи, там происходит что-то странное.

— Вы думаете?..

— Уверенности у меня нет.

— Но вы полагаете, что там моя жена?

Гвинни пожал плечами.

— В этом мы скоро убедимся,— ответил он.— Я как раз еду туда. Просто я подумал, что вас интересует, как идет следствие.

— Я еду с вами,— заявил Карев.

Гвинни ответил не сразу, его лицо с большой угловатой челюстью выражало сомнение.

— Не скажу, что пришел от этого в восторг,— заметил он.— Это путешествие может оказаться опасным, а за риск платят мне, а не вам.

— Это не важно,— отрезал Карев.— Скажите только, где вы, и я приседу.

Через несколько минут, когда он уже выходил, снова зазвонил видеофон. Карев нетерпеливо повернулся, ожидая увидеть Гвинни, но в аппарате мигал желтый огонек, означающий дальнейшее сообщение без видеопередачи. Когда он принял соединение, на экране появился текст. Первая его строка извещала, что отправлено оно с базы Объединенных Наций Нувель Анверс, а содержание было следующим:

ЭКСПЕРТИЗА ЗАТОПЛЕННОГО ВЕЗДЕХОДА УСТАНОВИЛА ПРИСУТСТВИЕ ГОРДОНИТА В МЕХАНИЗМЕ ДАТЧИКА ВЫСОТЫ ПОЛЕТА. ДОЛЖЕН ИЗВИНИТЬСЯ ПЕРЕД ВАМИ. БУДЕТ ПРОВЕДЕНО ДЕТАЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ. БЕРЕГИТЕ СЕБЯ. ДЭВИ ШТОРХ.

Удовлетворенный Карев покачал головой и сделал фотокопию сообщения, чтобы показать ее Гвинни и Барен-

бойму. Однако по дороге к месту ему пришло в голову, что есть что-то идиотское в ситуации, когда стеклянная статуетка чувствует удовлетворение, получив неопровержимое доказательство того, что ее хотели разбить на кусочки.

Глава 13

— Вы знаете, как проще всего привести человека в замешательство?— спросил Гвинни с переднего сиденья, поворачиваясь к Кареву боком. За его головой пролетали, пронсясь назад, приглушенные пластиковым стеклом туннеля огни поселка в Айдахо.

— Нет,— ответил Карев. Он предпочел бы вообще молчать и думать об Афине, но поскольку ими двигала пневматическая перистальтика туннеля, Гвинни было нечего делать, и он начал болтать.

— Нужно сделать то, что я сейчас.

— То есть?— спросил Карев, внимательно следя за лицом детектива, который уставился на него.

— Вы не видите?

— Того, что вы на меня смотрите?

— Не на вас,— ответил Гвинни, придвигая свое лицо ближе.— Я смотрю на ваши губы. Если вы хотите привести кого-то в замешательство, достаточно вглядываться в его губы, когда он говорит.

— Спасибо за бесценный совет,— мрачно ответил Карев.— Уверен, он весьма пригодится мне в дальнейшей жизни.

— Пустяки, у меня голова забита такой информацией. Это одна из выгод, которые дает чтение.

Карев нахмурился. Раз за разом кто-нибудь напоминал ему о литературе, и, насколько он помнил, в большинстве это были остывшие. Может, они именно так проводили время? Он поерзал на сиденье, пытаясь расслабиться, но неуверенность наполнила его таким беспокойством, что он почувствовал непреодолимое желание поговорить с Гвинни.

— Вы действительно читаете книги?— скептически спросил он.

— Ну, конечно. А вы — нет?

— Нет. Но иногда смотрю Османа в тривизии,— он говорил, как будто оправдывался.

— Этого выскочку!— насмешливо воскликнул Гвинни.—

Разве он не сказал однажды, что руководить другими — значит не видеть необходимости следовать за другими?

— Не знаю.

— Разумеется.— Заверил его Гвинни.— В роли философа этот человек попросту жалок. Возьмем к примеру Бредли...

— Вы не могли бы объяснить,— быстро сказал Карев,— кто или что такое BEAU GESTE?

Гвинни неуверенно покачал головой.

— Я читал мало беллетристики. Кажется, это был английский аристократ, который оказался замешанным в семейный скандал, а затем вступил в какой-то гарнизон с железной дисциплиной, где-то в пустыне. Вероятно, в бывший Французский Иностранный легион.

Карев кивнул, объяснение подходило к словам Кенди, комментирующим его приезд в Африку.

— В таком случае, что вы читаете?

— Почти все. Книги исторические, научные, биографии...

В этот момент Карев вспомнил слова старого Костелло.

— И сколько из этого вы помните?

— О!— воскликнул Гвинни.— Дело вовсе не в том, что бы запомнить. Прочтя книгу из любой области знаний, даже если вы не запомните из нее ни слова, вы по-прежнему останетесь невеждой, но изменившимся.

— То есть как?

— Это трудно объяснить. Пожалуй, можно сказать, что после этого человек представляет объем своего незнания.

Карев промолчал, думая, достаточный ли это повод для бессмертия — расширение сознания своего невежества. Можно ли сопоставить это с ростом мудрости? А может новый вид невежества Гвинни тоже подчинялся замазывающему действию времени? Лицо Костелло выражало печаль и разочарование человека, который многое пережил, но ничего от этого не сохранил.

Постепенно тормозя, болид проехал ряд автоматически открывающихся и закрывающихся шлюзов, после чего попал в камеру терминала в Айдахо-Фоллс. После короткого перерыва, во время которого автоматический погрузчик поставил болид на шасси, Гвинни направил машину на юг. Движение не было интенсивным, и вскоре они оказались на окраине старого города, где по обе стороны пустынных улиц тянулись мрачные фабричные строения. Голубовато-зеленый свет стекал по монотонным стенам и устремлялся к звездам, приглушая их сияние. Карев почувствовал почти приятную дрожь возбуждения — это предчувствие опас-

ности по-прежнему было для него слишком новым и чуждым, однако он знал, что по крайней мере оно развеет нарастающую с утра скуку. Кроме того, он ждал, что в любую минуту может увидеть Афины. Он глубоко вздохнул и вдруг почувствовал кислый запах пота. Карев взглянул на Гвинни: лоб детектива покрывали капли пота. Для Карева этот незнакомый запах связывался с нервным напряжением, и это удивило и обеспокоило его.

— Как вы себя чувствуете?— спросил он.

— Скорее COMME SA,— ответил Гвинни.— В моей профессии это обычное дело.— Он коснулся мокрого лба.— Нужно будет отрегулировать обогреватель. Вы готовы?

Карев кивнул.

— Это здесь?

— Недалеко отсюда. Остаток пути лучше пройти пешком.

Гвинни открыл тайник и вынул из него небольшой фонарь. Кареву показалось, что наполняющий машину запах еще более усилился. Он быстро распахнул дверцу болида и, жадно втягивая в легкие холодный вечерний воздух, выбрался из него.

— Кажется, фабрика там,— сказал Гвинни, указывая в глубь улочки, где свет фонарей терялся во мраке.

Карев пригляделся, но не заметил нигде никаких надписей — все здания казались ему анонимными.

— Вы знаете этот район?— спросил он.

— Я попал сюда по карте,— ответил Гвинни.

Он перешел на другую сторону улицы и, осторожно ступая, направился к черным трапезиевидным воротам. Карев шел следом за ним. Внезапно его охватила уверенность, что в фабричном здании, из которого не доносилось ни единого звука, никого нет, и его хитростью втянули в какую-то идиотскую игру. Он уже хотел высказать свои сомнения, когда из ворот прямо на них выскочила, шипя и скаля клыки, какая-то серая тень. Гвинни отскочил, закрываясь фонарем, а потом грязно выругался, поняв, что это всего лишь потревоженный кот. Карев задумчиво посмотрел вслед убегающему животному. Часть его сознания, которая день и ночь ревниво охраняла его безопасность, подсказала ему, что что-то здесь не так.

— Вы видели когда-нибудь подобное?— спросил Гвинни.

Он открыл сумку и вынул металлический прут, который оказался ключом для двери. В слабом свете фонарей Карев заметил зубцы ключа, которые нервно шевелились, как ножки гусеницы. Он рассеянно встряхнул головой, пы-

таясь постичь причину своего подсознательного беспокойства. Гвинни сунул похожее на ключ устройство в замок на маленькой дверце, составляющей часть ворот. Дверь тут же открылась, и из темноты на него пахнуло затхлостью. Гвинни предложил Кареву войти.

Карев не двинулся с места.

— Как можно привозить человека, за которым наблюдаешь, в такое страшное место?— сказал он.— У вас действительно хорошая информация?

— Очень хорошая. Не забывайте, мы входим сзади, через склады. Конторы наверняка более пригодны для жизни.

— Здесь так пустынно...

— Вы боитесь темноты?

Гвинни осторожно зажег фонарь, просунул его в открытую дверь и вошел в помещение. Карев тоже вошел, внимательно следя за детективом, когда на него падали лучи, отраженные от металлических стен контейнеров, похожих на силосные башни. Он обратил внимание, что испуганный Гвинни направил на кота фонарь таким жестом, словно это было оружие... И зажигал он его тоже осторожно, с уважением, проявляемым к оружию... Сейчас же он двигался как краб, способ, который был бы естественным у человека с пистолетом в руке, но нелепым для человека с фонарем.

Карев замер на месте, ожидая, пока его спутник удалится. Неужели это болезненная подозрительность? В Африке кто-то явно хотел убить его, но если к заговору присоединился Гвинни, это могло означать только одно...

— Где ты, Вилли?— спросил Гвинни, поворачиваясь и светя фонарем назад.

— Здесь,— ответил Карев, болезненно ослепленный. Наконец фонарь перестал светить ему в глаза. Он опустил взгляд и заметил на своей груди дрожащее, ослепительно-белое пятнышко. «Ну и глупец же я!»— подумал он, но на всякий случай отпрыгнул в сторону. В ту же секунду из руки Гвинни брызнула струя энергии.

Потрясенный и ослепленный, Карев помчался со всех ног, закрывая руками лицо. Налетев на какой-то столб, он упал на колени и пальцами коснулся металлических ступеней. Наощупь найдя перила, он тихо поднялся по лестнице, догадываясь, что попадет на помост, который заметил раньше при свете фонаря. На помосте он лег ничком и лежал, яростно моргая глазами, перед которыми плавали разноцветные круги. Постепенно зрение пришло в норму, и Карев заметил, что в здании снова темно и только где-то

внизу виднеется странная красная точка. Пока он ее разглядывал, она сменила цвет на вишневый, и тут Карев понял, что это светился металл, в который попал выстрел лазера Гвинни. При мысли о том, что ждало бы его, не отскочи он в сторону, лоб его покрылся потом.

Внизу появилась точка белого света, потанцевала по металлическим стенам и погасла. Карев лежал без движения, оценивая свои шансы. В отличие от него, у Гвинни было оружие, к тому же дьявольски действенное — лазер, но чтобы прицелиться, ему сначала требовалось осветить цель рассеянным светом. Делая это, он выдавал себя, и это было неудобство. Он сам, имея такой лазер, чувствовал бы себя относительно безопасно. Снова вспыхнул фонарь, света в другом направлении, и Карев сильнее прижался лицом к металлической решетке помоста.

Ползущие секунды заставили его сделать вывод, что если он будет неподвижно лежать и ждать, пока его обнаружат, то не переживет этой ночи. Несколько раз он отгонял мысль атаковать Гвинни, но она возвращалась с тупым упрямством, почти таким же грозным, как лазер. Наконец он оторвал лицо от металлического пола и обнаружил, что внизу виден слабый узор потолочных окон. Для проверки он осмотрелся вокруг. Сквозь стекла над его головой сочился бледно-зеленый свет, который он заметил, только когда глаза его привыкли к темноте. Постепенно он стал различать сложные контуры машин и башен, соединенные со слабо заметными контурами помостов, поручней, кранов и изогнутых труб. Может, в башнях есть что-то, что можно использовать как оружие?

Он подождал очередной вспышки света внизу. Она вспыхнула ближе, и он использовал ее рассеянный свет, чтобы заглянуть в находящийся рядом контейнер. Он был метра два глубиной, и до половины заполнен какими-то блестящими пузырями размером с кулак. Он видел их, мерцающие, как блестящие звезды, даже после того, как погас свет фонаря. Пока он смотрел на них, из глубины памяти выплыли слова Гвинни «компания с названием «Идеально Гладкие Подшипники». Подшипники! Пузыри внизу были шарами из литого металла.

Охваченный надеждой, он придвинулся ближе к краю контейнера. Такой шар размером с апельсин был бы неплохим оружием. Левой рукой он ухватился за поручень, а правую опустил вниз, коснувшись холодных шаров. Он сжал пальцы на одном из них, но он тут же выскочил из

руки. Карев попытался еще раз, хватая сильнее, но шар выскользнул снова. От столкновения с другими шарами раздался резкий треск, и снизу сразу же выстрелил свет фонаря, обрисовывая поручень над ним зеленым полусветом.

Карев, наконец, понял, что совершил ошибку. Шары, которые он хотел использовать как оружие, не были обычными металлическими шарами. Традиционные подшипники были вытеснены десятки лет назад новыми, с поверхностью такой гладкой, что она вообще не испытывала трения. Если ничто не поддерживало такой шар с боков, то при нажиме он выскакивал из руки, как косточка. Подшипники эти нашли широкое применение в технике, но совершенно не годились в качестве метательного оружия. А ничем другим он не располагал.

Затаив дыхание, Карев сунул пальцы под другой шар, сжал их в виде корзинки и поднял вверх. Когда его ладонь оказалась на уровне лица, пришлось изменить положение тела, и тяжелый шар выпрыгнул как живой, спеша к своим собратьям. В башне зазвенело, и тут же рубиновый луч лазера рассек поручень, осыпав спину Карева раскаленными до бела капельками металла. Карев сжал зубы и возобновил свои попытки. На этот раз ему удалось поднять шар одним непрерывным движением как раз в тот момент, когда на вершине лестницы появился Гвинни. Карев стал отводить руку с шаром в сторону и застонал от отчаяния, когда он выскользнул из руки на помост и покатился легко и пружинисто.

Удивленный Гвинни направил свет на шар, который катился в его сторону, явно набирая скорость. Карев бросился следом. Какое-то мгновение ослепляющий свет фонаря бил ему в лицо, затем он рухнул на Гвинни. Он попытался его повалить, но низенький детектив сопротивлялся с отчаянной силой, и они заметались от одного поручня к другому по всей длине помоста. Карев стонал от страха, видя, что Гвинни не выпускает лазера. Он почувствовал, что противник старается направить оружие на него, и тут все его мышцы как будто взорвались слепой энергией.

Они вместе перелетели через поручень и рухнули вниз в один из контейнеров. На мгновение Кареву показалось, что он погружается в холодную воду, но потом он понял, что оказался в башне, заполненной маленькими шариками для подшипников. Не признающие трения маленькие металлические шарики оказывали меньшее, чем вода, сопротивление, и он сразу опустилсся на дно. Шарики атаковали

его губы, как рой разъяренных насекомых. Он чувствовал, как они постукивают о его зубы и струей вливаются в желудок — металлические грызуны, стремящиеся под влиянием силы тяжести в самую низкую точку контейнера. Им было наплевать, что доступными для них контейнерами были в эту минуту его желудок и легкие.

Закрыв рот, он с трудом выпрямился и высунул голову наружу. Выплюнул шарики изо рта, но губы его были у самой поверхности, и новая волна залила его подбородок, наполнив рот металлическим роем. Попытка выплюнуть его могла закончиться очередным наплывом шариков. Он спазматически проглотил их со слюной и, дыша сквозь сжатые зубы, добрался до стены башни. Недалеко тянулся поручень. Карев ухватился за него, подтянулся, вылез на помост, лег и его вырвало. Только избавившись от дьявольских шариков, попавших в желудок, он вспомнил о Гвинни. Детектив, едва достававший ему до плеча, не мог выставить голову над поверхностью шариков. Карев заглянул в башню, но там все было неподвижно.

Гвинни или... он поискал подходящее слово,— утонул или лежал живой на дне контейнера. Мысль сознательно погрузить голову в серебристую «жидкость» наполнила Карева ужасом, однако не исключено, что детектив мог жить еще долгое время, дыша воздухом, проходящим между шариками. Карев перебросил ногу через край контейнера, и в этот момент внутри произошла перемена. Ровная поблескивающая поверхность осветилась изнутри пурпурным светом. Это выглядело так, словно миллионы стальных шариков превратились в рубины, освещенные на мгновение лучами солнца.

Свет вдруг погас, и Карев, опускавшийся в башню, замер в неподвижности. Гвинни нажал на спуск лазера, это было ясно. Но сознательно или случайно? Центр контейнера снова засветился, на этот раз в одной точке, приобретая цвет раскаленного металла. Карев почувствовал на лице жар, а затем уловил запах разогретой стали и чего-то еще.

Кашляя и задыхаясь, он подполз к узкой лестнице, ведущей вниз, и, только спустившись, почувствовал, что в брюках и туфлях полно шариков, мешающих при ходьбе. Он сел, снял туфли и высыпал из них стальные шарики, рассеянно слушая, как они катятся по незаметным уклонам пола. Гвинни умер!!! Из миллиона завтра, которые, по мнению Османа, принадлежали каждому человеку, у него не осталось ничего! Ничего! Он перестал быть человеком,

детективом, врагом. Печаль и удивление, которые испытывает бессмертный, столкнувшийся со смертью, мешали Кареву дышать. Он покачал головой, бросая горькие проклятия в равнодушную темноту, затем пришел в себя и решительно принялся вытряхивать оставшиеся шарики. Для этого пришлось снять всю одежду и вывернуть ее наизнанку. Занимаясь этим, он обнаружил шарики под языком и в глубине носа, и поэтому фыркал и плевался, а потом почувствовал что-то странное в глазах. Когда он нажал на веки, из глазниц выскочили шарики и скатились по щекам.

Прошло десять минут, прежде чем он оделся и добрался до двери, через которую они с Гвинни вошли в здание фабрики. Он подошел к болиду детектива, но вспомнил, что ключа от стартера нет, и пошел пешком по стерильно чистым улицам, пытаясь вспомнить трассу, по которой они сюда приехали. События этой ночи парализовали его разум, но несколько выводов напрашивались сами собой.

Известие, что Афины выследили в Айдахо-Фоллс, было сфабриковано, это была старательно подготовленная ловушка, чтобы выманить его из дома и организовать его «исчезновение». Поскольку Гвинни нанял Баренбойм, напрашивался вывод, что председатель «Фармы» одарил Карева новым видом бессмертия, а потом устроил серию покушений на его жизнь. Только почему? По какой причине?

Потом ему в голову пришла новая мысль, когда он отодвинул анализ мотивов поступков Баренбойма на второй план. Если Баренбойм хотел его убить, то вся история о махинациях конкурирующей фармацевтической фирмы была высосана из пальца, а это означало, что Афины может уже не быть в живых. Но, если она жива, только Баренбойм знает, где ее искать.

Глава 14

Полицейское отделение тонуло во вселенском мраке. Карева, почерпнувшего свои знания о действиях полиции из случайных программ тривизии, это весьма удивило. Он знал, что в упорядоченном бабьем обществе преступления совершались относительно редко, но ему и в голову не приходило, что полиция работает лишь в обычное рабочее время. После долгих поисков, приведших его сюда, у него горели ступни, да и грудная клетка давала о себе знать. Его мучила мысль, что несколько шариков попали в легкие, но

он пытался не думать о возможных операциях. Подумать об этом еще будет время.

Он поднялся по лестнице к темному проходу в отделение и заколотил в дверь. Удары кулака по усиленному пластику звучали удивительно тихо. Когда он наконец отвернулся от двери, то заметил в углу крыльца экран виде-офона. Под ним был городской код и надпись: «В случае экстренных событий после окончания работы звонить по этому номеру». Не слишком этим обрадованный, он набрал номер и стал ждать, пока экран оживет. Сначала он расцвел красками, затем на нем появилось лицо мужчины с мрачным взглядом, одетого в серый полицейский мундир.

— В чем дело?— сонно спросил полицейский.

Карев ответил не сразу, думая, с чего начать.

— У меня похитили жену, а один из людей, сделавших это, погиб,— сказал он.

— Правда?— спросил полицейский, как будто это не произвело на него никакого впечатления.— Предупреждаю, что аппарат, перед которым вы стоите, автоматически регистрирует узор сетчатки глаза, что позволяет нам находить и передавать суду лгунов.

— Я похож на такого?

Полицейский разглядывал его.

— Где и когда это, по-вашему, произошло?— спросил он.

— Слушайте, вы,— гневно сказал Карев.— Я сообщаю о серьезном преступлении и не собираюсь по этой причине провести в **сю** ночь на вашем паршивом крыльце.

— Если вы не сообщите нам подробности, мы мало что сможем сделать.

— Хорошо. Жену похитили три дня назад в Три-Спрингс, к северу отсюда, а человек этот погиб сегодня вечером, здесь, в Айдахо-Фоллс, на фабрике подшипников.

Полицейский вытаращил глаза.

— Вы были сегодня на этой фабрике?

— Да, но...

— Как вас зовут?

— Вильям Карев. Вы могли бы объяснить, что необычного в том, что...

— Никуда не уходите оттуда, мистер Карев. Помните, что у нас есть узор вашей сетчатки.

Аппарат погас, и Карев остался наедине с хаосом в раскалывающейся голове. Он сел на самую нижнюю ступеньку и оглядел пустую незнакомую улицу. Его вытатуиро-

ванные на запястье часы показывали, что пошел всего лишь третий час ночи.

Открывая сумку, чтобы поискать сигарету, он услышал рокот геликоптера. Решив, что это означает прибытие полиции, он поднялся и взглянул вверх, но машина была слишком велика для таких целей. Она летела над городом на малой высоте, разрывая винтами ночной воздух и сотрясая землю. Вдоль ее корпуса сверкали голубые огоньки, заставившие Карева задрожать от внезапного предчувствия. Он посмотрел на юг, откуда пришел, и увидел на горизонте красное зарево. Не было сомнений, что геликоптер, в котором он узнал пожарную машину, летит именно туда. Дьявольский жар, вызванный Гвинни, вероятно, поджег стены башни, и раскаленные докрасна шарики раскатились по всей фабрике. Впрочем, возможно, детектив заранее установил поджигающее устройство, чтобы скрыть следы преступления.

Когда почти бесшумно перед ним остановилась полицейская машина, Карев все еще вглядывался в зарево на юге. Из машины вышел высокий худощавый исправный лет сорока. У него было вытянутое, землистое лицо и серые глаза, которые грозно смотрели на Карева поверх удивительно красного носа.

— Префект Маккелви,— буркнул полицейский, прыжками поднимаясь по лестнице, чтобы открыть дверь отделения.— Вас зовут Карев?

— Да. Все началось с исчезновения...

— Пока ничего не говорите,— прервал его Маккелви. Он вошел в помещение, зажег свет, сел за стол и кивнул Кареву, приглашая занять стул напротив.— Хочу предупредить, что наш разговор записывается.

— Это хорошо,— ответил Карев, напрасно ища взглядом микрофон или камеру.— Я должен многое рассказать и хочу, чтобы это было записано.

Лицо Маккелви вытянулось.

— В таком случае начнем... Вы признаете, что были сегодня на фабрике подшипников?

— Да, но...

— В какое именно время?

— Я вышел около часа назад, примерно в четверть второго, а был там около двадцати минут, но дело не в этом. Я здесь, чтобы сообщить об исчезновении моей жены.

— А я веду дело о возможном поджоге,— парировал Маккелви.

— Очень жаль,— решительно сказал Карев,— ибо я не буду говорить о мелочах, вроде этого пожара, пока вы не сделаете что-нибудь в деле моей жены.

Маккелви вздохнул и стал разглядывать свои ногти.

— Вы говорите о своей жене,— неохотно начал он.— Это было...

— Супружество «один на один»,— продолжил Карев. Он заметил, что префект обратил внимание на его лишенное щетины лицо, но понял вдруг, что его больше не заботит, примут его люди за исправного или остывшего.— Она не ушла от меня, потому что я бессмертен, ее кто-то похитил.

— Вы догадываетесь, почему?

— Да.— Карев глубоко вздохнул и мстительно подумал: «Надеюсь, что это обойдется Баренбойму в миллиард!»— Фирма, на которой я работаю, изобрела новый вид биостата, который оставляет мужчину мужчиной.

— Что, что?

— Препарат этот называется «Фарма Е.80», и я первый, на ком его опробовали,— объяснил Карев. Он решил не упоминать о деталях разрыва с Афиной и о своих безумствах после этого.— После этого моя жена забеременела, отчего стала интересовать некоторых людей.

— Минутку,— оживленно прервал его Маккелви.— Вы отдаете себе отчет, о чем говорите?

— В полной мере.

Маккелви вытащил ящик стола и некоторое время разглядывал что-то внутри.

— Вы не лжете,— удивленно признал он.— Пожалуй-ста, дальше, мистер Карев.

Карев описал ему все, включая покушение на его жизнь в Африке, подтверждающее сообщение от Шторха, представление Баренбоймом Гвинни и то, как погиб детектив. Префект то и дело поглядывал на аппарат, скрытый в столе, и согласно кивал головой.

— Удивительная история,— сказал он, когда Карев выдохся.— Полиграф время от времени показывал небольшие отклонения, но поскольку вы сейчас слишком возбуждены, я считаю, что от начала и до конца вы говорили правду.

— Спасибо. Что вы собираетесь делать?

— Дело в том, что ваш рассказ несет в себе противоречия. Зачем этому Баренбойму желать вашей смерти или похищать вашу жену?

— Откуда мне знать? Вам мало того, что я рассказал?

Это очевидно, что Баренбойм организовал покушение на мою жизнь.

— Это вовсе не так очевидно. Он мог нанять Гвинни, ничего не зная о заговоре.

— Но...

— Здесь в игру включаются огромные деньги и чье-то огромное влияние. Гвинни мог вовлечь в заговор кто-то другой,— сказал Маккелви и погладил свою щетину, отчетливо затрепавшую при этом.

— О, боже,— с горечью сказал Карев.— Теперь я понимаю, почему Баренбойм советовал мне не обращаться в полицию.

Маккелви пожал плечами.

— Нам нужно найти останки Гвинни. Они будут доказательством того, что он погиб, а если что-то осталось от лазера, это поможет доказать нам преступление.

— Долго это продлится?

— Судя по размерам пожара, два дня.

— Два дня! А что с моей женой?

Маккелви потянулся к выходу компьютера.

— Взгляните на это с моей стороны. Единственным доказательством похищения вашей жены является неподтвержденное заявление ее бабки, что якобы ей звонили вы. Я воспользуюсь следственной программой компьютера, и если она не даст результатов, скажем, до завтрашнего вечера, появится повод для дальнейшего хода поисков.

— Я не могу ждать так долго, до завтрашнего вечера меня могут убить,— заявил Карев.— А может, вы не верите, что кто-то пытается меня убить?

Маккелви изо всех сил старался сдерживаться.

— Мистер Карев,— сказал он,— я верю, что кто-то охотится на вас, но как префект полиции могу действовать только на основании явных доказательств. Дайте мне шанс их получить, хорошо?

Он включил вывод и заказал дела Гвинни, Баренбойма и корпорации «Фарма». Когда закончил, подошел к стенному автомату и вернулся с двумя чашками горячего часкофе.

— Спасибо,— машинально ответил Карев, глотнув горячий напиток.

Префект доверительно улыбнулся.

— Поскольку мы все равно ждем,— сказал он,— я позволю себе спросить: этот биостат действительно действует? Я имею в виду...

— Я знаю, что вы имеете в виду. Я по-прежнему исп-

равен, но, черт меня побери, не могу дать вам явных доказательств.

— Это необязательно, — ответил Маккелви, нервно посмеиваясь. — Знаете, в прошлом году я едва не закрепился. Подумать только... — Выход компьютера зазвенел и выплюнул перфокарту. Маккелви сунул ее в считывающее устройство. — Это наши документы о корпорации «Фарма», — объяснил он. Манипулируя регуляторами, он некоторое время изучал содержание перфокарты, все сильнее хмурясь.

— Что-то не так? — спросил Карев.

— Не знаю. Вы не говорили, что вашей фирме не хватает наличных.

— Это невозможно. Я бы знал об этом, поскольку работаю бухгалтером.

— Здесь написано черным по белому, — упирался Маккелви. — Согласно этим документам, доходы «Фармы» падают уже три года, а потери оборота, ожидаемые на этот год, превышают восемь миллионов новых долларов.

— Вы неправильно интерпретируете, — заверил его Карев. — Дайте мне посмотреть перфокарту.

Префект заколебался.

— Информация, полученная из секретной компьютерной сети, служит только для полиции, но, с другой стороны, придя сюда, вы оказали нам услугу... — Он испытующе посмотрел на Карева и протянул ему аппарат.

Карев просмотрел текст, и его охватило ощущение нереальности, ибо он убедился, что префект не ошибся.

Материал, который он внимательно прочитал, содержал краткий анализ финансовой структуры «Фармы», отдел за отделом. Похоже было, что его отдел — биопоззы и еще один с трудом закроют баланс текущего года без потерь, зато все другие направлялись прямым путем к банкротству. Он быстро пробежал взглядом колонки на стороне «дебет», пытаясь охватить финансовые дела «Фармы», когда его внимание привлекла одна позиция: «Капвложения, содержание и амортизация лаборатории в Друмхеллере — 1.650.000,00 новых долларов». Проверив баланс предыдущего года, он нашел в том же разделе меньшие суммы, но никаких упоминаний годом раньше. На стороне «кредит» не было упоминания о лаборатории в Друмхеллере. Он покрутил верньеры, копаясь в секретах, упрятанных в зашифрованных частичках компьютерной карты, но Маккелви вырвал аппарат у него из рук.

— Довольно, — буркнул он. — Что вы искали?

— Ничего. Просто меня пленяют цифры.

Он решил запомнить информацию, что Баренбойм вложил два миллиона новых долларов в лабораторию, которая не заработала ни цента, чтобы оправдать затраты на свое сооружение. Это были интересные сведения, но настоящая сенсация заключалась в том, что само существование лаборатории держалось в тайне от самых высокопоставленных работников «Фармы». Карев с холодным триумфом пришел к выводу, что знает, где ведется работа над производством E.80.

Это означало и то, что он знает, где искать Афины.

Глава 15

Уже светало, когда он наконец покинул отделение полиции. Вспомнив указания Маккелви, он поехал на общественном болиде прямо в Три-Спрингс и пошел за покупками. Догадываясь, что префект пустил за ним следственную программу компьютера, он купил немного продуктов в кредит. Дав таким образом знать, что находится в своем районе, он приступил к более серьезным покупкам, которые должен был сделать за наличные.

Огнестрельное оружие на Американском континенте нельзя было свободно купить уже более века — в бабьем обществе оно было лишним, — однако он не собирался брать крепость Баренбойма голыми руками. Обойдя несколько магазинов, он наконец нашел один, специализирующийся на кемпинговом снаряжении, и купил в нем традиционный трапперский нож, легкий топорик и кожаный мешок. Получив покупки, он поехал домой на такси и снова расплатился кредитной карточкой, чтобы показать Маккелви, что вернулся домой.

В доме за время его отсутствия ничего не изменилось — царила та же унылая тишина... а на видеофоне не было никаких сообщений. Он съел легкий завтрак, затем упаковал нож и топорик в мешок. Подумав, добавил к ним несколько вафель и бинокль. Еще не прошло утро, а до лаборатории в Друмхеллере было всего два часа езды, поэтому можно было поспать. Он лег на диван, думая, не слишком ли оптимистично решил, что заснет, раз голова полна мыслями о...

Разбудил его свет послеполюденного солнца, падавший

на лицо. Слегка дрожа, он подошел к видеофону и получил из его банка памяти код магистрата в Друмхеллере. Набрал номер, заказал разговор с конторой промышленного инспектора. Спустя несколько секунд, на экране появилась голова полного, молодого исправного.

— Вилл Карев, финансовый инспектор корпорации «Фарма»,— представился Карев.— Как ваше имя?

— Спинетти,— ответил молодой человек, обиженный его тоном.

— Так вот, мистер Спинетти, у меня для вас плохие новости. Одна из машин, за которыми вы, кажется, наблюдаете, прислала нам совершенно бессмысленные расчеты, касающиеся нашей собственности в Друмхеллере. Мой хозяин уже теряет терпение и поручил мне, чтобы...

— Минуточку,— прервал его Спинетти, покраснев.— Может, вы сначала уточните, прежде чем начнете ругаться? Насколько мне известно, у «Фармы» нет никакой собственности в этом районе.

— Неужели вам все нужно объяснять, как ребенку? Я работаю у Хирона Баренбойма. Это вам что-нибудь говорит?

— О!— Спинетти обеспокоенно замигал.— Химическая лаборатория на двенадцатом километре.

— Кажется на тринадцатом.

— На двенадцатом, по Третьему Радиалу.— Спинетти скрипнул зубами.— Хотите приехать и померить лично?

— Чтобы это было в последний раз,— предупредил его Карев и прервал соединение, надеясь, что не выпустил у Спинетти слишком много желчи. Он взял мешок, вышел к стоявшему перед домом болиду и поехал на север.

Прикрытое тучами солнце над горизонтом, когда Карев добрался до Друмхеллера и, считая километры, промчался от центра города по Третьему Радиалу. Сейчас, когда он оказался перед перспективой вломиться в, скорее всего, охраняемую лабораторию, она смущала его больше, чем он предполагал. Прежнее убеждение, что он нашел место заключения Афины, вдруг ослабело и почти совсем исчезло, когда он остановил болид на мрачной дороге. Редкие здания пригорода остались позади несколько минут назад, а здесь, на двенадцатом километре, стояло только два здания, похожих на кинодекорации на фоне сухих лугов. Одно из них наверняка было складом, а другое — длинным многоэтажным строением, стоящим на небольшом пригорке. От дороги к воротам в металлическом заборе, окружав-

шем здание, тянулась узкая полоса утрамбованной земли. Карев искал взглядом следы жизни, но лаборатория, красновато поблескивающая в лучах заходящего солнца, с таким же успехом могла оказаться останками древней цивилизации, когда-то существовавшей здесь.

Он поехал дальше по дороге, пока не оказался вне поля зрения возможного наблюдателя. Глядящего из верхнего окна он не мог видеть, а его самого закрывал холм. Карев заглушил двигатель. Не обращая внимания на любопытные взгляды из проезжающих машин, он сел поудобнее и стал ждать, пока потемнеет небо, видимое сквозь кораллово-розовую сетку конденсационных полос. Когда он начал подниматься по склону холма, воздух был холодным, а ветерок ощупывал его тело невидимыми пальцами. Подойдя ближе, он обрадовался, что из верхних окон падает свет, и в то же время отметил, насколько открыты подступы к зданию. Он мог рассчитывать только на то, что Баренбойм заботился о безопасности не до такой степени, чтобы установить тепловые датчики или инфракрасные теледетекторы.

Чувство, что его видно со всех сторон, росло в нем до тех пор, пока он не оказался в тени забора, имеющего, как выяснилось, более трех метров высоты. Изучив его вблизи, он определил, что это гладкая металлическая конструкция без единой заклепки, на головку которой можно было бы поставить ногу. Чтобы убедиться, что не достанет до верха пальцами, он подпрыгнул, а затем пошел вдоль забора, обогнул лабораторию сзади и наконец добрался до ворот. Стена была монолитной по всей длине и перебраться через нее не было возможности, а закрытые ворота выглядели не менее неприступно. Он взглянул туда, где, как рассыпанные огоньки, светили огни Друмхеллера. Вилл Карев, командос-любитель, остановился перед первой преградой из жести, которую, вероятно, можно разрезать домашним консервным ножом...

Воодушевленный этой мыслью, он вынул из мешка топорик и подошел к стене, максимально удаленной от дороги. Недалеко от угла забора он замахнулся топориком, который вошел в светло-серый металл удивительно легко и тихо. Он выждал пять минут на некотором удалении, но за стеной было тихо, поэтому он вернулся и атаковал ее точными, вымеренными ударами. За несколько минут он вырубил метровый кусок в форме перевернутого «V», который затем отогнул к земле. За пустым пространством, в кото-

ром размещались опоры стен, находилась очередная стена из жести. Справиться с ней оказалось труднее, поскольку он не мог как следует размахнуться, но в конце концов он одолел и ее. Слегка отогнув вырубленный кусок на себя, он выглянул в образовавшуюся щель и заметил слабо освещенное забетонированное пространство, ограниченное стеной лаборатории. Насколько он мог понять, никто не обратил на него внимания.

С топориком в руке и с тяжелым ножом за поясом он протиснулся сквозь отверстие. Треугольный кусок жести удалось легко вернуть на место, чтобы отверстие меньше бросалось в глаза. Пока Карев занимался этим, внезапно вспыхнул свет, бросив на стену его тень. Он повернулся с поднятым топором и заметил фары машины, вероятно, въехавшей в ворота. Их свет, отражающийся и передвигающийся по узкой полосе между забором и лабораторией, казалось, заполнял весь мир. Карев был уверен, что водитель его заметил, иначе быть не могло, но машина повернула и проехала дальше, пока не исчезла по другую сторону здания.

Неужели произошло чудо? А может водитель был настолько хитер, что не показал вида, что его заметил? Карев сунул топор сзади за пояс и подбежал к ближайшей стене лаборатории. Ухватившись за желоб, он подтянулся, подгоняемый страхом. Над стеной нависал карниз плоской крыши, а, когда Карев выбирался на нее, топорик перекосялся и упал вниз, громко звякнув при встрече с бетоном. Карев распластался на крыше и тут заметил, что ту ее часть, на которой он лежит, видно из окон второго этажа. Он бросился бежать, пересек крышу и присел в углу, нагнув голову чуть ниже окон. Через пять минут он поверил, что его присутствия никто не заметил. С новым приливом оптимизма, который прежде заставил его прийти сюда, он огляделся вокруг.

С этой высоты он видел прерию за забором, которая тянулась на север, исчезая в серых складках местности,— оттуда ему ничто не угрожало. В одном из окон над его головой горел свет. О подполз к нему, встал и заглянул в него. В маленькой комнатке, где не было почти никакой мебели, на раскладушке лежала темноволосая женщина. Несмотря на то, что она лежала спиной к окну, он сразу же узнал мягкую округлость ее бедер.

Это была Афина!

Карев постучал в окно и замер, слишком поздно поду-

мав, что в невидимом углу комнаты может быть еще кто-то. Афина приподняла голову и тут же спокойно опустила ее. С бьющимся сердцем Карев выждал несколько секунд и постучал снова, наблюдая за реакцией Афины. Она подняла голову, села и посмотрела в его сторону. От удивления глаза ее широко раскрылись, и она бросилась к окну, прижимая руки к стеклу. При виде ее беззвучно шевелящихся губ Карева охватила неудержимая радость, если бы только удалось вызволить Афины из комнаты, они перебрались бы через забор и удрали в прерию.

Он вынул из-за пояса нож, схватил его за лезвие и ударил рукояткой по стеклу. Удар, от которого у него заболело запястье, прозвучал неожиданно громко, но стекло даже не треснуло. Он повторил попытку, но на этот раз нож едва не выпал из его одеревеневшей ладони. Афина прижала дрожащие пальцы к губам и оглянулась на дверь комнаты. Смущенный крепостью стекла, Карев положил нож за пазуху и потянулся за топориком, но тут же вспомнил, что тот упал на землю. Неопределенно махнув Афине рукой, он подбежал к навесу и свесил ноги вниз. Найти желоб ему не удалось, но нельзя было терять время, и он прыгнул, махая руками и ногами, чтобы не потерять равновесие. Приземлился он тяжело и тут же начал на ощупь искать топорик. Желоб, по которому он поднимался, находился почти в метре от него, но топорика не было и следа. Проклиная выходки неодушевленных предметов, он расширил круг поисков.

— Он здесь, Вилли,— сказал вдруг холодный, ироничный голос, которым мог говорить только двухсотлетний бессмертный.

Покачиваясь и тяжело дыша, Карев вскочил на ноги и взгляделся в темноту.

Тучный, модно одетый Баренбойм выглядел абсурдно на фоне мрачного забора. Он внимательно следил за Каревым, а в правой руке держал фонарь особым способом, не оставляющим сомнений, что это оружие.

— Баренбойм,— сказал Карев.— Я чувствовал, что ты покажешься.

— Взаимно, мой дорогой,— ответил Баренбойм и махнул фонарем.— Входи.

— Минутку, я ушибся, прыгая с крыши.

Карев скривился и сунул руку за пазуху. Его пальцы сжали рукоятку ножа.

— Не нужно было силиться на героические подвиги, кото-

рые кончаются фатально,— процедил Баренбойм.— А теперь двигай.

— Почему ты не убьешь меня здесь? Слишком уж на виду?

Карев осторожно тащил нож, пока он не оказался у него в руке.

— Где именно ты расстанешься с этим миром, не так уж важно,— холодно ответил Баренбойм. Он зажег фонарь и осветил лицо Карева.

— Мои глаза!— простонал Карев, одновременно вытаскивая из-под туники нож. Баренбойм охнул, когда Карев используя свой единственный шанс, изо всех сил швырнул тяжелый клинок. Тот попал Баренбойму прямо в горло, по рукоятку, и старый остывший повалился на спину, не выпуская фонаря из рук. Карев бросился на него, прежде чем он успел направить в его сторону лазерный луч, схватил Баренбойма за правую руку, заставив выпустить фонарь, и ударил кулаком в живот раз, второй, третий...

Он пришел в себя, заметив, что для того, чтобы проползать бить Баренбойма, ему нужно поддерживать его. Тогда он отпустил его, а когда тот упал, отступил, поняв вдруг, что делал все, чтобы убить его. Видя, что нож попал не тем концом, он почувствовал сожаление и гнев. Ему казалось, что он должен быть более потрясен, но страсть к самоанализу покинула его где-то на трассе долгого путешествия через Нувель Анверс и Айдахо-Фоллс в Друмхеллер.

Он присел рядом с лежавшим без сознания Баренбоймом, поднял фонарь, а затем открыл его сумку и вынул оттуда все ключи. Потом побежал по узкой бетонной дорожке ко входу в лабораторию. На площадке перед входом стояла машина, наверняка та, на которой приехал Баренбойм, а ворота были открыты. Карев подбежал к двери здания, но оказалось, что она заперта. Напрашивался вывод, что кроме Афины внутри никого нет. Он опробовал несколько ключей, прежде чем отомкнул дверь. В холле не было ни души, но он заколебался перед входом, не уверенный, что в лаборатории у Баренбойма не было никаких помощников.

Карев осмотрел горевший все это время фонарь. Передвигая выключатель назад, его гасили, а подавая вперед — зажигали. Направив фонарь на землю, он передвинул выключатель еще дальше вперед, почувствовав пружинистое сопротивление, и в следующую секунду поверхность бетона закипела. Мгновение он уважительно смотрел на фонарь, а

затем вбежал в здание, уже не боясь, что наткнется на противника. По обе стороны холла находились лестницы, но к Афине скорее всего вела правая. Он прыжками поднялся по ней и побежал по коридору, тянувшемуся через все здание. В противоположном его конце он обнаружил другой, поперечный коридор с шестью дверями в дальней стене. Прикинув, в какой комнате может быть Афина, он нажал ручку. Дверь не поддавалась, но он чувствовал за ней ее присутствие.

— Афина!— крикнул он.

— Вилл!— ответила она слабым голосом.— Ох, Вилл, это правда ты?

— А кто же еще?— отозвался он. Четвертый из опробованных ключей открыл замок, и в ту же секунду Афина оказалась в его объятиях.— Тихо, тихо,— шептал он, пытаясь успокоить ее дрожащее тело с помощью силы, которую обнаружил в своем.

— Вилл,— сказала она, отодвигаясь на шаг,— нужно бежать отсюда. Ты даже не представляешь, какие на самом деле эти двое...

Она вглядывалась в него широко раскрытыми глазами. У него перехватило горло, когда он увидел, что левое веко у нее почти совсем закрылось, что, как он хорошо знал, означало сильное волнение.

— Затем я и пришел, дорогая. Пойдем.

Он схватил ее за руку, и они побежали. Ему казалось, что его несет мощный ветер, он чувствовал, что ступни едва касаются пола. Спустившись вниз по лестнице, они выскочили на свежий ночной воздух.

— Пойдем к машине Баренбойма,— коротко объявил он.

Они забрались в машину и закрыли двери. Несколько секунд он один за другим пробовал несколько ключей, наконец один из них подошел. Турбина завелась мгновенно. Не включая фар, он резко развернулся на площадке и как ракета вылетел через открытые ворота. Прямо на него из темноты надвинулось что-то большое. В последнюю секунду он понял, что это едущий навстречу автомобиль, а потом они столкнулись. Карев почувствовал, что его машина встала на дыбы, и на мгновение подумал, что она переедет через вторую машину с обтекаемыми формами. Мир вдруг перекосялся, Афина крикнула, и ее голос утонул в оглушительном грохоте, с которым автомобиль врезался в склон холма.

Амортизирующие баллоны, выросшие на приборной до-

ске под давлением газа, спасли Карева жизнь, но когда, сидя под их давлением, он поднял голову и увидел торжествующее лицо Плита, то пожалел, что не погиб.

Глава 16

— Прежде, чем они выйдут, заberi мой фонарь,— прохрипел Баренбойм, все время держась за живот.— Наш молодой друг забрал его, прежде чем удрал.

Плит кивнул и сунул руку между пластиковыми стенками баллонов. Он шарил до тех пор, пока не нашел фонарь, и забрал его, довольно изогнув тонкие губы.

— Нам не повезло, я никак не ожидал, что подопытные кролики могут быть такими опасными,— сказал Баренбойм, беря фонарь.— С дороги могли заметить этот карамболь?

Плит покачал головой.

— Пожалуй, нет. Обе машины ехали без света.

— Тогда еще ничего.

Баренбойм обошел свою машину, критически осматривая ее. Карев чувствовал, что Афина шевелится рядом с ним, реагируя на осмотр Баренбойма, как железные опилки на магнит. Он попытался дотронуться до нее рукой.

— Разбито управление,— сказал Баренбойм, останавливаясь около Плита.— У тебя есть трос, чтобы затащить машину на территорию лаборатории?

— В складе должен быть какой-нибудь трос.

— Верно! Займись этим, а я провожу наших гостей обратно.

Баренбойм нажал выпускной клапан сбоку машины, и из баллонов с шипением начал выходить газ, а их оболочки все больше и больше сжимались. Получив свободу движений, Карев вылез из машины и помог Афине выбраться. Дверь с ее стороны так погнулась, что открыть ее было невозможно. Держась подальше от Карева, с фонарем наготове, Баренбойм махнул рукой в направлении лаборатории. Карев пожал плечами, обнял Афины, и они пошли. В холле они направились к правой лестнице.

— Не туда,— сказал Баренбойм,— идите в подвал,— и он указал на дверь под лестницей.

Карев открыл дверь и помог Афине спуститься в большой подвал, оборудованный, как лаборатория высоких температур. Центр ее занимало устройство, которое Карев

мысленно назвал электронной печью. Его окружали телемикроскопы, автоматические руки и проекторы теплопоглощающих приборов.

— Вилл,— прошептала Афина,— не нужно было тебе приезжать сюда. Он нас убьет.

Карев даже не мог придумать какую-нибудь утешительную ложь.

— Похоже на то,— мрачно ответил он.

— А я думала, что из всех именно ты будешь... Ты не боишься?

— Скорее, я смертельно испуган.

Он жалел, что хотя бы частично не может объяснить ей свое открытие, что жить в страхе — а так всегда выглядела его жизнь — это почти то же, что умереть, однако скорее всего это прозвучало бы бессмысленно. А Афина, возможно, уже поняла его.

— Афина,— с отчаянием сказал он,— ты разочаровалась во мне?

— Нет, Вилл, нет.

Она закрыла ему рот ладонью, в глазах сверкнули слезы.

— Это уже слишком,— мрачно заявил Баренбойм.— Избавьте меня, пожалуйста, от сцены примирения.

— Очень жаль, Баренбойм,— процедил Карев,— что мне не удалось проткнуть тебя ножом насквозь. Впрочем, в некотором смысле, это не имеет значения. Понимаешь, тебя, собственно, уже нет, поэтому нет необходимости убивать.

Говоря это, он смотрел в глаза Баренбойма, и ему доставило хоть слабое, но удовольствие то, что он впервые установил контакт с хладнокровным мозгом своего противника. Теперь он уже знал, что с самого начала их знакомства Баренбойм использовал его с таким же равнодушием, с каким резал бы на куски экспериментальное животное. Он вдруг почувствовал себя старым, как будто прожил столько лет, сколько и Баренбойм.

Женские губы Баренбойма дрогнули, потом разошлись в улыбке.

— Ты очень верно заметил, Вилли,— сказал он.— Очень проницательно.

Держа фонарь направленным на Карева, он подошел к пульту управления в стене и включил несколько рубильников. Восемь электронных пушек вокруг печи засветились светло-красным светом, который слегка потускнел, когда проекторы теплопоглотителей образовали перегородки от

потолка до пола. Созданные ими магнитные поля были колоссально усиленными версиями тонких экранов, служащих для управления погодой, а их задача заключалась в том, чтобы удерживать дьявольский солнечный жар, создаваемый в центре электронной печи. Зарешеченные вытяжки в потолке над печью отводили избыток тепла в систему отопления всего здания.

— Ты опоздал,— сказал Карев, чувствуя, как Афина прижимает лицо к его плечу.— Я уже был в полиции и рассказал им все, что знаю о тебе.

— Значит немногое,— заметил Баренбойм, вращая микрометрические линзы.

— Они знают, что ты подослал ко мне убийц в Африке и в Айдахо-Фоллс.

— Вношу поправку, Вилли. Они знают только, что кто-то хотел убить тебя. Поскольку Гвинни вышел из игры, никакой связи со мной доказать не удастся. Да и зачем бы мне тебя убивать?

— Из-за денег,— ответил Карев.— Они знают, что корпорация «Фарма» идет прямо к банкротству.

На мгновение Баренбойм нахмурился.

— Знаешь, Вилли, пожалуй, я ошибся, выбирая тебя. Не знаю, как тебе удалось справиться с Гвинни, кроме того, ты все время проявлял неожиданную неуступчивость, но как ты объяснишь, каким образом, убив тебя, я могу избавиться от финансовых затруднений, если бы вообще их имел.

— Я считал, что это ты объяснишь мне.

— Считал, да просчитался!— сделав последнюю поправку на пульте и отойдя от него, Баренбойм вновь обрел прежнюю жизнерадостность.— Насколько я знаю, обычно в этом месте тривизийных детективов мерзавец дает детальные объяснения, но я, чтобы показать, насколько бесчеловечен, нарушу правила игры. Как тебе нравится этот мстительный жест?

— Совсем неплохо,— признал Карев, незаметно перенося тяжесть тела на другую ногу. Когда они впервые встретились перед зданием, реакция Баренбойма показалась ему слегка замедленной, поэтому единственный шанс на спасение он видел в неожиданном броске на него и захвате фонаря.— Однако мне интересно, что склонило тебя к этому. Ты гордишься отсутствием человеческих чувств, значит, тебя толкнуло на это мое упоминание о твоей бездарности в делах, так?

— Бездарность?!— с искренним гневом воскликнул Баренбойм.

— А как еще это назвать?— Карев слегка отодвинулся от Афины.— Когда человек с двухсотлетним опытом доводит до краха такое предприятие, как «Фарма»...

— «Фарма»!— фыркнул Баренбойм.— «Фарма» это мелочь, Вилли. Через несколько часов я сам заработаю для себя миллиард долларов. И это, по-твоему, бездарность?

— Но ведь...— От напряжения, с которым он поддерживал этот искусственный разговор, у Карева вспотел лоб. Двигаясь, как можно незаметнее, он отодвинулся от Афины на шаг.— Не понимаю...

— Конечно, не понимаешь. Ты не понял даже того, что Е.80, чудесный биостат, который ты ввел себе под кожу, это от начала до конца мистификация. До тебя не дошло, что я вас обманул, Вилли. Тебя и твою жену.

— Обманул?— Карев взглянул на Афины, лицо которой побелело так, что стало почти прозрачным.— Но ведь...

— Я выдумал эту историю с Е.80, Вилли. И не держал ее в тайне, как ты воображал. Чтобы убедить некую евроазиатскую фирму, что это правда, я незаметно подsunул им некоторые данные. Промышленный шпионаж — это острейшее оружие, но обоюдоострое. Информация, которую они считали выкраденной, убедила их гораздо быстрее, чем...

— К дьяволу их,— оборвал его Карев, которого мучали дурные предчувствия.— Что ты сделал со мной и Афиной? Баренбойм холодно усмехнулся.

— Разумеется, Вилли, я забыл, что твое особое постоянство чувств нарушит твой взгляд на эту операцию.

Карев сделал шаг вперед, не обращая внимания на лазер.

— Что со мной и Афиной?— повторил он.

— Вы были подопытными кроликами. Чтобы доказать действенность Е.80, вы должны были произвести на свет потомство. Твой укол с Е.80 был обыкновенной водой, зато твоя жена получила нечто совершенно другое.

— Что именно?

— Ты не заметил никаких перемен в ее поведении после этого укола?

Карев мысленно вернулся к трем дням, проведенным у озера Оркней, к Афине, сжигаемой необыкновенным желанием, которое никак не могло возникнуть в нормальном организме.

— Вы дали ей...

— Очень дорогое возбуждающее средство. Но это было обязательно, чтобы твоя жена как можно скорее забеременела.— Баренбойм снова усмехнулся.— Да и ты при случае наверняка проявил себя.

Карев повернулся к жене.

— Афина, я хочу тебе...— слова застряли у него в горле.

— Все хорошо, Вилл.

Он шагнул к Баренбойму на негнувшихся ногах.

— Убей меня сейчас же,— прошептал он.— Убей, или...

Баренбойм пожал плечами и направил на него фонарь. Большой палец начал передвигать выключатель вперед.

— Стой!— крикнул с лестницы чей-то голос.— Что ты делаешь, Хирон? Это похоже на...

Через перила перегнулся Плит, глядя на Баренбойма возбужденными глазами.

— На что это похоже?

— На убийство, а на это я никогда не давал согласия.

Плит спустился по лестнице, золотая висюлька в виде сигары, болталась на его груди, и двинулся к ним через лабораторию. Разум Карева, замерший и как бы скованный льдом, уловил странную деталь разыгрывающейся сцены: Афина отступала перед Плитом — человеком, который торговался за ее жизнь.

— Успокойся, Мэнни,— утомленно сказал Баренбойм.— Я считал тебя реалистом.

— Я сказал: без убийств!

— Мэнни, уже через несколько часов мы получим миллиард новых долларов.— Баренбойм по-прежнему целился Кареву в грудь.— В обмен на этот миллиард мы отдадим химическую формулу, не стоящую совершенно ничего. Когда наши клиенты обнаружат правду, они разозлятся. Надеюсь, я выражаюсь достаточно ясно?

— Я никогда не давал согласия на убийство.

Дальнейшее Баренбойм объяснял с оскорбительной мелочной детальностью.

— Предвидя гнев наших клиентов, а затем и вполне естественную жажду мести, мы с тобой подготовили свое исчезновение. Чтобы это удалось — даже при маскирующей операции, подготовка которой заняла у меня весь прошлый год,— мы должны иметь несколько дней форы. Как далеко, по-твоему, мы сможем уйти в современном мире, если наши знакомые поднимут шум?

— Мы могли бы связать их и накачать наркотиками.

— Верно, но кто-то другой мог бы их развязать и отрезать. Ты знаешь, что Вилли уже был в полиции?

Плит повернул свое пластиковое гладкое лицо к Кареву.

— Но зачем?— спросил он.

— Поскольку твой сообщник,— объяснил Карев, произнося последнее слово с нажимом,— за последние дни много раз пытался меня убить. Ты ввязался в паршивую историю, Плит.

— Совершенно верно,— оживленно согласился Барнбойм.— Даже Вилли понимает, что слишком поздно испытывать угрызения совести. Итак...

Афина, которая отошла от них к лестнице, спазматически зарыдала, и Баренбойм направил фонарь в ее сторону. Карев прыгнул вперед, но недостаточно быстро — его опередил Плит, ставший между лазером и Афиной.

— Хорошо,— быстро сказал он.— Я согласен, что Карева нужно заставить молчать, но ее нет. Мы заберем... заберем ее с собой.

— Что на тебя нашло, Мэнни?

— Но ведь она беременна!— выкрикнул Плит.

— И что с того?— спросил Баренбойм, слегка хмурясь.— Ты же не отец.

— В том-то и дело...— Горло Плита конвульсивно сжималось, а губы выгнулись вверх в карикатурной улыбке.— В том-то и дело, что я отец. Ты не запретишь мне иметь ребенка.

— Ты что, спятил?

— Нет, Хирон, нет.— Приподняв пальцами золотую сигару, Плит показал ее Баренбойму.— Мне было двадцать лет, Хирон. Двадцать лет, и я еще никогда не жил с женщиной. Это заслуга моей матушки: она воспитала меня в убеждении, что половые отношения — это отвратительная... болезнь.— Он весь дрожал.— И именно она, моя матушка — она не любила, когда ее называли «мать»,— вошла однажды в мою спальню и поймала меня. Она назвала это самоосквернением... У нее был пистолет для уколов, не знаю откуда, и она выстрелила в меня... заставила стать перед ней на колени... и выстрелила...

— Не подходи ко мне,— слабым голосом сказал Баренбойм.

— Мне было всего двадцать лет,— пробормотал Плит, не отрывая взгляда от золотой сигары,— но я обманул ее, мою матушку... у меня были еще два дня, чтобы собрать свое семя... Как студенту-химику, мне удалось сохранить

его в бактериостате... а потом я держал его в этой вот подвеске собственного изготовления... а она, моя матушка, никогда об этом не узнала.

— Ты болен,— прошептал испуганный Баренбойм.

— О, нет.— Раскрыв тайну своих секретных триумфов, Плит улыбнулся.— Я по-прежнему исправен, Хирон, не то, что ты... По-прежнему ношу герб мужественности. У меня были другие женщины, даже без возбуждающих средств... но ни одна из них не забеременела. Когда я узнал, что укол для Афины содержит и возбуждающее, и средство, способствующее зачатию, что ж, разве настоящий мужчина может пройти мимо такой возможности?

Плит улыбнулся Баренбойму.

— Ты пошел к ней домой!— воскликнул Баренбойм, и лицо его посерело.— Рискнул миллиардным предприятием ради... ради...

Резко, так что лопнула тонкая цепочка, на которой она висела, он вырвал золотую сигару из рук Плита и швырнул в печь. Сигара описала блестящую дугу, пролетела сквозь тепловые экраны и попала в самый центр ярко-красного ада. Они увидели короткую вспышку — и сигара исчезла.

— Матушка!!!— заревел Плит.— Я убью тебя!

И он бросился на Баренбойма. Они столкнулись, а спустя секунду лазер прожег в теле Плита дымящуюся дыру.

Карев двигался как во сне, даже окружающий его воздух превратился в прозрачный липкий сироп. В момент, когда лазер поворачивался к нему, он перескочил через потрескивающий труп Плита и ударил Баренбойма кулаком, тяжелым как свинец. Выхватив фонарь, он осветил ему в глаза, вглядываясь в их зрачки, которые становились все меньше, как удаляющиеся черные миры, и легонько двинул вперед выключатель.

— Вилл!— донесся откуда-то издалека голос Афины.— Нет!

Он замер, и усилием воли взял себя в руки.

— Я не такой, как ты,— сказал он Баренбойму. Пройдя через лабораторию, он пошел к Афине, которая сидела на ступеньке, и сел рядом.

— Почему ты не сказала мне о Плите?— спросил он.

— Я никому не могла рассказать о той ночи.— Она схватила его за руку и прижалась к ней губами.— Я не знаю, что со мной произошло. Я чувствовала себя такой

испачканной, Вилл. И должна была как-то оттолкнуть тебя от себя.

— Но ведь я бы все понял и смирился с этим.

Афина грустно усмехнулась, левое веко ее подрагивало.

— Правда, Вилл? Я не поверила тебе, когда ты говорил об этом новом средстве... Какие у нас были основания считать себя людьми настолько исключительными, чтобы и наша любовь была бессмертной?

— Мы не были к этому готовы,— сказал он.— Но теперь — да.

Глава 17

Афина охотно дала бы ему годичную отсрочку, но Карев решил, что они подождут два месяца. Была середина лета, и воды озера Оркней, видимые из окон отеля, имели цвет аметиста и пылали, как солнце.

Карев вынул из сумки пистолет для уколов и положил возле стопки книг, которые привез с собой, чтобы прочесть за время отпуска. Книги были традиционные, отпечатанные на бумаге, не потому, что переживали сейчас свой ренессанс, а потому, что давали большее чувство течения времени и его непрерывности. Он учился понимать отрезок времени, который пришелся на его долю, как неразрывно связанный со всем временем, а себя самого как частицу истории и природы. Ему по-прежнему не очень нравилось чтение, и он сомневался, что это занятие займет у него все грядущие годы, но сами книги он научился уважать. Это были первые бессмертные...

— Пойду поплаваю, пока еще можно показываться людям,— сказала Афина, разглядывая в зеркальной стене свое нагое тело. Фигура ее за прошедшие два месяца округлилась, но только он замечал первые признаки выпуклости, под которой находился развивающийся плод, ребенок, которого они решили воспитать.

— Ты выглядишь чудесно,— сказал он.— Можно даже не надевать купальника.

— Ты так думаешь, Вилл?— Она начала поворачиваться, но когда заметила пистолет для уколов, довольная улыбка исчезла с ее лица.— Уже?— спросила она.

— Да,— подтвердил он и кивнул головой.

— Хочешь, я останусь с тобой?— спросила Афина, подходя к нему.

— Нет, иди на пляж и прими побольше этого дорогого солнца. Я сейчас тоже приду.— Она хотела запротестовать, но он тотчас спросил:— Ты мне не веришь?

Она закрыла глаза для поцелуя, потом накинута на себя и завязала свободный халат и, не оглядываясь, вышла из комнаты. Там, где она только что стояла, кружились и танцевали в косых лучах солнца пылинки. Карев взял пистолет и некоторое время сидел, опираясь левой рукой о книги. Возможно, если бы он достаточно много читал, то смог бы писать и сам — когда-нибудь, через сколько-то лет. Если бы однажды он приложил перо к бумаге, то написал бы философию для бессмертных.

Самая большая ошибка — это ненасытность, желание иметь для себя все свое прошлое и будущее. Бессмертный должен смириться с фактом, что бесконечная жизнь — это бесконечное умирание очередных личностей, которые населяют его тело, постепенно изменяясь с течением времени. Однако прежде всего бессмертие — это непрерывное рождение новых личностей. Бессмертный должен принять к сведению, что его «я» существует в определенной точке времени и умрет так же неизбежно, как те безмозглые, анонимные ракообразные, чьи хрупкие останки принадлежат вечности.

На мгновение теплая, светлая комната показалась ему холодной, а потом он понял, что больше не является тем самым Каревым, которым был три месяца назад, и он не жалел об этой перемене. Он не был отцом ребенка, которого носила Афина, но в некотором смысле должен был стать отцом всех будущих Каревых. Эта ответственность компенсировала отсутствие физического исполнения потребности отцовства, и ее должно было хватить ему, если бы когда-нибудь пути его и Афины разошлись.

Он взял пистолет, выстрелил его содержимое в запястье, которое окружила ледяная дымка, а потом спустился на пляж к жене, чтобы провести вместе с ней начало их долгого совместного отпуска.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек из двух времен	5
Дворец вечности.....	137
Миллион завтра.....	281

ШОУ БОБ
ЧЕЛОВЕК ИЗ ДВУХ ВРЕМЕН

Клуб «Золотое перо»

Выпуск 13

Редактор Н. М. Федоренко
Технический редактор А. Б. Кольчик
Корректор А. И. Асланянц

Подписано в печать 5.11.93 Формат 84 × 108¹/₃₂ Бумага тип. № 1 Печать высокая. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1679.

Фирма «Топикал», Ltd. 109390, Москва, 1-ая ул. Текстильщиков, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии «Первая Образцовая типография» Министерства печати и информации Российской Федерации. 113054, Москва, Валовая, 28

